

*«Дорогая
Екатерина Павловна...»*

**ПИСЬМА ЖЕНЩИН и ДЕТЕЙ.
ПИСЬМА В ИХ ЗАЩИТУ.
1920–1936**

**По документам фондов:
«Московский Политический Красный Крест»,
«Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»**

Санкт-Петербург
Журнал «ЗВЕЗДА»
2005

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МЕМОРИАЛ»

Составители:

Л. Должанская и И. Осипова

Подготовка текстов, комментарии и вступление

Л. Должанская

Научный редактор Я. Леонтьев

Редактор А. Арьев

- «Дорогая Екатерина Павловна...». Письма женщин и детей.**
Сб. 23 **Письма в их защиту. 1920–1936.** По документам фондов: «Московский Политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». /Сост. Л. Должанская, И. Осипова. Научный редактор Я. Леонтьев/. СПб: Журнал «ЗВЕЗДА», 2005. – 448 с.

Настоящая книга – не художественное произведение и не историческое исследование, в ней представлены документальные свидетельства недавней истории нашей страны – подлинные письма жертв репрессий. Написаны они наиболее зависимыми членами общества – женщинами и детьми, а также их репрессированными мужьями и отцами, чувствующими ответственность за своих детей и погибающие семьи, и, как правило, бессильными им помочь. Авторы писем, включенных в настоящий сборник, в подавляющем своем большинстве не были борцами за светлое будущее, но не были и врагами советской власти, их сломанные судьбы были принесены в жертву прекрасной утопической идее. В сборник также включены некоторые письма тех, кто не мог оставаться равнодушным к бедам ближнего, кого чувства справедливости и милосердия заставляли ходатайствовать за других, пытаясь защитить их перед всемогущим государством.

Адресованы письма Екатерине Павловне Пешковой в организацию, которая называлась «Помощь политическим заключенным». Об этой организации также рассказывается в этой книге. Книга предназначена для широкого круга читателей, всех тех, кому не безразлично наше недавнее прошлое, тем более – настоящее.

*Надрывается сердце от муки
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.*

Н. А. Некрасов. 1863 год.

*Хотелось бы всех поименно назвать,
Но отняли список и негде достать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомилльонный народ,
Пускай и они вспоминают меня
В канун моего погребального дня.*

А. Ахматова. «Реквием». 1940 год.

Дорогая Екатерина
Павловна папюшке грозит 54ая ст.
У.Н. в плоть до рострела, прошу
вас на коленях со слезами
спасите папюшку спасите его
оговорили. Я клянусь вам, что
я всю свою жизнь буду работать
и трудиться для социализма
и папюшка мой ему 55 лет тоже
отдаст все свои последние
силы.

Женя Мальчевская

Женя Мальчевская (11 лет). 1932 год.
ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. Л.Л. 45, 45об.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	20
Вступление. Российский политический Красный Крест и организация «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»	21
Раздел 1. ПИСЬМА 1920-1924	
Историческая справка	51
1.1. Письмо Липы (мать новорожденного сына) к мужу, находящемуся в заключении, с рассказом о рождении их сына. 2 октября 1920, Новозыбков	55
1.2. Обращение сестры милосердия М. С. ПОКРОВСКОЙ. 11 ноября 1920, Новоспасский концлагерь, Москва	57
1.3. Переписка А. А. ПОТЕМКИНОЙ (вдова расстрелянного) с МПКК. Март – апрель 1921, Петроград – Москва	59
1.4. Открытое письмо Е. М. РАТНЕР (член ЦК ПСР и мать 3-хлетнего сына) Ф. Э. Дзержинскому. 10 мая 1921, Бутырская тюрьма, Москва	63
1.5. Заявления сестры милосердия Е. И. ВЛАСОВОЙ. 15 сентября, 13 октября 1921, Бутырская тюрьма, Москва	65
1.6. Ходатайство О. Е. ВОЕЙКОВОЙ о М. В. РАТЫНСКОЙ (сотрудница АРА, заключенная в Бутырской тюрьме). 9 июня 1922, Москва	67
1.7. Ходатайства ПОМПОЛИТа об освобождении Ю. А. РАДЦИГ (мать 14-ти летней девочки, заключенная в Бутырской тюрьме). 2 февраля, 16 марта 1923	68
1.8. Обращения С. А. СТУДЕНЕЦКОГО (член ПСР, один из учредителей МПКК, политстароста ссыльных социалистов) с ходатайством о помощи высланным в Вятку женщинам-социалисткам. 22 февраля, 24 сентября, 12 ноября 1923, Вятка	68
1.9. Заявления женщин-матерей с просьбой о материальной помощи. Лето 1923, Москва	72
1.10. Письмо А. ЮНГЕРОВОЙ (мать троих детей) с просьбой посодействовать освобождению ее мужа (военный руководитель Хорезмской республики) из концлагеря. Сентябрь 1923, Турткуль Аму-Дарьинской обл.	74
1.11. Письмо А. В. ЛУЗИНОЙ (мать архимандрита Варсонофия ЛУЗИНА) с просьбой помочь освободить из ссылки ее сына. 29 октября 1923, Казань	75

1.12. Письмо Ю. М. ЗУБЕЛЕВИЧ (член ПСР, педагог) о положении детей в детском доме Актюбинска. Осень 1923, Актюбинск	77
1.13. Заявление Т. Н. СТОГОВОЙ (сестра бывшего Белевского архиерея). 23 декабря 1923, Тульская тюрьма	83
1.14. Заявления сестры милосердия В. А. ФУКС. 22 мая 1924, Ленинград. 30 мая 1925, Соловецкий концлагерь	85
1.15. Письмо ссыльного студента М. Д. ГЕРАСИМОВА с просьбой оказать помощь его семье. 13 июня 1924, Краснококшайск	88
1.16. Письма М. Д. АЛЕКСАНДРОВОЙ с ходатайствами за арестованную сестру С. Д. ВЫСОЦКУЮ и ее мужа Н. В. ВЫСОЦКОГО (родители двух несовершеннолетних детей). 22 августа, 29 октября 1924, Ленинград	90
1.17. Заявление А. Н. АБОЛИНОЙ (мать двух малолетних детей, отец их арестован). 15 октября 1924, Москва	93
1.18. Заявление ссыльной А. И. АУССЕМ-ДАЕВОЙ (жена социал-демократа, заключенного в Суздальский политизолятор и мать двоих детей). 23 октября 1924, Оренбург	93
1.19. Обращения Н. Л. БЕЙТНЕР (вдова с двумя детьми) и ее дочери Гельмы БЕЙТНЕР (выслана по делу эсеров- максималистов) с просьбами о помиловании и материальной помощи. 18 ноября 1924, Новгород. 16 января 1925, Тамбов	95
Обращение П. Ф. ДОБРОХОТОВОЙ с просьбой о материальной помощи Гельме БЕЙТНЕР. 22 июня 1926, Тамбов	95
1.20. Письма П. Л. ЭРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО (педагог со знанием татарского языка, мать троих детей). Декабрь 1924, апрель 1925, Лефортовская женская тюремная больница, Москва. 25 января 1931, Восточно-Сибирский край, Канский окр., село Тасеево	98
Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 февраля 1931	98

Раздел 2. ПИСЬМА 1925-1929

Историческая справка	103
2.1. Заявление Ц. Л. МУР (выслана вместе с детьми из Ленинграда). 15 марта 1925, Новгород	107
2.2. Письмо Е. С. ГОНЧАРОВОЙ (в заключении вместе с маленькой дочкой). 17 марта 1925, Челябинский политизолятор	108

2.3.	Просьба А. ОКУЛОВА о свидании с высылаемыми СПАНОВСКИМИ. 25 июля 1925, Москва	109
	Заявление в ОГПУ детей Аллы, Аркадия и Алексея СПАНОВСКИХ с ходатайством оказать содействие в выезде к родителям на место их ссылки. <Август> 1925, Москва	109
2.4.	В. А. МАРЦИНКЕВИЧ (член ПЛСР, умерла на Соловках) и ее дочь Клавдия	110
	Обращения ПОМПОЛИТа. 6 апреля 1923, 30 июля 1924	110
	Письма Е. М. ЧЕКМАСОВОЙ (член ПЛСР, подруга В. А. МАРЦИНКЕВИЧ) к Е. П. ПЕШКОВОЙ. Июль 1925, слобода Михайловка Сталинградской губ.	110
2.5.	Письма Н. В. ШЕХТМАН (выслана из Ленинграда, где остались ее трое детей). 26 января 1925, Тверь. 17 августа 1925, Пермь	113
2.6.	Заявление в ОГПУ Лидии ГИЛЬДЕБРАНТ (12 лет). 18 августа 1925, Ленинград	116
2.7.	Заявления Н. П. ВОРОНЕЦ (выслана из Смоленской обл. как бывшая помещица). 24 августа, 25 октября 1925, Великий Устюг	118
2.8.	Письма А. И. ТУГОВОЙ (член ПСР) к Е. П. ПЕШКОВОЙ с этапа и из ссылки. 2 октября, Перовск. 12 ноября 1925, Уральск	120
2.9.	Письмо детей Николая, Александры и Веры ПОЛИКАРПОВЫХ с ходатайством об облегчении участи высланных родителей. 27 февраля 1926, Оренбург	122
2.10.	Заявление О. В. ЧЕЛИЩЕВОЙ с ходатайством об освобождении сына из ссылки. 27 марта 1926, Псков	123
2.11.	Письма Е. М. ПАНТЕЛЕЕВОЙ (дочь погибла в заключении). 5 апреля, 25 апреля, 16 мая 1926, Вологда	125
2.12.	Заявление в ОГПУ от имени Марии, Ирины и Елены ЗАМЯТНИНЫХ (дети арестованного священника, 14, 12 и 11 лет). 11 февраля 1927, Томск	127
2.13.	Письмо В. А. ИСТОМИНОЙ (высланная мать троих детей, муж – в заключении). 20 августа 1927, Свердловск, политизолятор № 1	130
	Заявление в ОГПУ Варвары и Ирины ИСТОМИНЫХ (16 и 13 лет) с ходатайством за осужденных родителей. 10 сентября 1927, Москва	130
	Заявление в ОГПУ ПОМПОЛИТа. 19 декабря 1927	130
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 ноября 1928	130

2.14. Письмо Лены КЛЕМЕНОВОЙ (ученица 9-й группы).	
10 декабря 1927, Краснодар	133
Сообщение ПОМПОЛИТа. 19 декабря 1927	133
Письма ее матери М. И. КЛЕМЕНОВОЙ (мать двух дочерей, в ссылке). 30 декабря 1927, 27 апреля 1928, Тобольск	133
2.15. Заявление и письма В. Ф. РОМАНОВОЙ (выслана из Ленинграда). 10 февраля, 23 февраля, 12 мая, 4 августа, Ленинград. 25 августа 1928, 28 сентября, 5 октября 1928, Тверь	135
2.16. Переписка З. А. ЮРЧЕНКО (мать семнадцатилетнего юноши, осужденного по политическим мотивам) с ПОМПОЛИТом. Март – июль 1928, Баталпашинск Армавирского окр. – Москва	142
2.17. Заявление А. Ф. ВАСИЛЬЕВОЙ (80-ти летняя безграмотная мать двух осужденных детей). 20 июня 1928, Ленинград	146
2.18. Ходатайства Агабека и Лазара АРАКЕЛЯНОВ (высланы из Армении) о материальной помощи. 3 июля, 30 июля 1928, Йошкар-Ола	147
Заявление Варсеники АРАКЕЛЯНЦ (жены Лазара АРАКЕЛЯНА). 27 декабря 1929, Армения, Мегринский уезд, селение Малев	147
2.19. Прощение Ольги КУРЦ (15 лет) о возвращении сосланного отца. 7 августа 1928, Киев	150
2.20. Заявление высланного крестьянина П. М. МОЛДАВСКОГО с просьбой облегчить его участь (чтобы помочь семье: жена и пять малолетних детей). 25 августа 1928, Иркутская обл., Киренский окр., Макарово	151
2.21. Выдержки из заявления Н. М. НОСЕНКО (учительница, мать троих детей, подвергаемая преследованиям как жена осужденного «меньшевика». 29 августа 1928, Краснодар	152
2.22. Заявление Ивана ГОЛОВЧУКА (16 лет). 13 октября 1928, Нарымский край, Томский окр., село Колпашево	155
2.23. Письмо П. А. и Т. В. ГУБЕНИНЫХ-ЛЕОНОВИЧ Е. П. ПЕШКОВОЙ с просьбой о перемене места ссылки. 8 ноября 1928, Уральская обл., Ирбитский окр., Табаринский р-н, село Табары, дер. Малоречье	156

2.24. Заявление и письмо С. К. МАРКАРЬЯН (мать четырех детей и жена школьного работника, высланного из Армении). 21 ноября, 25 декабря 1928, Калужская губ. и уезд, п/о Полотняный завод, племхоз «Ерлыково»	158
2.25. Письмо М. М. МУХИНОЙ о помощи Л. В. ИОНОВОЙ (обе женщины – ссыльные члены ПСР с маленькими детьми, родившимися в ссылке). 26 декабря 1928, Алма-Ата	160
2.26. Письмо Валентины МАКУШКИНОЙ (13 лет, ученица 7-й группы), с ходатайством об отце, высланном на Соловки). 12 февраля 1929, Ростов-на-Дону	162
2.27. Заявление А. В. НАЗАРОВОЙ (жена высланного священника и мать 7-х малолетних детей) с просьбой о материальной поддержке. 17 апреля 1929, Славгородский окр., Ключевский р-н, село Каипа	164
2.28. Заявление М. А. ЛУТОВИНОВОЙ (муж и дети – потомки И. С. Тургенева) с ходатайством о восстановлении в правах голоса. 17 апреля 1929, Алупка	166
2.29. Просьба пятерых детей (в возрасте от 2,5 до 15 лет) арестованного священника М. АРТЕМКОВА. 29 июня 1929, Сибирь, Бийский окр., Бийско-Истокский р-н, село Ново-Покровское	168
Сообщение ПОМПОЛИТа. 15 августа 1929	168
2.30. Заявление Е. ПОГОЖЕВОЙ и М. БАРТЕНЕВОЙ, высланных из Корочи Белгородской обл. при закрытии соборного храма. 23 сентября 1929, Тула	171
Сообщение ПОМПОЛИТа. 31 октября 1929	171
2.31. Заявление В. Е. КОХНО (муж выслан за выступления против обновленцев). 6 ноября 1929, Чимкент	173
2.32. Обращение М. М. ВАХРУШИНОЙ (бывшей монахини) с просьбой помочь получить право голоса. 2 декабря 1929, Нижний Новгород	174
2.33. Ходатайства об Амосе РАБИНОВИЧЕ (15 лет), приговоренном за участие в «контрреволюционной организации» к заключению в колонию для малолетних преступников	176
Письмо В. П. ГАРТМАНА (возглавлял Ленинградскую группу ПОМПОЛИТа). Декабрь <между 8 и 19> 1929, Ленинград	176
Телеграмма Е. П. ПЕШКОВОЙ. 19 декабря 1929, Москва	176
Письмо Л. С. РАБИНОВИЧ. 27 октября 1936, Ленинград	176

Раздел 3. ПИСЬМА 1930–1932

Историческая справка	178
3.1. Письма М. РУДЬ-РУДНЕВОЙ и записка ее сына, арестованного в 16 лет и погибшего в Соловецком концлагере. 27 января, 20 мая 1930, Ленинград	182
Сообщение ПОМПОЛИТа. 27 апреля 1930	182
3.2. Письмо Клавдии БУТЕНКО ее отцу И. Г. БУТЕНКО (в ссылке). 6 февраля 1930, Украина, Ромны	184
Жалоба И. Г. БУТЕНКО, дети которого высылаются за переписку с ним. 18 февраля 1930, Северный край, Каргополь	184
3.3. Заявление О. Г. МУРАДХАНИЯ (ссылный, бывший член армянской социал-демократической партии «Гнчакян») с ходатайством о его высылаемой семье. 19 февраля 1930, Ташкент	187
3.4. Письма Зои АЛФЕРЬЕВОЙ (14 лет) и ее высланной матери К. П. РОЩИНОЙ-АЛФЕРЬЕВОЙ. 6 мая 1930, Тульский окр., пос. Черни. <22> июля, 1 сентября 1930, Орловский окр., Мценск	189
3.5. Письмо В. АРТОБОЛЕВСКОЙ (жена осужденного священника). 16 мая 1930, Томский окр. и р-н, село Ущерба	192
3.6. Письмо Нонны ПЕЧОРИНОЙ (15 лет, дочь высланного священника – отца семерых малолетних детей). 27 мая 1930, Средне-Волжская обл., Самарский окр., п/о Спасское, село Кашпирские хутора	193
Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 августа 1930	193
3.7. Заявление М. МДИВАНИ (муж и дети высланы из Грузии). Май 1930, Кутаисская губ., Озургетский уезд, село Чохатауры	195
3.8. Письмо Коти КОТОВИЧА (школьник 2 класса) с ходатайством об отце, высланном в Сибирь. <3> июля 1930, Винница	197
Письма его матери Варвары КОТОВИЧ с ходатайством о муже. 3 июля, 4 августа 1930, Винница	197
Сообщение ПОМПОЛИТа. 26 августа 1930	197
3.9. Ходатайство Кати и Муры ДОМОНТОВИЧ (14 и 11 лет) о матери, находящейся в заключении. 4 августа 1930, УССР, Лубенский окр., Мало-Девичкий р-н, село Лесовые Сорочинцы	201
Заявление Кати ДОМОНТОВИЧ в ОГПУ. 10 ноября 1930, УССР, Прилуки	201
Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 декабря 1930	201

3.10. Письма С. А. КАРБАНОВИЧ (мать 5-х малолетних детей, выслана из Белоруссии). 18 августа, 20 сентября 1930, Сибирь, Барабинский окр., Каинск, село Бергуль	202
Записка сотрудницы ПОМПОЛИТа <Н. А. ПЕРЕС>	
М. Л. ВИНАВЕРУ. 2 сентября 1930, Москва	202
3.11. Письма М. И. МИЛОВАНОВОЙ (сын погиб в заключении). 25 августа, октябрь <до 18> 1930. Владимирская губ., Киржач	204
Сообщения ПОМПОЛИТа. 24 сентября, 1 ноября 1930	204
3.12. Письмо Таси ЕФРЕМОВОЙ (7 лет) к ее высланному отцу. 28 сентября 1930, Москва	208
Письмо ее отца Ф. Д. ЕФРЕМОВА. 3 октября 1930, Архангельск	208
Сообщения ПОМПОЛИТа Тасе и Ф. Д. ЕФРЕМОВЫМ. 23 октября 1930	208
3.13. Ходатайства О. А. и М. И. КАЗАКЕВИЧ (высланы из Минского округа) о детях, высланных в Северо-Двинский окр. вместе с семьей раскулаченного деда. 14 сентября, 6 ноября, 23 ноября, 24 декабря 1930, Могилевский окр., местечко Кричев	213
Сообщения ПОМПОЛИТа. 3 января, 26 февраля 1931	213
3.14. Жалоба Е. В. НАЗАРОВОЙ (мать 4-х детей, муж расстрелян, имущество конфисковано). 27 ноября 1930, село Уреня <Нижегородская губ., Шарьинский окр. >	217
3.15. Письма А. И. БОНДАРЕНКО (муж и сыновья – в заключении). 13 декабря 1930, 12 июня 1931, УССР, Черкасский окр., село Смела	219
Сообщение ПОМПОЛИТа. 24 декабря 1930	219
3.16. Письмо С. Г. БРАЗОВСКОЙ (жена высланного священника и мать 7-х малолетних детей). 28 декабря 1930, Минский окр., Червенский р-н, Рованичи	222
3.17. Письма П. И. МЕДВЕДКОВА (протоиерей, выслан из Мелитопольского округа УССР) о положении его семьи и положении ссыльных в Пинежском р-не Архангельского окр. 25 декабря 1930, 22 февраля 1931, Северный край, Архангельский окр., пос. Пинега	223
3.18. Заявление Н. Н. ШУВАЛОВОЙ о положении жен ссыльных. 18 января 1931, Западная Сибирь, Тулуновский окр., Нижне-Илимский р-н, село Сотниково	226
3.19. Заявления П. В. ГУТКОВСКОЙ (выслана из Минского окр.). 27 января, 25 марта 1931, Западная Сибирь, Барабинский окр., Чумаковский р-н, дер. Вялково	229
Сообщение ПОМПОЛИТа. 18 апреля 1931	229

3.20. Заявления Н. И. НАВРОЦКОЙ (выслана из Минского окр.). 26 января, 23 мая 1931, Западная Сибирь, Барабинский окр., Чумаковский р-н, дер. Вялково	231
Сообщения ПОМПОЛИТа. 2 февраля, 13 мая 1931	231
3.21. Обращения Е. В. ЧЕЧКИНОЙ (выслана из Пермской губ. как сторож в храме). Февраль, 22 марта, 24 мая 1931, А. О. Коми, село Усть-Цильма	233
3.22. Письмо М. Д. ДАЛЬГЕЙМ (лишенка, дочь бывшего помещика). 1 апреля 1931, село Середина Буда Глуховского окр.	236
3.23. Письма И. П. ОНОШКО (выслан с семьей из Сумского округа, в ссылке покончил собой). 31 марта, 12 мая 1931, Северный край, ст. Няндомы	237
Письма Михаила ОНОШКО (17 лет). 14 апреля, 5 октября 1931, Северный край, ст. Няндомы	237
3.24. Заявления О. И. СТАНКЕВИЧ (выслана из Минского округа вместе с матерью). 2 апреля, 10 ноября 1931, Витебский окр., Сураж	240
3.25. Письма Елены СИПАТОВОЙ (19 лет, выслана вместе с семьей из Средне-Волжского края). Апрель, 23 мая 1931, Восточная Сибирь, ст. Ксеньевская Сибирской жд., пос. Широкий	244
Заявления П. Г. СИПАТОВА, А. Я. КУЗНЕЦОВА, В. З. КАТЕНКОВА (крестьяне, высланы из Средне-Волжского края). 9 мая, 28 мая 1931, ст. Плещеекая Северной жд.	244
Заявление П. Г. СИПАТОВА. 21 октября 1931. Архангельск, дер. Лая	244
Сообщения ПОМПОЛИТа. 23 мая, 29 июня 1931, 8 января 1932	244
3.26. Ходатайство сестер ВОРОНИНЫХ. 25 мая 1931. Кантемировка ЦЧО	251
Заявление их сестры А. А. ШЕВЦОВОЙ (выслана с детьми из ЦЧО в Уссурийский край). 17 июля 1931, ДВК, Уссурийская жд., разъезд Кругликово, Обдорская ветка, уч. лес. совхоз Переселенка	251
Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 апреля 1932	251
3.27. Письма Н. Н. ДОРОФЕЕВОЙ (выслана из Ленинграда). 21 июля, 3 октября 1931, Котлас. 7 апреля 1935, Вологда	254
Сообщение ПОМПОЛИТа. 19 октября 1936	254
3.28. Ходатайство Е. А. КУДРЯШОВОЙ об арестованном сыне. 26 сентября 1931, Нижний Новгород	261
Сообщение ПОМПОЛИТа. 28 октября 1931	261

3.29. Письмо Кати и Вовы ВОЩИНИНЫХ (18 и 7 лет) с ходатайством об отце, высланном в Сибирь. 7 октября 1931, Минск	262
Сообщение ПОМПОЛИТа. 1 января 1932	262
3.30. Заявление и письмо С. Х. ТУМАЛАРЯН (85 лет) с ходатайством об освобождении высланного сына. 4 ноября 1931, 5 марта 1932, Тифлис	263
3.31. Письма Тоси ИЛЛЮМИНАРСКОЙ (14 лет) с ходатайством об отце, высланном в Тамбов. 22 ноября 1931, <конец января>, 1 апреля, 22 апреля, <июнь> 1932, Тверь	265
Сообщения ПОМПОЛИТа. 8 января, 14 ноября 1932	265
3.32. Переписка Юрия КЛОЧКОВА (11 лет) с ПОМПОЛИТом. Ноябрь 1931 – 9 марта 1932, Иваново-Вознесенск	273
3.33. Письма Жени МАЛЬЧЕВСКОЙ (11 лет) к Е. П. ПЕШКОВОЙ. 16 декабря 1931, 22 марта 1932, Одесса	275
Письмо ее отца В. В. МАЛЬЧЕВСКОГО. 17 июня 1932, Тула, Терзитколония	275
Сообщения ПОМПОЛИТа., 11 января, 4 сентября 1932	275
3.34. Письмо Ляли и Гали ДОБРОВОЛЬСКИХ (12 и 9 лет, их отец находится в концлагере). 26 декабря 1931, Киев	278
3.35. Просьба С. Н. БЫЛИНО (полька, выслана с семьей из Минского окр.). 29 декабря 1931, Западно-Сибирский край, Больше-Реченский р-н, Больше-Никольский с/совет, дер. Сперановка	280
3.36. Заявление-письмо Е. В. СИНЦОВОЙ (выслана из Архангельска). 19 февраля 1932, Коми А.О., Сторожевск	282
3.37. Письмо О. В. УШАКОВОЙ (жена ссыльного, лишена избирательных прав). 21 февраля 1932, Западная Сибирь, Барабинский окр., Каинск	285
3.38. Заявления М. М. РАГОЗИНОЙ (в ссылке после заключения в Соловецком лагере). 2 марта, июнь, сентябрь 1932, Белгород	288
Сообщение ПОМПОЛИТа. 16 апреля 1932	288
3.39. Письмо Н. Г. ПАЛЛАДИНОЙ (жена осужденного ветврача, мать двоих детей) и записка от ее детей Людмилы и Руслана (7 и 6 лет). 10 марта 1932, Самара	292
3.40. Ходатайство В. С. ЖУКОВСКОЙ о муже, заключенном в концлагере. 25 марта 1932, Ташкент	294
3.41. Ходатайство Е. А. КАРАМЫШЕВОЙ о смягчении участи мужа (бывшего белого офицера). 20 октября 1932, Ленинград	296

3.42. Письмо детей А. П. СПИРИНА (высланы вместе с отцом-священником) к А. М. ГОРЬКОМУ и Е. П. ПЕШКОВОЙ. Ноябрь 1932, ст. Плесецкая Северной жд.	298
Сообщение ПОМПОЛИТа. 7 декабря 1932	298

Раздел 4. ПИСЬМА 1933–1934

Историческая справка	301
4.1. Ходатайства Н. Д. ЛАВРЕНТЬЕВА о детях ГЕНЕРАЛОВЫХ и их раскулаченных и высланных родителях. Июль, 12 декабря 1933, Калинин	303
4.2. Письма А. В. СУСЛЕННИКОВОЙ (выслана из Ленинграда при закрытии монастыря). 23 июля 1933, Казакстан, Актюбинская обл., Челкар. 12 января, 28 марта 1934, Казакстан, Актюбинская обл., ст. Челкар, Иргиз	305
4.3. Заявление М. А. КАРПУХИНА (спецпереселенец, в ссылке с женой и шестью детьми). 24 августа 1933, Северный край, Карпогорский р-н, пос. Шукши	309
4.4. Ходатайство Н. А. КИРИЛЛОВОЙ об отце, раскулаченном и высланном из Средне-Волжского края. 6 сентября 1933, Казакстан, Петропавловск	311
4.5. Ходатайство Э. А. ТАКОРОВА о маленьких племянниках, высланных с их раскулаченными родителями из Алушты на Урал. 9 сентября 1933, Казань	313
Сообщения ПОМПОЛИТа. 14 октября 1933, 15 марта 1934	313
4.6. Ходатайства Н. Н. ФЛУГ о сыновьях, находящихся в заключении. 6 октября 1933, Мариинск. 24 сентября 1936, <Москва>	314
4.7. Письмо Т. Я. ПЕРЕЖОГИНОЙ (крестьянка, высланная как противница коллективизации в 1929 и вернувшаяся из ссылки в 1933). 4 декабря 1933, 2 марта 1934, Пензенский окр., Башмаковский р-н, село Николаевка	317
Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 февраля 1934	317
4.8. Заявление в ОГПУ Н. Н. ЧКУАСЕЛИ с ходатайством о высланном муже. 6 декабря 1933, Тифлис	321

4.9. Заявление Г. И. МАКСИМОВА (крестьянин, выслан из Московской области в 1931) с ходатайством о возвращении к осиротевшим детям. 16 января 1934, Новосибирск, совхоз № 1 ПП ОГПУ	323
Выписка из протокола общего собрания граждан села Старые горки с ходатайством о возвращении Г. И. МАКСИМОВА из ссылки. 12 июня 1932, Московская обл., Чернский р-н, Краснополяский с/совет, село Старые горки	323
4.10. Письмо К. СОКОЛОВОЙ (жена арестованного профессора и мать пятерых детей). 7 февраля 1934, Ленинград	325
Письмо ее мужа профессора И. И. СОКОЛОВА. 7 октября 1936, Уфа	325
4.11. Письмо К. и А. (раскулачены и высланы из Смоленской обл.). 29 января 1934, Урал, ст. Тавда, Васькин бор	327
Письмо брата К. с ходатайством о помощи поселку высланных. 19 февраля 1934, Москва	327
4.12. Заявление Н. Л. ЛАВРОВА с просьбой разыскать его 12-ти летнюю дочь (выслана из Волынского р-на ЦЧО). 23 февраля 1934, ст. Потьма Московско-Казанской ж.д., Темниковский ИТЛ	331
Переписка и сообщение ПОМПОЛИТа. 17 марта – 25 апреля 1934	331
4.13. Письмо Нины ЦУБРИКОВОЙ (10 лет) отцу, находящемуся в заключении. <Январь> 1934, Добруж	333
Письмо ее отца И. Е. ЦУБРИКОВА. 24 февраля 1934, Дмитлаг ОГПУ ст. Оруднево Савеловской ж.д.	333
4.14. Письмо В. И. ГОЛУБЕВА (рабочий-маляр, отец четырех малолетних детей, выслан из Ленинграда), 4 марта 1934, Западная Сибирь, Томский окр., Бирилусский р-н, дер. Арёфьево	335
Письмо его дочери С. ГОЛУБЕВОЙ (11 лет). <Февраль> 1934, ст. Поповка Октябрьской ж.д.	335
Сообщение ПОМПОЛИТа. 15 июля 1934	335
Письмо ее жены А. Е. ГОЛУБЕВОЙ. <Август> 1934, ст. Поповка Октябрьской ж.д.	335
4.15. Письмо школьника Жени НЕСТЕРОВА с запросом о местонахождении его отца. 4 апреля 1934, Одесса	340
Сообщение ПОМПОЛИТа. 5 июля 1934	340
4.16. Просьба В. Г. ПАНАСЮК (дочь ссыльного священника, выслана из Украины вместе с семьей). 10 мая 1934, Западная Сибирь, ст. Тяжин Томской ж.д.	340

4.17. Письмо детей СЫНКОВЫХ (четверо от 5-ти до 16 лет). Заявление их отца И. А. СЫНКОВА (крестьянин, выслан из дер. Лая Приморского р-на Архангельска). 26 июня 1934, Северный край, Архангельск, Холмогорский р-н, Бобровская запань треста Северолес	342
4.18. Заявление пионера Васи (Вили) КЛЕЙНА с ходатайством об освобождении высланной матери. 31 августа 1934, Днепропетровская обл., Покровский р-н, колония Терсанка	345
Сообщение ПОМПОЛИТа. 20 сентября 1934	345
4.19. Заявление М. МУРАДЯН (жена высланного из Армении бывшего члена партии «Дашнакцутюн» и мать двоих детей). 1 ноября 1934, Самарканд	347
4.20. Заявление Л. А. ДОНИ (раскулачена и выслана с двумя малолетними детьми, муж умер в ссылке). 16 ноября 1934, Свердловская обл., Кизеловский р-н, ст. Верхняя Губаха	348
Сообщение ПОМПОЛИТа. 7 февраля 1935	348
4.21. Заявление Тамары КОПТЕНКО (ученица IV класса) с запросом адреса высланной матери. Декабрь 1934, Крым, Карсубазарский р-н, Калтильский с/совет, дер. Бачала, колхоз им. Сталина № 4	350
Сообщения ПОМПОЛИТа. 19 января, 14 апреля 1935	350
 Раздел 5. ПИСЬМА 1935–1936	
Историческая справка	353
5.1. Письма М. ЛОСЕВОЙ (жена священника, он – в заключении, она с детьми – в ссылке). 9 января, 16 июня 1935, ст. Емца Северной жд., Архангельский окр., пос. Река Тегра	355
Письмо ее дочери Шуры ЛОСЕВОЙ (из детдома). Март <до 13> 1935	355
5.2. Заявления А. Н. ВОЛОДКОВИЧА. 18 января, 25 июня, 26 октября 1935, Дмитровский ИТЛ, ст. Икша Савеловской жд.	358
Письмо его дочери Тамары ВОЛОДКОВИЧ (14 лет). Август 1935, Слуцк Красно-Слободского р-на БССР	358
Сообщения ПОМПОЛИТа. 11 февраля, 11 июля, 13 декабря 1935	358
5.3. Заявление детей Зины, Виктора, Нины, Жени БАХВАЛОВЫХ (от 4-х до 15 лет) и их неграмотной бабушки. 10 февраля 1935, Московская обл., Удомильский р-н, дер. Липячи	363

5.4.	Письмо Д. Н. КАУФМАНА (житель республики Немцев Поволжья и отец 6-х малолетних детей). 29 мая 1935, ИТУ (Балашов, этап в Свободный Дальневосточного края)	365
	Письмо его жены П. М. КАУФМАН. 28 июня 1936, Караганда, дер. Май-Кудук	365
5.5.	Письма Е. ФРОЛОВОЙ (выслана с семьей из Ленинграда). 11 июня, 28 августа 1935, Агбасар	369
5.6.	Мольба Салаты ДАНИЕЛЬЯН (жена высланного крестьянина и мать малолетних детей). 13 июня 1935, селение Казанфар Апаранского р-на Армянской ССР	371
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 июня 1935	371
5.7.	Письмо С. П. ТЕППЕР (выслана из Ленинграда). 16 июня 1935, Оренбург	372
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 10 июля 1935	372
5.8.	Письмо В. АРГАМАКОВОЙ с ходатайством за дочь, осужденную за недоносительство на бывшего мужа. 18 июня 1935, Ленинград	374
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 8 сентября 1935	374
5.9.	Заявления А. Н. АНДРОСОВОЙ (выслана с детьми из Ленинграда). 4 августа 1935, Казакстан, Актюбинская обл., Мендычаринский р-н, село Боровское	375
	Заявление ее детей Георгия, Константина и Екатерины АНДРОСОВЫХ и их товарищей. 5 февраля 1936, Казакстан, Актюбинская обл., Мендычаринский р-н, село Боровское	375
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 1 сентября 1936	375
5.10.	Обращение В. Н. МУРАВЬЕВОЙ (студентка, выслана из Ленинграда). 24 августа 1935, Саратов	379
	Сообщение ПОМПОЛИТа. 25 декабря 1935	379
5.11.	Обращение Александра ВАСИЛЬЕВА (14 лет, выслан с семьей из Ленинграда). 26 сентября 1935, Казакстан, Актюбинская обл., Хобдинский р-н, п/о Ново-Алексеевское	381
	Сообщения ПОМПОЛИТа. 2 ноября, 27 декабря 1935	381
5.12.	Письмо Л. А. ЗАДВИРНЯК (жена осужденного, мать пятерых детей). 21 декабря 1935, 22 февраля 1936, Винницкая обл., Городокский р-н, Фельштин, село Мочулинцы	383
	Сообщения ПОМПОЛИТа. 17 февраля, 10 декабря 1936	383
5.13.	Письма Т. ЦЕСНИК (жена высланного анархиста, мать двоих детей) с просьбой ходатайствовать о выдаче ей паспорта. 18 января, 13 февраля 1936, Харьков	387

5.14. Ходатайства М. И. ВОРОНКОВОЙ и ее детей Зины и Вали ВОРОНКОВЫХ (12 и 11 лет) о снятии с них высылки. 1 февраля, 25 июня 1936, Южный Казакстан, Турксиб, ст. Бурное	388
5.15. Письма М. А. КЛИНГЕ с заявлением в НКВД об освобождении из концлагеря ее сыновей (школьники, арестованные по «церковному» делу). 13 февраля, 15 марта 1936, Ленинград	390
5.16. Письмо Л. П. ЛИВЕН (выслана из Ленинграда). 17 февраля 1936, Астрахань	393
Письмо – донос на Л. П. ЛИВЕН комсомольца Ч. (фамилия неразборчива) и пионерки Петровой. 12 мая 1936, Астрахань	393
5.17. Письмо Л. НИКИФОРОВОЙ с ходатайством за арестованную дочь (вернулись из Харбина после продажи КВЖД). 1 апреля 1936, Ленинград	395
5.18. Письма А. И. ЕГОРОВОЙ (муж в заключении, четверо детей) с просьбой о материальной помощи. 2 апреля, 25 мая 1936, Иваново	396
5.19. Заявления и письма М. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ (муж расстрелян, она исключена из рядов ВКП(б) и выслана из Ленинграда за «притупление революционной бдительности»). 19 апреля, 26 июня, 7 сентября 1936, Актюбинская обл., Семиозерский р-н, пос. Семиозерное. 10 декабря 1936, Акмолинск	498
5.20. Прошение Эдгара и Рудольфа ГОТМАН (ученики IV и V класса) о перемене участи их отца, заключенного в лагере. 25 апреля 1936, Архангельск	403
5.21. Письмо и заявление Гиси ГРИБОВОЙ (жена сторожа синагоги, заключенного в концлагерь, и мачеха 4-х детей). 17 апреля 1936, БССР, Жлобин	405
5.22. Письмо И. АРТЕМЬЕВА. 26 июня 1936, Ленинград	407
Письмо его жены Т. П. АРТЕМЬЕВОЙ (мать 6-х детей, выслана на Урал). 19 июля 1936, Свердловская обл., пос. Старица	407
5.23. Заявление К. Ф. КУЛЬБАШОВОЙ (выслана с мужем и детьми из Херсона за переход границы в Румынию и обратно). 19 мая 1936, Красноярский край, Болохтинский р-н	409
5.24. Заявление А. П. СУПРУНОВОЙ (выслана из Сталинградского края). 18 июня 1936, Казакстан, Турксибская жд., ст. Чу Чуйского р-на, село Ворошиловка	411

5.25. Письмо МАКСИМЕЦ, девочки 12-и лет, с просьбой помочь их многодетной крестьянской семье (отец заключен в тюрьму за неуплату налогов). 21 июня 1936, Казакстан, Карагандинская обл., Щучинский р-н, село Димитровка	413
5.26. Письмо школьницы Лиды ДУДНИЦИНОЙ ее высланному отцу. 4 июля 1936, Ленинградская обл., п/о Верещагино Октябрьской ж.д., село Коростынь	414
Заявления ее отца М. Ф. ДУДНИЦИНА. 26 июля, 11 ноября 1936, Западно-Сибирский край, Бакчарский р-н, село Бакчар	414
5.27. Ходатайство А. К. БУНИНОЙ (мать семерых детей) за сына, находящегося в заключении в Дальлаге. 28 сентября 1936, Челябинская обл., Гледянский р-н, село Митино	417
Сообщение ПОМПОЛИТа. 16 октября 1936	417
5.28. Запрос Ляли КОНДРАТЬЕВОЙ (ученица 5-го класса) о местонахождении ее отца. 10 октября 1936, Ульяновск	418
Сообщения ПОМПОЛИТа. 16 ноября 1936	418
5.29. Заявление А. Ф. ПАНЧЕНКО с просьбой установить место нахождения арестованного сына (15 лет, ученик 6 класса). 25 октября 1936, Краснодар	420
5.30. Заявление Насти КУСКОВОЙ (13 лет, старшая из трех детей-сирот: мать умерла, отец – в заключении). 4 ноября 1936, Куйбышевская обл., ст. Зубчаниновка	421
Справка, выданная сельсоветом. 4 ноября 1936, Куйбышевская обл., ст. Зубчаниновка	421
Приложение 1.	
Записка Е. П. ПЕШКОВОЙ о детях Гергарте и Гансе-Вернере БАРУХ, оставленных их матерью в подъезде дома, где помещалась приемная ПОМПОЛИТа (Кузнецкий Мост, дом 24). 29 апреля 1938, Москва	424
Приложение 2.	
Биографии Е. П. ПЕШКОВОЙ и М. Л. ВИНАВЕРА	427
Именной указатель	434
Географический указатель (Адреса авторов писем)	441
Принятые сокращения	445

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем сборнике представлены документальные свидетельства недавней истории нашей страны – подлинные письма жертв репрессий. Написаны они наиболее зависимыми членами общества – женщинами и детьми, а также их репрессированными мужьями и отцами, чувствующими ответственность за своих детей и свои погибающие семьи, и, как правило, бессильными им помочь. Эти люди, в подавляющем своем большинстве, не были борцами за светлое будущее, но не были и врагами государственной власти, их сломанные судьбы были принесены в жертву прекрасной утопической идее. Отвергнутые властью в качестве полноправных граждан своей страны, с позорным клеймом «врагов революции» (позже – «врагов народа») они были вырваны из своей жизни в родной деревне, городе, республике и выброшены в совершенно иной, малопригодный для нормального существования мир. Ставшие изгоями в собственной стране, лишенные свободы и возможности заработать на жизнь свою и семьи, бессильные помочь близким, в полной зависимости от произвола властей, они были обречены на нищенское существование. Их письма – это ходатайства, просьбы, мольбы о помощи, попытки доказать невиновность (свою или своих близких), уверения в преданности делу революции. Кроме того, в сборник включены некоторые письма тех людей, кто не мог оставаться равнодушным к бедам ближнего, кого чувства справедливости и милосердия заставляли ходатайствовать за других, пытаясь защитить их перед всемогущим государством.

Адресованы письма Екатерине Павловне Пешковой в организацию, которая называлась «Помощь политическим заключенным». Об этой организации также рассказывается в этой книге. Книга предназначена для широкого круга читателей – всех тех, кому не безразлична история России.

ВСТУПЛЕНИЕ

Российский политический Красный Крест и организация «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»

Нравственный облик отдельного человека и общества в целом во многом определяется понятиями справедливости и милосердия. О справедливом государственном устройстве человечество мечтало с древнейших времен. В XIX веке широкое развитие получила идея насильственного свержения существующего государственного строя и замены его более справедливым, который должен был обеспечить социальное равенство сословий и счастливую жизнь граждан.

С ростом революционного движения росло и число жертв политического противостояния. Для оказания поддержки революционерам, пострадавшим в ходе борьбы с самодержавием, в конце 70-х годов XIX века в России начали создаваться группы, а затем и организации помощи революционерам, объединяемые общим названием политического Красного Креста. Все они числили себя частью международного краснокрестного движения.

Начало краснокрестному движению¹ положила конференция, состоявшаяся в Женеве в октябре 1863 г. На ней были приняты 10 резолюций, легшие в основу Устава Международного

---

¹ Инициатором и одним из его создателей был швейцарский гражданин Анри Дюнан (1828–1910). Летом 1859 он оказался близ итальянской деревушки Сольферино, где только что произошло сражение между объединенными франко-итальянскими войсками и армией австрийцев. Потери убитыми и ранеными с обеих сторон достигали 40000 человек. Потрясенный увиденным, А. Дюнан оставил свою блестяще начатую коммерческую деятельность и посвятил жизнь созданию организации помощи раненым. В 1862 он издал брошюру «Воспоминание о битве при Сольферино», в которой обратился к народам с призывом объединиться «под общим знаменем любви к ближнему и сострадания к нему». Успех брошюры превзошел все ожидания и вызвал действенную реакцию цивилизованного общества – менее чем через три месяца после ее выхода в феврале 1863 была создана комиссия для изучения возможности претворения идей Дюнана в жизнь, а еще через две недели был основан «Международный комитет по оказанию помощи раненым».

Занимаясь благотворительной деятельностью, А. Дюнан разорился. Последние 18 лет своей жизни он провел в больнице для бедных в Гейдене больной и, казалось, всеми забытый. Однако, первая Нобелевская премия мира (в 1901) была присвоена ему, а Международный день Красного Креста и Красного Полумесяца отмечается в день его рождения 8 мая.

Комитета Красного Креста, и эмблема – красный крест на белом фоне. В августе 1864 г. в Женеве по инициативе швейцарского правительства и при его содействии состоялась Дипломатическая конференция, на которой была принята «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В государствах, принявших Женевскую конвенцию, создавались свои национальные общества Красного Креста. Россия присоединилась к Женевской конвенции в 1867 г., когда было организовано «Российское общество попечения о раненых и больных воинах», переименованное в 1876 г. в «Российское Общество Красного Креста». В последней четверти XIX века в России начали создаваться группы политического Красного Креста. Первые попытки наладить систематическую помощь политическим заключенным, содержащимся в Доме предварительного заключения в Петербурге, предприняли в 1874–75 гг. члены кружка «чайковцев». В конце 1875 г. вернувшаяся из-за границы в Россию В. Н. Фигнер² взяла на себя сношения с товарищами, содержащимися в московских тюрьмах. Один из первых проектов организации политического Красного Креста разработан членами московских народнических кружков (опубликован в сентябре 1917 г.)³

---

² Вера Николаевна Фигнер (1852, Казанская губ. – 1942, Москва). Из дворян. Член «Земли и воли». С сентября 1879 член исполкома «Народной воли» и ее военного центра, участница покушений на Александра II. В декабре 1881 в Одессе организовала покушение на военного прокурора, наладила работу типографии «Народной воли». Арестована в феврале 1883, приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, 20 лет отбывала одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. В 1904–1906 – в ссылке в Архангельской, Казанской губ., Н.-Новгороде. В 1906 эмигрировала. В 1907 вступила в партию эсеров. В январе 1908 после разоблачения провокатора Е. Ф. Азефа вышла из партии. В 1910 инициатор создания Парижского комитета помощи полит. каторжанам. В феврале 1915 при возвращении в Россию арестована и выслана в Н. Новгород. В дек. 1916 приехала в Петроград. С марта 1917 – председатель комитета «Общества помощи освобожденным политическим». В апреле 1918 выбрана тов. председателя (председатель М. Горький) общества «Культура и Свобода». В 1918–1922 возглавляла Петроградское отделение Политического Красного Креста. Позже, в основном, занималась литературным трудом. В 1926 спец. пост. СНК ей была назначена персональная пенсия.

³ «Красный Крест» политический. // ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ. История России с древнейших времен до 1917 года. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. М. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 3. С. 102–103.

Возникает вопрос: что может быть общего между революционерами и жертвами войны? Дело в том, что Женевская конвенция положила начало современному гуманитарному праву, и именно к этому праву апеллировали политические Красные Кресты, причисляя своих подопечных **к жертвам войны за социальную справедливость**.

Первая организация политического Красного Креста в России была создана в 1881 г. народовольцами Ю. Н. Богдановичем и И. В. Калюжным, она называлась «Революционный Красный Крест». После ликвидации «Народной воли» она продолжала функционировать, изменив свое название на «Общество помощи политическим ссыльным и заключенным» (при этом прежнее название также употреблялось).

Организации политического Красного Креста в царской России правительством не признавались и носили нелегальный и полулегальный характер. Средства для своей деятельности они получали путем сборов в России (в основном среди интеллигенции) и за рубежом при помощи революционеров-эмигрантов. Уже первый народовольческий Красный Крест имел заграничный отдел (1882–1884 гг.), возглавляемый П. Л. Лавровым и В. И. Засулич. После поражения революции 1905–1907 гг. эмигрантами-революционерами был создан ряд обществ и организаций, выполнявших функции политического Красного Креста (группы содействия, заграничные отделы политического Красного Креста, «Парижский фонд помощи политическим ссыльным и заключенным в России», «Парижский комитет помощи политическим каторжанам», «Парижский комитет помощи административноссыльным», «Лондонский комитет помощи административноссыльным», «Краковский Союз помощи политическим заключенным» и др.)⁴. Связь с зарубежными организациями является особенностью российской помощи лицам, репрессированным по политическим мотивам.

После Февральской революции борцы с царским режимом были амнистированы Временным правительством, и в марте 1917 г. в Петрограде начало работать «Общество помощи освобожденным политическим», которое возглавила

---

⁴ Я. В. Леонтьев. «Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа» // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997.

В. Н. Фигнер, а вскоре было создано и Московское бюро этого Общества во главе с Е. П. Пешковой (далее Е. П.).⁵ Общество занималось тем, что помогало вернуться домой сосланным в отдаленные места, направляло их на лечение в больницы и на отдых в санатории, устраивало на работу и т. д.

После Октябрьской революции в Петрограде, а затем и в Москве возникли комитеты политического Красного Креста, о чем в декабре 1917 г. появились сообщения в оппозиционных газетах. В начале 1918 г. деятельность политического Красного Креста впервые за все время его существования была легализована. В мае 1918 г. в московских газетах было напечатано извещение о возобновлении работы московского политического Красного Креста (МПКК). В нем говорилось: *«Следуя старым традициям русской общественности, политический Красный Крест не преследует политических целей. Он является учреждением непартийным: для него одинаково дороги интересы лиц всех партий и внепартийных, кого привлекла в пределы тюремных стен борьба за идею.<...> В момент наивысшего государственного и общественного развала, в эпоху обострившейся классовой вражды и ненависти московский политический Красный Крест с верой в успех своих усилий вновь поднимает свой прежний стяг, — уважения к человеку, заботы о человеческой личности, стремления облегчить страдания людей, — памятуя, что эта общественная функция во всяком культурном обществе должна быть выполнена, пока с достижением лучшего общественного строя не осуществится давняя мечта многих о счастье всего человечества. Московский политический Красный Крест уверен, что в этом его начинании его поддержат все культурные элементы русского народа независимо от их общественного положения, политической веры и национальной принадлежности»*.⁶

В Уставе МПКК⁷ было записано, что он учреждается «с целью моральной и материальной помощи лицам, лишенным свободы по политическим мотивам, без различия их партийной принадлежности и исповедуемых ими убеждений», что деятельность его «простирается на территорию всего госу-

---

⁵ Екатерина Павловна Пешкова. См. Приложение 2. Биография.

⁶ Газета «Наше Слово» от 26 мая 1918.

⁷ Устав МПКК вышел отдельной брошюрой в 1919 в издательстве «Задруга».

дарства Российского» и действует он в согласии с принципами Международного Красного Креста.

Учредителями МПКК были 50 человек, многие из них – известные еще с дореволюционных времен политические и общественные деятели, юристы, врачи, литераторы, среди них: историк, редактор журнала «Голос минувшего» и один из руководителей издательства «Задруга» С. П. Мельгунов, член ЦК партии кадетов (с 1907) и московский городской голова (1916) Н. И. Астров, редактор эсеровской газеты «Труд» О. С. Минор, князь-анархист П. А. Кропоткин, народоволец и эсер А. Н. Бах, литераторы В. В. Вересаев и Ю. А. Бунин, графиня – благотворительница С. В. Панина, редактор газеты «Власть народа» Е. Д. Кускова, адвокаты В. Н. Малянтович, А. И. Перес, И. С. Кальмеер и многие другие известные и уважаемые люди. Все они принадлежали к лучшей части отечественной интеллигенции, выступавшей в соответствии с русской гуманистической традицией в защиту тех, кого государственная власть преследовала по политическим мотивам.

Председателем МПКК был избран Н. К. Муравьев⁸, его заместителями Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер (далее М. В.).⁹ К концу 1918 г. МПКК насчитывал 227 членов. Одновременно с ним работало еще несколько групп политического Красного Креста – в Петрограде, Саратове, Харькове, Полтаве и др. МПКК вскоре после своего образования начал играть роль Всероссийского, а позже и Всесоюзного Красного Креста.

Средства для работы МПКК получал путем сборов как в России (пожертвования организаций и частных лиц, благотворительные лекции и концерты, продажа книг и др.), так и, согласно традиции Российского революционного движения, за-

---

⁸ Николай Константинович Муравьев (1870, Тверская губ. – 1936, Москва). Из дворян. Присяжный поверенный, известный политический защитник и общественный деятель. Один из основателей движения «Молодая адвокатура», имевшего целью оказывать юридическую помощь «слабейшим в жизненной борьбе». За участие в революционном движении неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции возглавлял (с правами тов. министра юстиции) «Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий» бывших министров и прочих высших должностных лиц. С января 1918 по 1922 – председатель Московского Политического Красного Креста. В 1922 был арестован и выслан из Москвы, в 1923 вернулся, работал юрисконсультантом. Был одним из основателей Московской Коллегии защитников, из состава которой вышел в 1930.

⁹ Михаил Львович Винавер. См. Приложение 2. Биография.

границей (от частных лиц и различных группировок русской эмиграции, таких как «Политический Красный Крест» в Париже, «Политический Красный Крест» в Берлине, БУНД, Жевневский «Комитет помощи политическим заключенным в России», «Общество помощи русским политическим заключенным» в Филадельфии, Американское «Общество помощи заключенным социалистам в России», нью-йоркское «Общество помощи русским ссыльным»).

Политический Красный Крест просуществовал в Советской России легально 4½ года (1918–1922). Общество было утверждено юридически при содействии первого наркома юстиции И. З. Штейнберга¹⁰ в первой половине 1918 г., когда после захвата власти большевиками прошло всего несколько месяцев, и победа новой власти еще не была окончательно закреплена. Недаром в сообщении о возобновлении работы политического Красного Креста говорилось: *«Политический Красный Крест и ныне, как прежде, пользуется всеобщим признанием, ибо лица всех политических партий и вне партийные не могут не сознавать, что исторические судьбы политической борьбы переменчивы, что за июльскими днями следуют октябрьские события, и политический побежденный сегодня становится победителем завтра, и наоборот»*¹¹.

В 1918 г. основные задачи новой власти определялись стремлением выжить, одержать победу над многочисленными противниками, представлявшими собой смертельную опасность. Условия диктовали введение жесткой диктатуры, гражданская война и диктатура неизбежно влекли за собой огромное количество *«невинных и ненужных жертв»*. Среди политиче-

¹⁰ Исаак Захарович Штейнберг (1888, Двинск – 1957, Нью-Йорк). Член ПСР с 1906. В 1917–1918 – член ЦК ПЛСР. В декабре 1917 назначен наркомом юстиции. С января 1918 – член ВЦИК. Во время июльского конфликта левых эсеров с большевиками находился за границей. В январе 1919 арестован ЧК по обвинению в заговоре против Советской власти, через 4½ мес. освобожден лично Ф. Э. Дзержинским. В июне 1922 на пленуме Моссовета призвал его участников к организации независимых Советов и профсоюзов. В 1923 выехал за границу для работы в Венском Интернационале, после чего ВЦИК лишил его гражданства. До 1933 жил в Германии, представлял Заграничную делегацию ПЛСР и Союза эсеров-максималистов в Международном бюро рев.-соц. партий. Входил в состав объединенного комитета защиты заключенных революционеров в России.

¹¹ Из письма МПКК с извещением о начале его работы, напечатанного в московских газетах в мае 1918 («Наше Слово», «Жизнь» и др.).

ских заключенных оказались не только активные враги Советской власти, но и множество людей, не имевших отношения к политической борьбе, готовых подчиняться любой власти. Были арестованные по ошибке из-за некомпетентности местных властей, иногда не только юридически, но и просто малограмотных; были и заложники; были и те, в чьей поддержке неокрепшее государство остро нуждалось: кооператоры, врачи, преподаватели, специалисты в разных областях. Было и много недавних товарищей по борьбе с самодержавием, и отношение к ним у новой власти окончательно еще не определилось. Содержание арестованных в перегруженных следственных изоляторах, тюрьмах и других местах заключения¹² в условиях войны, болезней, острой нехватки пищи и одежды, часто в долгом ожидании начала следствия и приговора, не соответствовало никаким гуманитарным нормам. Более того, эпидемии, поражавшие заключенных, являлись источниками заразы, угрожавшей всему населению, и *«представители власти понимали, что без содействия общественных сил, одними средствами государственной организации они справиться не смогут»*.¹³

Немаловажным фактором, способствующим легализации политического Красного Креста, было и то, что в 1918 г. государство диктатуры пролетариата только формировалось, его государственные структуры только выстраивались, гуманитарные (либеральные, «буржуазные») ценности еще не были полностью отвергнуты, а среди людей, пришедших к власти, были и те, кто мечтал построить правовое государство. Так, первый нарком юстиции И. З. Штейнберг, при содействии которого ПКК обрел легальный статус, был юристом, получившим образование в Гейдельбергском университете. Назначенный наркомом юстиции 12 декабря 1917 г., он 19 декабря, т. е. через неделю после назначения, подписал «Инструкцию» Ревтрибуналу о «прекращении систематических репрессий против лиц, учреждений и печати». В августе 1918 г. управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич направил в Наркомюст

¹² В мае 1919 вышло постановление ВЦИК об организации лагерей принудительных работ. Согласно этому постановлению, жилищные отделы местных Исполкомов должны были предоставлять Губчека соответствующие помещения как в черте городов, так и в находящихся вблизи него поместях, монастырях, усадьбах и т. д.

¹³ Из письма МПКК с извещением о начале его работы, напечатанного в московских газетах в мае 1918 («Наше Слово», «Жизнь» и др.)

письмо¹⁴ с описанием состояния тюрем и других мест заключения и требованием привести их в порядок, установленный законом. В письме говорилось, что *«такие тюремные порядки недопустимы в Социалистической Советской Республике»*. В том же августе 1918 г. Наркомюст выдал уполномоченным Политического Красного Креста разрешение на право личных свиданий в тюрьмах со старостами политических заключенных.¹⁵ На гуманное уголовное право, создаваемое в РСФСР, значительно позже – уже в 1921 г. ссылался юрист А. С. Тагер, бывший председателем юридической комиссии МПКС. Он писал: *«Как в обычной войне между государствами раненые и больные воины являются страдающими, так и в гражданской войне такими страдающими являются политические обвиняемые, задержанные и арестованные. “Руководящие начала по уголовному праву РСФСР” стоят на точке зрения не причинения даже преступнику бесполезных и лишних мучений /ст. 10 разд. 11/ – Собр. Узак. № 66 за 1919 г.»*¹⁶

Люди, создававшие политический Красный Крест и работавшие в нем, полагали, что необходимость их деятельности диктуется ситуацией *«государственного и общественного развала»*, с которой *«как в июле [1917] власть Временного правительства, так в октябре [1917] и в последующие месяцы власть народных комиссаров оказалась не в силах <...> справиться»*. При этом предполагалось, что *«общественная функция»* политического Красного Креста носит временный характер, что она будет выполнена, когда в России установится *«лучший общественный строй»*, при котором *«осуществится давняя мечта многих о счастье всего человечества»*¹⁷. Они сотрудничали с новой «народной» властью на первых порах ее существования, полагая, что после победы в гражданской войне «красный террор» будет отменен и начнется строительство правового государства. Но по мере того, как советская власть укреплялась, поочередно расправляясь со своими противниками, как внешними, так и внутренними, причисляя вчераш-

¹⁴ Письмо из СНК в Наркомюст от 24.08.1918. (Копия). // ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 369. Л. 4.

¹⁵ Письмо «Губернским и областным Комиссариатам Юстиции /по Карательным отделам/» от 31 августа 1918. // ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 369. Л. 6, 6об.

¹⁶ Письмо ПКК в Моссовет от 21.03.1921 г. (Копия). // ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 41–43об.

¹⁷ Из письма МПКС с извещением о начале его работы, напечатанного в московских газетах в мае 1918. («Наше Слово», «Жизнь» и др.)

них соратников к сегодняшним врагам, становилось все более ясно, какое государство строится и что приносится в жертву. Расхождение между защитниками гуманитарных прав человека и властью углублялось, а отношение власти к ним становилось все более негативным.

¹⁸ В. И. Ленин был ранен 30 августа 1918 на заводе Михельсона выстрелом, совершенным Ф. Х. Каплан (по официальной версии). Председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий был убит юнкером-социалистом Л. И. Канегиссером в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918.

20 «Тактический центр» (ТЦ) был образован в апреле 1919. В него входили члены свергнутого большевиками Временного правительства и представители интеллигенции. Централизованной структурой ТЦ не обладал, не имел устава и четко сформулированной программы, скорее, он был «мозговым центром», его члены вели долгие дискуссии по отдельным проектам государственного устройства, старались найти решение актуальных вопросов экономического и социального характера. В феврале – мае 1920 были арестованы 28 членов ТЦ, среди них бывший тов. министра внутренних дел А. М. Щепкин, бывший тов. министра внутренних дел при Временном правит. С. М. Леонтьев, бывший тов. министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте и при Временном правительстве С. Д. Урусов, князь С. Е. Трубецкой, историк и публицист С. П. Мельгунов, проф. биологии Н. К. Кольцов и др. Суд состоялся в августе 1920. Крыленко, выступавший главным обвинителем на процессе, в своей речи заявил, что «русская интеллигенция, войдя в горнило Революции с лозунгом народо-властия, вышла из него союзником черных генералов, наемным и послушным агентом европейского империализма». По делу ТЦ 20 чел. были приговорены к расстрелу с заменой на тюремное заключение от 3 до 10 лет, остальные – к разным мерам наказания. (Дочь писателя А. Л. Толстая была приговорена к 3 г. заключения в к/л.) В феврале 1921 осужденные по делу ТЦ были амнистированы.

стованных во время Кронштадтского восстания²¹, по делу Таганцева²²; ходатайства за арестованных членов Всероссийского общественного комитета помощи голодающим (т. н. «Прокукиш»)²³ – все это приводило к усилению конфронтации МПКК с большевистской властью.

Процесс ЦК партии эсеров переполнил чашу терпения властей. На этом процессе Н. К. Муравьев должен был выступать защитником (до этого он выступал защитником на процессе «Тактического центра», также как и председатель юридической комиссии МПКК А. С. Тагер), но он отказался в знак протеста против давления Трибунала²⁴. Его отказ, по-видимому, был расценен как демонстрация, и летом 1922 года он был арестован и выслан из Москвы. Позиция МПКК на процессе правых эсеров явно не совпадала с позицией Верховного Трибунала, как не совпадали и их представления о гуманно-

²¹ В марте 1921 кронштадтские моряки выступили против большевиков под лозунгом «Советы без коммунистов», создав Ревком во главе с матросом С. М. Петриченко. В дни восстания была арестована большая группа петроградских писателей и ученых, в том числе писатели А. В. Амфитеатов, Г. В. Иванов, В. Рождественский (через месяц почти все они были освобождены).

²² Дело «Петроградской Боевой Организации», ставящей целью свержение советской власти, было сфабриковано Петроградской ЧК. Руководство организацией приписывалось видному ученому географу проф. Горного института Владимиру Таганцеву. По этому делу было арестовано более 200 чел., из них в августе 1921 были расстреляны 61 чел. (в том числе В. Н. Таганцев, поэт Н. С. Гумилев, государствовед и бывший сенатор проф. Н. И. Лазаревский, геолог В. М. Козловский, скульптор князь С. А. Ухтомский, химик проф. М. М. Тихвинский – в прошлом старый большевик, считавшийся другом Ленина, и др.).

²³ В 1921 в России для оказания помощи погибающим от голода работало несколько международных комитетов, включая комитет Международного Красного Креста во главе с его председателем норвежским полярным исследователем Ф. Нансеном. Были сформированы (по инициативе Горького, но на абсолютно разных началах) и два русских комитета: официальный государственный комитет, возглавляемый членом Политбюро Л. Б. Каменевым, и общественный комитет, организаторами которого были С. П. Прокопович, Е. Д. Кускова и Н. М. Кишкин – демократические деятели, известные с дореволюционных времен. Общественный комитет просуществовал немногим более одного мес. 27 августа 1921 по прямому распоряжению В. И. Ленина комитет был закрыт, а его члены арестованы, заключены в тюрьму, а затем высланы в провинцию.

²⁴ В июне – августе 1922 в Москве состоялся судебный процесс над членами ЦК ПСР. С разрешения (и, вероятно, поощрения) Верховного Рев. Трибунала состоялась демонстрация, требовавшая смертной казни для обвиняемых. Н. К. Муравьев отказался вести защиту в таких условиях.

сти.²⁵ Очевидно, власти решили избавиться от МПКК, как от гнезда инакомыслия.²⁶

3 августа 1922 г. в помещении МПКК сотрудниками ГПУ был произведен обыск. При обыске был обнаружен и конфискован архив осужденного члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина и другие компрометирующие документы. Присутствующие сотрудники МПКК²⁷ не смогли дать сколько-нибудь вразумительных объяснений. Помещение приемной МПКК (Кузнецкий Мост, дом 16, кв. 7) было опечатано.

В тот же день, 3 августа 1922 г., ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними», через неделю 10 августа 1922 г. ВЦИК утвердил инструкцию «О порядке регистрации общественных организаций», согласно которой общественные организации РСФСР были обязаны в двухнедельный срок с момента публикации этих документов зарегистрироваться в органах внутренних дел и в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

13 августа 1922 г. на секретариате Коллегии ГПУ слушался доклад о деятельности Политического Красного Креста²⁸. Постановлением Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. его дея-

²⁵ В июле 1922 МПКК четыре раза (12, 17, 19 и 24 июля) направлял на имя Председателя Особой Сессии Верховного Трибунала Ю. Л. Пятакова заявления с просьбой выдать разрешение на посещение в тюрьме заключенных по этому процессу, но ответом был категорический отказ, начиная с первого – грубого и краткого («Какой нужды? Что именно нужно?») и последующих более распространенных и тоже вполне определенных («...лишние свидания отнимают у заключенных время, мешая заниматься делами по процессу», «...Винавер и др. хотят вмешательства в порядок содержания в тюрьме, – что недопустимо»). // ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 10.

²⁶ Идеологическим обоснованием и толчком к началу кампании против инакомыслящих послужил доклад Г. Е. Зиновьева на 3-ей Всероссийской конференции ВКП(б), состоявшейся в августе 1922. Доклад с принятой по нему резолюцией был опубликован отдельным изданием, вышедшим в том же году.

²⁷ Е. П. и М. В. во время обыска отсутствовали.

²⁸ На распечатке доклада есть две пометы: 1) «т. Дзержинскому. Полагаю, что Пол<итический> Кр<асный> Кр<ест> не следует утверждать и тем самым его закрыть. 13/8. 22. (подпись неразборчива)». 2) «Пешкова мне говорила, что они зарегистрировались в Моск<овском> Совете. Надо проверить. Закрыть их надо обязательно, возбудив кроме того против него следствие. Ф. Д.» // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 879. Л. 17.

тельность была приостановлена, помещение опечатано, а против организации было возбуждено следственное дело.²⁹

В результате действий, предпринятых властями, МПКК прекратил свою деятельность, но на этом история Российского политического Красного Креста не закончилась. Он просуществовал под другим названием, с другой структурой и в другом статусе еще 15 лет. Новая организация уже не была общественной и правозащитной, каким являлся МПКК, но благодаря ее существованию, в России вплоть до 1938 г. оказывалась помощь людям, осужденным по политическим мотивам. Эта удивительная и несколько загадочная история связана с именем Екатерины Павловны Пешковой. Если идея создания Красного Креста (идея милосердия, делающая честь всему человечеству) принадлежала одному человеку – Анри Дюнану, сумевшему воплотить эту идею в жизнь, благодаря своему энтузиазму и своей энергии, – то полвека спустя, фактически тоже благодаря одному человеку, в тоталитарном государстве, каким был Советский Союз, в течение пятнадцати лет легально существовала организация по оказанию помощи политическим заключенным.

В августе 1922 г., когда был закрыт МПКК, Е. П. являлась одновременно и его Председателем и Уполномоченным Польского Красного Креста в России. Обязанности Уполномоченного она исполняла с осени 1920 г.³⁰ Задачи Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста заключались в помощи польским подданным, оказавшимся в России. Бюро занималось репатриацией военнопленных, гражданских пленных и лиц, оптировавших польское гражданство³¹, в том числе – заключенных (по условиям перемирия польские подданные под-

---

²⁹ Дело начато 3 августа 1922 и окончено 4 сентября 1923. // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 879.

³⁰ Е. П. начала работать в должности Уполномоченного с 25 сентября 1920. Военные действия Польши против Советской России, начатые в январе 1920, в апреле 1920 перешли в генеральное наступление. Перемирие в войне было заключено 12 октября 1920, а мирный договор 25 февраля 1921 (в Риге).

³¹ Согласно Рижскому договору, были установлены новые границы между Россией, Польшей и Литвой (к Польше отошли Волынская, Гродненская губ., ряд уездов Минской и Виленской губ., к Литве – Вилейский уезд, г. Брест-Литовск и др., к РСФСР – часть Витебской губ.). Граждане, проживающие на этих территориях, должны были подтвердить (оптировать) свое гражданство.

лежали освобождению из заключения), розыском родных, оказавшихся по разную сторону от границ двух государств, оказанием материальной помощи нуждающимся полякам. Со временем все большая доля деятельности Бюро была связана с помощью польским политзаключенным и ссыльным. Кроме того, дважды в год через Польский Красный Крест между Россией и Польшей осуществлялся обмен гражданами, осужденными правосудием того из этих государств, подданными которого они не являлись. Списки обмена согласовывались с репрессивными органами. От этих же органов в России Е. П. получала разрешение на посещение тюрем и лагерей (с целью выявления лиц польской национальности), с их помощью ей предоставлялся транспорт для перемещения по стране (даже в отдаленные районы Урала, Сибири и на Украину), что было особенно необходимо в условиях гражданской войны и последующей разрухи, а также выдавались документы, обеспечивающие помощь местных властей.

С первых дней работы в должности Уполномоченного Е. П. проявила качества незаурядного организатора: энергию, работоспособность, умение добыть необходимые для работы средства, найти ответственных сотрудников. Кроме того, она обладала замечательными личными качествами: честностью, доброжелательностью, верой в добрые побуждения человека, умением его выслушать, готовностью прийти ему на помощь. По-видимому, вследствие совокупности этих качеств ей удалось многое сделать.

После закрытия МПКК ей удалось получить в ГПУ разрешение на продолжение работы по оказанию помощи политзаключенным. В настоящее время мы не можем ответить на вопрос, в результате каких закулисных переговоров было получено это разрешение. Можно предположить, что лично к Е. П. благоволили Ф. Э. Дзержинский (хотя его отношение нельзя назвать доверительным — см. сноску 28) и другие руководители ГПУ, среди которых в то время было много поляков по национальности. Но, возможно, что свою роль сыграла фигура М. Горького, у которого с советской властью были свои сложные отношения. Известно, что в середине августа 1922 г. (после того, как помещение МПКК было опечатано) Е. П. отправилась в Варшаву, а затем навестила М. Горького в Германии, куда он выехал из России по настоянию Ленина. Вернулась она в Москву в середине сентября 1922 г., и 22 сентября, спустя несколько дней после ее возвращения, органами ГПУ в

присутствии М. В. помещение ПМК было распечатано, ему были выданы вещи (по описи), а помещение было вновь запечатано.

11 ноября 1922 года секретариат Коллегии ГПУ выдал ей удостоверение за подписью И. С. Уншлихта³² (зам. председателя ГПУ) о том, что *«помещение по Кузнецкому Мосту д. 16, занимаемое бывшим Московским Политическим Красным Крестом, со всем имуществом его, переходит к ней, Е. П. Пешковой, для работы по оказанию помощи политическим заключенным и их семьям»*.³³ 30 ноября 1922 г. сотрудниками ГПУ в присутствии Е. П. и М. В. опечатанная комната была вскрыта, архив МПМК был доставлен в ГПУ, а комната со всем находящимся в ней имуществом сдана Е. П.

Новая организация называлась «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным», сокращенно – ПОМПОЛИТ. Для Е. П., ее сотрудников и многих других людей эта организация по-прежнему называлась «Крест», «Красный Крест», «Политический Красный Крест» – это в быту, а обращающимся в организацию за помощью Е. П. разъясняла, что «наше **учреждение** (выделено мною. – Л. Д.) называется «Помощь политическим заключенным».

Заместителем Е. П. был утвержден М. В. – ее заместитель по работе в МПМК и в Бюро Польского Красного Креста, остальные сотрудники (около полутора десятков) являлись техническим аппаратом. ПОМПОЛИТ, в отличие от МПМК, не имел устава³⁴, не имел выборного руководства, кандидатуры Е. П. и М. В. были утверждены ГПУ (так же, как и ранее их кандидатуры в должности Уполномоченного и зам. Уполномоченного Польского Красного Креста).

Оказание материальной помощи заключенным и их семьям (деньги, продукты, одежда, лекарства, книги, газеты и др.), как и прежде, входило в функции организации, но правозащитный аспект претерпел большие изменения. ПОМПОЛИТ,

³² Иосиф Станиславович Уншлихт (1879, Польша, Млава – 1938, Моск. обл., Коммунарка) – советский государственный и партийный деятель. В 1921–1923 – зам. председателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Расстрелян по обвинению в создании к-р организации, шпионаже и подготовке терактов.

³³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁴ Нам неизвестен документ, определяющий статус ПОМПОЛИТа в системе государственных учреждений и общественных организаций в РСФСР и СССР.

в отличие от МПКК, не обеспечивал юридической защиты своим подопечным, он мог только запрашивать компетентные органы и ходатайствовать перед ними.³⁵ При этом право обращаться в органы со всеми вопросами, просьбами, ходатайствами предоставлялось одной Е. П. (или М. В. в ее отсутствии), письма в ПОМПОЛИТ адресовались только на имя Е. П. Другие группы политического Красного Креста, работающие в СССР (Петроградская – позже Ленинградская, Харьковская, Полтавская) с запросами и ходатайствами о своих подопечных могли обращаться в органы только через ПОМПОЛИТ. Ответы, поступавшие из органов, передавались через ПОМПОЛИТ, либо запрашивающие лица получали их непосредственно.

Круг запросов, с которыми ПОМПОЛИТ обращался в органы, был довольно широким и касался хода следствия, приговора, места нахождения арестованного и др. Кроме того, ПОМПОЛИТ мог ходатайствовать перед органами о пересмотре дела, о сокращении срока заключения, ссылки или ограничений места проживания, о замене места ссылки, о свободном проживании, о соединении с семьей, о разрешении свидания, о замене заключения или высылки выездом в Польшу или Палестину, о получении виз и паспортов на право выезда за границу и другом. Путем переговоров с органами госбезопасности ПОМПОЛИТ (практически, два человека) пытался облегчить участь осужденных. Иногда это удавалось на законных основаниях (например, сокращение срока наказания по возрасту или болезни), а иногда – по личному ходатайству, что ставило судьбы людей в зависимость от произвола властей (и от добрых отношений с ними двух человек). При этом в условиях тоталитарного бюрократического государства, когда многие вопросы решались кулуарно путем личных переговоров, гласность для успеха дела была противопоказана.³⁶

Что касается материальной помощи, то средства ПОМПОЛИТа, как когда-то средства политического Красного Креста, складывались из сборов, производимых внутри страны, и из средств, поступающих из-за границы. Сборы внутри страны, однако, очень скоро свелись, в основном, к небольшим пожертвованиям, предназначенным для оказания

---

³⁵ ВЦИК и Прокуратура на запросы ПОМПОЛИТа не отвечали.

³⁶ В ряде писем заграничным корреспондентам Е. П. настоятельно просила, чтобы ее информация «не становилась достоянием гласности», т. к. это вредит успеху дела.

помощи или персональной (чаще от родных осужденного), или лицам, принадлежащим к определенной политической или конфессиональной ориентации (так, полулегальный анархистский «Черный Крест» осуществлял помощь своим осужденным товарищам через легальный ПОМПОЛИТ). Работа в Бюро Польского Красного Креста давала возможность выездов за границу³⁷, что облегчало сбор средств для помощи политзаключенным. Заграничные деньги тоже чаще были целевыми, т. е. предназначались определенным лицам или членам определенных политических партий или религиозных конфессий; но были и деньги, пересылаемые в собственное распоряжение ПОМПОЛИТа.³⁸ С конца двадцатых годов, когда начались массовые высылки крестьян в связи с коллективизацией, денег для оказания материальной помощи стало катастрофически не хватать, хотя эмигрантские организации не прекращали сборы и пытались пересылать собранные средства вплоть до закрытия ПОМПОЛИТа.³⁹

В тридцатые годы работать ПОМПОЛИТу становилось все труднее: число репрессированных стремительно росло,

³⁷ Вплоть до 1937 Е. П. дважды в год выезжала в Польшу по делам Бюро Польского Красного Креста. Кроме того, начиная с 1922 и до 1933, когда М. Горький находился в эмиграции, она совмещала поездки в Польшу с отдыхом в доме М. Горького (в Италии), что давало ей дополнительную возможность собирать пожертвования за границей.

³⁸ Приводим отрывок из письма Берты Борисовны Мering (1885–1970), бывшей одним из членов-учредителей МПКК от БУНДа, а позже эмигрировавшей:

«26.11.[1924]. Paris. Дорогая Екатерина Павловна, от Лидии Осиповны [Дан] узнала, что Вы в Италии, и шлю Вам горячий привет и пожелания силы и бодрости в той тяжелой работе, которую Вам приходится нести. <...> недели три тому назад мы выслали Вам через банк сто долларов; пользуясь случаем, чтобы сказать Вам, что все деньги, идущие из Парижа на Ваш адрес направляются полностью в Ваше распоряжение; без всяких обязательств по отношению к сидящим социалистам. <...> теперь представляется оказия кое-что из вещей переслать; мы наспех собираем, и если удастся, отправим в субботу корзину ношенного платья в Варшаву, а квитанцию pošлем Вам по адресу польского креста». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 26. Л. 177–177об.

³⁹ В письме Л. О. Дан к Е. Д. Кусковой, отправленном в январе 1938 из Парижа, сообщается: «...посылку денег для Екатерины Павловны мы задержали, ей послали в начале января через одного иностранца 2000 франков (т.е. 2000 руб.), да такую же сумму для с-ров. Если не удастся передать, то деньги будут здесь возвращены». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л.Л. 4, 4об.

средств становилось все меньше, органы все реже удовлетворяли его ходатайства. Со временем основной деятельностью организации стала справочно-информационная служба.

В апреле 1937 года власти закрыли Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в России. Вскоре после этого (в августе 1937 г.) был арестован М. В. и приговорен к 10 годам ИТЛ по обвинению в шпионаже в пользу Польши. Екатерине Павловне не удалось его спасти.⁴⁰ 15 июля 1938 г. учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» было официально закрыто.

Таким образом, мы видим, что первые двадцать лет существования советской власти (вплоть до того времени, когда все, даже потенциальные противники сталинского режима, были уничтожены и, фактически, утвердилась диктатура одного человека) в России в разные годы легально работали три организации, защищающие и помогающие осужденным по политическим мотивам и их семьям: «Политический Красный Крест» (1918–1922), Бюро Уполномоченного «Польского Красного Креста» (1920–1937) и «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938). Эти организации имели разную структуру, разный статус и разные отношения со спецслужбами (карательными органами).

Права Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста защищались Женевской конвенцией, и т. к. по характеру своей деятельности сотрудники Бюро находились в контакте с иностранным государством (обмен гражданами, помощь репрессированным католическим священникам и др.), то понятно, что контроль со стороны спецслужб был неизбежным.

Деятельность политического Красного Креста и ПОМПОЛИТа не была связана с какими-либо значительными межгосударственными акциями. Сотрудники этих организаций имели дело, в основном, с осужденными гражданами своей страны и их семьями (хотя на запросы Международного Комитета Красного Креста давались ответы и репрессированным иностранным подданным оказывалась помощь). Как уже говорилось выше, обе эти организации оказывали материаль-

---

⁴⁰ Е. Г. Винавер (жена М. В.) писала в мае 1938 Е. Д. Кусковой: «Настроение такое, что руки опускаются. <...> Приходили в голову всякие мысли и насчет Е. П. Поэтому Ваше письмо очень меня утешило: раз она существует, значит есть кому позаботиться о М<ихаиле> Л<ьвовиче>». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

ную помощь своим подопечным, но МПКК обеспечивал и юридическую защиту их прав в ходе следствия и на суде (недаром деятели МПКК называли себя «правозаступниками», по сути, они были первыми правозащитниками в советской стране), что органы не могли не учитывать и с чем вынуждены были считаться. Понятно, что большевистская власть не могла согласиться на существование такой общественной организации, и закрытие МПКК было неизбежным.⁴¹

Деятельность ПОМПОЛИТа – приемника ПКК – носила тот же характер, что у его предшественника, но без правозащитной функции. При этом ПОМПОЛИТ работал с разрешения ГПУ и находился под контролем ГПУ-ОГПУ-НКВД. Разрешение на свою деятельность ПОМПОЛИТ получил от спецслужб, контакт со спецслужбами позволял ему осуществлять ее в рамках, дозволенных спецслужбами.

Вынужденное сотрудничество ПОМПОЛИТа с карательными органами вызывает осуждение многих противников большевистской диктатуры. У нас его деятельность вызывает удивление и уважение: эта малочисленная организация, имеющая очень скромные средства, смогла в тоталитарном государстве, не терпящим никакого инакомыслия, в условиях все ужесточающегося репрессивного режима в течение более пятнадцати лет помогать выживать (морально и физически) десяткам тысяч людей – не только жертвам, но и сознательным противникам существующего режима.⁴²

А как относились к ПОМПОЛИТу его современники?

С точки зрения Международного Комитета Красного Креста ПОМПОЛИТ выполнял ту же гуманитарную функцию, что и Политический Красный Крест. Между ним и ПОМПОЛИТом сохранялось официальное сотрудничество в области оказания материальной и юридической помощи иностранным подданным, преследуемым в СССР по политическим мотивам, а также тем из репрессированных, за которых хлопотали граждане, проживающие вне СССР.

---

⁴¹ Надо отметить, что МПКК причислял себя к организациям, работающим под эгидой Международного Комитета Красного Креста, но властью этот его статус не признавался. Одним из поводов к отказу в регистрации МПКК служил факт наличия РОКК, «выполняющего роль национального общества Красного Креста».

⁴² В задачи настоящего сборника не входило представление документов, иллюстрирующих работу ПОМПОЛИТа, связанную с помощью членам социалистических и др. оппозиционных партий.

Отношение к ПОМПОЛИТУ и к людям, его возглавлявшим, в глазах мировой общественности, особенно у представителей социалистических партий, было неоднозначным. В личной порядочности Е. П. и М. В., в том, что собранные средства будут отправлены по назначению, сомнений не было⁴³, но сам факт контакта с репрессивными органами накладывал негативный отпечаток на отношение к ним лично.⁴⁴ При этом они своей работы не оставляли (так сказать, несли свой «крест»). По этому поводу М. В. писал Е. Д. Кусковой в мае 1929 г.: *«А бросать этой работы нельзя, т. к. никому другому, кроме Ек. Павл. и меня, не разрешат, о чем прямо говорят. Поэтому приходится мне жить отдельно с Ел. Герм.⁴⁵, не принимать прекрасных предложений в смысле заработка и пр. Ведь все-таки очень многое удастся делать. Только нервы уж очень напряжены все время».*⁴⁶

⁴³ Приводим выдержку из письма Е. К. Кусковой жертвователю, имя которой не установлено. Письмо относится к 1930: «После многих опытов я предпочитаю посылать деньги Е. П. Пешковой. Она и М. В. – единственные люди, которым разрешен доступ в тюрьмы. И еще не было случая, когда деньги, переданные через нее, не дошли бы по назначению. Через нее можно пересылать и в другие города, а также с назначением на определенные имена. Отчеты она предоставляет бывшим членам Политического Красного Креста, нашим друзьям». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 603.

⁴⁴ Особенное недоумение вызывал факт личного дружеского отношения Е. П. к Дзержинскому. После известного скандала, вызванного публикацией в газетах письма А. М. Горького, в котором он выражал глубокое сожаление по поводу кончины Дзержинского и ссылался на отзыв Е. П. о нем как о прекрасном человеке, возмущение зарубежной русской общественности было столь велико, что Е. П. полагала, что ей придется оставить работу по помощи политзаключенным. Приводим строки из ее письма к Е. К. Кусковой от 26 октября 1926: «Ехала и думала, что если кто-ниб<удь>. из заключ<енных> подумает обо мне так, как, предполага- гала, могут подумать, Лид<ия>. Ос<иповна> [Дан], надо бросить работу в Кресте. Никто из заключенных и ссыльных так не реагировал, даже и похожего чего-л<ибо> на это не было. <...> То, что доверие ко мне пере- силло естественное чувство неприятного впечатления у заключенных., помогло взять себя в руки. <...> заключенным, а не нам было решать – вести ли мне дальше работу. <...> Нервно поговорили у нас в Комитете по моем возвращении, но у них мысль о возможности прекратить работу, не приходила в голову». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л.Л. 21–36.

⁴⁵ Елена Германовна Винавер – жена М. В., переводчица с русского на польский язык, жила в Варшаве.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л.Л. 72–73об.

Отношение к ПОМПОЛИТу тех, кто жил в СССР и все еще занимался помощью политзаключенным, выражено П. С. Ивановской⁴⁷: *«До нас дошел слух, что все Красные Кресты объединяются, не войдете ли и Вы в этот единый союз? Ваш или вернее наш общий Крест, т. е. Вы, работаете за этот период наиболее и напряженнее всех существующих в Европе, как же можно не включить такое активное учреждение?»*⁴⁸

А как воспринимали ПОМПОЛИТ сами жертвы режима, чем он был для них? Ответы на эти вопросы мы получаем и из немногочисленных воспоминаний современников⁴⁹ и, главное, из архивных материалов. Архивы всех трех организаций МПКК, Бюро Уполномоченного Польского «Красного Креста» в СССР и учреждения «Е. П. Помощь политическим заключенным» после их закрытия были засекречены вплоть до начала девяностых годов минувшего века. Знакомство с ними дает яркое представление не только о работе данных организаций⁵⁰, но и о масштабе и характере репрессий в первом социалистическом государстве, о материальном положении советского народа, его нравственности и ментальности.

В архивном фонде МПКК (ГАРФ. Ф. 8419) имеется свыше десяти тысяч анкет арестованных по политическим мотивам – это фактический материал о тех, кто был негоден новым властям. Наличием анкет мы обязаны юридической ко-

⁴⁷ Прасковья Семеновна Ивановская (1853–1935) – народоволка, сестра жены В. Г. Короленко. Отказалась от членства в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев из-за его официального характера, а также от получения назначенной ей персональной пенсии, протестовала, как могла, против произвола большевистского режима. Возглавляла Полтавскую группу политического Красного Креста. Письмо написано ею 18 февраля 1929 в адрес Е. П.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. Л. 22.

⁴⁹ Вот некоторые из них: Д. Минин «Еще о Политическом Красном Кресте». // Память. Вып. 3. М.-Париж.; О. Марков «Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным»; А. В. Книпер-Тимирева «Екатерина Павловна Пешкова». // Минувшее. Исторический альманах. М. 1990. Вып. 1.; С. М. Голицын «Записки уцелевшего»; Л. И. Разгон «Непридуманное».

⁵⁰ Материалы из архива Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в России в данном сборнике отсутствуют, хотя некоторые люди адресовали свои письма одновременно и в Польский Красный Крест и в МПКК, а позже – в ПОМПОЛИТ.

миссии МПКК. Юристами МПКК были составлены два рода документов: сначала – «Карточка арестованного», состоящая из 12 пунктов, позже – «Опросный лист», содержащий 31 пункт.⁵¹ В пунктах-вопросах сами арестованные (или их близкие, запрашивающие об их судьбе) указывали данные биографического и социально-политического характера, а также сведения о предыдущих репрессиях и сведения, относящиеся к настоящему аресту. Эти анкеты-вопросники выдавались для заполнения в московских тюрьмах и концлагерях уполномоченными МПКК, имевшими допуск на их посещение, или тюремной администрацией. В этот период времени писем от заключенных и их родных в адрес МПКК поступало сравнительно не так много. После закрытия МПКК (и прекращения работы юридической комиссии) их количество многократно выросло, особенно быстро оно начало расти после организации Соловецкого лагеря⁵² и еще быстрее – с началом массовой высылки⁵³. К этому времени МПКК уже был закрыт, его заменил ПОМПОЛИТ. Адрес на конвертах оставался тем же, а название организации, в которую адресовались письма, их авторы писали по-разному: «Политический Красный Крест», «Помощь политическим заключенным», «Общество помощи политзаключенным», «ОГПУ. Помощь политзаключенным», «Управление помощи политическим заключенным», «Комитет взаимопомощи политически высланных», «Комиссия Помощи Политическим ссыльным», «Комиссия по проверке правильного содержания заключенных при ВЧК», «Комитет Красного Креста Международной Организации Помощи Политзаключенным», «Красный Крест помощи политическим преступникам», «Красный Крест города Москвы и Московской области полит-заключенным помощи», «Политпомощь заключенным», «Политический Крест им. Пешковой» и др. или просто «Е. П. Пешковой».

⁵¹ «Карточка арестованного» и «Опросный лист» печатались (по-видимому, бесплатно) в типографии издательства «Задруга».

⁵² Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения, т. н. СЛОН, (для содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления) начал работать 13 октября 1923 и просуществовал под разными названиями 16 лет.

⁵³ Массовая высылка началась в 1924 после того, как было организовано Особое Собрание (ОСО) при Коллегии ОГПУ, получившее право высylать, ссылатъ и заключать в концлагерь сроком до трех лет.

Для социалистов, начавших свой крестный путь в первые годы Советской власти, ПОМПОЛИТ оставался наследником политического Красного Креста. Среди репрессированных были товарищи Е. П. и М. В. по партии и общественной работе и бывшие сотрудники политического Красного Креста. Они в своих письмах обращались не только с личными просьбами, но и с ходатайствами о наиболее нуждающихся, а также рассказывали о положении заключенных и ссыльных в местах заключения или высылки, об их отношениях с местной властью. Полученная информация давала ПОМПОЛИТу повод обратиться к тем же репрессивным органам с жалобой на местные власти, что иногда приводило к положительному результату (это было особенно важно в случаях голодовок или когда речь шла о здоровье осужденного)⁵⁴.

Люди, не принимавшие участие в политической борьбе и оказавшиеся репрессированными, как им казалось, по какой-то ошибке, связывали с ПОМПОЛИТом надежды на справедливое решение их вопроса. При этом в народном сознании понятие правовых аспектов чаще всего было очень слабым, люди просили о снисхождении, рассчитывали на милость именно к ним. Им казалось, что именно к ним власть отнеслась несправедливо, не разобралась в ситуации, ошиблась, что именно их судьба достойна жалости. О существовании организации они нередко узнавали случайно. *«Узнав случайно о существовании Политического Красного Креста, хотя не знаю точно о целях и задачах его, обращаюсь к Вам с усердной просьбой по своему делу»* – так начинается письмо священника П. Керножицкого, высланного в 1927 году из Белоруссии в Сибирь⁵⁵. И таких писем множество. Люди, принадлежащие к более образованным слоям общества, были осведомлены о существовании ПОМПОЛИТа, представляли характер его деятельности (нередко им, их близким или знакомым уже приходилось прибегать к его помощи или ранее к помощи политического Красного Креста), но и они надеялись, что именно их судьба вызовет желание «хлопотать об облегчении участи», и обращались за помощью чаще не в организацию, а лично к Е. П. или М. В. При этом свои грамотно составленные заявления в

---

⁵⁴ Информация о режиме содержания заключенных в тюрьмах и о положении высланных попадала и в заграничную прессу, что давало дополнительные возможности для переговоров с властями.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 261. Л. 108–109.

ОГПУ, ВЦИК, Генеральному Прокурору они сопровождали личными письмами с просьбой похлопотать об их деле.⁵⁶

Что же касается народного восприятия, то деятельность ПОМПОЛИТа со временем все больше отождествлялась с именем Екатерины Павловны, и письма чаще всего были обращены к ней лично: «Дорогая Екатерина Павловна», «Многоуважаемая Екатерина Павловна», «Милостивой Государыне Екатерине Павловне», «Моей доброй и дорогой благодетельнице» и др.

«Узнала я случайно от добрых людей, что Вы, дорогая Екатерина Павловна, принимаете участие в судьбе всяких заключенных, и решила слезно просить Вас, похлопочите о возвращении моего сына из далекого Нарыма, единственную опору и утешение моей старости, смилуйтесь, помогите беспомочной старухе-матери»⁵⁷, — это строки из письма матери архимандрита Варсонофия Лузина, высланного в январе 1923 г. из Казани, написано письмо осенью 1923 г.

«Здесь в далекой тайге нет дня, где не слышно о Вас и о Вашем комитете, о Вашей помощи нам несчастным»⁵⁸, — так начинается заявление в ПОМПОЛИТ, написанное в 1928 г. крестьянином, отбывающим ссылку в Иркутской области.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна! Известие о Вашем великодушии и человечности осмеливает обратиться к Вам с просьбою. Лишена всякой возможности побывать в Москве и лично излить перед Вами просьбу моей измученной души»⁵⁹, — пишет в 1928 г. П. Карцивадзе-Сабашвили, прожи-

⁵⁶ Деятельность ПОМПОЛИТа, как и ранее деятельность политического Красного Креста, была неизменно связана с «хлопотами». В книге о Н. К. Муравьеве «Стой в завете своем...» // Москва. ООО «АМА-Пресс». 2004 // приводится документ из архива МПКК (ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 25. Л. 7). В нем сообщается, как в 1919 году, прося о смягчении расстрельных приговоров, 17 членов МПКК (Муравьев, Пешкова, Винавер, Тагер, Кальмеер, Либсон, Хорошко, Меринг, Ратнер и др.) обошли не менее 12 советских учреждений (Президиум ЦИК, Совнарком, Московский Исполком, ВЧК, МЧК, Верховный Трибунал, Городской Трибунал, Кассационный Трибунал и др.) и обратились лично к 46 высокопоставленным личностям (Ленину, Держинскому, Каменеву, Рыкову, Томскому, Сталину, Калинин, Луначарскому, Бонч-Бруевичу, Крупской, Курскому, Крыленко, Петерсу и др.).

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 328. Л. 80.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. Л.Л. 96–97.

вающая в Тифлисе и ходатайствующая об освобождении своего арестованного брата.

«Многоуважаемая гражданка Пешкова! Извините, что я к Вам т<а>к обращаюсь. Так к<а>к я не уверен, что Вы в действительности есть такая на свете. О Вас я случайно узнал от одного адм<инистративно> высланного человека, который слышал о Вас от одной женщины, которой Вы помогли взять детей брата к себе, которого выслали в Сев<ерный> край как кулака. Она говорила ему о Вашем добром обращении с ней, а поэтому я тоже как высланный с семьей в северный край обращаюсь к Вам с просьбой выслушать меня»⁶⁰, – так начинается письмо, написанное в 1930 г. высланным из Украины.

«Помогите мне, говорят, Вы помогаете многим или совет<ом> или делом. Помогите мне, ответьте мне»⁶¹, – из письма, написанного в 1932 г. женой административно высланного.

«Незабвенная М-ме Пешкова. Простите меня, что до этого времени не знаю Вашего драгоценного исторического имени и отчества, живу в такой деревушке, не от кого и узнать. <...> Ваше Великое учреждение, возглавляемое Вами, конечно, не нуждается в моей благодарности, так как в будущем за Ваше великое дело будет благодарить история. Но все же примите мою глубокую благодарность»⁶², – пишет в 1933 г. крестьянка, отбывавшая заключение как политическая в 1915 г. и высланная как противница коллективизации в 1929 г.

Письма к Екатерине Павловне совершенно незнакомых ей людей часто носили личный, доверительный характер, люди обращались не в организацию, а к человеку – женщине, которая в состоянии помочь в их беде, если очень захочет.

«Дорогая Екатерина Павловна, я много хлопотала о его [мужа] освобождении, но кто поверит моему голословному оправданию? К тому же я не могла добиться пропуска к ПредЦика Грузии. Вся надежда моя на Вас. Именем великого писателя земли русской Максима Горького прошу Вас помочь чем-нибудь моему мужу. Полученные им от Вас 7 руб<лей> во время пребывания его в Енисейской больнице были весьма

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 517. Л. 110–112.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 829. Л.Л. 418–419.

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л.Л. 182–184.

кстати. Он с благодарностью отзывается о Вас»⁶³, – из письма, написанного в сентябре 1928 г. школьной учительницей – матерью четырех детей, проживающей в с. Хеты Зугудинского уезда Кутаисской губернии.

«Со слезами умоляю Вас: помогите, родная, дайте хоть маленькую весточку о сыне – матери. <...> Мы, по течению обстоятельств, заклеянные контрреволюционеры, покорно несем свое клеймо. Кто же заглянет нам в душу? Кому нужна наша старая честность? У нас нет протекций. <...> За ваше внимание благодарю вас всем сердцем. <...> как утопающий хватается за соломинку, так и моя мятущаяся душа ищет этой соломинки. И почему я не отстаю от Вас. Это потому, что Вы – женщина и мать. Пишу я Вам тогда, когда мне до бесконечности тяжело. Умоляю Вас, ради Вашей любви к Вашему сыну, дайте мне совет. <...> я здесь невыносимо страдаю от сознания, что мое дитя гибнет, а я, мать, бессильна ему помочь. Что же делать? Что делать? Научите, родная. На мое ходатайство перед Калининым никакого ответа не получено»⁶⁴, – пишет в 1928 г. З. А. Юрченко, живущая в Баталпашинске Армавирского округа, у которой 17-ти летний сын осужден по политическим мотивам вместе с другими молодыми ребятами.

На эти эмоциональные письма (часто, многостраничные излияния) ПОМПОЛИТОм обычно посылался стандартный машинописный ответ: *«Пришлите короткое мотивированное заявление на имя ОГПУ, которое мы передадим и о результате Вас уведомим»*. Но канцелярская сухость не означала отписку. Заявление просителя передавалось по адресу, человек был услышан и получал ответ. Иногда это был удар – «нет в живых», но все-таки чаще какое-то, пусть маленькое, но утешение – сообщение о месте нахождения репрессированного (жив!), разрешение на свидание, на перемену места ссылки (в более подходящее место по климату или по возможности найти работу), на соединение с семьей, на выезд в город нуждающемуся в операции, на сокращение срока по болезни, возрасту, амнистии, на выезд в Палестину и др. Нередко само наличие ответа, несмотря на отказ в удовлетворении ходатайства, давало пострадавшим людям какую-то надежду на то, что ситуацию еще возможно изменить, нужно только продолжить хлопоты. И что

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. Л.Л. 185–186об.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л.Л. 324–327.

было очень важно для людей, оказавшихся в положении изгоев в своей стране, это то, что кто-то хлопочет о них, что их судьба кому-то не безразлична. Ниже мы приводим свидетельства двух женщин (а таких свидетельств – сотни).

Одна из них – это Анна Васильевна Тимирева-Книпер – любимая женщина адмирала А. В. Колчака, арестованная вместе с ним в 1920 г. и бывшая подопечной Екатерины Павловны в течение последующих почти 40 лет. В своих воспоминаниях⁶⁵ она писала: *«Кто не пережил страшного этого времени, тот не поймет, чем был для многих и многих ее труд. Что значило для людей, от которых шарахались друзья и знакомые, если в семье у них был арестованный, прийти к ней, услышать ее голос, узнать хотя бы о том, где находятся их близкие, что их ожидает».*

Имя другой женщины – Екатерина Пиотровская. Осенью 1931 г., находясь в ссылке в Архангельской области, она обратилась в ПОМПОЛИТ с просьбой о пересмотре дела, просьба была изложена в стихотворной форме (на двух листах)⁶⁶ и начиналась так:

«Посвящается Председательнице Общества Помощи Политзаключенных Пешиковой Екатерине Павловне

В знак глубокого уважения и благодарности за внимание.

Кто Вы, добрая волшебница?

В этом диком захолустье

Получивши от Вас весточку,

С горем и с бедой мирюсь я ...

Легче сердцу наболевшему,

Отдыхает грудь усталая,

Льются слезы облегчения –

И борюсь за жизнь снова я ...»⁶⁷

⁶⁵ А. В. Книпер. «Фрагменты воспоминаний». // Минувшее. Исторический альманах. Т. 1. Москва: «Прогресс»: «Феникс», 1990.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 331–331об.

⁶⁷ Ответ на это оригинальное послание не содержал сантиментов (что характерно): «На Ваше обращение сообщая, что дать Вам какие-либо указания невозможно, т. к. Вы не сообщаете, когда и где Вы были арестованы, не сообщили также своего отчества. Просим вести с нами переписку разговорным языком – не стихами». По-видимому, затем просительница прислала заявление в прозе, т. к. в деле имеется копия ответа, отправленного ей месяца через полтора после первого, и на этот раз ей сообщалось, что ее «заявление о пересмотре дела переслано в Харьков на заключение. По получении ответа, который можно ожидать месяца через два, уведомим Вас без повторного Вашего запроса». // ГАРФ. Ф. 603. Оп. 1. Л. 333.

Говоря о ПОМПОЛИТе, нельзя не вспомнить о его сотрудниках⁶⁸, об их самоотверженной работе, цену которой они понимали. И вот выдержка еще из одного документа – письма, написанного в июле 1942 г. Екатерине Павловне в Ташкент, где она в это время находилась в эвакуации⁶⁹: «...неволью мысль обратилась к прошлому, к годам, когда Вы вели ту замечательную работу, участвовать в которой было счастьем и радостью». ⁷⁰ Написали эти строки бывшие сотрудницы ПОМПОЛИТа В. Динесман, Е. Горбунова и М. Савенко, собравшиеся вместе в опустевшей военной Москве.

В 1958 г. через 20 лет после закрытия ПОМПОЛИТа и через пять лет после смерти Сталина состоялся вечер, на котором чествовали Екатерину Павловну⁷¹, ее «*работа получила заслуженное широкое признание*», но при этом «*ничего не было сказано о работе на Кузнецком. Не время еще?*», – это строки из письма В. А. Перес.⁷² И дальше из этого же письма: «*Но есть потребность как раз теперь же от себя лично, ото всех, кто был тогда с Вами, видел и знал Вашу наизуманнейшую работу, в которую Вы вкладывали поразительно много энергии, ума и души, и от всех тех, для кого Вы с такой смелостью и отзывчивостью отдавали свои силы, особенно самозабвенно для бесчисленного множества матерей, самовольно беру на себя смелость выразить Вам глубочайшее уважение, любовь и благодарность*».

---

⁶⁸ В. Г. Ман, Л. П. Куприянова, В. А. Перес, Н. А. Перес, В. Л. Динесман, Е. И. Горбунова, С. Б. Горман, О. С. Гурская, Е. В. Линдельфельд, А. Ф. Евстратова, О. В. Добросовестная и др. Штат ПОМПОЛИТа насчитывал немногим более полутора десятков сотрудников; в разное время состав работающих несколько менялся.

⁶⁹ В эвакуации в Ташкенте Е. П. работала в организации, помогавшей эвакуированным и пострадавшим от войны детям.

⁷⁰ ИМЛИ, Архив Горького, ФЕП-кр, 24-29-1.

⁷¹ Отмечалось ее 80-тилетие. (По паспорту год рождения Е. П. Пешковой значился как 1878, хотя родилась она в 1876).

⁷² Центр документации «Народный архив». Ф. 278. Оп. 1. № 174. Черновик письма. Автограф.

С начала 1990-х годов исследованием рассекреченных архивов МПКК и ПОМПОЛИТа (около 2000 дел, в среднем, по 200–300 листов в каждом) занимаются сотрудники Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал». В настоящее время составлены алфавитные указатели фондов, выпущены сборники документов по репрессированным священнослужителям⁷³ и репрессированному дворянству.⁷⁴

Сборник состоит из вступления, пяти разделов и двух приложений. Основной материал расположен в хронологическом порядке и разбит на пять разделов (1920–1924, 1925–1929, 1930–1932, 1933–1934, 1935–1936). Каждый раздел предваряет краткая историческая справка, в которой излагаются основные события, происходящие в стране в данный отрезок времени, а также некоторые постановления, определившие судьбу авторов писем и их близких. В приложении 1 представлен один документ – записка, относящаяся к концу апреля 1938 года, когда до официального закрытия ПОМПОЛИТа оставалось немногим более двух месяцев. В приложении 2 даются биографии Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера. Завершают сборник именной указатель, географический указатель и список принятых сокращений.

В сборнике представлены, в основном, документы из архива ПОМПОЛИТа и лишь в небольшом количестве – из архива МПКК. Материалы, относящиеся к репрессиям 1937 г., в данный сборник не включены.

Письмо, полученное ПОМПОЛИТом, обычно прочитывалось кем-либо из сотрудников и, в зависимости от содержания письма (закрывающейся в нем просьбы) давался ответ или самими сотрудниками, или письмо передавалось на заключение Е. П. или М. В. Регистрировалось письмо после того, как на него давался ответ (или после того, как по нему были предприняты какие-либо действия или решения). ПОМПОЛИТ, как правило, давал ответ всем обратившимся и, как уже гово-

---

⁷³ «Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России». Составитель И. И. Осипова. Редактор А. Б. Рогинский. // Церковно-исторический вестник», 1999, № 2–3.

⁷⁴ «Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937». // СПб: Издательство журнала «ЗВЕЗДА», 2004.

рилось выше, все ответы шли за подписью Е. П. или М. В.⁷⁵ На каждом письме, как правило, имеются пометы: это входящий номер и дата регистрации письма, а также заметки или вопросы сотрудников к Е. П. или М. В. и указания последних. По этим пометам можно получить представление о работе ПОМПОЛИТа, а также, примерно, о количестве людей, обращавшихся в ПОМПОЛИТ в разные годы.

В публикуемых письмах сохранены искажения имен собственных, названий организаций и других реалий. Сокращения в словах, сделанные авторами текстов, раскрываются в угловых скобках. Подчеркивания в текстах принадлежат либо автору письма, либо сотруднику ПОМПОЛИТа. Исходящие номера и дата отправки, проставленные сотрудниками от руки, на копиях ответов ПОМПОЛИТа авторам писем (машинопись), даются курсивом. Комментарии составителей также даны курсивом. Примечания имеют сквозную нумерацию внутри раздела и расположены внутри комментируемого раздела, по преимуществу, на соответствующей странице.

Следует иметь в виду, что большинство писем детей написано под диктовку взрослых, часто малограмотных, но есть и письма, написанные детьми самостоятельно.

* * *

Работа над сборником осуществлялась в рамках программы НИПЦ «Мемориал» – «История карательной и исправительно-трудовой политики в СССР 1917–53 годов». Особая благодарность сотрудникам НИПЦ О. В. Васильевой, И. С. Заикиной, М. Л. Кофман, Р. З. Оловянниковой, С. С. Печуро, Я. З. Рачинскому, Л. А. Щербаковой, а также руководителю научных программ А. Б. Рогинскому.

Пользуемся случаем поблагодарить за неоценимую помощь в предоставлении архивных документов руководство и сотрудников Государственного Архива Российской Федера-

---

⁷⁵ Так было вплоть до 1937. Но и позже, когда лавина писем буквально захлестывала сотрудников, все письма прочитывались, вычленялись содержащиеся в них просьбы (по письму составлялся как бы реферат), а затем, в зависимости от характера просьбы, составлялся или запрос в ГПУ или принималось решение об оказании материальной помощи, к сожалению, чаще отрицательное – «за неимением средств».

ции: С. В. МIRONENKO, Е. Л. Луначарского, М. Б. Садовникова, Л. И. Петрушеву, В. В. Саунина, Л. И. Курганову, Н. В. Шикунова.

Огромная благодарность за предоставленные архивные документы сотрудникам архива А. М. Горького в ИМЛИ Е. Р. Мативосян и Г. Э. Прополянис и сотруднице Центрального архива ФСБ Российской Федерации Н. Н. Воякиной.

Благодарим за предоставленные документы сотрудницу Центрального Государственного Архива Московской области Н. А. Демидову, сотрудников Центра документации «Народный архив» Г. С. Акимову и М. А. Смирнову.

Благодарим М. В. Базилинскую за предоставленное фото М. Л. Винавера.

Благодарим М. В. Должанского за оформление обложки. В оформлении использована афиша конкурса школьных сочинений «Человек в истории», проводимого «Мемориалом» в 2002 году.

Благодарим О. В. Васильеву, Р. З. Оловянникову, В. В. Мазманянц за набор текстов.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данного сборника.

Раздел 1

ПИСЬМА 1920–1924

К концу 1920 г. советской власти удалось, в основном, одержать победу над своими вооруженными противниками, хотя польско – советская война и попытки Врангеля укрепиться на юге России продлили состояние неопределенности еще на несколько месяцев. В беспощадной борьбе за власть большевикам пришлось мобилизовать все свои силы. Чтобы победить, они избрали режим жесткой политической и экономической диктатуры. Уже в декабре 1917 г. большевики создали ЧК, в январе 1918 распустили Учредительное собрание, где остались в меньшинстве (около 175 депутатов против 410 эсеров), а затем, утверждая свое монопольное право на власть, начали методично расправляться со всеми оппозиционными силами (включая эсеров)¹.

В области экономической все было подчинено снабжению армии и городского населения, у крестьян изымались продукты. Распределение продуктов шло через Наркомпрод, который получил право применять силу против крестьян, не желающих сдавать зерно государству.² Грубые методы реквизиции в деревне восстановили против власти крестьянство, не желающее отдавать только что завоеванное, начались крестьянские восстания. Голод, эпидемии, полный развал экономики вызвали недовольство всего народа – за крестьянскими восстаниями последовали забастовки рабочих и, наконец, мятеж военных моряков в Кронштадте (28 февраля – 18 марта 1921).³ Власти безжалостно подавили это выступление, но одновременно на

---

¹ В сентябре 1918 (после покушения на Ленина и убийства Урицкого) во имя спасения революции был узаконен «красный террор». // «Постановление СНК о “красном терроре” от 5 сентября 1918. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий». – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 11.

² В начале 1919 был принят декрет о переходе всех земель в собственность государства и о переходе «от единоличных форм землепользования к товарищеским»; была введена продразверстка.

³ Во время Кронштадтского мятежа против власти большевиков выступили 14 тыс. моряков Балтийского флота и рабочих Кронштадта с требованиями вернуть гражданские свободы, признать политические партии, провести новые выборы в Советы.

10-м съезде партии, созванном в начале марта (8–16 марта 1921) была принята новая экономическая политика (НЭП), предназначенная способствовать восстановлению страны, в том числе восстановлению союза с крестьянством.⁴ 9 августа 1921 г. был утвержден «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики».

Летом 1921 г. Россию поразил страшный неурожай, приведший страну к голоду. Голодало более 30 млн. человек, 5 млн. человек умерло. Для спасения погибающих от голода внутри страны было создано два комитета: официальный государственный и общественный.⁵ Кроме того, властям пришлось согласиться на помощь международных организаций.⁶

С принятием НЭПа в стране начали осуществляться экономические реформы,⁷ одновременно происходила перестройка государственных структур, особенно интенсивная после образования СССР и разработки Конституции. В 1922 г. были опубликованы Гражданский кодекс, Уголовный кодекс и новый Кодекс законов о труде. 30 декабря 1922 г. в Москве состоялся I-й съезд Советов Союза, на котором был принят союзный договор между советскими республиками: Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской, образовавших СССР.

---

⁴ Через три дня после подавления Кронштадского мятежа 21 марта 1921 большевики издали декрет, согласно которого продразверстка была заменена натуральным налогом; декретом от 28 марта было разрешено продавать излишки продуктов на рынке; декретом от 7 апреля была восстановлена независимость потребительских кооперативов; 17 мая был отменен ноябрьский декрет 1920 о национализации мелких предприятий; в июле 1921 было разрешено сдавать в аренду государственные предприятия частным лицам и создавать частные предприятия.

⁵ См. сноску 23 вступления.

⁶ Для помощи голодающим России были созданы три международных организации: европейская миссия, во главе с Ф. Нансеном, АРА – American Relief Administration во главе с Г. Гувером (будущим президентом США) и миссия, организованная римским папой Пием XI-м. Кроме того, жившие за границей русские могли вносить по 10 долларов, и тогда их родственники, жившие в России, получали раз в месяц продовольственные посылки, стоящие 6 долларов.

⁷ Для стабилизации денежной системы (в декабре 1922 цены по сравнению с 1913 выросли в 200 тыс. раз) в феврале 1924 была проведена денежная реформа: совдензнаки были изъяты из обращения после обмена их на новые деньги по курсу 1 новый руб. за 50 тыс. старых. В декабре 1923 был введен в действие Земельный кодекс, который позволял крестьянину свободно выбирать между единоличной или коллективной формами земледелия, а также разрешал нанимать работников.

На съезде был избран Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) под председательством М. И. Калинина. 6 июля 1923 г. ВЦИК утвердил проект Конституции СССР, а 31 января 1924 г. на II-м съезде Советов СССР она была утверждена. Первая федеральная Конституция СССР гарантировала народам, входящим в СССР, равенство и право выхода из Союза. Все права в стране согласно этому основному закону принадлежали рабочим и крестьянам; буржуазия («лица, эксплуатирующие чужой труд») и духовенство («служители религиозных культов») объявлялись «лишенцами», т. е. лишались гражданских прав (на практике они лишались не только избирательного права, но и социальных гарантий).

Однако экономические и конституционные реформы сопровождались ужесточением борьбы с оппозицией⁸ и усилением идеологического давления. В феврале 1922 г. антицерковная политика, проводимая советской властью, превратилась в жестокую антицерковную кампанию. Предлогом послужило сопротивление патриарха Тихона насильственному изъятию церковных ценностей для помощи голодающим.⁹

В начале 1924 (21 января) умер В. И. Ленин, после смерти он немедленно сделался объектом культа.

ИЗ ХРОНИКИ РЕПРЕССИЙ

9 февраля 1922 ликвидировано ВЧК и организовано в системе НКВД Главное политическое управление (ГПУ).

9 июня – 9 августа 1922 состоялся судебный процесс над членами ЦК ПСР.

2 ноября 1923 организовано ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление) при СНК СССР, которому переданы функции ВЧК-ГПУ.

В ноябре 1923 (в соответствии с постановлением СНК от 13 октября 1923) организован находящийся в подчинении ОГПУ Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (для содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления). Он просуществовал под разными на-

⁸ Подавление Кронштадтского мятежа фактически означало прекращение легальной деятельности всех политических партий и преследование членов этих партий (включая бывших).

⁹ 26 февраля 1922 был издан декрет об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим.

званиями (Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН, Соловецкое отделение Белбалтлага, Соловецкая тюрьма) 16 лет.

В конце 1923 в Соловецком лагере содержалось 2557 человек, а в первом квартале 1924 – 3531 человек.¹⁰

28 марта 1924 Президиум ЦИК СССР утвердил «Положения о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь», по которому в ОГПУ появилось Особое совещание (ОСО), получившее право высылать, ссылать и заключать в концентрационный лагерь сроком до трех лет). ОСО состояло из трех членов Коллегии ОГПУ с обязательным участием прокурорского надзора (в 1924 членами коллегии стали В. Р. Менжинский, Г. Г. Ягода и Г. М. Бокий), оно явилось вторым после Коллегии ОГПУ органом внесудебных решений.

В 1924 ОСО осудило 9366 человек, в 1927 – 15947 человек, в 1933 – 25330 человек.¹¹

---

¹⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. Общество «МЕМОРИАЛ», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 16.

¹¹ Гулаг: Главное управление лагерей. 1918–1960 гг. Составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Под ред. Акад. А. Н. Яковлева: М. 2002. С. 432.

* * *

1.1. Письмо Липы (мать новорожденного сына) к мужу, находящемуся в заключении, с рассказом о рождении их сына. 2 октября 1920, Новозыбков¹².

Это личное письмо женичины должно было быть передано ее мужу, но почему-то так и осталось в архиве МПКК. Возможно, что к тому времени, когда письмо попало в руки сотрудников МПКК, мужа ее не было в живых. Фамилии женичины и ее мужа не установлены, осталось письмо и имена.

«Новозыбков. 2/X 1920 г.

Володенька, родной мой!

Простишь ли ты мне мое, столь долгое молчание. Что-то внутренне подсказывает мне, что да, простишь. Тебе не трудно будет понять причину его... Мне очень трудно сознаться, что вот уже две недели я никак не могла взять себя в руки, сесть и спокойно писать. Тяжело, что не я первая сообщила тебе о появлении столь долгожданного нашего мальчика.

Я не ошиблась, 17 в пятницу в 3 часа утра он появился на свет и громким криком заявил о своем праве на существование.

Дорогой мой, ты горишь желанием знать о нем много, много. Да, многое бы можно рассказать, а напишешь ли все? Прежде всего, позволь поздравить тебя с сыном, который, кажется, будет твоим портретом. Уже теперь, когда ему только две недели, сходство довольно большое; подрастет, и оно вывится еще резче.

Мальчуган прелестен тем, что очень крепкий, доношенный и здоровенький. Орет прекрасно, можно предполагать, что в этом пойдет в маму – будет с голосом. Ну, что еще рассказать тебе о нем?

Родился он около 3 ф<унтов> весом, с длинными беленькими волосиками и большими синими глазами, с пушком на щечках – смешной такой. Много в нем еще стариковского, но последнее в каждым днем исчезает, уступая место специфически детскому.

Пока что мальчик растет спокойный – сам спит, спит-ест. Правда, вчера и сегодня он кричит больше обыкновенного, но

¹² Город Клинцовского окр. Зап. обл., узловая ст. Зап. ж.д. Был известен заготовкой пеньки и конопляного масла.

в этом виновата уже я сама. Нервы немного пошаливают, сдержаться не всегда удается, а у него отражается на желудке. Надеюсь, что все же я окажусь госпожой положения, а не мои нервы, и все наладится. Теперь остановка только за папой, был бы он с нами, и все чудесно было бы. Хочу верить, что ждать осталось уже недолго.

Несколько слов о себе; я уже совсем здорова и физически чувствую себя прекрасно, не могу этого сказать о нравственном состоянии, оно, кажется, похуже.

Роды и послеродовой период протекал очень хорошо, не только никаких осложнений, но не понадобилось никаких лекарственных снадобий, хотя в них недостатка не было. Уход и все остальное было чудесно, не хватало одного, только тебя, родной мой.

Мне кажется, что я не заслуживаю того отношения, какое было проявлено со стороны друзей, так что обо мне ты не беспокойся – все самое страшное осталось позади. Теперь нужны силы, чтобы растить нашу малышку.

Ты уже высказываешь нетерпение, читая о нем и не зная его имени. Трудно мне было одной решить этот вопрос, тысячу раз колебалась, останавливаясь то на одном, то на другом имени, вспомнила наш разговор за обедом о том, что красивых имен два – твое и Карпекина¹³, решила назвать его Александром, зову же его Алеком и Леликом. Ты приедешь, и может быть, мы его снова перекрестим, хотя его уже зарегистрировали Александром.

Родной мой, не сердись, если я не так часто буду писать. Возможно, что мое настроение скоро урегулируется, но теперь еще мне стоит огромных усилий писать, зная, наверное, что письмо, прежде чем попадет <к> тебе (да и попадет ли вообще), пройдет десятки рук и вызовет десятки иронических улыбок и замечаний. Знаю, что с этим не стоило бы считаться, а все же пока иначе не могу.

Хотя бы в этом отношении была бы хоть маленькая справедливость, если бы я могла быть уверена, что это письмо, пройдя десятки инстанций, все же попадет к тебе, я бы превозмогла все и писала бы. А как много, много есть о чем писать, а еще больше говорить.

---

¹³ Карпекин (Карпейкин) Александр Алексеевич – член ПСР. В январе 1923 – в Таганской тюрьме. В феврале 1923 – в ссылке в Ташкенте.

Верю, родной, что наше солнце снова согреет наши сердца и души, верю, что правда восторжествует, и ты снова будешь на свободе, мы вместе будем растить нашего крошку, для иной только жизни, здоровой, прекрасной и правильной.

О нас, дорогой, не беспокойся, береги только свое здоровье, береги силы, ты нужен и мне, и нашему мальчику, он требует от нас много, много.

С Броничкой посылаю тебе теплые вещи, будет случай, передам еще кое-что.

Хочу верить, что до наступления холодов ты будешь уже с нами. Надо сильно хотеть и верить, и по вере моей воздастся мне. О, если бы это было так.

Могла бы исписать целую тетрадь. Пусть хоть это короткое письмо попадет к тебе. Подробно буду писать в дневнике Алека.

Будь здоров, родной, любимый мой, здоровье – вот тот фундамент, на котором мы построим крепкое и здоровое здание нашей будущей жизни.

Целую крепко и много, я и Лелик.

Твоя, всегда твоя. Липа».¹⁴

* * *

1.2. Обращение сестры милосердия
М. С. ПОКРОВСКОЙ. 11 ноября 1920, Новоспасский концлагерь, Москва.

ПОКРОВСКАЯ Мария Станиславовна родилась в [1890]. Окончила Екатерининский институт в Петрограде, затем Варшавскую консерваторию. С 1914, окончив фельдшерские курсы, служила сестрой милосердия при Николаевском госпитале, с 1918 заведовала перевязочным пунктом стрелковой дивизии 7-ой Армии в Петроградском районе. 11 октября 1919 ее муж, Покровский Александр Александрович, бывший полковник Гвардейской Конной артиллерии, был арестован в засаде в квартире своей сестры в Петрограде. Узнав о его аресте, она на следующий же день, 12 октября, отправилась в Комитет Обороны хлопотать о его освобождении (имея при себе бумагу с ходатай-

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 4. Л.Л. 15–18. Автограф.

ством о его освобождении, полученную в Штабе 7-ой Армии), но он не был освобожден, а М. С. была арестована. Позже ее муж был расстрелян по подозрению в участии в контрреволюционном заговоре. Она же 9 февраля 1920 была привезена в Москву в ВЧК, откуда была переведена в Бутырскую тюрьму. 22 мая 1920 постановлением Президиума ВЧК была приговорена к заключению в лагере до конца гражданской войны и отправлена в Новопасский концлагерь. В ноябре 1920 она обратилась с ходатайством о своем освобождении к юристу МПКК Иосифу Семеновичу Кальмееру.

«Глубокоуважаемый Иосиф Семенович.

Простите, что беспокою Вас, очень прошу Вашего содействия походатайствовать о моем освобождении. Я арестована в Петрограде 12 октября 1919 года, пошла хлопотать о своем муже, который попал в засаду, и была задержана. Был один вопрос, обвинений не предъявляли. 7 февраля с/г была отправлена в Москву, в мае с/г узнала, что я осуждена до конца гражд<анской> войны. Умоляю Вас, помогите мне, ради моей старой, 70 лет, Матери. Я одна у нея поддержка, и она сейчас буквально умирает с голоду, а также и мать моего мужа, у нея нет никого. Мой муж и его сестра расстреляны, и я являюсь для нея тоже единственной помощью. Мне так тяжело и больно сознавать, что я ничего не могу для них сделать. Не откажите мне в моей просьбе. Всю свою жизнь буду Вам благодарна.

С почтением и уважением. М. Покровская. 11/II-1920. Новопасский лагерь»¹⁵.

Пометы: «вх. 973. 15/XI-20». «Найти докл<адную> записку».

Юридическим отделом МПКК были направлены ходатайства об освобождении М. С. ПОКРОВСКОЙ в Комиссию по применению амнистий и в Президиум ВЧК. В результате, в январе 1921 Комиссией по применению амнистий было принято постановление об ее освобождении. Она в это время находилась в Брестском госпитале по поводу туберкулезного процесса в легких. 21 февраля 1921 М. С. ПОКРОВСКАЯ была освобождена из заключения.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 236. Л. Л. 68, 68об. Автограф.

* * *

1.3. Переписка А. А. ПОТЕМКИНОЙ (вдова расстрелянного) с МПКК. Март – апрель 1921, Петроград – Москва.

Зимой – весной 1921 в МПКК приходят запросы от жены М. Н. ПОТЕМКИНА. В конвертах с запросами о судьбе мужа она посылает и адресованные ему записки. Сообщения МПКК о том, что ее муж приговорен к ВМН (высшей мере наказания, т. е. расстрелу), она не понимает.

Часть переписки А. А. ПОТЕМКИНОЙ и МПКК мы приводим ниже.

«Исх. № 1756. 24/III-21.

Александре Алексеевне ПОТЕМКИНОЙ.

Петроград. Исаакиевская п., д. 43, кв. 9.

В дополнение к заявлению своему от за № Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> настоящим сообщает Вам, что по наведенным справкам, муж Ваш подвергнут высшей мере наказания.

Заведующий Юридическим отделом
Секретарь».¹⁶

«4-е апреля 1921-го г.

В Московский Политический Красный Крест.

В Юридический отдел.

Просьба.

Прошу не отказать сообщить мне, что означает для моего мужа Михаила Николаевича Потемкина “подвергнут высшей мере наказания”? Наведите, пожалуйста, справку более подробную. В Бутырской тюрьме был в той же камере 76-й 13-й коридор еще Потемкин. Не перепутаны ли имена? Моего мужа зовут Михаил Николаевич Потемкин.

Если чему-либо подвергнут мой муж, то прошу сообщить подробно, чему именно. Если он куда-либо направлен, то прошу узнать, куда и где помещается. Еще раз обращаюсь с просьбой узнать о деле, в чем его обвиняют. Был ли ему суд? Или все кончено? Прошу, если он в Бутырской тюрьме или еще где, направить ему открытку. Жду с нетерпением ответа.

Петроград, Исаакиевская площадь, 2/3, кв. 9. А. А. Потемкиной».¹⁷

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 104. Машинопись (копия).

В письме находилась открытка со следующим текстом:

«Дорогой мой Мишурка! Пиши, родной, дай о себе весточку. Успокой меня. Крепко целуем тебя. Здоровы все. Не получаем от тебя с января никакой весточки. Да хранит тебя Боженька. Твоя жена».¹⁸

«7-е апреля 1921 г.

В Московский Политический Красный Крест.

Юридический отдел.

Третий раз обращаюсь с просьбой в Политический Красный Крест ответить мне на Ваше сообщение от 24 марта за № 1657, что мой муж Михаил Николаевич Потемкин, находившийся в Бутырской тюрьме, 13-й кор<идор> 76-ая камера, “подвергнут высшей мере наказания”? Что это означает для него? Если с меня следует получить за справки, то прошу сообщить, сколько. Прошу не путать с моим мужем Анатолия Потемкина, находившем в том же коридоре и камере.

Будьте добреньки, как видите – все подробно – месяц, число, за что. Если жив, где находится. Очень прошу не отказывать в ответе, и если необходима помощь, прошу оказать. Почему дело носит только исключительно серьезный характер. Сообщите понятнее для меня. Не понимаю.

Адрес: Петроград, Исаакиевская площадь, 2/3, кв. 9. А. М. Потемкиной.

Выясните мне, пожалуйста, все подробно, все».¹⁹

Пометы: «Прошу дать справку». «Послали. См. ответ 11/IV». «Вх. № 480. 14/IV-21».

«10-е апреля.

Московский Политический Красный Крест.

Юридический отдел.

Просьба.

Убедительно прошу навести справку о муже моем Михаиле Николаевиче Потемкине помещавшемся: Бутырская тюрьма, 13-й кор<идор> 76-ая камера. Что означает для него

---

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 105. Автограф.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 106. Автограф.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л.Л. 98, 98об. Автограф.

“Подвергнут высшей мере наказания”? Ваше сообщение от 24 марта за № 1657 меня не удовлетворило, ибо там не было пояснено значение высшей меры наказания для Михаила Николаевича Потемкина. В том коридоре <в> той же камере помещался еще Потемкин Анатолий. Прошу не перепутать с моим мужем Михаилом Николаевичем Потемкиным. Удивляюсь, что дело приняло исключительно серьезный характер, как вы сообщаете мне. Когда меня и свидетелей допрашивал следователь, то сказал, что мой муж будет отпущен, а тут мною была получена от Вас, что вы навели справку, и муж мой подвергнут высшей мере наказания – какой, не поясняется. Прошу очень узнать Вас все, все подробно и сообщить мне подробно. Пишу Вам четвертый раз, но ответа не последовало. Если задержка с моей стороны, что с меня нужно взыскать за справки, то прошу сообщить – моментально вышла. С 15-го января не имею вестей от мужа, но знаю, что до 15-го февраля был там и жив. М<ожет> б<ыть> не разрешена переписка? Все хочу подробно знать. Если муж мой подвергнут принудительным работам, то будьте добреньки, наведите справку, куда направлен и на сколько лет. Жду ответа. Прошу не отказать в моей просьбе. Адрес: Петроград, Исаакиевская площадь, 2/3, кв. 9. А. М. Потемкина.

Прошу навести справку, какая же участь постигла Анатолия Потемкина. Помещался Бутырская тюрьма, 13-й кор<идор> 76-ая камера (Рабочая). Если мой муж жив, могу я послать через Ваш ПКК посылочку?

А. Потемкина.²⁰

Пометы: «В Юрид<ический> отд<ел>. 12/IV-21 г». «К делу. Ответ учрежд<ения>». «Расстрелян». «Вх. № 480. 13/IV-21 г.».

<11 апреля 1921>

«Дорогой мой Мишурочка!

Три месяца не знаю о тебе. Ответ одно слово, и я успокоюсь. Навести справки о тебе никак не удастся. Детишки крепко целуют. Будь здоров да хранит тебя Боженька. Целую».²¹

²⁰ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л.Л. 99–100об. Автограф.

²¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 95. Автограф.

12 апреля 1921 – юридический отдел Московского ПКК обратился к ней с разъяснением.

«А. А. ПОТЕМКИНОЙ.

Петроград. Исаакиевская п<лощадь>, д. 2/3, кв. 9.

Моск<овский> Полит<ический> Красный Крест уже 2 раза сообщил Вам, что муж Ваш Михаил Николаевич Потемкин по постановлению О<собого> О<отдела> ВЧК приговорен к высшей мере наказания, какой приговор приведен в исполнение. Тем не менее, Вы в 3-й раз запрашиваете о судьбе Вашего мужа, прося разъяснить, что означает высшая мера наказания. Как ни грустно сообщать такие печальные факты, Кр<асный> Крест вынужден разъяснить, что высшая мера наказания – есть расстрел.

Заведующий юридическим отделом Кальмеер».²²

После этого ответа в МПКК от А. А. ПОТЕМКИНОЙ приходит еще одно (уже последнее) письмо – не просто «Просьба», как раньше, а уже – «Убедительная просьба».

«11-е апреля.

В Московский Политический Красный Крест.

В Юридический отдел.

Убедительная просьба.

Будьте добреньки, не оставьте без внимания мою просьбу. Пятый раз обращаюсь, но ответа все нет. Ответьте, что означает для Михаила Николаевича Потемкина “подвергнут высшей мере наказания”? Ваше сообщение меня не успокаивает, ибо оно не ясно. Под этой фразой можно понимать многое, поэтому прошу не отказать точнее навести справки. Помещался муж в Бутырской тюрьме. Был ли ему суд и когда? Все мне очень хочется знать подробно.

Адрес: Петроград, Исаакиевская площадь, 2/3, кв. 9. А. М. Потемкина».²³

Помета: «Юрид<ический> отд<ел>. 15/IV-21 г.».

---

²² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 97. Машинопись.

²³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 319. Л. 94. Автограф.

* * *

1.4. Письмо Е. М. РАТНЕР (член ЦК ПСР и мать 3-хлетнего сына) Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ²⁴. 10 мая 1921, Бутырская тюрьма, Москва.

РАТНЕР Евгения Моисеевна (1886-1931). Член ПСР, с 1917 – член ЦК ПСР, одна из осужденных по процессу ЦК ПСР (летом 1922). В 1920 была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму вместе с трехлетним сыном.

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ В.Ч.К. и
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ.

Гражданин Дзержинский.

Назначая Вас председателем всех учреждений по охране детей в России, Советское Правительство так усердно рекламировало в своей прессе Ваше “золотое сердце”, что даже в душах людей, наиболее критически относящихся к этому роду литературы, могла явиться тень сомнения. Правда, Ваш 3-х летний педагогический стаж в качестве председателя ВЧК, казалось бы, достаточно предопределял пути и методы воздействия на подрастающее поколение, но предполагать, что все они будут целиком применяться и к гражданам самого младшего возраста, решился бы далеко не всякий. Вот почему я считаю своим долгом в качестве иллюстрации, рассеивающий на этот счет всякие сомнения, привести несколько фактов из жизни одного ребенка, уже много месяцев имеющего счастье находится на вашем попечении. Это – мой 3-х летний сын Шура, содержащийся вместе со мной в Бутырской тюрьме. Счастье, выпавшее на его долю, действительно велико. Других детей в его положении Вы силой отымаете у арестованных матерей и помещаете в советские воспитательные учреждения с большим риском попасть на фабрику ангелов – одна из немногочисленных отраслей советского производства, процветающего не в пример прочим. В Бутырках Шура благоденствовал вместе с другими членами с.р.-овского общежития.

Но трудность положения правительства растет. Отечество в опасности, и интересы коммунистической политики властно требуют принятия по отношению к Шуру самых строгих репрессивных мер. С этой целью вначале предполагается отправить Шуру в один из провинциальных каторжных централов, дабы лишить

²⁴ Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926). С декабря 1917 – председатель ВЧК, с марта 1919 – нарком внутренних дел, в январе 1921 назначен председателем Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК.

его возможности вредного воздействия на внешний мир. В одну прекрасную ночь вооруженные до зубов чекисты наводняют помещение тюрьмы, вытаскивают силой чуть ли не из постелей полураздетых женщин, толкают, бьют, тащат за руки и за ноги по железным и каменным лестницам, неизвестно куда, неизвестно зачем. Врываются и в нашу камеру, набрасываются на перепуганного, кричащего не детским криком ребенка.

Потом оказывается, что Ц.К. партии С.Р. оставляют в Москве, и Шура остается в опустевших Бутырьках. Но вольности, которым он пользовался до сих пор в пределах Бутырского двора, слишком подрывают основы. И Шурку обезвреживают.

1. С этой целью его выпускают на прогулку только на один час в день и уже не на большой тюремный двор, где растет десятка два деревьев, и куда заглядывает солнце, а на узкий тюремный дворик, предназначенный для одиночек.

2. Запираются двери не только коридора, но и его одиночки, хотя корпус почти пуст, и достаточное количество замков отделяют и так Шурку от воли.

3. Коммунистическая комендатура так усердно празднует праздники Св<ятой> Пасхи, что даже на второй день ее отказывает в свидании приехавшим в первый раз за всю зиму из деревни братишке и сестренке, гражданам не менее опасного возраста. Дети ждут 2 часа и плачут у ворот, Шурка плачет в тюрьме, правительство Р.К.П. торжествует.

4. Должно быть в целях физического обессиливания врага пом<ощник> коменданта Ермилов отказался принять Шурке даже принесенное с воли молоко. Для других он передачи принял. Но ведь то были спекулянты и бандиты, люди гораздо менее опасные, чем с.р. Шура.

Не вспоминается ли Вам, гражданин Дзержинский, кошмарные картины царской каторги в тех же Бутырских стенах. А ведь и тогда камеры детей не запирались, они пользовались льготными прогулками, им всегда принимались передачи.

Итак, Ваш первый воспитательный опыт удался. Шурка сидит под замком и смирился. Надеюсь, что это педагогическая система, примененная ко всем детям Р.С.Ф.С.Р., даст не менее блестящие результаты. Жалею лишь, что положение печати в России лишает меня возможности достойно рекламировать этот поучительный опыт, но не сомневаюсь, что история вполне вознаградит меня за это.

БУТЫРКИ. 10 МАЯ 21 Г.»²⁵

²⁵ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 8. Л. 54. Машинопись.

* * *

1.5. Заявления сестры милосердия Е. И. ВЛАСОВОЙ.
15 сентября, 13 октября 1921, Бутырская тюрьма, Москва.

ВЛАСОВА Екатерина Иосифовна – сестра милосердия и фельдшерница. Во время гражданской войны служила в отряде бело-зеленых в Крыму. Была арестована 20 августа 1921 в Москве (после объявления амнистии явившимся добровольно) и отправлена в Бутырскую тюрьму. Заполняя опросные листы МПКК, раздаваемые заключенным, она обратилась с нижеследующими заявлениями.

«В политический Красный Крест
арестованной гражданки
Екатерины Иосифовны Власовой,
Бутырская тюрьма, общая женская камера.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Узнав из газет о приезде в Москву из Крыма делегатов беспартийной татарской конференции и с ними председателя полномочной комиссии от ВЦИК и Совнаркома по делам Крыма т. Ш. Ибрагимова, убедительно прошу снести с т. Ш. Ибрагимовым по моему делу, так как он с мельчайшими подробностями знает, как велись мирные переговоры с отрядами бело-зеленых в Крыму. Знает, что нам гарантировалась жизнь и свободный выбор занятий. На беспартийной татарской конференции, проходившей 22–29 мая с. г. в Крыму, вопрос о добровольной явке отрядов бело-зеленых также обсуждался и также гарантировалась полная амнистия и безопасность.

Прошу довести до сведения т. Ибрагимова, что в Бутырской тюрьме томятся нас пятеро таких амнистированных. Трое: я, Леонтьев Владимир Павлович и Феоктистов Василий Николаевич из отряда Александра Николаевича Спан, и двое: Зорев Владимир Иосифович и Песоцкий Иван из отряда “Жоржа”. Оба эти отряда спустились с гор 12 июля.

Я хочу верить и верю, что амнистия, объявленная нам тогда, была делом, а не только словами, так как никакого повода для нашего ареста не было, я убеждена, что наш арест и заключение в тюрьму – недоразумение и досадная ошибка, которую необходимо выяснить.

Обращаюсь к Вам с этой просьбой, потому что хлопотать о нас некому, так как ни родных, ни знакомых ни у кого из нас нет в Москве. Допроса не было еще до сих пор, вот уж месяц, а ведь

это месяц по условию мирного договора должен быть нашим моральным отдыхом от пережитого. Но вместо морального отдыха – тюрьма. За что? Неужели не надо было верить амнистии, а продолжать свои тяжелые скитания в горах и лесах Крыма?

Более подробно изложила свое дело в анкете и заявлении моем, поданном Вам от 6-го с<его> м<есяца>.

О результате сношения с т. Ибрагимовым прошу меня уведомить.

Екатерина Власова
15 сентября 1921 года».

Помета: «Запросить А. С. Орлова и запр<осить> в ЦИК, где находится тов. Ибрагимов. 17/IX-1921».²⁶

«ЗАЯВЛЕНИЕ.

Убедительно прошу сообщить мне о судьбе двух моих заявлений, поданных Вам: 1-е от 6 сентября и 2-е – от 15 сентября. В первом я просил по возможности снабдить меня одеждой и обувью. Моя обувь настолько плоха, что я лишена возможности совершать даже кратковременную тюремную прогулку. Начались холода и я с ужасом думаю о зиме и мокрой осени. Как сестра милосердия я надеюсь на помощь со стороны Красного Креста.

Во 2-м заявлении я просила похлопотать по моему делу, чтобы сколько-нибудь пролить свет на него. Каждую неделю жду ответа на свои заявления и тщетно. Ни родных, ни знакомых у меня в Москве нет, так что ни хлопотать, ни присылать передачи и одежды некому. Родители мои в Донской области, но живы ли они, не знаю, так как более двух лет не имею от них никаких сведений. Очень прошу Красный Крест удовлетворить мою просьбу, хотя бы относительно одежды.

Екатерина Власова».²⁷

Пометы: «1) В Распред<елительный> Отд<ел>. 2) Сообщить тов. Ибрагимову насчет заявления Власовой от 15 сентября. 3) Н. Н. Лоскутов».²⁸ 19/X-1921».

21 октября 1921 года т. ИБРАГИМОВУ (по адресу: Здесь, 4-й Дом Советов, б. Нирензая, Гнездиковский пер, ком. № 213) была послана копия заявления Е. Власовой.

²⁶ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 181. Л.Л. 36, 36об. Автограф.

²⁷ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 181. Л. 35об. (Опросный лист МПКК от 13.10.1921). Автограф.

²⁸ Н. Н. Лоскутов – следователь ВЧК.

* * *

1.6. Ходатайство **О. Е. ВОЕЙКОВОЙ** **о**
М. В. РАТЫНСКОЙ (сотрудница АРА²⁹, заключенная в
 Бутырской тюрьме). 9 июня 1922, Москва.

РАТЫНСКАЯ Мария Владимировна, 1866 года рождения. В 1922 – вдова, имеющая на своем иждивении 90-летнюю мать. В 1921–1922 работала переводчицей в АРА. В конце марта (или начале апреля) 1922 она была арестована в Самаре, в мае 1922 (в числе других арестованных служащих АРА) перевезена в Москву и помещена в Пугачевскую башню Бутырской тюрьмы.

С ходатайством об улучшении условий ее содержания и «выяснении и ускорении хода дела» обратилась в МПКС ее давняя знакомая ВОЕЙКОВА Ольга Александровна, проживающая в Москве.

«<9 июня 1922>

Арестованная, Ратынская, пожилая женщина 56 лет, вдова, никакого отношения к политике никогда не имевшая, имеет старуху-мать на своем иждивении. Работала, чтобы прокормиться в голодной Самаре, однако, вот уже третий месяц по неизвестному обвинению находится под арестом. Отлично знающая английский язык, она была особенно нужна и полезна в деле кормления голодающих переводчицей и секретарем заведующего, неустомимо и деятельно двигала все расширяющееся дело. Такая работа, как будто, заслуживала бы благодарность голодающей страны. Почему заключение отягчилось помещением в Пугачевскую башню, где, по общему отзыву, сыро и темно. Не может ли Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> похлопотать во всяком случае о лучшем помещении для больной переутомленной работой пожилой женщины.

*О. Воейкова».*³⁰

Из помет, имеющих на опросном листе, известно, что дело М. В. РАТЫНСКОЙ было передано в Верховный Трибунал

²⁹ American Relief Administration – Американская администрация помощи – частная благотворительная организация, работала в США после Первой мировой войны по оказанию помощи европейским странам, особенно пострадавшим в результате войны. Во главе ее стоял Г. Гувер – будущий президент США. В 1921 АРА работала в России по оказанию помощи голодающим.

³⁰ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 242. Л.Л. 172–172об. Автограф. (Письмо написано на «Опросном листе МПКС» в графе «Особые замечания»).

(дело № 64653), что МПКК назначил ей защитника (Я. Н. ЛИБ-СОНА) и что она была освобождена до суда под поручительства двух лиц.

* * *

1.7. Ходатайства ПОМПОЛИТа об освобождении Ю. А. РАДЦИГ (мать 14-ти летней девочки, заключенная в Бутырской тюрьме). 2 февраля, 16 марта 1923.

«В Г.П.У.

На основании поступившего ко мне заявления девочки Л. Радциг, 14 лет, ученицы 1-ой школы, прошу выяснить, когда будет освобождена ее мать Юлия Александровна Радциг, арестованная 4 января у себя на квартире. Отец девочки В. Ф. Радциг не жил дома и арестован еще ранее».³¹

Помета: «исх. 146. 2/II. Вх. 578».

«В ПРЕЗИДИУМ В.Ц.И.К.а. *исх. 581.16/III. вх. 581. 16/III.*

Препровождая при сем заявление ЛЮБОВИ РАДЦИГ о скорейшем рассмотрении дела ее матери ЮЛИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РАДЦИГ, заключенной в Бутырской тюрьме и числящейся за Г.П.У., и, если возможно, с полным освобождением ее, прошу со своей стороны удовлетворить ее ходатайство, так как вследствие ареста отца и матери, 13-ти летняя ЛЮБОВЬ РАДЦИГ осталась одна и не имеет никого, кто бы мог о ней позаботиться».³²

* * *

1.8. Обращения С. А. СТУДЕНЕЦКОГО (член ПСР, один из учредителей МПКК, политстароста ссыльных социалистов) с ходатайством о помощи высланным в Вятку женщинам-социалисткам. 22 февраля, 24 сентября, 12 ноября 1923, Вятка.

СТУДЕНЕЦКИЙ Сергей Александрович (1877, Тамбов – 1937, Орел, расстрелян). Член ПСР. До революции состоял товарищем городского головы в Москве. В 1918 – казначей в обществе для удовлетворения квартирных нужд служащих при Мос-

³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1. Л. 119. Автограф.

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1. Л. 192. Машинопись.

ковской Городской управе. Один из учредителей МПКК. Многократно арестовывался до революции.³³ С 1921 – в тюрьмах, политизоляторах и ссылках.³⁴ В 1937 арестован и расстрелян³⁵.

В 1923, находясь в ссылке в Вятке, служил в Губсовнархозе, был избран политстаростой ссыльных социалистов и часто писал в ПОМПОЛИТ с сообщением о проблемах ссыльных в Вятке и области. Ниже приводятся выдержки из некоторых его писем.

«г. Вятка. 22/II–1923.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна! По уполномочению своих товарищей по ссылке обращаюсь к Вам со след<ующими> просьбами.

<...> С месяц тому назад сюда выслана на 2 г<ода> из Киева Мария Леонидовна Фесечко, 23 л<ет>, арестована вместе с другими с-р (Шумиловым и пр.) 28.09 в Киеве. Она находится в последнем периоде беременности, не имеет ниоткуда матер<иальной> поддержки, нуждается в самом необходимом для себя и для ребенка (ни белья, ни теплой одежды и т. д.). За ней последовал сюда добровольно (с ведома Киевского ГПУ) ее муж Ванслов Влад. Влад., но его на днях ар<естовало> местное ГПУ, по-видимому, по усвоенному Ремешевским³⁶ правилу арестовывать всех добровольно следующих за своими ссыльными мужьями и женами (примеры: Ежова-Цедербаум К. И., Добрякова А. А.). Нужно ожидать, что и его также, как и Конк<ордию> Ив<ановну> Цедербаум и Добрякову пошлют сначала в Киев или Москву “для удостоверения личности”, а затем обратно в Вятку в ссылку – к жене. Вмешательство товарищей, указывавших местному ГПУ на то, что Ванслов сопровождал сюда жену с ведома Киевского ГПУ (там даже по этому поводу сказали ему: “если эсеры сами доб-

³³ В 1896, 1905, 1906, 1912, 1913, 1916.

³⁴ Ар. 2 марта 1921, 1,5 г. находился под ар., затем 2 г. в ссылке в Вятке; с февраля 1924 по февраль 1927 – в заключении (в 1924 – в Челябинской тюрьме, в 1925 – в п/из, в 1926 – ноябре 1927 – в Бутырской тюрьме); с ноября 1927 по май 1930 – в ссылке в Оренбурге, затем – в Н.-Новгороде. Ар. 23 июля 1930; в 1931–1932 – в Бутырской тюрьме; в 1934 – в ссылке в Воронеже, позже – в Орле.

³⁵ Источники: 1) ГАРФ. Ф. 8419. ГАРФ. Ф. 8409. 2) «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.

³⁶ Ремешевский – начальник ГПУ в Вятке в 1923.

ровольно едут с женами в Вятку, мы только этому рады”), и что его беспричинный арест может вызвать тяжелые последствия для беременной жены, не помогли: его не освобождают.

Наша просьба к Вам: 1) помочь, если Вы располагаете для того средствами, Фесечко, выслав ей теплой одежды и белье для нее и для ребенка; 2) указать на бесцельную жестокость подобных арестов (можно было отобрать подписку о невыезде, раз человек сам добровольно ехал сюда, чтобы не оставить жену беспомощною).

<...> Найти заработок здесь становится все труднее и труднее: штаты везде сокращаются, а между тем ссыльных все подбавляют. <...> Я уже писал Вам, что Фесечко находится в ужасном материальном положении: нет даже необходимого белья не только для ребенка, но и для себя. Муж ее имел, хоть и грошовый, но все же какой-ниб<удь> заработок. С арестом его она лишилась и последнего. Товарищеская помощь м<ожет> б<ыть> лишь очень скромной, так как половина ссыльных (всех нас, по делу с.-р., здесь около 25 ч<еловек>) – безработных. А на пособие ГПУ – 75 р<ублей> (пайка с февраля теперь не выдают) не может прожить здесь даже одинокий (мука здесь уже – 26 р<ублей>) <...>».³⁷

«Вятка. 24/IX-23.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Одна из наших товарищей по ссылке по делу с.-р. Гинда Семеновна Цейтлин, высланная сюда на 3 года по пост<ановлению> от 5 янв<аря> 1923, больна туберкулезом настолько, что ей надо менять климат на более южный. – Она желала бы попасть в Ташкент, так как там есть университет (конечно, хорошо было бы попасть в Симферополь, где есть тоже унив<ерситет>, но на перевод туда мало надежды), и она могла бы продолжать там свое образование (она – студентка-медичка 5-го курса 2-го Москов<ского> ун<иверсите>та). Она не уверена, что ее примут в качестве полноправной студентки, – но все же неофиц<иальным> порядком посещать университет она смогла бы. – Отрыв от науки ее гнетет, и этим, м<ожет> б<ыть>, ухудшается и ее физическое состояние.

Начинать хлопоты перед ГПУ о переводе самой она считает рискованным, так как ее могут перевести вместо Ташкента в какой-нибудь Чимкент или Ходжент, где нет университе-

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. Л.Л. 4об.–6. Автограф.

та. Поэтому она обращается к Вам с просьбой позондировать почву в ГПУ, согласится ли последнее перевести ее в университетский город или это согласие исключено. – Не в университетский город она не поедет.

Если Вам удастся заручиться согласием на перевод в Ташкент, то тогда подайте, пож<алуй>ста, прилагаемые заявления и удостоверение врача диспансера.

Вещи, присланные Вами для ссыльных в Вятке с анархистом Л. Я. Фрейбергом согласно накладной за № 663, я получил и раздачу произвел. Расписки получивших вышлю Вам на днях, – по получении их от представителей фракций. – Колония ссыльных поручила мне выразить Вам глубокую благодарность. С искр<енним> уваж<ением>.

С. Студенецкий.

Р. С. Из Усть-Сысольска я получил письмо от нашего товарища Ал<ексея> Влад<имировича> Гумилевского, где он пишет о большой нужде в вещах, испытываемой ссыльной по делу с.-р. Покровской. По дороге в ссылку ее дважды обокрали: в тюрьме и на жел<езной> дороге. У нее нет ни обуви, ни теплой одежды, ни белья. Тамошняя компания просила меня написать Вам их просьбу помочь Покровской, чем можно <...>. Всех ссыльных социалистов в Усть-Сысольске сейчас свыше 30 ч<еловек>, но из особо нуждающихся названа только одна, Покровская».³⁸

Пометы: «Выслать вещи Покровской Усть-Сысольск, Сев<еро>-Загородная, 5. Ал<ексан>дру Вл<адимировичу> Гумилевскому для нее. Е. П. 9/X–23».

«Бумазя 20 арш<ин>. Ситец 10 арш<ин>. Байка 6 арш<ин>».

«Е. П. Пешковой.

Помощь политзаключенным. Москва.

12/XI-1923. Вятка. У<лица> Володарского д. 77 кв. 1.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

По поручению т. т. и заинтересованных лиц обращаюсь к Вам со следующими просьбами:

Муж нашего товарища по ссылке (по делу с.-р.) Л. С. Сосиной – Людвиг Юзефович Амброзевич, добровольно последовавший за ней в ссылку летом нын<ешнего> года, –

³⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 6. Л.Л. 452–453. Автограф.

был арестован местным ГПУ 10 сентября с.г. и до сих пор содержится в Вятке, в тюрьме. – Единственно, в чем его обвиняет местное ГПУ – это то, что он, будучи меньшевиком (в качестве такового он жил все время в Иркутске перед приездом сюда открыто и легально), скрыл сие по приезде сюда, и об его нахождении в Вятке местное ГПУ узнало лишь от Иркутского ГПУ. Амброзевич не отрицал того, что он раньше был с.-д., но теперь он отошел от партии и не работает. – Вскоре после приезда сюда он поступил под своим именем на службу в ГСНХ в качестве бухгалтера, жил в одной кв<арти>ре с семьей и занимался мирным трудом.

Местное ГПУ послало его дело в Москву уже больше месяца, но приговора до сих пор нет <...> Наша просьба к Вам – похлопочите перед ГПУ об ускорении решения суда, за отсутствием к<аких>-либо справок, – о немедленном освобождении его под подписку о невыезде. Семья его (жена и 2 мал<ых> детей) терпят страшную нужду, и держание его в тюрьме – является при наст<оящих> усл<овиях> совершенно бесцельной жестокостью. <...>

Больше всего страдаем от отсутствия заработка (до 50% безработных) и квартир. Места есть, но ГПУ посл<еднее> время чинит препятствия <...>».³⁹

* * *

1.9. Заявления женщин-матерей с просьбой о материальной помощи. Лето 1923, Москва.

Все годы существования ПОМПОЛИТа в его адрес поступали заявления женщин-матерей, оставшихся без кормильца после ареста мужа. Заявления были незамысловатыми – женщины просили о материальной помощи, их просьбы удовлетворялись по мере возможности. Ниже мы приводим несколько таких заявлений с пометами ПОМПОЛИТа.

«В Помощь Политическим Заключенным
Анны Фирсовны Кокиной

Заявление.

Прошу о материальной помощи ввиду того, что муж мой, Кокин, выслан в Архангельский лагерь по делу трамвайщи-

---

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. Л.Л. 247–248об. Автограф.

ков.⁴⁰ Осталась без средств, имею 4 детей, старшему 16 лет, 13 лет девочка, девочка 10 лет, мальчик 5 лет.

За неграмотную Кокину (*подпись*)).⁴¹

Пометы: «Прошу выдать из Нансеновских посылок. Ек.П. 21/VII-23». «Ордер № 543». «вх. 1860. 2/VIII-23».

«Помощь Политическим Заключенным»

Даниловой Марии Михайловны

Заявление.

Находясь в безвыходном положении, без средств и имея 2 детей 5-ти лет и 10-ти месяца, прошу о материальной помощи. Муж сослан по делу трамвайщиков.

За неграмотную Данилову (*подпись*)).⁴²

Пометы: «Прошу выдать неск<олько> меньше, чем Кокиной, т<ак> к<ак> у той четверо детей, а у этой двое. Ек. П. 27/VII-23». «Ордер № 556». «вх. 1862. 2/VIII-23».

«В “Помощь Политическим Заключенным”

Тибо Марфы Федоровны

Заявление.

Прошу оказать мне материальную помощь. 3-го июля 23 г. арестован мой муж, о котором я не имею никаких сведений. Осталась без всяких средств к существованию, больная с двумя детьми 9-ти и 3-х лет».⁴³

Пометы: «Прошу выдать продукты детям. 3/VIII-23. Ек. Пешкова». «Ордер № 581». «вх. (неразб). 4/VIII-23».

«В “Красный Крест”

Анастасии Сергеевны Волченковой

Н. Слободская ул. 14, кв. 46

Заявление.

Ввиду крайне тяжелого материального положения, прошу оказать мне какую-нибудь материальную помощь (деньгами или продуктами). У меня двое малолетних детей, которых я не в состоянии прокормить

⁴⁰ Дело трамвайщиков.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 29. Л. 324. Автограф.

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 29. Л. 330. Автограф.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 29. Л. 346. Автограф.

Муж мой выслан по делу трамвайных рабочих в Вятскую губ<ернию> на 2 года.

8/VIII-23. А. Волченкова». ⁴⁴

Пометы: «Выдать посылку. М. Вин<авер>». «Ордер № 592». «вх. 1959. 11/VIII-23».

* * *

1.10. Письмо А. ЮНГЕРОВОЙ (мать троих детей) с просьбой посодействовать освобождению ее мужа (военный руководитель Хорезмской республики) из концлагеря. Сентябрь 1923, Турткуль Аму-Дарьинской обл.

«Уполномоченной Политического Красного Креста т. Пешковой.

28 ноября 1921 года муж мой, военный руководитель Хорезмской республики, после 3-х летней непрерывной борьбы за Советскую власть в рядах Красной армии в качестве адъютанта, нач<альни>ка штаба бригады 24 стр<елковой> железной дивизии, командира 9 Турк<естанского> стр<елкового> полка и Ком<анди>ра 2 Турк<естанской> стр<елковой> бригады на Восточном Закаспийском и Хивинском фронтах, – на почве личных недоразумений и счетов с полномочным представителем Р.С.Ф.С.Р. в Хорезме т. Бык, был арестован и заключен под стражу в Хивинскую тюрьму. После долгих мытарств по тюрьмам он, наконец, попал в Москву в Таганскую тюрьму, откуда по постановлению Особой Комиссии НКВД или уполномоченного Восточного фронта т. Васюкова от 18 ноября 1922 г. был выслан в Пертоминский концентрационный лагерь Архангельской губ<ернии> 4 Декабря 1922 г. сроком на 2 года с зачетом предварительного заключения. Оставшись после ареста мужа беременной с двумя детьми 7 и 2-х лет, я вынуждена была существовать исключительно на средства, выручаемые от распродажи оставшегося после мужа имущества. Затем продолжительное время пользовалась поддержкой, как денежной, так и материальной, со стороны некоторых добросердечных знакомых мужа. Но так как всякому милосердию бывает конец, то я, не дожидаясь последствий этого конца – голодной смерти с 3-мя малолетками, возбудила

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 29. Л. 383. Автограф.

ходатайство пред председателем ВЦИК т. Калининым по телеграфу 20 июля и почтой 5 сего Августа о досрочном освобождении моего мужа и о разрешении выезда ему в г. Турткуль Аму-Дарьинской Области.⁴⁵

Не имея в дальнейшем ни средств к жизни, ни возможности, по слабости здоровья, лично содержать себя с 3-мя малолетними детьми, убедительно прошу Вас посодействовать моему ходатайству и о результатах, если возможно, известить меня по телеграфу.

Адрес: г. Турткуль Облвоенкомат Юнгеровой.

Приложение: Удостоверение врача № 634. К прежним ходатайствам такого удостоверения не прикладывала.

Гражданка А. Юнгерова».⁴⁶

Пометы: «вх. 2115. 11/IX-23». «исп<олнено>. 1197. 6/X».

* * *

1.11. Письмо А. В. ЛУЗИНОЙ (мать архимандрита Варсонофия ЛУЗИНА) с просьбой помочь освободить ее сына из ссылки. 29 октября 1923, Казань.

«Благодетельница наша Екатерина Павловна.

Прослышала я, что Вы помогаете различным ссыльным и заключенным, и решилась покорно просить Вас помочь мне в моем страшном безысходном материнском горе. Я жена рабочего Златоустовских заводов, муж мой 25 лет работал на заводе и от непосильных работ умер 45 лет, оставив меня вдовой без средств с 11 летним моим сыном. Сколько труда мне стоило прокормить себя и воспитать сына. Бывало, целыми месяцами мы жили только, что сын наловит рыбы удочкой, и этим питались. Нашлись добрые люди и помогли мне устроить сына учиться в духовном училище на казенный счет, а потом он перешел в семинарию и затем даже Академию. Я последние силы тратила, чтобы не отнимать его от учения. Но вот сын окончил учение, сделался монахом и взял меня к себе. Все время он занимался только книгами и ходил в церковь молиться уже в Казани. Приходили белые, много казанцев уходили с белыми в Сибирь, а сын

⁴⁵ 20 марта 1921 был подписан декрет, согласно которому осужденные, отбывшие ½ срока наказания, могли обратиться с ходатайством о досрочном освобождении из-под стражи.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. Л.Л. 54–55. Автограф.

все был дома, и никто за все это время его ни в чем не обвинял, ни арестовывали, ни обыскивали. Но вот появилась Живая церковь, и сейчас же моего сына арестовали, продержали 40 дней и выпустили, а потом вдруг через 4 месяца в январе нынешнего года его выслали в Нарымский край. И сам сын говорил мне, и кого я ни спрашивала здесь, все говорят одно, что увезли моего сына за Живую церковь. Сначала он поселился в селе Юртах Иванкиных, куда можно было посылать ему собранное у добрых людей продовольствие, а теперь с июля месяца его перевели в непроходимую глушь Корелины Юрты в 300-ти верстах от почты, куда и посылки, и письма доходят только с попутчиком. Сын подавал прошение во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет разобрать его дело, так как никакой вины за ним нет, прошение его в мае месяце со всеми справками поступило на рассмотрение, номер дела моего сына № 8589.

Но ответа до сего времени нет. Посылала 25 сентября и я прошение, просила дело моего сына рассмотреть, но и мне ответа нет. Узнала я случайно от добрых людей, что Вы, дорогая Екатерина Павловна, принимаете участие в судьбе всяких заключенных, и решила слезно просить Вас, похлопочите о возвращении моего сына из далекого Нарыма, единственную опору и утешение моей старости, смилуйтесь, помогите беспомочной старухе-матери, успокойте меня, больную, поверьте, что сын мой не преступник, ведь если бы он был преступником, то раньше, когда у нас в Казани было особенно строго, его бы брали и арестовывали, а то никто до Живой церкви его не трогал, и он свободно служил в советском учреждении, в центральном архиве. Сына моего зовут Варсонофий Лузин⁴⁷.

Адрес мой Поперечная Казанская № 5. Антонина Владимировна Лузина.

22 октября 1923 года.

Покорно прошу ответить, прилагаю марку. Антонина Лузина».⁴⁸

Помета: «вх. 2335. 14/XI-23».

⁴⁷ Лузин Варсонофий Владимирович, 1889 г. р., род. в Оренбургской обл. Архиерей. Ар. 25 мая 1931 в Владивостоке. Обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приг. 15 февраля 1932 тройкой при ПП ОГПУ ДВК к 10 г. к/л. Реаб. 25 декабря 1989 по заключению Прокуратуры Хабаровского края. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 41. Л.Л. 64, 64об. Автограф.

«Справка.

Дело архимандрита Варсонофия Лузина.

19 мая в отделе частных амнистий при ВЦИК получена копия приговора из НКВД и ГПУ (вход<ящий> № 8589/к от 30/ХП и 0878 от 14/ВП)».⁴⁹

* * *

1.12. Письмо Ю. М. ЗУБЕЛЕВИЧ (член ПСР, по профессии педагог) о положении детей в детском доме Актюбинска. Осень 1923, Актюбинск.

ЗУБЕЛЕВИЧ Юлия Михайловна родилась в 1882 в с. Кильмезь Маленыжского уезде Вятской губ. Польша. Российская подданная. Из дворян. По профессии педагог. С 1903 – член ПСР. В 1911–1917 – в эмиграции (Париж, Италия). В 1917 вернулась в Россию. В 1917–1919 жила в Кронштадте, в 1919–1922 – в Москве. Работала в Кронштадте в Народном Университете, зав. театром, зав. внешкольным отделом народного образования, в Москве – инструктором в Центральном Архиве, инструктором по народному образованию в союзе строительных рабочих. С 1921 «зарабатывала на пропитание шитьем».

Арестовывалась в марте 1918, в марте 1920, в феврале 1922. 1 апреля 1922 была приговорена к 2 годам ссылки. В августе отправлена в Оренбург. 2 апреля 1923 была арестована в Оренбурге в связи с празднованием ссыльными социалистами 25-ти летнего юбилея РСДРП и переведена в Актюбинск, где работала в детском доме. Постановлением ОГПУ от 1 января 1924 была приговорена к высылке в административном порядке за границу на 3 года. В марте 1924 выехала в Польшу.

«23 год. Осень. Копия.

Оригинал передан Ф. Э. <Дзержинскому>

Летом 1923 года мне пришлось работать в д<етском> д<оме> № 1 в г. Актюбинске (губ<ернский> город Киркрая). При мне сменились два заведующих д<етского> д<ома>, оба беспартийные, бывшие учителя. Люди эти были средние, не блещущие талантом, но добросовестные, бережно и заботливо относящиеся к детям. Работа была трудная, дети были очень

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 41. Л. 65. Автограф.

нервные – в большинстве это были сироты, родители которых умерли в голодный год; физически слабые, недисциплинированные, почти неграмотные. Но работали над ними, не покладая рук, бесценно, будучи на посту с 5 ч<асов> утра до 9 ч<асов> вечера; и дети, приведенные к нам под конвоем милиции из др<угих> д<етских> д<омов> начали сильно поправляться – уже прекратилось беганье по базару, начались систематические занятия, водворялась совсем приличная дисциплина; несмотря на всю нервозность детей – почти не было случаев грубости к старшим. Правда, большим злом было отсутствие своих мастерских, где бы дети могли обучаться ремеслу, но со временем и этого надеялись добиться от Отдела.

Между тем в конце окт<ября> начались перемены – кто сам ушел, кого уволили. Заведование 2-мя д<етскими> домами поручили коммунисту Кроту. Быстро он начал водворять новые порядки: с места в карьер делает сначала одной, затем другой воспитательнице гнусные предложения, кто не идет навстречу, тех немедленно увольняет; такой же участи (т. е. увольнения) подвергаются те, которые держат себя по отношению к Кроту с достоинством, как из среды воспитательниц, так и технич<еского> персонала; с оставшимися воспитательницами отношения самые прозрачные – и все это на глазах у детей.

Оставленные на месте воспитательницы, считая себя “забронированными”, не считают нужным обращать внимание на детей: одни из них заняты флиртом, другие – приведением в порядок канцелярии Крота, кот<орую> он сам обязан вести. Дети живут сами по себе, персонал сам по себе – не происходит никаких занятий с детьми, раньше приходил инспектор для обучения Сокол. гимнастики, происходили занятия по общеобраз<овательным> предметам, детям все время приносились свежие книги, устраивались чтения вслух, почти ежедневно велись беседы, устраивались экскурсии, понемногу вводился ручной труд, ежедневные дежурства и пр<очее>. Все это пошло насмарку: 24 часа в сутки дети оказались предоставленные сами себе; в результате: беганье по базару, воровство, озверение.

Живут два мира, словно по неписаному договору – живи каждый мир, как себе хочешь, только один другому не мешай. Но иногда один мир зацепит за другой: не вытерпят мальчуганы, проявят свое неуважительное отношение к воспитательнице (ей 20 лет, а ребята есть по 17 л<ет>); та составляет на

них жалобу, включив их в список “преступников”. Детский Суд начинает судить: кого в Исправдом отправляет, кого в дефект<ивный> д<етский> д<ом>. Из подростков, которых было 55–60 чел<овек>, осталось 10 чел<овек>, остальные или осуждены, или убежали. Каков деф<ективный> дом будет, не знаю, при мне его только оборудовали, но говорили, что готовят там решетки.

Итак, не совсем верно, что оба мира живут всегда независимо один от другого: иногда мир начальства врывается в детский мир очень и очень чувствительным образом. Иногда “начальство”, т. е. Крот, бывает не в духе, или ему вдруг в голову взбредет водворить дисциплину: среди ночи будит разоспавшихся детей, с грозными окриками, со стаскиванием с постели за волосы, с угрозами револьвера, это для того, чтобы сделать перекличку. Битье тоже бывает: то за ухо схватит так, что струйка крови польется, то за шиворот рванет ребенка так, что он стукнется о противоположную стену, то схватит две головы за волосы и начнет их стучать др<уг> о др<угу>; стоянье на коленях – обычная вещь, угрозы револьвером и крики: “Всех вас, мерзавцев, перестреляю”. А так как иногда он и в пьяном виде появляется перед детьми, то понятно, к чему может привести подобные угрозы в пьяном виде. Несколько раз мальчиков отправляли ночевать в подвал милиции. Однажды пришедший посетитель хотел в д<етском> д<оме> навести справки об одном мальчике. Встреченный грубо заведующим – посетитель вышел; Крот кричал ему вдогонку, чтоб он не смел уходить; посетитель продолжал идти; Крот кричал ему в вдогонку, чтоб он не смел уходить; посетитель продолжал идти; тогда Крот схватил винтовку и выстрелил ему вдогонку несколько раз. Затем вызвал милицию, приказав посетителя арестовать. На другой день в милиции рассмотрели дело и выпустили невинно пострадавшего, перед ним извинившись. Кроту же ничего не было. Дети все присутствовали при сцене стрельбы, погони и ареста.

Говорить нечего, что Крот полный невежда, без всякого образования, о педагогике не имеет никакого представления, больной, неуравновешенный, что называется, “зарвавшийся” окончательно, притом нечестный (дело о нем ведется Гормилицией).

Таков Крот. Но не сам по себе интересен его тип, а интересные условия, его породившие. После получения на него жалобы 1-й воспитательницы (уволенной им за отказ на гнусное

предложение, фамилия ее Кушнер), отдел Народного образования жалобу ее положил под сукно. Прошло сколько-то времени; вдруг произошел почему-то сдвиг: уволенная воспитательница была приглашена на какое-то заседание для дачи показаний, после чего просили ее снова вернуться в д<етский> д<ом>. Оптимисты ликовали: “Правда восторжествовала”, пессимисты каркали: “Но ведь и он остался, значит, все пойдет по-старому”.

Впрочем, на Крота стали немного нажимать сверху, он раздражался все больше, вымещая злобу на ребятах, за которых уже никто не заступался, т. к. с легкой руки Крота за детьми окончательно утвердилась слава мерзавцев, скотов, которых всех надо или собрать в кучу и сжечь, или переломать все ребра, или еще лучше посвертывать всем головы.

Дети все больше ненавидели Крота, ожесточились, решаясь на отчаянные выходы, или убегая полуголыми среди страшной стужи.

Ясно было с первого его шага на педагогическом поприще в Акт<юбинске>, что такого педагога надо в три шеи гнать из д<етского> д<ома>; ему же давались все большие и большие полномочия со стороны Отдела, кот<оторый> стоял за него горой, проявляя к нему более чем отеческое снисхождение.

Когда обращались к лучшим коммунистам относительно его безобразий, те отвечали: “Сами знаете, что он за человек, но что с ним поделаешь, когда в этом вопросе так все нити сплелись, что никак их не распутаешь и нигде концов не найдешь. Перед стеной стоим”.

М<ожет> б<ыть> там у вас в Москве можно раздобыть и отослать в Актюбинск такой таран, который бы разбил эту стену – и чтоб ни Крот, ни другой ему подобный более не смел бы, прикрываясь именем коммуниста, продолжать калечить детей.

Я работала в д<етском> д<оме> с 1 июня по 5 октября 1923 года почти 5 мес<яцев>. Назначена я туда была с разрешения ГПУ. В конце Октября подул для нас ссыльных Актюбинска какой-то неблагоприятный ветер – не знаю, откуда, и все мы, за исключением врача, были сняты с мест, и я в том числе. До тех пор мои отношения с ОНО⁵⁰ были самые приличные. Да и за что им было быть мною недовольными: рабо-

⁵⁰ Отдел Народного Образования.

тала я не по 12, а буквально по 14–15 часов в сутки, д<етский> д<ом> привели мы в сравнительный порядок, жили мирно, без всяких осложнений и скандалов. Погруженная в работу я даже забыла, что я политический человек; да и смешно и глупо было бы с моей стороны начинать детям внушать какие-то наши идеи, когда они нуждались в самом элементарно-человеческом: они не понимали, как можно смотреть книгу, как можно играть, чтоб не подраться и т. д. Поэтому я никогда ни полусловом не обмолвилась перед детьми о своих полит<ических> убеждениях; да и привязанность моя к детям и буквально ужас при мысли о разлуке с ними не позволили бы мне пойти на риск.

Но нашлись досужие люди, кот<орые> на меня написали донос, что я развращаю детей, воспитывая в к<онтр>революционном духе, что я заставляла детей выкалывать глаза в портрете Ленина (такового даже в нашем здании не было), подбивала их на бунт. И вместо того, чтоб произвести расследование, назначить комиссию, Отдел (там был новый состав, меня не знавший) уверовал в сплетню, очень охотно распространив ее широко в коммунист<ических> сферах. Я уже готова была примириться с тем, что меня выкинули, но хоть бы другие хорошо работали. Но видела, что дело падает и падает. Тогда я стала бросаться к коммунистам, умоляя спасти детей. Мне обещали в одном месте; я ждала, не дождавшись, обращалась к другим людям; мне снова обещали; и снова ждала; а многие, я видела, не верили мне, считая, что я своєю личные счета.

Да, действительно, случайно совсем совпал со временем моего ухода (совершенно случайно) детский “бунт”, состоявший в общем плаче всех детей навзрыд над их бедственным сиротским положением: начали дети петь сиротские песни, не выдержали и разревелись, порываясь в жалобах: “наши отцы и братья за сов<етскую> власть голову сложили, и мы думали вырасти советскими защитниками, а что мы видим? Как о нас заботятся? Мы оборвались, босиком по замерзшей земле должны ходить, опять трупы увозить будут возами, как в 21 г. вывозили... и т. д. Нам говорят: вы дети – строители будущего. Какие мы строители? И если строители, то почему же нас морят?...”. Дети все почти пережили ужасы 21 и 22 года, вот и всколыхнулось у них в душе все старое. Я из сил выбивалась, их успокаивая, но порой не в силах была выдержать, высказывала на балкон, чтобы не быть на их глазах, и глушила собст-

венные рыдания. Затем я призвала одного коммуниста на помощь, кое-как успокоили детей, обещая назавтра вызвать Предс<едателя> Губисполкома, чтоб дети ему самому смогли рассказать обо всех своих нуждах, что и было сделано. Вот и весь бунт. Да, портрет Луначарского оказался перевернутым лицом к стене в мое отсутствие. Заметив это, я потребовала повесить его как следует, что и было выполнено беспрекословно. Вот эта-то история создала мне репутацию бунтовщицы, не позволила мне позднее вернуться к детям и бросила их в объятия Крота.

Вот эта-то стена и есть самое страшное во всей этой истории. Ведь благодаря этой стене, которую никакими терминами нельзя было пробить в течение 4-х месяцев, частью наполовину, а частью уже окончательно погибло 300 детей. Почему они погибли? П<отому> ч<то> не было, быть может, средств? Ничего подобного: если направо и налево могли тащить и заведующий, и завхоз из д<етского> д<ома> и продукты, и обувь, и одежду, значит, не совсем были пусты кладовые.

Может быть, не было людей? Тоже неверно. Потому что в городе есть непартийные педагоги, опытные и умелые. Так в чем же причина?

Исключительно в нерадении, в преступном нерадении, алчности, недобросовестности. Д<етский> д<ом> был удобным источником доходов, потому что удобнее совершать грабеж, прикрываясь партийным именем, а также ссылаясь на то, что ведь центр предписал им лозунг: “Дорогу коммунистам, долой беспартийных”. Если такой лозунг действительно выброшен в центре, то на местах он очень ловко используется всякими мерзавцами, и центр должен это учесть; в таком случае большая доля ответственности за моральное и физическое калечение детей ложится на центр. Если же такого лозунга центр не давал, то его долг сделать внушительное распоряжение по этому поводу на месте. Может быть, я пишу несколько резко, но, если бы вы знали, какими чудесными стали бы становиться ребята до появления Крота, когда нашелся, наконец, ключик к их сердцу, и какими озлобленными зверушками они стали теперь, с отчаяния, кажется, на все махнувши рукой, то не только бы меня поняли, но и позадумались бы серьезно над моими словами. Не для красных слов пишу я, руководимая такою болью за детей, за их настоящее и будущее и за ту порчу, рассадником которой они обязательно должны быть в жизни.

Пишу, п<отому> ч<то> переполнилась чаша моего терпения. И буду впредь писать. Пассивность в подобном деле считаю преступлением. Не могу простить себе, что мало писала. Не во все двери стучалась, не кричала криком о том, о чем надо кричать. Мне все обещали поправить дело, и я ждала, и в результате 4-месячных ожиданий – около 300 детей сделались почти преступниками. Если можете что-нибудь сделать – сделайте. Может быть, еще удастся спасти тех из детей, которые еще не окончательно погибли.

Ю. Зубелевич». ⁵¹

* * *

1.13. Заявление Т. Н. СТОГОВОЙ (сестра бывшего Белевского архиерея). 23 декабря 1923, Тульская тюрьма.

«Заключенной

Татьяны Николаевны СТОГОВОЙ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Я арестована по подозрению в контрреволюции 16-го января 1923 г. в г. Белеве Тульской губернии, а с 21-го января того же года содержусь в Тульск<ом> Губ<ернском> Месте Заключения № 1. Будучи следственной, я послала в марте м<есяце> из тюрьмы письмо домой без контроля через одного из надзирателей, дав ему за услугу 5 руб<лей> в дензнаках 23 года. За это осуждена Нарсудом 1-го участка г. Тулы на 1 год тюремного заключения со строгой изоляцией. Этот поступок сделан мною по молодости и неопытности; я была далека от мысли о даче взятки. Срок этого наказания истекает 24-го марта 1924 года. Комиссия НКВД по административным высылкам, заседанием от 24-го августа 1923 года, постановила заключить меня в Соловецком концлагере сроком на 1 год без зачета предварительного заключения.

Г.П.У. обвиняет меня по 76 статье Уг.К. в укрывательстве брата б<ывшего> Белевского архиерея, по делу которого я и была арестована. До ареста я вся отдалась церковной жизни, но это было простое увлечение и под влиянием известного лица – Белевского Епископа Игнатия. Брат его, известный мне

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 10. Л.Л. 283–284. Машинопись.

как монах-священник, оказался, по выяснению следствия, бывш<им> белогвардейским офицером. Я же знала раньше (в Белеве) только по слухам, что он был когда-то и где-то контр-революционером, а сама я смотрела на него лишь как на церковного пастыря. Впредь я в церковной жизни не участница. Я молода: мне всего 31 год, хочу жить своей личной жизнью, что особенно почувствовалось в тюрьме, а, главное: у меня нет родителей, три же малолетние сестры и один брат жили до моего ареста на мой личный заработок (я учительница иностранных языков), а теперь с момента моего ареста они находятся в самом убийственном материальном положении. Согласно постановления Г.П.У., я должна по отбытии наказания по Нарсуду, т. е. в конце марта 1924 г., отправиться в Соловецкий Концент<рационный> Лагерь сроком по 24 августа 1924 года, т. е. всего на 5 месяцев. Убедительно прошу в силу всего вышеуказанного о помиловании меня, т. е. о зачете мне предварительного заключения. В крайнем случае, если удовлетворение этого моего ходатайства будет признано невозможным, то очень прошу о разрешении мне отбывать наказание до конца, т. е. до 24 августа 1924 г., здесь, на месте, в Тульск<ом> Губ<ернском> Месте Заключения № 1. Дальняя этапная дорога, да еще самой ранней весной, когда и переезд в Соловки невозможен (туда я, вероятно, попаду лишь к самому лету, а в августе истекает срок моего наказания) мне крайне тяжела: физические силы мои сильно поистрепались за целый год тюрьмы, а хуже всего оставлять младших сестер на произвол судьбы в полной неизвестности.

Убедительно прошу об удовлетворении этого моего ходатайства.

Приложение: Копия приговора Нарсуда, копия выписки из протокола Заседания Комиссии Н.К.В.Д. по административным высылкам от 24-го августа 1923 года и копия отношения Тульского Отдела Госуд<арственного> Полит<ического> Управл<ения> от 30/XI-23 г. за № 4650.

Г. Тула.

4-го декабря 1923 года.

Татиана Стогова». ⁵²

Помета: «Копия».

⁵² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. Л. 379. Машинопись. Копия.

* * *

1.14. Заявления сестры милосердия В. А. ФУКС.
 22 мая 1924, Ленинград. 30 мая 1925, Соловецкий концлагерь.

«В Политический Красный Крест
 сестры милосердия
 Варвары Александровны Фукс.

Заявление.

Я, нижеподписавшаяся, довожу до сведения Политического Красного Креста, что состою сестрою милосердия с 1905 года, т<о> е<сть> с Русско-Японской войны. В Японскую войну я провела семь месяцев на фронте, после чего я работала в эвакуационной Комиссии при Николаевском Госпитале, где в дальнейшем и осталась служить в качестве сестры милосердия и массажистки. Во время Русско-Немецкой войны я поехала на фронт и там проработала до революции. Во время революции меня отправили на гражданский фронт в гор<од> Сарапуль, а из Сарапуля я сопровождала красные войска на Казань, после взятия Казани я вернулась в Ленинград и после двухмесячного отдыха поступила на службу по своей специальности в В.Ч.К. в тюрьму Кресты, проработав там год, меня сократили, т<a>к к<a>к везде шло сокращение штатов. По происшествии трех месяцев меня взяли в Центральный Красноармейский Госпиталь /б<ывший> Николаевский/, проработала два года и во время эпидемии сыпняка заболела сыпным тифом, поправившись, работала еще полгода, но мое здоровье вследствие переутомления и болезни сильно ухудшилось и, пробыв необходимый для этого срок, пройдя через три врачебных комиссии, я была признана инвалидом 2-ой группы.

Не будучи больше на службе и не имея средств к существованию, я выхлопотала себе пенсию и, т<a>к к<a>к ею одной я не могла существовать, я прирабатывала немного. Средств у меня не было, кроме обстановки на одну комнату, и то часть вещей принадлежит сестре, из одежды я многое продала, т<a>к к<a>к пенсии не хватало, кроме этого у меня есть шестнадцать образов, оставшихся после моей крестной матери игуменьи Новгородского Десятинного Монастыря и подаренных мне как благословение перед походами.

Поехав в деревню на более продолжительный срок для поправки здоровья и боясь, чтобы образа у меня не пропали, я их оставили сестре милосердия Римской-Корсаковой, которую хорошо знаю и с которой прослужила с 1918–1922 года. Вернувшись из деревни, я их к себе не взяла, т<а>к к<а>к думала переменить квартиру. В ночь с 2 на 3 февраля с/г меня арестовали и при допросе ставят в вину укрывательство икон и незаконное получение пенсии, т<а>к к<а>к я могла работать, а я ведь не работала, а прирабатывала к пенсии, жить с одной пенсии немислимо также, как и существовать своим случайным и редким заработком. Обвинили меня также в получении заграничных посылок, верно, я получила одну посылку через АРА и две через таможеню. Это обвинение меня крайне удивляет, т<а>к к<а>к получение вышеуказанных посылок происходило открыто и через узаконенные Советской властью органы. Экспедитор этих посылок сестра милосердия Куприянова.

Ввиду всего вышеизложенного, прошу Политический Красный Крест взять меня под свою защиту и выхлопотать мне освобождение. Мне 56 лет. Нахожусь в Доме Предварительного Заключение на Шпалерной улице в гор<оде> Ленинграде.

Больше, чем о себе, прошу Кр<асный> Крест спасти от тюрьмы человека, Николая Федоровича Лошакова /жит. Саперный пер./, мужа сестры милосердия Римской-Корсаковой, у которого хранились мои образа и который арестован из-за моих образов, совсем ни в чем неповинный.

Варвара Александровна Фукс.

22 мая 1924 года.

Ленинград».⁵³

Пометы: «вх. 3069-6/VI-24 г.»

«В Политический Красный Крест.

Заключенной в конц-лагерь в Соловках

Варвары Александровны Фукс

Заявление.

Прошу Политический Красный Крест ходатайствовать перед ОГПУ о моем освобождении. Виновной в причастности к церковному делу я никоим образом себя не признаю.

⁵³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 43. Л.Л. 112, 112об. Автограф.

Я арестована 2 февраля 1924 г. и просидела в Предварительном заключении 9 месяцев. Мне было предъявлено обвинение по 68 статье, и допрашивали меня о происхождении находившихся у меня образов. Между тем, все эти образы мои личные и получены мною от моей крестной матери бывшей игуменьи Новгородского Десятинного монастыря, с которою я не виделась 35 лет. Когда я уезжала на фронт во время Японской войны, я получила благословение образом, также и во время Германской. Церковных образов я не укрывала, да и взять мне их негде было. Все образы принадлежали лично мне. С 1905 года я служила сестрою милосердия в Николаевском военном госпитале, где кончила и курсы. 6 месяцев я работала в Харбине и 3 м. на плавучем госпитале «Костроме». По возвращению с войны (Японской) работала в Николаевском госпитале в качестве массажистки и сестры милосердия до войны с Германией. В 1916 году была назначена на фронт в Головной отряд на ст<аницю> “Погорельцы” Минской губ<ернии>. Проработав там более полугода, я в начале революции вернулась в Николаевский госпиталь, и была откомандирована в Кресты Чрезвычайною Следственной комиссиею. Прослужила один год и была уволена по сокращению штатов. Поступила снова в Николаевский госпиталь, была откомандирована на фронт в гор<од> Сарапуль Вятской губ<ернии>, где работала 6 месяцев и 2 месяца в Казани. Вернувшись оттуда, опять работала в Николаевском военном госпитале вплоть до 22-го года. Уволена по ст<атье> 36 по болезни сердца и хроническ<ому> ревматизм<у>. В Доме Предварительного заключения я просидела 9 мес<яцев> по 2 кат<егории> и приговорена к 2 годам концлагеря на Соловки. Здоровье уходит, мне 56 лет, и средств к существованию я не имею. Прошу не отказать ходатайствовать за меня перед ОГПУ. Одна надежда на Красный Крест. Под судом я никогда не была.

В. Фукс».⁵⁴

Пометы: «вх. 5738. 30/V.25 г.». «Копия напр<авлена> в С.О. 1/VI».

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 76. Л.Л. 123, 124. Автограф.

* * *

1.15. Письмо ссыльного студента М. Д. ГЕРАСИМОВА с просьбой оказать помощь его семье. 13 июня, 1924, Краснококшайск.⁵⁵

«город Краснококшайск

Маробласть

13/VI – 1924 г.

Уважаемая Екатерина Павловна!

К Вам обращается политический ссыльный Герасимов Михаил Дмитриевич – студент Московского Университета – высланный в 1923 году из г. Москвы, на 2 года в Марийскую Автономную Область (г. Краснококшайск), по Постановлению Комиссии по административным высылкам при НКВД по ст<атье> 68 Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. и числящийся за 3-м отделении ГПУ.

Мое обращение имеет своей целью, убедительно просить Вас, оказать возможную помощь моей семье, которая в настоящее время проживает в г. Калуге и не имеет положительно никаких средств к существованию, равным образом и никаких выходов к его улучшению.

Моя семья состоит из беременной жены и одного годовалого ребенка.

Весной прошлого года по прибытии на место ссылки в г. Краснококшайск и получив с большим трудом службу в совучреждении, – я выписал жену с ребенком к себе в надежде кое-как прожить в ссылке вместе. Другого выхода не было. До апреля месяца этого года, при самых тяжелых материальных лишениях и гнусной нищете, мы еле-еле протянули свое существование. Причем все это осложнялось моей безработицей, т<ак> к<ак> со службы я был уволен по “сокращению штата”. Найти же для ссыльного службу или вообще какой-нибудь заработок здесь, в этом мертвом, затерянном в лесной глуши городке, – с 3–4 тысячами жителей, – необычайно трудно. Для молодого же студента университета, не имеющего побочных специальных знаний, – совсем невозможно.

Положение ссыльного обесценивает до нуля его интеллигентность и культуру.

---

⁵⁵ Главный город Марийской автономной обл. До революции назывался Царевококшайск, после – Краснококшайск, затем был переименован в Йошкар-Ола.

Необходим был какой-то выход. Нужда все больше и больше забирала в свои лапы. Плюс к этому еще жена беременна. Поэтому было решено, поехать жене с ребенком в Москву и попытаться там устроиться, найти заработок, благо были кой-какие знакомства.

Правда, в апреле месяце я опять сумел поступить на службу в финансовый отдел, но, будучи уверенным, что в этом госучреждении ссыльного долго не потерпят, – все же решил жену с ребенком отправить в Москву, благо новая служба давала необходимые для этого шага средства.

Случилось, как предполагалось. Из финансового отдела меня убрали с 1 июня. Но жена в Москве не устроилась, поехала в Калугу (там живут ее родные). И там не устроилась. Остановившись временно у своих родных, она, после выяснения своего материального положения, вынуждена была от них уехать и также временно перебраться к моим бывшим воспитателям – людям совсем несостоятельным и старым.

В Москве, как и в Калуге, не имея опоры в “сильных людях”, она не могла и не может найти заработка. Пишет мне – просит дать выход и помощь. Я – в таком же положении. Выхода нет, а выход нужен, иначе лезть в петлю!

Срок моей ссылки кончается 13 апреля 1925 года. Я – 1901 года рождения, и это обстоятельство окончательно усугубляет и затягивает нашу нужду, вернее безвыходность, т<ак> к<ак> по окончании срока ссылки я должен буду отбывать военную службу.

Не знаю, сообразовали ли Вы оказать помощь моей семье и, если да, то в какую форму она выльется. Конечно, для нас лучшей бы помощью было – это приискать жене моей постоянную службу. Положение настолько крайне тяжелое, что настоятельно требует систематическую помощь. Может быть, Вы сумеете найти ей работу при себе или где-нибудь в Москве, может быть, Вы сумеете ее устроить в Калуге. Простите меня за назойливость, за, может быть, лишние указания. Я не знаю, чем Вы располагаете, – я знаю только, как необходимо выход и помощь. Еще раз прошу извинения за неделикатность.

Если Вам понадобятся более подробные сведения, то их можно будет получить и от меня, и от моей жены – адрес которой следующий: г. Калуга проспект Вальян д<ом> 23 Герасимова Варвара Евгеньевна.

Моя жена – 1902 г. рождения, имеет среднее образование, развития среднего. Имеет, кроме этого, среднее музыкальное

образование. Около двух лет работала в Москве по дошкольному воспитанию в детских домах. Слыла за хорошую руководительницу. Справку можно получить в МОНО у т<оварища> Шимберева. Знает канцелярское дело.

В надежде и с верой в Ваши замечательное сердце и великую волю, остаюсь глубокоуважающий Мих<аил> Герасимов.

Марийская Автономная Область,

г. Краснококшайск.

До востребования». ⁵⁶

Пометы: «вх. 3156-25/VI-24 г.».

* * *

1.16. Письма М. Д. АЛЕКСАНДРОВЫЙ с ходатайствами за арестованную сестру С. Д. ВЫСОЦКУЮ и ее мужа Н. В. ВЫСОЦКОГО (родители двух несовершеннолетних детей). 22 августа, 11 октября, 22 октября, 29 октября 1924, Ленинград.

«22/VIII-24 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что затрудняю Вас, но больше не к кому обратиться... Я хлопочу по делу инж<енера> мех<аника> Николай Васильевича Высоцкого и его жены Софии Дмитриевны Высоцкой, арестованных 12-го июня 24 г., у них остались дома двое несовершеннолетних детей без средств. Что делать, Екатерина Павловна? Если вы не захотите помочь – никто уже не поможет – некому! Я не верю, что Вы не откликнетесь. Я не прошу, а молю всем своим существом... Случайно я была у них, и теперь мне пришлось бросить свое хозяйство, большую 75 л<етнюю> мать, тоже без средств в разрушенном доме в деревне. Я сама ничего не имею – безработная уже 3 г. За что они арестованы, я не знаю. На свидании 12-го августа я увидела, что Ник<олай> Вас<ильевич> ненормальный. Я подала заявление, но передачу ношу все в ту же камеру. Добиться толку от сумасшедшего я не могла, а у его жены (моей сестры) я тоже ничего не узнала, т<ак> к<ак> она совершенно не в курсе дела и не понимает того, о чем ее допрашивали.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 37. Л.Л. 83–84. Автограф.

Предъявили им 66 статью, и дело направлено в Москву. Сего дня я узнала, что Ник<олая> В<асильевича> Высоцкого ссылают в Соловки на 3 г., а его жену на Урал на 2 г. Я спросила Сергея Порфирьевича Швецова, что же делать? Он мне посоветовал хлопотать в Москве. Да у Высоцких никого и в Ленинграде знакомых нет. Жили они замкнуто за недостатком средств. Что делать, Екатерина Павловна? Если вы не захотите помочь – никто уже не поможет – некому! Я не верю, что Вы не откликнетесь. Я не прошу, а молю всем своим существом... Я сама никому никогда не отказывала и рискуя жизнью, здоровьем, помогала бедным, не получая за это ничего. Я не сказала бы этого, если бы не такое ужасное горе безвыходное... Ведь дети! И родители, наверно, не виноваты! В особенности сестра, слабая, вся в хлопотах о хозяйстве...

Вы не плохим людям поможете... Сейчас только спешно в Москве можно изменить решение! Хоть пусть мать оставят у детей! Она не перенесет ссылки, разлуки с детьми, она очень непрочного здоровья. Что же я то буду делать с детьми? Учить, кормить их надо, а у меня ничего нет. Я сама чувствую, что потеряла все силы...

Мой адрес: Ленинград. В<асильевский> Ост<ров>. 13-ая линия, д. 16, кв. 23. М. Александрова.⁵⁷

Пометь: «Вх. 4061. 26/VIII – 24 г.» «Передачу. 1/IX-24 г.»

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

До сих пор я не получила ответа на свою просьбу помочь детям инж<енера> мех<аника> Николая Васильевича Высоцкого, дело № 1137. Я предполагала, что они без вины сидят уже 4 м<есяца>, а теперь окончательно убедилась в этом. Нельзя же ссылать обоих родителей только из одного предположения, а дети? К<а>к же будут они без родителей? И без средств к жизни... Умоляю помочь детям, обратить внимание на дело. М<ожет> б<ыть> мать оставить при детях. У нас столько красивых слов и забот о молодом поколении и т<акое> п<рочее>. Почему же ни один человек, имеющий возможность помочь, не хочет разобрать и понять безвыходное материальное <положение> и тяжелое детское горе!. Екатерина Павловна, я не обратилась бы к Вам, если бы не имела примера... Помогите... Чем обратить Ваше внимание, как помочь?!...

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. Л.Л. 76–77. Автограф.

В<асильевский> О<стров>, 13 л<иния>, д. 16, кв. 23. Ленинград. 11/Х 24 г. Александрова».⁵⁸

Помета: «вх. 4329».

«22/Х 24 г. Дело № 1137.

Уважаемая Екатерина Павловна.

Прошу Вас посодействовать и хлопотать относительно арестованных Высоцких. Инж<енера>-Мех<аника> Николая Васильевича Высоцкого ссылают в Соловки на 3 г., а его жену Софию Дмитриевну на 2 г. на Урал. М<ожет> б<ыть>, возможно их не разлучать, если ссылку отменить нельзя. Дети одни остаются.

Обратный адрес: Ленинград. В<асильевский> О<стров>, 13 л<иния>, д. № 16, кв. 23. Александровой Марии Дмитриевне».⁵⁹

Пометы: «вх. 4380». «Исп<олнено>. 25/Х».

«Многоуважаемая Екатерина Павловна! Сообщаю Вам, что София Дмитриевна Высоцкая расстреляна с 22–25 октября с. г. Заключение была в 29 камере 8 отд<еления>, ходила в прачечную работать и носить дрова. Пользовалась относительной свободой. Дети и я имели свидание с ней и с отцом и ничего о перемене не знали 21-го окт<ября>. Это так неожиданно и невероятно, т<ак> к<ак> Высоцкие себя не чувствовали виноватыми, хотя обвинялись по 66 ст<атье>. У детей отнята мать, что будет с отцом? Мы узнать ничего не можем. Прошу Вас, обратите внимание на это дело. Кому понадобилась кровь ни в чем не виноватых людей? Почему скрыли это дело и сказали мне, когда уже расстреляли? Что я буду делать с детьми, не имея возможности прокормить их? Неужели все это делается только потому, что некому заступиться за детей? Если можно что-нибудь сделать для их отца и еще не поздно, прошу Вас – помогите. Дело Николая Васильевича Высоцкого за № 1137.

М. Александрова. В. О. 13-ая линия д. 16, кв. 23.

Ленинград. 29/Х-24 г.».⁶⁰

Помета: «Вх. 4423. 3/ХІ-24 г.»

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. Л. 11. Открытка. Автограф.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. Л. 9. Открытка. Автограф.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. Л. 74. Автограф.

* * *

1.17. Заявление А. Н. АБОЛИНОЙ (мать двоих малолетних детей, их отец арестован). 15 октября 1924, Москва.

Заявления женщин-матерей с просьбой о материальной помощи в связи с арестом мужа-кормильца, продолжали поступать в ПОМПОЛИТ в 1924 не реже, чем в 1923. Ниже мы приводим одно из таких заявлений, в пометах к нему перечислены продукты, выданные для детей.

«Помощь политическим заключенным
гр<аждан>ки Аболиной Алек<сандры>
Никол<аевны>

Заявление.

Убедительно прошу оказать материальную помощь моим 2-м детям мальчишкам 2 <года> и 11 м<есяцев> и 1 год.

Мужа моего арестовали, а я осталась совершенно без средств и ни родных, ни знакомых в Москве не имею. Сама без места и один ребенок 2 г<ода> 11 м<есяцев> лежит в больнице ст. Екатерининская (3-я Мещанская), болен скарлатиной. Очень и очень прошу помочь мне.

15.10.24.

Чистые Пруды д. 19, кв. 8.

А. Аболина». ⁶¹

Пометы: «Выдайте масла, сахару, рису, сгущен<ное> молоко и 5 руб<лей>. 11/Х. М. Винавер». «Исполнено. Ордер 1849».

* * *

1.18. Заявление ссыльной А. И. АУССЕМ-ДАЕВОЙ (жена социал-демократа, заключенного в Суздальский политизолятор, и мать двоих детей). 23 октября 1924, Оренбург.

АУССЕМ-ДАЕВА Агния Ивановна – беспартийная. Ее муж – АУССЕМ-ДАЕВ Виктор Христианович, инженер-химик, социал-демократ, член РКП с 1899, в октябре 1922 был арестован и выслан на 3 года в Туркестан; в августе 1924 приговорен к

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 37. Л. 1. Автограф.

3 годам заключения в концлагере и отправлен в Суздальский политизолятор. В 1922 Агния Ивановна также была арестована и в августе 1923 выслана в Киргизию, в сентябре 1924–1926 – в ссылку в Оренбурге.

«В Политический Красный Крест
Адмссылной Ауссем-Даевой А. И.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Будучи матерью двоих детей – одной 3 года, другой – 1 г<од> 10 мес<яцев>, я оторвана от них, по независящим от меня обстоятельствам, в течении 3-х месяцев.

Находясь в настоящее время в ссылке в г. Оренбурге, не имею и сейчас по исключительно тяжелым материальным условиям возможности взять детей к себе сюда (работу в течение месяца не могу получить).

Муж мой заключен в Суздальский концлагерь сроком на три года.

Дети оставлены мной на моей родине в г. Перми и живут в двух различных семействах на иждивении политического ссыльного Вороничина, у которого своя семья и определенно-го заработка нет.

Ввиду того, что я им никакой материальной помощи оказать не могу, а должна сказать, что дети не имеют даже нужной теплой одежды для зимы, т<ак> к<ак> сама нахожусь без заработка. Прошу Политический Красный Крест оказать возможную помощь моим детям, пока я подыщу работу.

Помощь, которую Вы найдете нужным оказать моим детям, прошу направить по адресу: г. Пермь, Большая Ямская ул., д. 56, кв. 3, И. П. Вороничину.⁶²

Аг. Ауссем-Даева

23/X-24 г.

Г. Оренбург, Каргалинская, 20».⁶³

Пометы: «вх. 4395. 28/X-24 г.» «Необходимо помочь. ЕП». «Вороничин Иван Петрович. Исполнено».

⁶² Вороничин Иван Петрович – сподвижник лейтенанта Шмидта, организатор севастопольского восстания, был приг. к ВМН с заменой на бессрочную каторгу, 12 лет провел в Шлиссельбургской крепости. Социал-демократ. Ар. 1921 в Житомире, освобожден; в 1922 вновь ар. и приг. к 2 г. заключения в к/л. Отправлен в Архангельск, освобожден в том же году после голодовки.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 26. Л.Л. 169–170. Автограф.

* * *

1.19. Обращения Н. Л. БЕЙТНЕР (вдова с двумя детьми) и ее дочери Гельмы БЕЙТНЕР (выслана по делу эсеров-максималистов) с просьбами о помиловании и материальной помощи. 18 ноября 1924, Новгород. 16 января 1925, Тамбов.

Обращение П. Ф. ДОБРОХОТОВОЙ (член ПСР) с просьбой о материальной помощи Гельме БЕЙТНЕР. 22 июня 1926, Тамбов.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Простите, что я обращаюсь к Вам. Я – бедная вдова с малолетним сыном на руках, безработная. Дочь мою 19-летнюю 1 марта арестовали, причислив к партии с.р. Просидев в Новгороде и в Петрограде 4 месяца, выслали в Тамбов. Раньше до ареста она служила машинисткой в исполкоме, получая 22 р<убля>, на что мы все трое и жили. Хотя очень стесненно, но все же в тепле, и сыты были наполовину. Теперь же мы все голодаем: она – в Тамбове, а мы – в Новгороде. Я с ребенком сидим на одной картошке, которая варится у соседей добрых, куда ходим и греться. Тоже самое и она, бедная, сидит на одном голом хлебе – 1,5 фун<та> на день и кипяток. У меня чахотка хроническая, и у детей наследственный туберкулез. Ее перевезли в Питер, кровь пошла горлом, как только стала плакать и убиваться, почувствовала, что увезли и оторвали от ее матери, почувствовала весь ужас всего положения, рвала волосы на себе, билась головой об стену, начала перерезать вену, хотела повеситься, но это было замечено и установили усиленный надзор за ней. Надо ходить каждую неделю регистрироваться в ГПУ, а теперь начнутся дожди, ноги промокнут. Лежит 3–4 дня с повышенной температурой, т. к. галош нет, туфель нет и в летнем жакете. Нет ничего теплого, как у ней, так и у меня с малюткой, ни на себя нечего одеть и на ногах рваные сапоги, не говоря уже о дровах и еде. Эти годы голодные пришлось все проесть и прожить, но теперь так уже организм промерз, что как выходишь на улицу, коченеешь вся и ноги замерзают. Д<окто>р говорит, что если буду жить при таких условиях, как сейчас, то едва ли вытяну зиму. Последние вещи пришлось прожить за эти 8 месяцев. Страшно становится, когда подумаешь, что зима наступает, нет ни дров, ни одежды, ни обуви, ни валеж.

Убедительно прошу организацию, во главе которой состоите и Вы, помочь чем, сколько возможно, мне и дочери моей. И будьте добры, укажите, куда и как хлопотать мне о помиловании полном. Может тогда она скорее смогла бы получить службу, т<ак> к<ак> служила уже 4 года машинисткой, и ею были очень довольны, а во-вторых, смогла бы приехать в Новгород, где бывшее ее начальство скорее, может, смогло бы ее устроить службой, да и не надо ходить на регистрацию, которая много портит нервы и здоровье. Может, примут во внимание в ЦИК ее юность и неопытность в жизни, она призналась сразу же в своей работе, хотя к партии не принадлежала и работала не сознательно, а лишь по просьбе своего жениха-студента. Очень извиняюсь, благодарю и жду ответа.

Новгород, 12 ноября. Н. Л. Бейтнер.

Мой адрес: Славная 35/41, кв. Мустонен. Наталия Латсовна Бейтнер.

Сейчас получила письмо от дочери из Тамбова, где и пишут, что ссыльная больна, простудилась, регистрируясь, и слегла, температура 39 и выше, умоляет меня приехать, но как ехать, когда одна дорога 15 р<ублей> стоит, и в летнем во всем, хотя бы была овчинковая одежда и вальки. Убедительнейше прошу не откажите помочь. Больная в бреду только твердит: “Мамочка иди ко мне, мама, мама, где ты, милая”. Просыпается, плачет: “И где же мама, я ее видела. Куда она ушла от меня”. Это описывает ее соседка.

Положение мое безвыходное, и я решила, что придется усыпить сына и себя, и то же самое сделает моя дочь, которая живет только для нас, а если нас не будет, то и она не будет жить одна, так она разочаровалась в жизни, и ничто ее не манит в жизни, хотя очень интересная наружность, да и по службе ее все очень любили. Чуткая девочка. Будьте добры и не откажите в моей убедительной просьбе. От души извиняюсь и благодарю Вас.

Н. Бейтнер». ⁶⁴

Пометы: «вх. 4488. 18/XI-1924». «с.р.» «Нап<исать> заявление. Выслать 15 руб<лей> и 10 руб<лей> М. Л. В<инавер>» «Исп<олнено>. 12/II».

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 78. Л.Л. 72-74. Автограф. Карандаш.

«В Политический Крест им. Пешковой
Адм<инистративно> ссыльной по делу
Лев<ых> С.Р. (м<аксималистов>) в г. Тамбове
Гельмы Бейтнер.
Адр<ес>: Набережная, № 58, кв. 1.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В 1924 г. 29/VII прибыла в г. Тамбов на три года из Ленинграда по постановл<ению> ОГПУ от 20 мая 1924 г. До настоящего времени не могу устроиться на службу, т<а>к к<а>к исключена из союза как ссыльная, т<а>к к<а>к место ссылки является вольноизбранным. Материальное полож<ение> родных не лучше моего, а потому прошу оказать мне посильную помощь.

Г. Бейтнер.

Подтверждаем, что ссыльная Г. Г. Бейтнер крайне нуждается в помощи и просим удовлетворить ее просьбу.

Политссыльные по делу ЦСП (подписи)

Политссыльные за принадлежность к РСДСРМ (подписи)».⁶⁵

Пометы: «вх. 4837. 16/1-1925». «Переслать 10 руб<лей>. <М. В.>»

Летом 1926 Гельма БЕЙТНЕР по-прежнему находилась в ссылке в Тамбове, и ее материальное положение по-прежнему было очень тяжелым. С просьбой оказать ей материальную помощь к Е. П. ПЕШКОВОЙ обратилась П. Ф. ДОБРОХОТОВА, ее постоянная корреспондентка, также отбывавшая ссылку в Тамбове.

«22/VI-26 г. Лермонтовская 61.

Опять я надоедаю вам письмами, дорогая Екатерина Павловна, но теперь не о себе, а о других. Знаю я здесь высланную в г. Тамбов в 1924 г. (на 3 г.) максималистку Гельму-Галину Густавовну Бейтнер (она шведка, по профессии ремингтонистка, 21 лет). Она безработная, и работы не находится, местное ГПУ почему-то отказало ей в выдаче пособия, и она находится теперь в ужасно тяжелых материальных условиях. Выслана она из Новгорода, там проживает ее мать, но она не может помочь дочери, т<ак> к<а>к сама нуждается. Пробовали друзья

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 78. Л. 75. Автограф.

Галины Бейтнер оказывать ей помощь, но она, по щепетильности своей, отказывается от нее и, положительно, голодает. По ее просьбе ваша организация как-то оказывала ей помощь, но опять обращаться к вам за этим она не решается, а потому, зная безвыходность ее положения, я решила просить вас, если возможно это, выдать ее какое-либо пособие и выслать по адресу: г. Тамбов.

<...> Люблю вас и помню всегда. П. Доброхотова». ⁶⁶

Пометы: «Запросить о выдаче пособия Бейтнер». «Послать десять рублей. ЕП. 2/VII-26». «Исп<олнено> 5/VII».

* * *

1.20. Письма П. Л. ЭРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО (педагог со знанием татарского языка, мать троих детей). Декабрь 1924, апрель 1925, Лефортовская женская тюремная больница, Москва. 25 января 1931, Восточно-Сибирский край, Канский окр., село Тасеево.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 февраля 1931.

«<Декабрь 1924.>

Вторая Лефортовская Женская Тюремная больница.

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Обращаюсь к Вам с просьбой поддержать меня, я больна серьезной нервной болезнью, оторвана от трех малолетних детей, нуждаюсь во всем. Я жила в Феодосии, арестована с 4 октября сего года, присуждена к 3 годам высылки на Соловки как КР; была беспартийной. Прошу помочь мне советом, навестите меня.

Я учительница, дочь рабочего Леопольда Эренфельд, жена художника Альфреда Прево, умершего в 1922 году в Феодосии от сыпного тифа. Средств у меня нет никаких, дети могут погибнуть в мое отсутствие, их трое: Нелли, Ирен, Клер. Очень прошу Вас помочь мне.

Я русско-подданная Полина Леопольдовна Эрефельд-Прево». ⁶⁷

Помета: «вх. 4528».

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 113. Л.Л. 287, 288. Автограф.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 80. Л.Л. 225–226. Автограф.

«Уважаемая Екатерина Павловна.

Прошу Вас, помогите, пожалуйста, трем моим малолетним детям, после моего ареста они остались без средств к жизни и без квартиры, из которой выселены за невозможностью платить. Дети слабые, одна туберкулезная, в возрасте 9 лет, 11 лет и 16 лет. Нужда сильная, помочь им некому, они могут погибнуть. Живут дети с больной тетей, у которой есть сын, она не в силах прокормить даже свою семью. Отец моих детей Альфред Прево, гражд<анин> Франц<узской> республики родился в 1878 г. в Алжире, городе Орони, большую часть своей жизни прожил в России, сестра его родная Нелли Прево, потом вышедшая замуж, живет теперь с моими детьми в крошечной комнате, где они все спят на полу, она член Все-рабиса⁶⁸, бывшая оперная артистка.

Феодосия, музыкальная школа, Бульварная улица,

Нелли Ахилловна Савина.

Как у нее, так и у меня муж умер. У нас нет никого, кто бы мог нашим детям помочь. Умоляю вас, поддержите детей до моего освобождения, я все болею в Лефортов<ской> женской больнице.

1925 г. Апрель 5 дня.

П. Эренфельд-Прево».

Помета: «Пусть обр<атится> в Франц<узское> Пос<ольство>. <М. В.>».⁶⁹

Кроме этих писем, в деле имеется автобиография П. ЭРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО, написанная ею, вероятно, в апреле-мае 1925; по-видимому, это копия автобиографии, приложенной к заявлению, поданному в ОГПУ.

«Отец мой, Леопольд ЭРЕНФЕЛЬД, рабочий-слесарь, мать моя вышла из бедной рабочей семьи, Анна Аристидова. Умерла моя мать от туберкулеза, когда мне было 3 г. До 15 л<ет> отец мог зарабатывать и учить меня, затем стал болеть. С 15 л<ет> я давала уроки и на зарабатываемые за уроки деньги кончила гимназию в 900 г. Окончив гимназию, стала земской учительницей в дер<евне> Верхняя Аутка, а потом в Ялте до 903 г. Пошла в учительницы, желая быть полезной народу. В 1903 г. поехала в Москву с 18 р<ублями> в кармане на

⁶⁸ Всерабис – Всероссийский союз работников искусств.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 81. Л.Л. 133–135. Автограф.

педагогические курсы, там давала уроки и училась. Знакомство с семьей народовольца открыло мне глаза на многое, чего я не понимала. Сочувствуя революционным партиям, чем могла, помогала им: распространение пропаганды, участие на демонстрациях, забастовках.

В 1905 г. возвратилась в Ялту, работала недолго в земской школе 1906 год, и затем за распространение пропаганды арестована, посажена в тюрьму в Ялту и выслана из Ялты. Переезжая из города в город, не имея права долго оставаться в городах (усиленная охрана, военное положение многих городов), а потому лишенная заработка – я страдала сильно, не имея возможности посылать отцу на жизнь, оставленного без поддержки и умершего от туберкулеза после моей высылки. В 1909 г. приехала в Феодосию, где отсидел свой срок наказания мой муж, Альфред Прево, художник-скульптор, за борьбу со злом монархизма. С этого времени я всегда жила в Феодосии. Ни я, ни мой муж не были партийными. В начале 1912–1913 гг. была в Москве, посещала московские демократические детские сады, клуб детский, слушала лекции по дошкольному воспитанию. С 1913 г. работала в 1-м детском саду, открытом мною на детской площадке, доступной большинству детей. Со дня вступления Советской власти работаю то заведующей детской площадки при бывш<ей> мужской гимназии, то заведующей татарским детским садом на Форштадте. Прделавав колоссальную работу – создала показательный детский сад. В беседах, доступных для понимания большинства, – подготовила девочек-татарок руководительницами детских садов. Знание татарского языка и любовь к делу – помогло мне расположить родителей татар, относившихся прежде с предубеждением к делу социального воспитания. Работа тянулась настолько, что заведующий Наробразом гр<аждаин> Хамзин просил меня взять отдел Социального воспитания в свои руки. Только болезнь моя оторвала меня от любимого дела. С 1922 г. стала я сильно болеть. После 2-х перенесенных тифов и смерти мужа сейчас болезнь сердца, нервные боли так остры, что я лежу в постели. С 15 лет живу я своим трудом, работая уже 28 лет учительским трудом, помогая, где только могла и детям, и взрослым – слабея себя. В период войны, когда оставалось много детей-сирот, присланных на юг, учила я детей бесплатно, несмотря на свою нуждаемость. Видя лучшую жизнь человека в свободе и знании, помогала бороться со злом монархизма до свержения его. Оставаясь беспартийной,

работала на платформе Советской России не за страх, а за совесть. У меня трое детей: 16 л^{<em>}>, 11 л^{<em>}> и 9 л^{<em>}>. Одна из девочек туберкулезна, две очень слабые здоровьем. Дети без всяких средств оставлены – одни в Феодосии, как живут, не знаю. Боюсь, что они погибнут одни без меня. За что осуждена, я не знаю. Судя по допросу – все дело в человеке, который жил в качестве рабочего на заводе, где приготовлялась из глины посуда, куда ходила я за глиной, нужной для уроков лепки, ходила я к своей знакомой, с которой знакома 14 л^{<em>}>, рабочего этого я не знаю. Перед Советской Россией я не виновна. Прошу помочь мне освободиться, вернуться к моим детям, брошенным на произвол судьбы. Я состою членом Союза Всеработпрос с 17 г., мне 43 года. Муж мой, Альфред Прево, художник-скульптор, заболел, простудившись в конце 21 г. при постановке памятника Свободы в Симферополе, а затем, заболевши тифом, умер в Феодосии от сыпного тифа в апреле 22 г. Почти всегда больная с этого времени – я с трудом работала, прокармливая своих детей. П. Эренфельд-Прево».⁷⁰

«25/I 31 г.

Уважаемая Екатерина Павловна!

Прошу Вас сообщить мне, пожалуйста, что получила я по окончании моего срока. Желая получить занятие по своей специальности, я очень нуждаюсь в известии, чтобы знать, куда бы могла подать заявление, получив освобождение. Срок, назначенный мне, истек 2-го сентября 1930 года. Прошу Вас очень сообщить также о месте нахождения Василия Петровича Гриневича⁷¹ – гражданина Польши, жившего в селе Тасеево Канского округа Восточно-Сибирского Края, вызванного отсюда 14 сентября 1930 года.

Адрес мой: село Тасеево тот же Восточно-Сибирский край.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 82. Л.Л. 249, 249об. Машинопись.

⁷¹ Гриневич Василий Петрович, 1886 г.р., род. в Варшаве, поляк; образование незаконченное высшее; б/п, проживал в селе Тасеево Канского окр. Вост.-Сиб. края, работал техником по строительству. Ар. 24 сентября 1930. Приг. 23 января 1931 Коллегией ОГПУ по обвинению в шпионской деятельности к ВМН. Расстрелян 28 января 1931 в Москве на Ваганьковском кладбище. Реаб. в январе 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

По справкам, наведенным здесь, бумаг моих нет.

Уважающая Вас учительница Полина Эренфельд-Прево».⁷²

Пометы: «9936. 11/II 31». «Запр<осить> Уч<етный> О<тдел> Е. П. 8/II».

«П. Л. ЭРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО. 9936. 23/II-31.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно справке из ОГПУ, постановлением от 17/VII 30 г. Вам запрещено проживание в Дагестане, Северном Кавказском крае и пограничных округах на 3 года с прикреплением. Об ускорении освобождения обращаемся».⁷³

*В 1933 П. ЭРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО жила в Восточной Сибири, в Енисейске, имея ограничения места проживания, срок ограничений заканчивался 10 августа 1933.*⁷⁴

---

⁷² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 612. Л. 152. Открытка. Автограф.

⁷³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 612. Л. 150. Машинопись.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. Л. 65.

Раздел 2

ПИСЬМА 1925–1929

В 1926 была проведена первая перепись населения СССР. Оно составило 147 млн. человек, из них: сельское население – 82%, городское – 18%.

К 1925 экономические реформы, начавшиеся с принятием НЭПа, обеспечили стабилизацию денежной системы, рост производства и производительности труда, снижение безработицы¹, что благотворно сказалось на уровне жизни населения.

НЭП был принят партией как тактическое отступление, за выбор дальнейшей экономической стратегии началась борьба, ужесточенная внутрипартийной борьбой за власть.² Споры о НЭПе и его последствиях закончились принятием принципа пятилетнего планирования, утвержденного в апреле 1927 на 4-м съезде Советов.³ Первая пятилетка официально началась 1 октября 1928⁴ и означала решающий поворот в истории СССР: главные усилия направлялись на индустриализацию страны.⁵

---

¹ В 1924 в СССР насчитывался 1 млн. 200 тыс. безработных.

² В результате борьбы со всеми проявлениями оппозиции были заложены основы режима абсолютной власти.

В декабре 1923 Сталин начал борьбу с «троцкизмом». К концу 1927, подерживая «правых», стоящих за союз с крестьянством и продолжение НЭПа, он одержал победу над «левыми» – «объединенной оппозицией» (Каменев, Зиновьев, Троцкий), требующей первоочередного развития тяжелой промышленности, ведения борьбы с кулачеством и предоставления помощи рев. движению в др. странах. Разгромив «левых», осенью 1928 Сталин начал борьбу с «правым уклоном» (Бухарин, Рыков, Томский), утверждая, что необходимо ускоренными темпами развивать тяж. промышленность и проводить коллективизацию сельского хозяйства.

³ Разработкой первого пятилетнего плана занимались экономисты ВСНХ (председатель В. В. Куйбышев) и Госплана (председатель Г. М. Кржижановский).

⁴ 1-й пятилетний план был утвержден в апреле 1929 на XVI парт. конференции ВКП(б) и в мае 1929 на V Всесоюзном съезде советов.

⁵ До начала первой пятилетки в стране были пущены две электростанции: в декабре 1925 – им. Ленина в Шатуре близ Москвы, в декабре 1926 – Волховская ГЭС. В 1927 началось сооружение ГЭС им. Ленина на Днепре (Днепрогэс).

Изменение политики государства по отношению к крестьянству.

В апреле 1925 (на XVI-й партконференции) была подтверждена политика союза власти с крестьянством (и продолжения НЭПа).⁶

В январе 1928 во время поездки по Уралу и Сибири Сталин начал кампанию, направленную против крестьян, которые отказывались сдавать зерно государству; начались разоблачения кулаков, возврат к реквизициям, аресты непокорных (впоследствии это будет названо «урало-сибирским методом»).

15 декабря 1928 был издан новый Земельный кодекс, урезающий права крестьянства по сравнению с кодексом 1923.

5 июня 1929 была начата подготовка к форсированной коллективизации; было принято положение об организации машинно-тракторных станций (МТС).⁷

В ноябре 1929 в «Правде» появилась статья Сталина о «великом переломе» в жизни деревни. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об ускорении темпов коллективизации и о создании Наркомзема.⁸

27 декабря 1929 Сталин заявил о начале сплошной коллективизации и о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса».

Отношения государства и церкви.

7 апреля 1925 умер патриарх Тихон, не оставив преемника, в своем «завещании» он призвал церковь быть лояльной к советскому режиму.⁹

30 марта 1927 был освобожден митрополит Сергей, арестованный в 1926 году. Ради выживания Русской Православной Церкви он начал проповедовать полное ее подчинение советской власти.

⁶ Н. И. Бухарин заявил: «Крестьянству, всем крестьянам мы должны сказать: «Обогащайтесь!»

⁷ МТС – Машинно-Тракторные Станции, гос. предприятия, сосредотачивающие с/х технику и заключающие договоры с колхозами на производство тех или иных работ.

⁸ Образован в декабре 1929.

⁹ Еще в июне 1923 патриарх Тихон признал свои «ошибки» и выступил с заявлением о своей лояльности по отношению к новому режиму.

В 1928 началось наступление на ислам: закрывались мечети, запрещалось паломничество в Мекку.

8 апреля 1929 был издан Указ об организации церковной жизни, усиливающий контроль властей за общинами верующих.

В 1928 в городах началась нехватка хлеба, вызванная сокращением поставок зерна (в связи со снижением государственных закупочных цен, проведенным после нескольких неурожайных лет). В 1929 была вновь введена карточная система распределения хлеба.

В начале декабря 1929 в Москве был проведен 1-й съезд ударных бригад, выдвинувший лозунг «Пятилетку – в 4 года!»

21 декабря 1929 отмечался 50-тилетний юбилей Сталина, ознаменовавший начало культа его личности.

ИЗ ХРОНИКИ РЕПРЕССИЙ

10 марта 1925 СНК СССР принял постановление о переводе политзаключенных социалистов в политизоляторы на материке (до этого времени все они находились на Соловецких островах).

20 марта 1925 ВЦИК и СНК СССР принял декрет о выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев из мест их проживания и лишении права пользоваться землей. Затем этот срок продлевался несколько раз вплоть до октября 1926 г.

В 1928 после завершения разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции¹⁰ участились аресты всех оппозиционеров (включая потенциальных).

18 мая–6 июля 1928 состоялся Шахтинский процесс. Обвинялись в саботаже 53 инженера и технических специалиста Донбасса. Было вынесено 11 смертных приговоров, 5 человек были расстреляны.

28 июня 1929 организовано Управление северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОН, управление в Усть-Сысольске, с 1930 – в Котласе).

На 1 октября 1929 в лагерях было сконцентрировано 9 250 заключенных, на 1 января 1930 их число достигло 20 276.¹¹

---

¹⁰ Л. Д. Троцкий в январе 1928 был выслан в Алма-Ату, а в январе 1929 – из страны.

11 июля 1929 СНК СССР принял постановление о создании сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ «в целях колонизации» отдаленных районов и «эксплуатации их природных богатств». Согласно этому постановлению, все лица, осужденные к лишению свободы на сроки от трех лет и выше, должны были направляться в эти лагеря.

До конца 1929 были организованы Дальневосточный ИТЛ (управление в Хабаровске), Сибирский ИТЛ (управление в Новосибирске), в начале 1930 – Казахстанский ИТЛ (управление в Алма-Ате) и Среднеазиатский ИТЛ (управление в Ташкенте).

Число заключенных в Соловецком ИТЛ к 1 января 1930 составляло 53 123. Общее число заключенных в лагерях ОГПУ на 1 июля 1929 составляло 22 848 человек, к 1 января 1930 – 95 064 человек, а к июню 1930 – примерно 145 тысяч человек. (Кроме того, число заключенных, содержащихся в системе республиканских НКВД, в начале 1930 составляло 250–300 тысяч человек).¹²

---

¹¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. Общество «МЕМОРИАЛ», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 27.

¹² Там же. С.С. 18, 27.

* * *

2.1. Заявление Ц. Л. МУР (выслана вместе с детьми из Ленинграда). 15 марта 1925, Новгород.

«Помощь Полит-заключенным.
Екатерине Павловне Пешковой.
Административно-высланной за пределы
6 городов Цивии Литмановны Мур,
жит<ельницы> Новгород, ул. Лассалья, 46

Заявление.

6-го февраля 1924 г. был арестован муж мой, Аркадий Григорьевич Мур, и выслан административно 23 февраля того же года из Ленинграда в Тобольск – оттуда в Сургут. Пробыв в ссылке 7 месяцев, он умер в Тобольске 24 сент<ября> того же года (копию с выпис<к>и о смерти при сем прилагаю). В 1922 году муж мой был судим за сношения с заграницей и по суду оправдан. Т<ак> к<ак> предъявленных ему статей я не знаю, то предполагаю, что за это он и был выслан, т<ак> к<ак> никакими спекуляциями он не занимался и ни в чем другом замешан не был. Несмотря на то, что я была выслана по делу мужа, а муж мой уже умер, я не могу добиться разрешения мне с детьми вернуться в мой родной город Ленинград. На мое заявление, поданное Всероссийск<ому> Центр<альному> Исполн<ительному> Комит<ету> до смерти мужа, 18 сент<ября> 1924 г., с просьбой разрешить мне с детьми вернуться в Ленинград, я получила отказ, который при сем прилагаю. Еще до получения отказа муж мой умер. После смерти мужа 18 ноября 1924 г. я подала заявление, с приложением копии с выписи о смерти, в Ленинградское Политическое Управление и до сего времени не имею ответа.

Жить мне решительно нечем, продано все, даже самое необходимое; службы получить не могу, несмотря на то, что вот уже 7 месяцев, как записана на Бирже Труда по своей специальности (корректор) и регистрируюсь по сие время ежедневно.

На руках моих остались двое детей: Вера 16 л<ет> и Леонид 15 л<ет>, учащиеся школы II ступени. Я осталась без всяких средств. Вне Ленинграда у меня нет ни родных, ни близких, и мне негде взять на существование. До сих пор кое-как поддерживала меня сестра, но 14 января этого года

муж ее умер, и она не может мне больше помогать. В Ленинграде я могу найти применение своим знаниям (корректора, переписчицы, переводчицы). Здесь, в нов<ом> городе, мы совершенно погибаем, и, в страхе за участь детей, я обращаюсь к Вам со своей просьбой: я прошу не отказать мне и принять во мне участие, если даже окажется, что статья не политического характера. Я умоляю Вас не дать погибнуть ни в чем неповинной семье и помочь мне в моем безвыходном положении.

Цивия Литмановна Мур.

15-го марта 1925 года».¹³

Пометы: <21/III-25. № 5251>.<Заяв<ление> перед<ать> в КРО. 24/III. М. В.>

* * *

2.2. Письмо Е. С. ГОНЧАРОВОЙ (в заключении вместе с маленькой дочкой). 17 марта 1925, Челябинский политизолатор.

ГОНЧАРОВА-СОЛДАТОВА Елена Степановна. Член ПСР. С 1924 – в политизолаторах и ссылках. В 1924–1925 – в Челябинске, в 1925–1926 – в Ташкенте, в 1926-1927 – в Воронеже, в 1928–1929 – в Пензе.

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам от себя и от имени моей дочурки Ии, самой маленькой обитательницы Челябинского политизолатора. Прошу Вас снабдить нас следующим:

- 1) Крупа «Геркулес»
- 2) Ячменный кофе (с маркой госуправления)
- 3) 2 пары детских чулок (не теплых, мерку прилагаю)
- 4) Книжку Литосовой и Тихеевой — “Сборн<ик> стихотворений – Нюсины стихи”
- 5) Дюжину разноцветных карандашей.

Для себя попрошу вот что: сообщить мне, где и кем издается “Журнал по изучению детского раннего возраста”, его подписную цену и хорош ли он настолько, чтобы можно было истратить на него деньги; а м<ожет> б<ыть> есть что-нибудь другое из этой области, вот об этом сообщите мне.

¹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 84. Л.Л. 241, 241об. Автограф.

Кроме того, если будет возможность, снабдите моего мужа В. Ф. Гончарова¹⁴ брюками, а то совсем обносился.

Ия и Елена Гончаровы.

1925 г. 17/III.

Челябинск. Политический Изолятор».¹⁵

Пометы: «вх. 5296. 28/III-25 г.» «К исполнению. Е. П.»

* * *

2.3. Просьба А. ОКУЛОВА о свидании с высылаемыми СПАНОВСКИМИ. 25 июля 1925, <Москва>.

Заявление в ОГПУ детей Аллы, Аркадия и Алексея СПАНОВСКИХ с ходатайством оказать содействие в выезде к родителям на место их ссылки. <Август> 1925, <Москва>.

«Уважаемая Екатерина Павловна, прежде чем обратиться к Вам с просьбой, позвольте напомнить Вам о том, что когда-то в Париже мы встречались с Вами и имели общих друзей.

А просьба моя заключается в том, чтобы Вы всеми возможными для Вас способами посодействовали разрешению свидания для высылаемых в Нарымский край А. Я. Спановского с его женой.

Все, что я знаю о его деле, сводится к тому, что во всю эту историю с высылкой он попал случайно.

С приветом. А. Окулов.

25/VII 1925».¹⁶

Помета: «К делу Спановского. Е. П. 4/VIII».

«В ОГПУ

От детей политссыльного

Аркадия Яковлевича Спановского,

Аллы 16 лет, Аркадия 12 лет и Алексея 7 лет

Заявление.

Отец наш выслан в село Своровское Томской губ<ернии>. В настоящее время нам необходимо уехать к нему, так как

¹⁴ Гончаров-Градский Василий Федорович (1884–?). Член ПСР, член ЦК ПСР. В 1920–1932 – в тюрьмах и политизоляторах.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 67. Л.Л. 227, 227об. Автограф.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 88. Л. 252. Автограф.

жить без родителей мы не имеем средств и выехать к нему на место ссылки у нас нет никакой возможности. Просим оказать нам содействие и выдать бесплатный литер на поезд. Родных мы никого не имеем, кроме родителей, и так как наша мать уехала с отцом, то помочь нам никто не может.

Алла Спановская. Аркадий Спановский. Алексей Спановский.¹⁷

Помета: «Просьба Акулова». «Исп<олнено>».

* * *

2.4. В. А. МАРЦИНКЕВИЧ (член ПЛСР, умерла на Соловках) и ее дочь Клавдия.

Обращения ПОМПОЛИТа. 6 апреля 1923, 30 июля 1924.

Письма Е. М. ЧЕКМАСОВОЙ (член ПЛСР, подруга **В. А. МАРЦИНКЕВИЧ**) **к Е. П. ПЕШКОВОЙ.** Июль 1925, слобода Михайловка Сталинградской губ.

МАРЦИНКЕВИЧ Вера Александровна. Член ПЛСР. В 1921 была арестована в Ростове-на-Дону по обвинению «в связи с бандой Антонова» и приговорена к заключению в концлагерь. В ноябре 1922 была отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения. Ее дочь Клавдия осталась одна. ПОМПОЛИТ пытался помочь им обеим.

В апреле 1923 ПОМПОЛИТом было послано ходатайство об условно-досрочном освобождении В. Марцинкевич.

«АРХАНГЕЛЬСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПРОКУРОРУ.

В Пертоминском лагере содержится ВЕРА МАРЦИНКЕВИЧ, заключенная в лагерь по постановлению Комиссии по административным высылкам при Н.К.В.Д.

В виду того, что для гр. МАРЦИНКЕВИЧ, женщины больной и слабой, пребывание на крайнем севере является губительным, «ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ» на основании постановления В.Ц.И.К.'а от 5-го марта с.г. об облегчении в ознаменовании “Дня Работницы” положения женщин, отбывающих наказание, наложенное как в судебном, так и в административном порядке, просит возбудить вопрос об условно-досрочном освобождении ВЕРЫ

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 88. Л. 253. Автограф.

МАРЦИНКЕВИЧ, передав настоящее ходатайство на рассмотрение Архангельской Распределительной Комиссии.

О состоявшемся по настоящему ходатайству распоряжении прошу уведомить “ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ” по адресу Москва Кузнецкий мост”.¹⁸

Помета: «исх. 698. 6/IV».

Благодаря этому ходатайству В. А. МАРЦИНКЕВИЧ в июне 1923 была вывезена из Соловков на лечение в Архангельск, а в мае 1924 переведена в Бутырскую больницу, где содержалась до января 1925. Ее подлечили, после чего она вновь была отправлена в лагерь. Содержалась в Кемии на общем режиме, объявила голодовку, требуя признать ее политзаключенной. Голодала 31 день, была вывезена на Попов-остров, где скончалась 8 апреля 1925.

Во время пребывания В. МАРЦИНКЕВИЧ в Бутырской больнице ПОМПОЛИТ установил связь с ее дочерью Клавдией. Сохранилась копия письма, направленного ПОМПОЛИТОМ в детскую колонию, в которой находилась девочка:

«Просьба навести справку, что с ребенком заключенной Марцинкевич. Ребенок находится в детской колонии станции Усть-Медведицкой Донобласти».¹⁹

Пометы: «Сообщить ЕП лично». «Сообщить Марцинкевич. Ек. П. 30/VII».

После смерти В. А. МАРЦИНКЕВИЧ ее подруга Е. М. ЧЕКМАСОВА²⁰ пыталась встретиться с Клавдией. Письма Е. М. ЧЕКМАСОВОЙ, адресованные Е. П. ПЕШКОВОЙ, с описанием ситуации в детской колонии приведены ниже.

«Ст<анция> Себряково.

Уважаемая Екатерина Павловна! Вчера я приехала в слободу Михайловку, расположенную у ст<анции> Себряково. Здесь я узнала от руководительницы дет<ского> дома и от детей, знающих Клавдию Марцинкович, что она уже месяца 1½

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1. Л. 249. Машинопись.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 41. Л. 152. Машинопись.

²⁰ Чекмасова Елена Михайловна, род. в 1895. Член ПЛСР. Ар. в августе 1921 в Москве, выслана в Архангельск, где вновь ар. и приг. к ВМН с заменой на 5 лет заключения в к/л. Отправлена в СЛОН. В мае 1925 приг. к ограничению места проживания «-6». В 1925 – в с. Михайловка Сталинград. губ., в августе 1925 – в Ирбите, в 1926 – в Туле, в июне 1928 – в Ирбите.

знает о смерти матери. Была она в Усть-Медведицкой колонии, а не очень давно переведена в дет<ский> дом. Причины перевода не знают. В Усть-Медведицкую колонию надо 75 верст ехать на лошадях, а оттуда – по воде 40 вер<ст> до Клецкого дет<ского> дома. У меня в кармане 2 руб<ля> 15 коп<еек>, и я не знаю, что дальше предпринять. О поездке туда не приходится и думать: она будет стоить руб<лей> 15–20. А у меня сейчас ни квартиры, ни службы, не говоря уже о столе. Ночевала в дет<ском> доме, но больше 2–3-х ночей здесь остаться нельзя. Сейчас была в Областн<ом> Исполкоме и у Уполномоч<енного> ОГПУ. В отд<еле> Наробраза мест нет, п<оэтому> всех детей, имеющих хотя бы отдаленных родственников, из дет<ских> домов и колоний отсылают к ним, а те их не принимают, благодаря чему на станциях скапливается большое количество беспризорных детей. Дет<ских> садов и площадок нет совершенно.

Отдел здравоохранения в двух или трех деревнях открывает на лето дет<ские> ясли. Если поступят с мест требования на сестер для работы там, меня обещали известить об этом.

Уполномоченный ОГПУ сказал, что когда я устроюсь на службу, то должна буду являться в мес<яц> раз для регистрации.

Сегодня надо на имеющуюся пару руб<лей> хотя бы временно устроиться с квартирой и ждать.

Напишу Клавдии о своем приезде в Михайловку и о том, что пока не могу добраться до нее. Ваше предположение о том, что девочку могут не дать из дет<ского> дома – не заслуживает опасения. Уже теперь руководительницы объясняют мой приезд желанием взять девочку, а если бы мне понадобилось, то легко дали бы и еще несколько человек детей.

Ну, это пока все, что я могла Вам сообщить, т<а>к к<а>к своего адреса у меня сейчас нет, то пишите на дет<ский> дом, приютивший меня на пару дней. Я буду часто заходить сюда и оставлю здесь свой будущий адрес.

Е. Чекмасова.

Адрес: Ст<аниця> Себряково Юго-Вост<очной> ж.д. Слобода Михайловка Сталинградск<ой> губ<ернии>. Дет<ский> дом № 2. Елене Михайловне Чекмасовой». ²¹

Помета: «вх. 3789. 9/VI-1925».

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 84. Л.Л. 82, 82об. Автограф.

«Сегодня 11 дней, как я послала Вам первое письмо по приезде в Себряково. Вы пока еще не ответили.

Пишу потому, что имею новый адрес, а он может понадобиться или Вам или Кому-нибудь из товарищей, кто захочет обратиться в Кр<асный> Крест за справкой о моем местопребывании.

Существенного о Клавдии Марцинкевич пока добавить нечего, ибо лично ее пока я не видала, а говорила с заведующим ее Колонией и двумя руководительницами, приехавшими на съезд. Они рассказали мне кое-что о жизни Колонии и о Клавдии в частности. После разговора с ними у меня усилилось желание повидать ее лично, но, как я уже писала Вам, я не могу этого сделать. До Колонии около 80 верст, а у меня буквально копейки нет денег. Службы раньше осени достать не придется, столуюсь пока авансом, а за квартиру заплатила по 5-е июля кое-какими вещами. Просила отпустить Клавдию на несколько дней в Михайловку, не знаю только, сможет ли и согласится ли она пешком пройти это расстояние, а отпустить обещали. Кормят в Колонии и в дет<ских> домах очень плохо, чай раз в день, в обед и в ужин жидкий суп и через день на завтрак жидкую кашу из пшена, хлеба полтора фунта. Благодаря жизни впроголодь, детвора плохо учится. Сильно нуждаются в обуви, верхней тепл<ой> одежде и, отчасти, нижнем белье. Постельного белья нет совершенно. Обувь и белье для Клавдии есть у меня. Посылку, посланную Вами 1 сентября 24 года, в Колонии не получили, а письма, посланные мною и Вами, получены.

Мой адрес: Ст. Себрякова Ю<го>-В<осточной> ж<елезнодорожной> д<ороги>, слобода Михайловка, Железнодорожная ул., д. Бондаренко № 10. Е. М. Чекмасова. 15.06.25 г.»²²

Пометы: «Вх. 5924. 19/VI-25 г.». «Исп. 2/VII».

* * *

2.5. Письма Н. В. ШЕХТМАН (выслана из Ленинграда, где остались ее трое детей). 26 января 1925, Тверь. 17 августа 1925, Пермь.

Из всей переписки Н. В. ШЕХТМАН с ПОМПОЛИТОМ, имеющейся в деле, приводим два ее письма.

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 76. Л.Л. 226, 226об. Автограф.

«В Комиссию помощи политическим заключенным и ссыльным, тов. Винаверу
Шехтман Надежды Владимировны в г. Тверь по ул<ице>
Ревякина в д<оме> № 6

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Муж мой гр<аждаин> Шехтман Михаил Несторович был арестован 17 января 1924, а 4 июня того же года был выслан на 3 года.

5 июля 1924 года я была вызвана повесткой в Ленинградское ОГПУ, где мне было предъявлено требование покинуть на 3 года Ленинград. Совершенно больная, застигнутая врасплох, я вынуждена была покинуть 2-х малолетних моих детей (Владимира 9 лет и Валентина 13 лет) на произвол судьбы в Ленинграде, там я едва собрала денег для переезда в Тверь. Но самое ужасное, что таким же образом в Ленинграде я вынуждена была оставить своего старшего сына Михаила 18 лет, признанного профессорами Ленинграда недоразвитым (дегенеративным), нуждающегося буквально во всем, в том числе – и лечении. Дети, как и муж мой, пребывающий в ссылке, без всяких средств к существованию. Никакой абсолютно вины за мной не отмечено. <Непонятна> причина высылки моей из Ленинграда, вследствие чего прошу исходатайствовать мне разрешение возвратиться на жительство в Ленинград к своим детям, и тем самым восстановить меня в правах повсеместного проживания в Республике. Н. Шехтман.

Тверь, января 26 дня 1925 г.»²³

«В Комиссию Помощи Политическим Заключенным
тов. Винаверу
Администр<ативно> выслан<ной> из Ленинграда
Надежды Владимировны Шехтман, проживающей
в г. Перми, ул. Зиновьева, 57, кв. 1.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Вследствие Вашего извещения от 13 фев<раля> с. г. за № 3126 – полученного мною в бытность мою в Твери, – я тотчас же поступила согласно Вашим указаниям, направив в Москву (Лубянка, 2) в ОГПУ ходатайство, копию которого одновременно препроводила Вам. Я заявила, что из трех оставленных, из-за отсутствия средств к существованию и внезапности высылки, там моих сыновей, младшему 9 лет, второму 13 лет,

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82. Л. 48. Автограф.

а старший, одержимый эпилепсией и лишенный возможности, вследствие общей отсталости, граничащей с дегенеративностью, добывать себе средства к существованию (напротив: он совершенно беспомощен и нуждается в абсолютном уходе за собой), что они нуждаются в уходе с моей стороны, что муж мой, сосланный на 3 года на Урал, тяжело болен, что я ни в чем буквально неповинна и прошу разрешить мне пребывание в Ленинграде с детьми. Не получая в течение продолжительного времени ответа, я перебралась к мужу в Пермь, т<ак> к<а>к в состоянии его здоровья наступило угрожающее ухудшение.

Частые справки у тов. Швецова в Ленинграде со стороны оставшихся там близких знакомых также не обнаруживают никаких результатов, и я решила запросить Вас о судьбе упомянутого моего ходатайства.

Пользуясь случаем, считаю необходимостью за себя и от имени мужа моего, Михаила Несторовича, с чувством необъятной и глубокой признательности подтвердить получение извещения Вашего от 11-го с<его> мес<яца> № 4335, коим Вы сообщаете, что пост<ановлением> Особого Совещания от 7-го с<его> м<есяца> ему заменена ссылка на Урал²⁴ разрешением повсеместного проживания, за исключением 6 городов. Едва ли не накануне получения Вашего извещения 14-го с<его> м<есяца> от него отобрана подписка, обязывающая его, несмотря на болезненное состояние, в течение 2-х недель выехать для пребывания в Тобольском Округе, откуда ему и разрешено было приехать в Пермь для лечения. Если к моменту истечения этого двухнедельного срока не прибудет официальное предписание, его принудят тронуться в этот кошмарный путь.

Очень Вас прошу, если это представляется возможным, незамедлительно сообщить мне дату и № постановления или, вернее, предписания Особого Совещания, коим оно дает соответствующее распоряжение ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ органам УРАЛА об изменении участи моего мужа, а также, кому направлено такое предписание: Полномочному Представителю ОГПУ по Уралу, или непосредственно в Пермь.

²⁴ Шехтман Михаил Несторович был приг. к ссылке на Урал и отправлен в с. Самаровское в низовьях реки Иртыша, (в 536 верстах севернее Тобольска). В октябре 1924 – в Тобольской окружной больнице. В январе – августе 1925 – в Перми, куда временно отпущен для лечения.

Не следует ли мне, принимая во внимание новое решение Особого Сопещения в отношении моего мужа, возбудить дополнительное ходатайство (и у кого именно) об “обращении меня в первобытное состояние”, так как, если обстоятельства допустили смягчение участи моего мужа, то мне, страдающей абсолютно безвинно, быть может, подавно будут предоставлены условия нормального гражданства.

На Ваш ответ мне при сем прилагаю почтовые марки.

Г. Пермь, 17-го августа 1925 г.

Н. Шехтман²⁵.

Пометы: «Вх. 6519. 22/VIII-25 г.». «Прислать» заявление. 25/VIII-1925. М. В.»

* * *

2.6. Заявление в ОГПУ Лидии ГИЛЬДЕБРАНТ (12 лет). 18 августа 1925, Ленинград.

Мать девочки, ГИЛЬДЕБРАНТ Лидия Константиновна, была арестована в январе 1924 по групповому делу русских католиков, в среде которых была заметной фигурой. Ее личность и судьба заслуживают отдельного рассказа.

Л. К. ГИЛЬДЕБРАНТ родилась в 1889 в семье чиновника. До 1914 проживала в Кронштадте, вышла замуж за морского офицера, затем семья переехала в Гельсингфорс. В октябре 1917 восставшие матросы убили ее мужа, она осталась вдовой с маленькой дочерью и в ноябре переехала в Петроград. Была домохозяйкой и прихожанкой одного из храмов. В 1920 была пострижена в монахини (терцианка-францисканка) под именем Екатерина. Осенью 1922 основала сестричество при русской католической церкви Сошествия Св. Духа. В марте 1923 было организовано общество под названием Конференция Св. Викентия, в задачи которого входила широкая благотворительная деятельность, оказание материальной помощи священникам и прихожанам, в том числе осужденным. Она стала председателем этого общества при церковной общине. 10 января 1924 была арестована по групповому делу русских католиков. Постановлением ОСО Коллегии ОГПУ от 19 мая 1924 приговорена к 10 годам тюремного заключения со стро-

²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82. 51, 51об. Автограф.

гой изоляцией и отправлена в Костромскую тюрьму. В июле 1927 переведена в Ярославский политизолятор. С января по март 1932 находилась в Бутырской тюремной больнице. 22 марта 1932 по ходатайству Е. П. Пешиковой была досрочно освобождена из тюрьмы с ограничением проживания в 6 крупных городах и пограничных областях («-б»). В мае 1932 выехала в Липецк. Ее дальнейшая судьба и судьба ее дочери нам неизвестны.²⁶

В фонде ПОМПОЛИТа сохранилось заявление ее дочери в ОГПУ.

«В ОГПУ

ГИЛЬДЕБРАНТ Лидии, прож<ивающей> по

Малому прос<екту> 76/78 в г. Ленинграде.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Моя мать ГИЛЬДЕБРАНТ Лидия Константиновна была арестована в 1924 году по делу церковников и постановлением Ос<обога> Совещания по высылкам при ОГПУ осуждена на 10 лет тюремного заключения со строгой изоляцией. В настоящее время мать содержится в Костромской тюрьме и с момента прибытия в тюрьму находится на излечении в лазарете.

Мне 12 лет, я осталась совершенно одна без всяких средств к жизни и живу на иждивении у совершенно чужих людей, приютивших меня после ареста. Жить мне с каждым днем становится все труднее и труднее. Мне надо учиться, средств у меня нет никаких, купить учебников, обуви и т. д. я не в состоянии и благодаря всему этому я продолжать учение не могу.

Все вышеизложенное заставляет меня обратиться к Вам с просьбой о пересмотре дела моей матери и в виду ее болезни и моей одинокости заменить ей тюремное заключение ссылкой на поселение, где бы она могла зарабатывать себе кусок хлеба и, взяв меня к себе, дать мне необходимое образование».²⁷

Пометь: «Копию заявл<ения> направ<ить> в СО. 24/VIII».

«Исп<олнено> 4558. 28/VIII-25».

²⁶ «КНИГА ПАМЯТИ. Мартиролог Католической церкви в СССР». Прелат Бронислав Чаплицкий, Ирина Осипова. Серебряные Нити. Москва. 2000. Л.Л. 534, 535.

²⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 67. Л. 101. Машинопись.

* * *

2.7. Заявления Н. П. ВОРОНЕЦ (выслана из Смоленской области как бывшая помещица). 24 августа, 25 октября 1925, Великий Устюг.

«Председательнице Комитета
Помощи Политически высланным
гр. Пешковой.

Административно высланной в г. Великом Устюге
Северо-Двинской области Натальи Петровны Воронец.

Заявление.

Согласно постановления Московского ОГПУ от 17 октября 1924 г., я выслана по 73 ст. УПК в г. В<еликий> Устюг Северо-Двинской губ<ернии>. Прибыв сюда около 20-го мая с. г., я до сего времени не имею ни службы, ни работы. До сего времени я не обращалась в Комитет за помощью, думая, что мне будут выдавать пособие из Северо-Двинского ГПУ., но оказалось, мне не только не выдают никакого пособия, несмотря на то, что я выслана по 73 ст. УПК как социально опасный элемент, но, наоборот, согласно распоряжения московского О.Г.П.У., меня лишили пособия, как состоящую на особом учете бывших помещиков, согласно объявления Северо-Двинского ГПУ. Выходит, что бывшие помещики есть не хотят и обречены здесь на голодную смерть, т<а>к к<а>к в службе мне отказывают всюду, и работы, ввиду безработицы, нет. В силу вышеизложенного прошу Вас гражд<анка> председательница войти в мое безвыходное и тяжелое положение и ходатайствовать перед Московским О.Г.П.У. выдать мне пособие с 24 мая с. г. и выдавать ежемесячно, как и другим высланным по 73 ст. В случае же отказа прошу Вас помочь мне и прислать денежное вспомоществование. Зима приближается, я здесь без зимней одежды, и от истощения ноги мои покрылись язвами и нарывами.

Ссылная Наталия Петровна Воронец.

24/VIII-1925.

Адрес: г. Великий Устюг Северо-Двинской губ<ернии>
Курочкинская ул., д. 3.

Н. П. Воронец».²⁸

Помета: «вх. 6671. 2/IX-25 г.».

²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 66. Л.Л.176, 176об. Автограф.

«Гражданке Председательнице Комитета Помощи
Политически Высланным.

Административно высланной по 73 ст. У.К.

Воронец Натальи Петровны

Заявление.

Согласно постановления Московского О.Г.П.У. от 17 октября прошлого года моего мужа и меня выслали из Смоленской губ<ернии> в Северо-Двинскую губ<ернию> г. Великий Устюг. Муж был направлен из Смоленска этапом и прибыл в Великий Устюг 7-го января с. г., я же была оставлена дома в хуторе Колодези. 11-го апреля я получила от Елининского Уполномоченного Смоленского ГПУ бумагу, где мне давалось две недели срока для ликвидации имущества с тем, что к 25 апреля с. г. я должна выехать в г. Великий Устюг за собственный счет, а в случае не выезда, меня отправят этапом. Ввиду короткого срока ликвидации имущества, я не могла хлопотать, и все имущество было распродано за бесценок уполномоченным Павлиновской многолавки Ельнинского уезда тов. Хохловым. Долг мужа многолавке в сумме 300 р<ублей> (180 р<ублей> основного долга и 120 р<ублей> начислили процентов к моменту наложения ареста на имущество приблизительно к 14 апреля 1925 г., долг же был сделан в феврале месяце 1924 г.). Дом 2-х этажный, сарай, амбар и погреб уполномоченным Павлинской многолавки были оставлены за многолавкой, а обстановка и домашнее имущество было распродано. Фактически, я потеряла все и принуждена была быстро ехать по месту назначения, чтобы не быть отправленной этапом. Следовательно, я выехала не по своей воле, а была выслана, как политический элемент. Прибыла в г. Великий Устюг в мае месяце и по прошествии месяца я обратилась в Северо-Двинское ГПУ о выдаче мне пособия. ГПУ ответило, что мне не полагается т<ак> к<ак> я, согласно распоряжения Московского О.Г.П.У., состою на особом учете помещиков, и мне не полагается пособия. То же самое и моему мужу, на этом же основании была прекращена выдача пособия, но ему опять стали выдавать, благодаря Вашему ходатайству. Так он получил 25 р<ублей> на зимнее обмундирование. Мне же не только не дали 25 р<ублей> на зимнее обмундирование, но и отказали в пособии. Муж же на выданные 25 р<ублей> себя и меня одеть не может, а также и содержать меня на свои 5 р<ублей> в месяц. Я не имею никакой службы и работы т<ак> к<ак> всюду, как только узнают, что политически вы-

сланная и не состоящая в союзе, не принимают на службу. В силу этого, я потеряла все имущество и, не имея средств <к> существованию, принуждена голодать и замерзать, будучи совсем больным человеком, страдая миокардом и отеками ног. Если меня не считают политически высланной, то зачем меня направили сюда. Я приехала сюда не по своей воле, а меня силой заставили выехать, а потому и должны выдавать пособие. В силу всего вышеизложенного, обращаюсь к Вам, гражданка председательница, и прошу ходатайствовать перед Московским О.Г.П.У. о распоряжении Северо-Двинскому Г.П.У. выдать мне следуемые мне по праву, как политически высланной по ст. 73, 25 р<ублей> на зимнее обмундирование и пособие ежемесячное, начиная с мая месяца и по сие время.

Гражданка Наталия Петровна Воронец.

25/X-1925.

Адрес: г. Великий Устюг Северо-Двинской губ<ернии>. Городище, д. № 3».²⁹

Пометы: «Вх. 7340. 5/XI-25 г.». «Запр. Ф. 16/XI-25 г.».

* * *

2.8. Письма А. И. ТУГОВОЙ (член ПСР) к Е. П. ПЕШКОВОЙ с этапа и из ссылки. 2 октября, Перовск. 12 ноября 1925, Уральск.

ТУГОВА Анна Ивановна, родилась 27 сентября 1897 в дер. Горлово Станиславской вол. Мологского уезда Ярославской губ. Из крестьян. В марте 1915 в Москве окончила месячные курсы по уходу за ранеными, с 1915 – сестра милосердия на фронте, в мае 1918 получила удостоверение об окончании 4 классов женской гимназии в Кузнецке Саратовской губ., в октябре 1919 окончила бухгалтерские курсы в Сызрани, в мае 1921 – двухгодичные фельдшерские курсы в Сызрани. Член ПСР. В декабре 1921 арестована в Москве и заключена в Бутырскую тюрьму, позднее освобождена. В июле 1922 выслана в Ярославль под надзор милиции. В января 1923 вновь арестована и 20 апреля 1923 приговорена к 3 годам концлагеря. Отправлена вместе с детьми в СЛОН. Летом 1925 – вывезена с Соловков и отправлена с детьми в

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 66. Л.Л. 179, 179об. Автограф.

ссылку по этапу Кемь–Пенза–Тамбов–Самара–Саратов–Оренбург–Уральск. В 1926 – в Семипалатинске, в 1928 – в Севастополе, позже – в Симферополе. В декабре 1935 – в ссылке в Казани.

«Дорогая Екатерина Павловна! Я тоже обращаюсь к Вам насчет своих вещей. У меня была отобрана постель. Вещь сама по себе не тяжелая, но уж очень громоздкая. Очень хотелось бы получить ее поскорее, т^{<ак>} к^{<ак>} я в дороге очень и очень чувствую ее отсутствие. Боюсь Вас просить послать ее почтовой посылкой, ибо совсем не знаю, сколько это будет стоить, может быть, очень дорого, но только очень прошу не посылать малой скоростью – ведь я тогда и до весны не смогу получить свою постель. Получила я назначение в Уральск. Город сам по себе неплохой, но ехать туда скверно из-за пересылок, а их предстоит целых четыре. Если нам будет так уж не везти, то, пожалуй, еще два месяца проедем. Мы должны были совершенно зря просидеть две недели в Оренбурге только потому, что в бумагах было сказано “Оренбург” представителю Кир^{<гизского>} края. Представитель же и, вообще, все главные учреждений Кир^{<гизского>} края давно уже переведены в Перовск (за 1000 верст). Но, миновав Оренбург и добравшись до Перовска, мы застряли здесь еще на две недели, хотя этап ушел вчера, но нас конвойный начальник не взял под тем предлогом, что бумаги наши неисправны. Пришлось ночью вернуться с вокзала обратно. Условия жизни здесь очень тяжелые: полутемная маленькая комната с одним окном с выбитыми стеклами, каменный пол, сырость, масса насекомых, даже есть скорпионы (на днях одного убили). Дети все простужены. Одна только мысль, одно желание – доехать скорее, довести живых ребятшек. Теперь я должна ехать обратно в Оренбург, оттуда – Самара, Саратов и Покровск, везде, верно, придется сидеть не меньше недели. Вещи я прошу Вас переслать в Уральск на ГПУ. Заранее приношу благодарность. Крепко жму Вашу руку. Анна Тугова».³⁰

Помета: «Вх. 6987. 2/X-25».

«12/XI-1925. “Уральск”.

Милая Екатерина Павловна! Большое Вам спасибо за посылку; я ее получила тотчас же по приезде. Приехали мы в

³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 68. Л.Л. 72, 72об. Автограф.

Уральск 31 октября; второго ноября были освобождены. Пока в беготне за комнатой, за службой все не удосужилась Вам написать. Теперь уже устроилась: есть комната, да и службу обещали, правда, я не очень верю этому обещанию, но пока жду. От Пензы мы ехали со спец<иальным> конвоем. Пришло ли разрешение из Москвы или это разрешили местные власти, но мы были буквально спасены. Нам предстояло еще сидеть в Тамбове две недели, в Балашево – две, в Саратове – две-три недели, да еще, если бы не поспели к очередному этапу, то целый месяц в Покровске. Теплых вещей у ребят не было, деньги тоже все вышли, дети измучены, расхворались. Ну да теперь все это осталось позади. Вам мы благодарны, т. к., верно, благодаря Вам же, и отправили со спец. конвоем. Здесь-то уж как-нибудь устроимся. Уральск поражает своей грязью: все улицы, кроме главной, даже не мощены, и в темноте нет даже самых захудалых фонариков. Шлю привет. Еще раз приношу благодарность. А. Тугова».³¹

Пометы: «Вх. 7447. 16/XI». «К свед<ению>. 16/XI. М. В<инавер>».

* * *

2.9. Письмо детей Николая, Александры и Веры ПОЛИКАРПОВЫХ с ходатайством об облегчении участи высланных родителей. 27 февраля 1926, Оренбург.

«Председательнице Политического
Красного Креста
Гр. Пешковой
Детей административно высланного
в Иркутскую губ<ернию>
Ивана Яковлевича и Анастасии Степановны
Поликарповых.

Отец болен чахоткой, матери здесь нет, и мы оставлены на попечение родственников, а без родителей нам крайне трудно жить. Зная от родных, что Вы принимаете горячее участие к облегчению участи ссыльных, мы обращаемся с убедительнейшей просьбой распространить свою доброту и на наших родителей.

³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 73. Л.Л. 106, 106об. Автограф.

Прилагая при сем наше заявление в адрес Г.П.У., просим Вас освободить отца и мать от ссылки и, в крайнем случае, перевести их для отбытия наказания в Уфимскую губернию, где умеренный климат задержит развитие болезни.

Николай Поликарпов.

Александра Поликарпова.

Вера Поликарпова.

Оренбург, февраля 27 дня 1926 г.

Обратный адрес: Оренбург, Петропавловская ул. № 17.

Александра и Николай Поликарповы». ³²

Пометы: «Передать во ВЦИК. Е. П. 4/III-1926».

«Пересл<ано> зак<азным> п<исьмом>. 6/III-1926».

* * *

2.10. Заявление О. В. ЧЕЛИЩЕВОЙ-КОНСТАНТИНОВИЧ с ходатайством об освобождении сына из ссылки.
27 марта 1926, Псков.

КОНСТАНТИНОВИЧ Лев Львович родился в 1901. В 1919 был студентом реального училища в Пскове. При занятии города белыми был мобилизован, во время отступления белых попал в Польшу, где после подписания мирного договора между РСФСР и Польшей был заключен в лагерь. С большими сложностями через русского консула ему удалось вернуться в Россию. В марте 1922 прибыл в Псков, где вскоре был арестован по обвинению в «принадлежности к бандам Савинкова», после чего начались его мытарства по тюрьмам и ссылкам. В марте 1923 его мать обратилась к председателю ВЦИК Калинину с просьбой об освобождении сына из заключения, но ответа не получила. В марте 1926 с просьбой об освобождении сына из ссылки мать обратилась в ПОМПОЛИТ, точнее «к председательнице ПКК Варваре Павловне Пешиковой» (примечательно, что точного имени Е. П. Пешиковой она не знала, как и точного названия организации).

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 128. Л. 337. Машинопись и автографы (подписи детей).

«Председательнице Политического Красного Креста
Варваре Павловне Пешковой.

От Ольги Вас<ильевны> Челищевой-Константиновой,
жительства<ующей> г. Псков ул. Калинина д. № 15/11 кв. 1.

Заявление.

В 1922 году, вернувшись из заграницы (Польши), сын мой Лев Львович Константинович 22 лет был арестован Псковским Г.П.У., как подозреваемый в принадлежности к бандам Савинкова (в Пскове был мобилизован Балаховичем³³), затем через 6 мес<яцев> освобожден Петроградским Реввоен трибуналом без суда, в виду недостатка материала, и по освобождении снова арестован тем же Псковским Г.П.У. тоже без всякого материала и отправлен постановлением Комиссии НКВД от 14 марта 1923 года в Соловки на 2 года. Я ходатайствовала перед ВЦИК³⁴ об освобождении моего сына, но получила отказ и терпеливо вынесла мучительные 2 года разлуки с единственным сыном. По окончании отбывания наказания, несмотря на его безупречное поведение и работу, наказание продлено высылкой в Зырянский Край, г. Усть-Сысольск, сроком на 3 года. Таким образом, война и революция, оторвавшие от меня сына на 10 лет, лишают возможности соединиться с ним и найти в нем опору и поддержку, несмотря на свободную высылку, в виду того, что в Усть-Сысольске уже прошла зырянизация, и я не смогу найти там службу, не зная местного языка, и для моего слабого здоровья слишком вреден климат. Сын же, пораженный в правах гражданства как ссыльный, при современной безработице и в настоящее время безработный, не может также закончить свое среднее образование. Я не имею никакого имущественного состояния и уже в солидные годы должна

³³ Булат-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) – из крестьян Ковенской губ., по образованию агроном. С 1914 служил в российской армии, с февраля 1918 – в Красной Армии. В октябре 1918 перешел на сторону белых, обосновался в Пскове, вел партизанскую войну, в августе 1919 был изгнан из Пскова войсками Юденича (пытавшегося наладить дисциплину в белой армии). С 1920 сотрудничал с польской разведкой, с августа 1920 – с Борисом Савинковым. После окончания польско-советской войны остался в Польше.

³⁴ 3 ноября 1921 вышло пост. Президиума ВЦИК об амнистии бывшим рядовым солдатам армий Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булат-Балаховича, Перемыкина и Юденича (Собр. Узак. 1921, № 74, ст. 611).

служить, зарабатывая ничтожные гроши, которые должна поделить с сыном.

Убедительно прошу Вас сделать все зависящее от Вас и войти с ходатайством перед ВЦИК о снятии этой высылки и поражения гражд^{<анских>} прав, или же, в крайнем случае, хотя бы разрешение на проживание в Центральных губерниях Республики, где бы и я смогла жить с ним и служить, в то же время помогая ему.

Копию постановления Н.К.В.Д. на руки частным лицам О.Г.П.У. не выдает, а потому, если понадобится, прошу затребовать.

О. Челищева. 27/III-1926. Псков». ³⁵

Пометы: «Возбудить ходатайство о замене сс^{<ылки в>} Зыр^{<янский>}кр^{<ай>} на “-6”, если нельзя освободить. Е. П». «Исп^{<олнено>}. 2/IV».

* * *

2.11. Письма Е. М. ПАНТЕЛЕЕВОЙ (дочь погибла в заключении). 5 апреля, 25 апреля, 16 мая 1926, Вологда.

«Вологда. 5 апреля.

Многоуважаемая Екатерина Павловна! Обращаюсь к Вам с покорной и великой просьбой, пожалуйста, не откажите мне в этом. Я прошу за Нину Шаховскую, заключенную в Б^{<утырскую>} Т^{<юрьму>}. Когда ей будет суд и назначат высылку, то нельзя ли ее выслать в Вологду? Наверно, теперь она не будет опасна. Несомненно, за это время исправилась, и, притом, я полагаю, и здоровье у ней слабое. Прошу вас, пожалуйста, содействовать направить в Вологду. Этим дадите возможность и с родителями закончить свои дни, чем утешите и нас стариков, за что мы будем вечно Вам признательны. Вот посылаю для нее денег (15 р^{<ублей>}). Дадите ей на ее нужды. А если ее освободят, то, будьте добры, купить ей билет до Вологды, чтобы она смогла сразу ехать. Может Вас не затруднит мне ответить. Что-либо за нее может мне нужно сделать? Простите, пожалуйста, что беспокою Вас, но ведь она совершенно

³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 135. Л.Л. 103, 103 об. Автограф.

одинок. Вся надежда на Вас. Умоляю, что можете. Глубоко благодарю, искренне и душевно.

Готовая к услугам Вашим Евгения Пантелеева.

Вологда, Ленинградская, дом № 6, кв. 2».³⁶

Пометы: «Вх. 8920. 17/IV-1926 г. Исп<олнено> 7659». «Запросить повторно в КРО». «Куда переведена, получены деньги. Е. П. 17/IV-1926».

«Вологда. 25 апреля.

Многоуважаемая Екатерина Павловна! Снова убедительно прошу Вас, не откажите, где находится дочь моя Нина Шаховская-Пантелеева? Умоляю Вас. И что с ней, и могли ли Вы передать ей деньги – 15 руб<лей>, что я Вам послала.

Простите, что я Вас беспокою. Будьте мать родная, не откажите мне в просьбе. Теперь жить трудно <нрзб>, душит горе, все же она дочь моя, да еще была такая хорошая. Что погубило ее, я не знаю. Родная, не откажите мне, сжальтесь, прошу Вас, приношу Вам мою искреннюю благодарность.

Готова к услугам Вашим Е. Пантелеева.

Адрес: Вологда, Каменный мост. Е. М. Пантелеева».³⁷

Пометы: «Вх. 9046. 29/IV-1926 г.» «Запросить в КРО. Е. П. 29/IV-26». «Запр<осить> КРО. 4/V-26». «Исп<олнено> 7659. 6/V.»

«Вологда 16-го мая.

Уважаемая Екатерина Павловна! Мною посланные деньги для Нины Д. Шаховской которой как оказалось нет в живых то прошу Вас передать для поддержания таких же несчастных какой была она особенно хотелось бы чтобы получили те которые ее знали еще у меня к вам просьба не откажите мне в том сообщите которова числа она лишена жизни это мне даст утешение ибо по вере я буду поминать умершей день прошу вас пожалуйста не откажите мне что нужно на марки я Вам пошлю истраченное не забуду Вашу доброту.

Готовая к услугам вашим Е. Пантелеева.

Петроградская, дом № 6».³⁸

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 137. Л.Л. 264–265. Автограф. Нами исправлены грамматические ошибки и расставлены знаки препинания.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 137. Л. 266. Автограф. Нами исправлены грамматические ошибки и расставлены знаки препинания.

³⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 128. Л. 241. Автограф.

Пометы: «Вх. 9240. 19/V-1926 г.» «Запросить о дне приговора и дне привед^{<ения>} в исполнение приговора по просьбе матери. Е. П. 19/V-1926». «Запр^{<осить>} КРО. 25/VI».

* * *

2.12. Заявление в ОГПУ от имени Марии, Ирины и Елены ЗАМЯТНИНЫХ (дети арестованного священника, 14, 12 и 11 лет). 1 февраля 1927, Томск.

«Т. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЪЕДИНЕННОГО О.Г.П.У. СССР
малолетних детей сирот: Марии, Ирины и Елены
ЗАМЯТНИНЫХ – по делу отца нашего священника
Леонида ЗАМЯТНИНА

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Нас трое малолетних. Мама умерла в 1920 году. Отец – потрясенный смертью мамы – пошел в Священники, и вот он – единственный наш кормилец в ночь на 25-е декабря 1926 года был арестован и по сие время находится в камерах заключения Томского Окр^{<ужного>} Г.П.У. Мы остались одни и без средств к жизни, а всем нам нужно в школе учиться.

Арест отца является следствием каких-то беспричинных подозрений к нему, как исполняющему обязанности личного секретаря старо-канонического Томского Архиепископа Дмитрия Беликова. Между тем, его работа у – Архиепископа протекала в открытой переписке Архиепископа со своими пасомыми, преподании им благословений на принятие на служение того или иного клирика, наставлений по делам веры и церковной практики, – в абсолютной неприкосновенности с политикой. Нам известно, что каждая бумажка строго проверялась в смысле согласованности с требованиями, предъявляемыми гражданскими Властями. В результате, обязанность папы как личного секретаря при мудром, осмотрительном, высоко-авторитетном муже науки, Архиепископе Беликове, – сводилась к совершенно безинициативной, чисто механической переписке трафаретных отношений: о молитвенном общении архипастыря, наставлениях в духе христианской любви и братских увещаний – решительно не могущих иметь какого-либо политического влияния или значения. Ясно, что при наличии таких условий никакие подозрения не могли иметь и не имеют под собой фактически серьезной почвы,

разве фальшивые доносы завистливых, заинтересованных в ложных доносах лиц, но это еще не достаточно для того, чтобы арестовать человека, держать его в заключении 2 месяца, не предъявив ему обоснованного на неоспоримых фактах обвинения в определенном преступлении.

Наш отец с января 1914 года был в Симбирске на гражданской службе Государственного Коннозаводства, но еще до поступления на службу по коннозаводству Управляющим Симбирской Госуд<арственной> Конюшни, он с 1909 года состоял кандидатом, а в 1912 году окончил стаж специальной подготовки коннозаводских служащих при Хреновском Госуд<арственном> Конном заводе в Воронежской губернии. После кратковременного пребывания на фронте, – в 1916 году назначен в Сибирь управляющим вновь строившегося конного завода “Кузнецкий Разводник”, где и прослужил время переворотов февраля, октября 1917 года и Сибирских событий 1918 года, – все время с 1916 по апрель 1919 года бессменно. Это обстоятельство явно свидетельствует, что он, как сумевший удержаться на ответственном посту управляющего в смутное время, действительно имел хорошие отношения с рабочими завода и окружающим “Кузнецкий Разводник” по преимуществу бедным переселенческим крестьянским населением. С 1-го апреля 1919 г. был назначен по мобилизации в 2 Сибирскую Ремонтную Комиссию по покупке лошадей, как специалист коннозаводчик, с последующим назначением Председателем 3-ей Сибирской Ремонтной Комиссии.

Будучи в полном смысле аполитичен, никогда он и не думал идти вразрез с Властью Народа, той Властью, которая стоит на страже прав и интересов трудового крестьянства и рабочих. Еще служа в старой армии с 1902 года, после участия в Японской войне, он решительно уклонился от служения в войсках на усмирении, и когда кавалерийские полки были привлечены к полицейской службе при забастовках, в это время он выехал в Германию и, возвратясь из заграницы, перевелся в Финляндию, где его последующая служба проходила (в условиях, сходных с заграничной командировкой) с 1906 по 1914 год.

Что касается до его убеждений, он с 1910 года, после перенесенных потрясений, в своем внутреннем мирозерцании резко уклонился в сторону религиозной настроенности, всецело захватившей его и усилившейся со временем до полного влияния на всю его жизнь и деятельность, с той поры созна-

тельно направленной во имя братской любви на благо народа. И когда в 1920 году нас постигло несчастье, – умерла наша мама, отобрали все наше имущество, нас троих малолеток взяли в сельский приют, – в этот момент он и принял сан священника. И так, фактически давно уже служащий чисто гражданского ведомства, он принял сан по давно уже сложившемуся убеждению, а не по какому-нибудь расчету, и принял сан с ведома и разрешения Советской Власти в лице начальника Штаба Красных войск Западной Сибири товарища Акулова. И после служил он в деревне, но нередко встречал со стороны глухо-провинциальных местных агентов недоумения, – почему, с каким расчетом он, бывший офицер, принял сан священника? И эти подозрительные недоумения вызывали применявшиеся к нему репрессии, в которых страдали мы, его трое детей малолетних, на глазах наших он был арестован, а мы, неповинные сироты, страдали, оставаясь без отца и без призора, как остаемся и в настоящее время. Видя, что в глухих местах будет то же неразбирательство в его положении и, дабы избежать тех беспримерных переживаний, какими страдали мы при его аресте, он перебрался в Томск, предполагая найти в Окружном городе более человеческое отношение, а также встретить в Окр<ужном> ГПУ лиц, могущих разобраться как в его направлении, так и во всей его деятельности, и вместе с тем, имея основную цель – дать нам, детям, возможность спокойно учиться.

Но, несмотря на то, что он не мог, по-видимому, навлекать на себя никаких подозрений, как своей предшествовавшей гражданской, так и настоящей службой по письменной части при старо-каноническом Архиерее, – служб, совершенно безвредных в политическом смысле, тем более, что и прежняя его военная служба протекала в исключительной непричастности к так называемой контрреволюции, несмотря на все это, отец наш опять арестован при Томском Окр<ужном> ГПУ с 25-го декабря 1926 г., не совершив никакого преступления; по непонятным для нас причинам его держат арестованным уже второй месяц.

Просим Вас, товарищ Председатель, помогите нам в нашем горе; хотя мы и знаем, что Вы человек весьма занятый, но все-таки обращаемся к Вам, уделите несколько минут внимания на нашу просьбу малолетних детей и на то обстоятельство, что наш папа за смертью мамы является единственной опорой нашего воспитания и дальнейшего существования –

оставленных без всяких средств на произвол судьбы среди сибирских холодов в подвальном помещении.

Вручаем Вам, товарищ Председатель, наше ходатайство в надежде на Вашу снисходительность и дальнейшее законное, справедливое распоряжение об освобождении нашего отца.

Просители малолетние: Мария 14 лет Замятнина

Ирина 12 лет Замятнина

Елена 11 лет Замятнина

Г. Томск. Черепичная 33-В.

11 февраля 1927 г.». ³⁹

* * *

2.13. Письмо В. А. ИСТОМИНОЙ (высланная мать троих детей, муж – в заключении). 20 августа 1927, Свердловск, политизолятор № 1.

Заявление в ОГПУ Варвары и Ирины ИСТОМИНЫХ (16 и 13 лет) с ходатайством за осужденных родителей. 10 сентября 1927, г. Москва.

Заявление в ОГПУ ПОМПОЛИТа. 19 декабря 1927.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 ноября 1928.

«Свердловск.

20 августа 1927 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с большой, большой просьбой. Вот в чем дело.

У меня в Москве (На Знаменке, в Крестовоздвиженском пер., д. № 10-12, кв. 33) осталось три дочери 10-ти, 13-ти, 15-ти лет без всякого присмотра. Мой муж приговорен к трем годам в Соловки (политический) и сейчас проездом туда находится в Ленинграде в лечебнице Гааза, т<ак> к<ак> он страдает злокачественной опухолью. Я выслана на три года на Урал по обвинению в контрреволюции. Положение моих детей очень меня волнует. Я им сказала, что если им будет голодно, холодно или если их будут притеснять с квартирой⁴⁰, они обратились бы к Вам, но, боюсь, что они, из застенчивости или самолю-

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 169. Л.Л. 305–306об. Машинопись. Подписи детей – автограф.

⁴⁰ Здесь и далее подчеркнуто в ПОМПОЛИТе.

бия, не решатся это сделать. По дошедшим до меня слухам, у них уже собирались оттягать лучшую из двух комнат, в кот<орой> мы жили. Очень боюсь тоже, что у них не у всех благополучно с верхним платьем и обувью ввиду надвигающейся осени.

Многоуважаемая Екатерина Павловна, может Вы будете так добры, что найдете возможным от времени до времени, хотя изредка, посылать кого-нибудь проведать моих детей и, в случае необходимости, оказать им материальную помощь. Сердечно буду Вам за это благодарна. Простите, что Вас тревожу.

В. Истомина.

Р. S. Мой адрес пока: Свердловск, изолятор № 1, камера № 48, политпересыльной Варваре Александровне Истоминой.

В случае отъезда прошу послать вслед.

Меня тоже волнует вопрос о школьных делах моих детей. Может быть, Ваш посланный возьмет на себя труд выяснить этот вопрос? Обе старшие учатся уже несколько лет в школе, а младшую я хотела отдать в этом году. Не знаю, как справится с этой задачей моя молодежь»⁴¹.

Пометь: «И.891. 27/VIII-27». «Вызвать детей 3/IX. М. В. И ответить. М. В.».

«Нап<исать> матери, что дети явились, кой-чем помогли. Будем о них справляться и немного помогать. 10/IX. М. В.».

«ОГПУ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Варвары Леонидовны и Ирины Леонидовны Истоминых.

Наши родители Леонид Владимирович и Варвара Александровна Истомины были арестованы 11-го июня с. г., а в настоящее время высланы, мать – на Урал, а отец – в Соловки. Нас осталось трое детей, 16-ти, 13-ти и 10-ти лет, безо всяких средств к существованию и теплой одежды, нам даже нечем платить за свою комнату, ввиду чего мы просим, чтобы наша мать была назначена в большой город, куда бы позволили переехать и нашему отцу, состояние здоровья которого не позволяет следовать ему этапом, и он сейчас находится в больнице Гааза в Ленинграде. Он только этой зимой перенес тяжелую операцию выреза правой почки от злокачественной

⁴¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. Л.Л. 110–110а об. Автограф.

опухоли, кроме этого, у него очень скверное, больное сердце и грыжа. Если бы наша просьба была разрешена, мы бы переехали к нашим родителям и жили бы на их заработок, в то время как здесь, находясь одни, за неимением денег, мы просто не знаем, на что будем существовать. В случае же, если нашей просьбе будет отказано, то мы очень просим ОГПУ освободить и вернуть в Москву хотя бы нашу мать.

10 сентября 1927 года.

Ирина Леонидовна Истомина и Варвара Леонидовна Истомина».⁴²

«В ОГПУ

Истоминны Леонид Владимирович и Варвара Александровна арестованы 11.06 с. г. Постановлением Особого Совещания от 1.07 с. г. высланы: он – в Соловки на 3 г., она – на Урал в Обдорск.

Осталось 3-е детей: 16, 13, 10 лет, – совершенно без средств и помощи старших.

Отец болен: он страдает раком почек, перед арестом только перенес операцию. В настоящее время находится в Ленинградской больнице. Мать не может взять детей к себе в Обдорск.

Просьба пересмотреть дело Истоминных Леонида Владимировича и Варвары Александровны и изменить приговор, дать им обоим ссылку в одно место, где бы они могли жить вместе с детьми».⁴³

Помета: «Удовлетворено в отн<ошении> В<арвары> Ал<ексан>др<овны>, отцу отказано. Е. П. 19/XII-1927».

«Варваре Александровне ИСТОМИНОЙ. И-890/2. 23/XI-28.

В ответ на Ваш запрос сообщаю, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, Вы были приговорены к ссылке на Урал на три года постановлением Особого Совещания от 1/VII 27 года; постановлением, состоявшемся в декабре 1927, наказание отменено, и Вам разрешено свободное проживание.

Вы являетесь свободной гражданкой и избирательного права, разумеется, не лишены».⁴⁴

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 115. Автограф.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 114. Машинопись.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. Л. 251. Машинопись.

* * *

2.14. Письмо Лены КЛЕМЕНОВОЙ (ученица 9-й группы). 10 декабря 1927, Краснодар.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 19 декабря 1927.

Письма ее матери М. И. КЛЕМЕНОВОЙ (мать двух дочерей, в ссылке). 30 декабря 1927, 27 апреля 1928, Тобольск.

«Получила ваше письмо, за что очень благодарю, что вы беспокоитесь за маму. Я сама пишу ей, но от нее получаю все время письма, в которых она пишет, что она от меня ничего не получает. Живу я в очень плохих условиях. Приютили меня одни знакомые мамы, которые сами бедные и имеют 3-х детей. В настоящее время я учусь в школе в 9 гр<уппе>, но мне очень трудно в материальном отношении, т. к. мне никто не помогает. Книг купить не на что, тетрадей также, затем да и одеть, обувь – тоже не ахти какая, так как купить не на что. Хотя я за право учения не плачу, но все же, не имея копеек, а значит, книг, тетрадей, а так же одежды, обуви, очень трудно жить, а все-таки хочется кончить школу. Помочь же мне некому, обращалась я в здешние учреждения, но тут и без меня много. Стоишь целый день, скажут: завтра. Придешь и так ничего не добьешься. Но пусть все же мамочка не очень за меня отчаивается, так как ей тоже не лучше меня живется. Ну, досвидание. Остаюсь всегда уважающая вас Лена. Отвечайте».⁴⁵

Пометы: «К 482. 10/XII-27». «Нап<исать> матери. 10/XII. М. В».

«Марг<арите> Иосиф<овне> Клеменовой.

Тобольск, Казарменная, 41.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что на мое письмо дочь Ваша ответила небольшим письмецом, в котором извещает, что Ваши письма получает исправно и часто пишет сама, но, очевидно, ее письма теряются. Пишет, что живется ей в материальном отношении трудно, но продолжает учиться, сознает, что и Вам живется не легче, чем ей, не хочет, чтоб Вы сокрушались о ней, и стремится окончить школу.

Т. к. она пишет, что нуждается в учебниках, запросим, какие именно книги ей нужны, и, по возможности, pošлем. За

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. Л. 291. Автограф.

неимением средств не можем оказать ей помощи, переведем несколько рублей на тетради и др. мелкие расходы».⁴⁶

Пометы: «К 483. 19/XII-1927».

«Тобольск, Казарменная 41. <30/XII-1927>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна. Приношу Вам мою глубокую благодарность за Ваше сообщение от 19.12 за № 483 о моей дочери. К моему счастью, я за два дня до Вашего письма получила первое известие от нее. Живется ей, действительно, очень тяжело, т. к. ее личным трудом помощи по дому приходится отплачивать людям, у которых она живет, за оказываемый ей приют. Благодарю за ту помощь, которую Вы обещаете ей оказать, в пособиях по школе она очень нуждается. Учится очень хорошо, а единственной мечтой ее жизни было – получить высшее образование. Но что я с ней буду делать по окончании учебного года, я даже боюсь подумать. Она кончает 9 группу и едва ли получит возможность учиться дальше, т. к. приютом мне обещали ее обеспечить до окончания ею средней школы. Если бы я была уверена, что весь срок ссылки мне разрешат пробыть в Тобольске, и если бы к лету мне удалось получить хоть какую-нибудь работу, я бы могла взять ее к себе и, хотя здесь нет вузов, но можно бы было ее пока устроить в техникум, но моя дальнейшая судьба слишком неопределенна, и вопрос с дочерью остается открытым. Еще раз приношу за все Вам свою благодарность.

Маргарита Иосифовна Клеменова.

В Москве у меня были родственники, хотя и дальние – это Александр Иванович Винокуров. Может быть, Вы могли бы его поставить в известность о тяжелом положении моих дочерей (старшая Таня была помещена в качестве няни в г. Ростове н/Д<ону> в совершенно неизвестную мне семью, и сведений о ней до сих пор не имею). И хотя я на это мало надеюсь, но может быть, он мог бы чем-нибудь помочь девочкам».⁴⁷

«Уважаемая Екатерина Павловна. Не откажите в Вашем содействии навести справку и сообщить мне, коснулась ли меня октябрьская амнистия или нет. До сих пор мне ничего не сообщали, и моя дочь очень волнуется. Большинство товарищей по несчастью уже получили извещения, и хочется знать о своей

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. Л. 290. Машинопись.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. Л. 292. Автограф.

участи. Если возможно, сообщите и моей дочери Клеменовой Елене, Краснодар, Красная 41, кв. Новикова. Я все еще в Тобольске, но адрес новый: Вершинка д<ом> № 2, кв. Быкова. Заранее благодарю за содействие.

27/IV-28 г. М. Клеменова». ⁴⁸

Помета: «Запр<осить> об амн<истии>».

* * *

2.15. Заявление и письма В. Ф. РОМАНОВОЙ (выслана из Ленинграда). 10 февраля, 23 февраля, 12 мая, 4 августа, Ленинград. 25 августа 1928, 28 сентября, 5 октября 1928, Тверь.

«В Особое Совещание по высылке
административно-высылаемой Веры Романовой

Заявление.

На основании постановления Особого Отдела при Коллегии ОГПУ от 13-го января 1928 г. я обязана выехать в выбранный мною г. Тверь, но по болезни исполнить этого не могу. Справку коммунального врача при сем прилагаю, но и помимо указанного в ней заболевания, мое здоровье окончательно подорвано 7-ми месячной высылкой в ДПЗ, и если в Ленинграде, где меня многие знают за бывшую хорошую работницу, я еще могу надеяться заработать кусок хлеба, то в чужом городе 65-ти летняя больная старуха, конечно, не может рассчитывать ни на какую работу. Поэтому убедительно прошу Особое Совещание по высылке сжалиться надо мной и в силу амнистии 7-го ноября 27 г. и только что перенесенного мною 7-ми месячного заключения, ходатайствовать об освобождении меня по болезни и старости от высылки с моей родины – Ленинграда.

Моя совесть во всех отношениях совершенно чиста перед Советской Властью, чистые идеи коммунизма мне так же дороги, как и каждому честному партийному работнику, и я не боюсь какого-угодно надзора надо мной со стороны ГПУ.

Вера Романова.

10 февраля 1928 г.

Ленинград. Мастерская ул. 11, кв. 22». ⁴⁹

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. Л. 170. Автограф.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л. 310. Автограф.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Простите, что этим письмом отнимаю дорогие минуты Вашего времени, но мои друзья, Петрова и Филиберт, вернулись сюда, так очарованные Вашей добротой, что мне хотелось бы лично поклониться Вам, но, прикованная к постели, я могу только письмом благодарить Вас и еще и еще просить Вашего заступничества.

Клянусь Вам честью, что ни я, ни муж мой, горн<ый> инж<енер> Мих<аил> Ал<ександрови>ч Кох, ни в чем не грешны перед советской властью. Многолетней совместной работой по специальности (по горному делу) мы завоевали себе кусок хлеба на старость; потеряв все 10 лет тому назад, мы не стали роптать на это и сперва оба пошли служить, а потом перешли на литературный труд (исключительно технический, и, проживая сегодня то, что вчера заработали, опять-таки не сетовали на свою судьбу и не только “активно”, но даже и в душе не восставали против существующего порядка, считая, что сыты, и ладно, все равно жизнь на исходе, да и, вообще, мы оба не материалисты.

Теперь я не знаю, по чему именно ложному доносу нас пристегнули к т<ак> наз<ываемому> Епанчинскому делу и почему после заверений следователей и прокурора, что против нас улики не имеется, а есть только “непроверяемые подозрения”, моего мужа сослали в Соловки (а меня гонят из Ленинграда), тогда как т<ак> наз<ываемого> главаря этого дела Епанчина, против которого метали громы и молнии, высылают только минус шесть. За мужа, может быть, ходатаями выступят те учреждения, где он работал не без пользы для них, для себя же я прошу Вашей защиты от высылки, потому что больная 65-ти летняя старуха может найти работу только в кругу старых знакомых; в совершенно же чужом городе, конечно, обречена на голодную смерть, да и это бы не важно, но я должна работать, чтобы поддерживать мужа, заключенного сейчас в Кеми, хотя доктор, присланный из ГПУ меня освидетельствовать, и объявил мне категорично, что раньше надо вылечить, а потом уже думать о работе. Я ничего ему не ответила, хотя могла бы сказать, что, верно, — мне надо лечиться, но надо и работать, ибо надо и кормиться, потому что семимесячное сидение в ДПЗ (куда я весной вошла человеком полным сил и энергии) не только унесло все мое здоровье, но и разорило нас дотла, до полной нищеты.

Спасибо Вам за Ваше заступничество, не отнимайте же Вашей руки, поддержите до конца глубоко благодарную Вам слугу Вашу Веру Романову.

25 февраля 1928 г.

Ленинград, Мастерская ул., д. 11, кв. 22».⁵⁰

Помета: «Написать в КРО об обещанном пересмотре и снятии –6. ЕП 28/II-28».

«12/V-28.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Пишу со страхом, что уже надоела Вам с моими просьбами, но Вы одна моя защитница, и я буду безмерно счастлива, если когда-нибудь судьба улыбнется и приведет мне на деле доказать Вам мою преданность и благодарность за помощь Вашу в эти мои отчаянные, мрачные дни, самые тяжкие за всю мою жизнь.

Дело вот в чем: после смерти мужа моего, Мих<аила> Ал<ександровича> Коха, в Кемперпункте остались вещи, книги (я их порядочно ему посылала, ввиду порученной ему геологической работы), и так как он уже готовился приступить к разведкам, как только сойдут снега, то у него, очевидно, было много разных заметок и на полях книг и в отдельных записках (я знаю его манеру работать). Вот все это: вещи, книги, (кой-какой посланный мною ему) инструмент и, главное всего, заметки, – я прошу Вас помочь мне получить оттуда. Я два раза писала об этом начальнику Кемперпункта; но без результата, а между тем, никто, кроме меня, не сможет разобраться в этих заметках (почерк у него в таких случаях беглый, неясный, часто перемежающийся стенографическими знаками), словом, если не я, то никто не разберется, и последняя работа этого (поверьте мне) на редкость исключительно даровитого и образованного человека погибнет зря, а он отдался ей весь и писал мне: “буду счастлив, если удастся найти воду для этого безводного места”. Вы только подумайте, там за 12 верст привозят воду цистернами и бочками... Это для тюрьмы-то! А, кроме этого, я вперед ничего не обещаю, но, кто знает, возможно, что, изучив его заметки, поняв его мысль, я сумею быть полезной для этого намеченного дела: недаром же мы 18 лет работали вместе и не только в кабинете, а и в горах, и в поле, и я привыкла читать его мысли между стенографическими значками.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 305–307. Автограф.

Между прочим, официального уведомления о его смерти я до сих пор не получила. Странное это отношение, что-то совсем бесчеловечное... Спасибо, товарищи по заключению известили; меня пришибла эта весть, но если бы, ничего не зная, я не получала от него полтора месяца писем, я бы, вероятно, с ума спятила, не поняв, что случилось... Или они встали на старую точку зрения и фактическое (как они сами называют и признавали при следствии) супружество, по их мнению, не дает право узнать даже о смерти?!

Душою преданная Вам

В. Романова.

Р. С. Жду каждый день вести от Вас; тогда соберусь с силами и поеду на его могилу, а если не освободят, то, право, лучше не жить вовсе. В.Р».⁵¹

Пометы: «Р691. 17/V-28». «Пов<торить>».

«4/VIII-28 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Получила Ваше извещение от 1/VIII (№ 695/2) и очень прошу Вас написать мне, как я должна воспринимать слова “в пересмотре дела Вам пока отказано”. Как понимать слово пока. Значит ли это, что, невзирая на отказ, Вы, моя великодушная защитница, продолжаете дальше хлопотать за мою грешную душу: я поняла это именно так. Но мне важно знать: этот отказ, уничтожит ли он предыдущее распоряжение об оставлении меня в Ленинграде до нового пересмотра дела или Ваше заступничество пока защитит меня?

Мне надо знать это, потому что к износившемуся вконец за этот год сердцу прибавилась новая напасть – ноги отказываются служить, так в чужом городе, без гроша за душой и без сил даже на черную работу, конечно, перспектива одна – подохнуть. Это бы, конечно, неважно: невелика беда, что одной старухой будет меньше на свете, но как-никак у меня на иждивении две души еще: племянница и внучек, и их я пока подерживаю работишкой, правда, грошовой, но все-таки прокармливающей их. (Мне дает ее правление нашего ЖАКТа, так что я могу работать, не выходя из комнаты. Дом большой, и работа есть постоянно).

Умоляю Вас ответить мне, и, если Ваше милосердие попрежнему не иссякло, похлопотать за меня дальше. Ведь на-

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 288–289об. Автограф.

ших товарищей: Епанчина и Пчелина освободили, чем же я хуже их... ведь ни один из нас не повинен в тех обвинениях, которые возвели на нас... Те, оба, освобождены и живут по-прежнему, как ни в чем не бывало, а моя жизнь разбита вдребезги, мой муж погиб по каким-то “невыясненным подозрениям”... Человек глубоко образованный, умный, добрый, человек, преданный науке, далекий от политики, он мог работать на пользу родной страны еще много лет (он был на 8 лет моложе меня). Не довольно ли с меня этого горя?! За что же лишать меня возможности работать, пока еще смогу, на близких мне людей и не дать умереть в своем углу? Но если уж не будет мне пощады, то прошу Вас походатайствовать мне перемену Твери, где я ни души не знаю, на Петрозаводск, где я могу все-таки надеяться на кусок хлеба, где могу найти какую-нибудь работу; кроме того, это все-таки ближе к дорогой, родной мне могиле.

Простите, дорогая Екатерина Павловна, за длинное письмо. Глубокоуважающая Вас и благодарная за все В. Романова.

Ленинград.

Уг<ол> Екатерининского пр<оспекта> и Мастерской ул<ицы>, д<ом> 11/65-67, кв<артира> 22». ⁵²

Пометы: «Р 696/2. 7/VIII-28». «Отв<етить>», что для замены Твери Петрозаводском она должна дать личное заявление. На отмену приговора надежда у меня не потеряна. Е. П. 7/VIII».

«25/VIII-28.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

От всего сердца благодарю Вас за извещение: если Вы еще не теряете надежды, то буду надеяться и я. О замене Твери пока писать не буду. Петрозаводск тоже не радость и, если придется просить, то может быть, что-нибудь другое.

А пока скажите, не следует ли мне подать еще прошение во ВЦИК или лучше молчать, лучше, чтобы все шло от Вас. Мне-то мое внутреннее чувство говорит, что лучше мне не соваться. На днях пришлю Вам свидетельство своего доктора – здоровье все хуже и хуже..., а кроме того, неужели долгая, долгая трудовая жизнь так-таки ничего и не стоит в глазах власть имеющих? Я работаю с 12-ти лет (12-ти летней гимназисткой я давала уроки детям покойного Фед<ора>

⁵² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 280–281об. Автограф.

Мих<айловича> Достоевского. В то время меня еще кормили старшие, но одевала себя я на свой заработок), а теперь мне минуло 65; неужто 53 года не стаж трудовой жизни, смею думать, не совсем бесполезной для других. Как-никак, а мною выпущены в мир первые русские женщины-архитекторы. Первые 12 человек их вышли с учрежденных и содержимых мною Высш<их> Женск<их> Строительных Курсов около 15-ти лет тому назад. Мы выпускали за 2-х летний курс технически образованных чертежниц (это был первый опыт, и нельзя было вперед сказать, какой процент учащихся одолеет полный курс гражданского института, а сдавать разочарованных недоучек мы не хотели), и таковых чертежниц мы выпустили много десятков. <...>

Следующий акт моей жизни разыгрался на сцене горной промышленности, он был много труднее, но с точки зрения общечеловеческой пользы, пожалуй, шире. Но довольно надоедать Вам. Простите, что я так разболталась, как-то нечаянно это вышло, мне только захотелось Вам, одной Вам сказать, что я не всегда была тем, что стала теперь, а для ВЦИКа я по-прежнему только больная, ни на что не годная старуха, а Вы, глава милосердного учреждения, – защитница больных, старых, несчастных... Много ли я у них прошу? Возможности издохнуть в своем крошечном углу.

Еще и еще благодарю Вас за Вашу доброту и энергию, так неизменно, так упорно меня защищающую.

Душою Вам преданная В. Романова.

Р. С. Свидетельство моего доктора, о котором пишу вначале, прилагаю при сем». ⁵³

Помета: «30/VIII-28 г. Р 698/2». «Пост<ановление> на пер<евод>. 5/IX».

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Вчера получила письмо от моего доктора Гордеева, которым он, с Ваших слов, извещает, что мое дело назначено в пересмотр на будущей неделе. Меня до слез взволновало это известие. Защитница моя, родная, если бы Вы знали, как мне здесь тяжело: я предвидела много дурного, но то, что встретилось, все превзошло и, наконец, в довершение всего до полного отчаяния обострился этот проклятый суставной ревматизм. В прошлую субботу я еще смогла добраться до больницы к

⁵³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 275–276об. Автограф.

доктору Панову, а сейчас заболела и другая нога, и я валяюсь, как чурбан, в чужом доме, в чужом углу. Долго ли меня здесь будут терпеть, не знаю, а дома мучится и терзается человек, готовый душу за меня положить – моя бедная племянница, всю жизнь со мною живущая. В марте она потеряла в моем муже своего второго отца и, понятно, что теперь боится потерять и вторую мать, больше у нее нет никого на свете.

Я пыталась сегодня утром встать и пойти к доктору, но это путешествие: с версту пешком, через Волгу на лодке, опять пешком, потом в трамвае, оказалось не под силу, и я, как побитая собака, вернулась в свой угол и, простите, не могла удержаться излить Вам мое горе.

Дома, даже больная, в постели, я могу работать, я попыталась уже здесь изложить кой-какие свои технические познания в популярном виде для ребят – теперь это, кажется, требуется: детская литература с техническим уклоном. Надеюсь, что слажу с такой задачей, но трудно думать, когда кругом шумит пятерка ребят и восемь взрослых душ, да и основные пособия нужны, дома все это есть, а сюда все не выпишешь, да еще и пересылать то не на что.

Простите, дорогая Екатерина Павловна, опять разболталась – ведь это к делу не относится.

Спасите как увечную, и все эти мечты – только слабые вспышки угасающей энергии, и суждено ли еще встать на ноги, нет ли, кто знает, вернее, что пора умирать, только очень уж тяжело в чужом углу на собачьей подстилке.

Безгранично обязанная Вам и душою преданная

В. Романова.

28/IX-28. Г. Тверь за Волгой. Коноплянникова ул. Д. 41.

В. Ф. Романовой.⁵⁴

Пометы: «Отв<етить>, что обещано ускор<ить> снятие ограничений. Е. П. 22/IX». «Р 692/2. 22/IX-28».

«5 октября 28 г.

Дорогая, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, у меня нет слов высказать Вам все пережитое сегодня... Вы возвращаете мне не только свободу, но спасли самую жизнь, теперь она больше принадлежит Вам, чем мне. Когда бы, зачем бы ни понадобился Вам человек, беззаветно Вам преданный, – вспомните меня, – вся Ваша. Вы взяли на себя святую миссию

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 270–271об. Автограф. Карандаш.

защищать несчастных людей, которых лично не видели даже; право которых на Вашу защиту обуславливается именно их несчастьем... За это хочется положить перед Вами глубокий земной поклон.

Это не фраза, родная, да благословит Бог Ваше святое дело.

Теперь мечта моя при первой возможности вырваться хоть на один день в Москву, лично от всего сердца поблагодарить Вас.

Вся Ваша В. Романова.

Р. С. По получении официального уведомления от Тверского ОГПУ (ведь следует так?) уеду в Ленинград по старому адресу: Мастерская 11 кв. 22».⁵⁵

Пометы: «Р 696. 9/Х». «К свед<ению> Е. П. 13/Х».

* * *

2.16. Переписка З. А. ЮРЧЕНКО (мать семнадцатилетнего юноши, осужденного по политическим мотивам) с ПОМПОЛИТОм. Март – июль 1928, Баталпашинск Армавирского окр. – Москва.

«Глубокоуважаемая Мадам Пешкова!

Со слезами умоляю Вас: помогите, родная, дайте хоть маленькую весточку о сыне – матери. Вот два месяца, как мой мальчик, в числе 17-ти таких же молодых ребят, увезен из Армавирского ГПУ в Москву как политический. От людей я услышала, что они находятся в Бутырской тюрьме. Я послала туда деньги и посылку, но ни слова не получила в ответ. Получил ли он что-нибудь или без поддержки с голода умирает, а я, мать, ничего не знаю и ничем помочь не могу. При том же он давно страдает острым малокровием, потому что у него полипы носа, и очень часто у него бывает кровотечение из носа. И зная все это и не имея возможности помочь, я буквально схожу с ума. И если Вы, взявшая на себя такой великий подвиг, и Вы откажитесь сообщить, где мой сын и что с ним, то мое бедное сердце разорвется от муки. Имя моего сына Игорь Юрченко.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л.Л. 264, 264об. Автограф.

Мой адрес: Баталпашинск Армавирского округа, Районная больница, Сестра милосердия Зинаида Александр<овна> Юрченко.

Остаюсь глубокоуважающая Вас Юрченко».⁵⁶

Пометы: «Ю 830. 10/III-28 г.»

«Запр<осить> СО о арест<ованном>. 10/III. М. В.» «Вх. СО. Справ<ки> о приг<говоре> нет». «5/III. Лаг<ерь> 5 л<ет>».

«ОТПРАВИТЕЛЬ: БАТАЛПАШИНСК ОТВЕТ УПЛОЧЕН
МОСКВА КРАСНЫЙ КРЕСТ ПЕШКОВОЙ
СООБЩИТЕ СКОЛЬКО ЛЕТ ПРИГОВОРИЛИ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ НИКОЛАЮ ГРИГОРИЮ ЮРЧЕНКО
АЛЕКСЕЙ ЛИТВИНОВ ВАСИЛИЙ ШЕЯН МЕСТО
ВЫСЫЛКИ ВРЕМЯ ВЫСЫЛКИ».⁵⁷

Пометы: «Ю. 830. 22/III-28». «Запр<осить> СО. 23/III. М. Л.».

«БАТАЛПАШИНСК РАЙОННАЯ БОЛЬНИЦА ЮРЧЕНКО
ВАШ СЫН ПРИГОВОРЕН ЛАГЕРЬ ПЯТЬ ЛЕТ
ПОМПОЛИТ ВИНАВЕР».⁵⁸

Помета: «Ю. 831. 28/III-28».

«БАТАЛПАШИНСК СОВЕТСКАЯ 84 ЮРЧЕНКО
ЮРЧЕНКО НИКОЛАЙ ВЫСЛАН СОЛОВКИ ПЯТЬ ЛЕТ
ЛИТВИНОВ ШЕЯН ТРИ ГОДА ПОМПОЛИТ
ВИНАВЕР».⁵⁹

Помета: «Ю. 831. 31/III-28».

«8 апреля.

Глубокоуважаемая Мадам Пешкова!

Безгранично благодарна Вам. Посылаю заявление в ОГПУ. Разрешите прислать ходатайство на имя М. И. Калинина на Ваше имя, так как у нас на почте придут в ужас от этой моей дерзости, и у меня нет надежды дожидаться какого-либо ответа. Сообщаю Вам даты отправления посылки и денег в Бутырскую тюрьму. 16-го марта посланные

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л.Л. 336, 336об. Автограф.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 330. Телеграмма.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 331. Телеграмма.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272 Л. 329. Телеграмма.

15 руб<лей> я на днях получила обратно. 16-го февраля переведенные по телеграфу 10 руб<лей> расписка № 59, 21-го февраля посылка 17 кил<лограмм> № 190, 28 февраля – по почте 10 руб<лей> рас<писка> № 1674. Об этих отправлениях я, сколько не запрашивала, никаких ответов не получала. Простите за беспокойство. Если будет возможность, сообщите, сколько времени движется этап ссыльных в Кемь.

Ост<аюсь> уваж<ающая> Вас Юрченко». ⁶⁰

Пометы: «Обр<атиться> в СО о сп<равке>. 13/IV. М. В.». «Отказ».

«Юрченко З. А.

Баталпашинск Армавирск<ого> окр<уга> Советская 84

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной в ОГПУ, сообщаю, что в сокращении срока наказания Вашему сыну Юрченко Иг<орю> – отказано. Относительно денег, отправленных ему в Бутырскую тюрьму – выясняем». ⁶¹

Помета: «Ю. 834. 21/IV-28».

«З. А. Юрченко

Баталпашинск Советская 84

В ответ на Ваш запрос сообщаю, что, согласно справке, полученной из Бутырской тюрьмы, деньги, переведенные Вами по телеграфу (10 руб<лей>) от 10.02 с. г. и по почте (10 руб<лей>) от 28.02 с. г., а также посылка от 21 февраля получены и переданы сыну Вашему, Иг<орю> Юрченко». ⁶²

Помета: «Ю. 835. 3/V-28».

«8 мая.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

С тяжелым сердцем прочла я Ваше сообщение об отказе. В такие минуты я падаю духом и, переболев несколько дней и представив все страдания моего мальчика в Кемьских лесах на тяжелой работе, я оживаю опять и опять прошу Вас перешлите мою просьбу тов. Калинину, к которому я чувствую глубокую симпатию, и если бы я могла ему лично обрисовать всю нашу жизнь последние годы, моя просьба была бы глубже, яснее. Но

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л.Л. 333, 333об. Автограф.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 332. Машинопись.

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 331. Машинопись.

многого говорить нельзя. Мы, по стечению обстоятельств, заклеянные контрреволюционеры, покорно несем свое клеймо. Кто же заглянет нам в душу? Кому нужна наша старая честность? У нас нет протекций. Простите, я отвлекаюсь от дела. За ваше внимание благодарю вас всем сердцем. Списавшись с сыном, я узнала, что перед выездом из Бутырской тюрьмы он получил разом и деньги и посылку.

Остаюсь глубокоуважающая Вас З. Юрченко.

Надеюсь, что Вы не откажите в моей просьбе. Шлю марки, если понадобится ответ».⁶³

Пометы: «Ю. 796. 12/V-28». «Пересл<ать> по назнач<ению> М. В. 22/V».

«З. А. Юрченко

Баталпашинск Армав<ирского> окр. Советская, д. 84.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что присланное Вами заявление на имя М. И. Калинина, переслано по назначению. Ответ получите непосредственно».⁶⁴

Помета: «Ю. 833. 27/V-28».

«26 мая <19>28.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Искренне прошу у Вас прощения за беспокойство. Но как утопающий хватается за соломинку, так и моя мятущаяся душа ищет этой соломинки. И почему я не отстаю от Вас. Это потому, что Вы – женщина и мать. Пишу я Вам тогда, когда мне до бесконечности тяжело. Умоляю Вас, ради Вашей любви к Вашему сыну, дайте мне совет. Мой мальчик изнемогает от каторжной работы в Кемьских лесах. Там же на местах своя неограниченная власть. И там не считаются, что ему 17 л<ет>. А я здесь невыносимо страдаю от сознания, что мое дитя гибнет, а я, мать, бессильна ему помочь. Что же делать? Что делать? Научите, родная. На мое ходатайство перед Калининым никакого ответа не получено.

З. Юрченко.

Баталпашинск Арм<авирского> окр. Советская 84».⁶⁵

Пометы: «Ю. 798. 2/VII-28». «Запр<осить> заявл<ение> в ОГПУ с копией метрики Е. П. 7/VII».

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 331. Автограф.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 326. Машинопись.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 324. Автограф.

«З. А. Юрченко

В ответ на Ваше обращение сообщая, что для ходатайства о смягчении участи Вашего сына, Игоря Юрченко, и сокращения ему срока заключения, ввиду несовершеннолетия его, можете прислать нам заявление, адресованное в ОГПУ, приложив копию его метрики. Передадим по назначению и уведомим о результате».⁶⁶

Помета: «Ю. 899. 9/VII-28».

* * *

2.17. Заявление А. Ф. ВАСИЛЬЕВОЙ (80-ти летняя безграмотная мать двух осужденных детей). 20 июня 1928, Ленинград.

«В ПОМ-ПОЛИТ им. ПЕШКОВОЙ
От ВАСИЛЬЕВОЙ Анны Федоровны,
проживающ<ей> г. Ленинград,
В<асильевский> О<стров>, 10-я лин<ия>, д. № 43, кв. 42.
По делу арестованной дочери
ВАСИЛЬЕВОЙ Анастасии Дмитриевны.
Дело № 32628, пост<ановление> № 116
Особого Совещ<ания> при Коллегии от 9/III-28 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Настоящим обращаюсь с просьбой в Пом-Полит по ходатайствовать перед ВЦИК'ом о помиловании моей дочери ВАСИЛЬЕВОЙ Анастасии Дмитриевны. Дело было так: моя дочь Анастасия Васильева с 18-летнего возраста служила в качестве сестрицы в обществе трезвости Братца Иоанна Чурикова, работая всецело на пользу отрезвления трудящихся масс, жила на ст<анции> Вырица Сев<еро> Зап<адной> жел<езной> дор<оги>, и вот 14 мая 1927 года всех сестер общества арестовали, в том числе и ее, т<о> е<сть> мою дочь Васильеву Анастасию, в этот же самый день был арестован и мой сын Васильев Павел Дмитриевич, который был уже больным и его все-таки взяли, просидел он в ДПЗ 6½ мес<яцев>, и его по болезни отпустили домой, что может подтвердить врач ДПЗ. И вот после таких тяжелых переживаний, которые на его здоровье подействовали ухудшающе, он умер 11 апреля 28 года, и 5-го же апреля того же года была выслана моя дочь Васильева Анастасия Дмитриевна

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 272. Л. 323. Машинопись.

по 58 ст. постановлением № 116 Особого Совещания при Коллегии на 3 года в Вишерский концлагерь. Ее обвиняют в контрреволюции, но я как мать, знавшая своих детей, твердо уверена, что никакой контрреволюции нет, и не могу допустить ни на минуту мысли, что она арестована за дело, т. к. религиозность и любовь к Богу и ближним не есть контрреволюция и контрабанда. И вот поэтому обращаюсь в Пом-полит помочь мне в этом деле, так как я совсем убитая таким великим горем мать, потерявшая двоих любимых детей, имею себе 80 лет от роду и вот поэтому прошу обратить внимание и войти в положение, какое постигло меня горе на старости лет. Я простая женщина, но думаю так, что такое строгое наказание может быть применимо только к злейшим врагам Советской Власти, она же никакого зла, преступления перед Властью не сотворила, и поэтому прошу похотатайствовать об ее освобождении из концлагеря и замене ее наказания более легкой ссылкой, дайте на старости лет не умереть с горя, не увидя дочери.

Прошу не отказать в моей просьбе, – уведомить меня.

20 июня 1928 года.

Анна ВАСИЛЬЕВА

(безграмотная) +++»⁶⁷

Пометы: «В 190. 23/VI-28 г.». «СО». «Амн<истия> не прим<енена>».

* * *

2.18. Ходатайства Агабека и Лазара АРАКЕЛЯНОВ (высланы из Армении) о материальной помощи. 3 июля, 30 июля 1928, Йошкар-Ола.

Заявление Варсеники АРАКЕЛЯНЦ (жены Лазара АРАКЕЛЯНА). 27 декабря 1929, Армения, Мегринский уезд, селение Малев.

«Председателю политического Красного креста

Е. П. Пешковой.

Полит<ического> ссыльного из Армении Аракеяна

Агабека Патвакановича.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

5-го августа 1927 года в Армении в селении Шиванидзор Мигритского уезда был арестован уполномоченным О.Г.П.У.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 252. Л.Л. 102, 102об. Машинопись.

Мне было предъявлено обвинение по 58 ст. 5-й части У.К.⁶⁸

После девятимесячного тюремного заключения был приговорен к вольной высылке на 3 года в гор<од> Йошкар-Ола Марийской области.

Со дня советизации учительствовал в разных городах и уездах Армении, почему и оторван от хозяйства. По день ареста служил и содержал семью жалованьем. Семья состоит из 4-х душ, от жены и троих детей от двух до семи лет.

Прошу оказать материальную помощь мне и семье. Адрес семьи: Мегри (Армения), Шиванидзир, Ериония Давидовна Аракелян.

Мой адрес: Йошкар-Ола Марийской области до востребования Агабеку Аракеляну Патвакановичу.

Йошкар-Ола 1928 г., июль 3-го дня.

А. Аракелян.⁶⁹

Пометы: «Надо оказ<ать> мат<ериальную> пом<ощь>. Е. П. 7.08». «А 790. 9/VIII-28».

«Председателю политического Красного креста
Екатерине Павловне Пешковой.

Политич<еского> ссыльного из Армении Аракеляна
Лазара Минасовича.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

15 августа 1927 года был арестован уполномоченным О.Г.П.У. в селении Малев, Мегринского уезда ССР.

Мне было предъявлено обвинение по 58 ст., 5-й части У.К. После девятимесячного тюремного заключения был приговорен к вольной высылке на 3 года в гор<од> Краснококшайск⁷⁰ Марийской области.

Я крестьянин середняк, мне 45 лет, обременен большой семьей, состоящей из девяти душ, матери 75 лет, жены 38 лет, шесть душ детей от 1 года до 12 лет возраста.

Я имел: 1 корову, 1 быка, 1 катра (мула), 40 голов овец. После моего ареста, все мое хозяйство за неимением руково-

⁶⁸ Ст. 58 п. 5 – «склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп путем сношения с их представителями <...> к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества СССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений и т. п.».

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 336. Л. 259. Автограф.

⁷⁰ Он же – Йошкар-Ола.

дителя расстроилось, а, вследствие небывалой по суровости зимы в Закавказье и недостатка корма, весь скот мой погиб, осталось только 4 барана и 1 катр.

Заявляя Вам о вышеизложенном, прошу оказать посильную материальную помощь мне и семье моей, находящейся в селении Малев, Мегринского уезда ССР Армении – Варсеник Амбарцумовне Аракелян.

Надеюсь, что просьба моя будет уважена, ибо без Вашей помощи моя семья обречена на голодную гибель.

Мой адрес: Гор<од> Краснококшайск, до востребования, Аракеляну Лазару Миносовичу.

30/VII-928 г.

Гор<од> Краснококшайск». ⁷¹

Помета: «Мат<ериальная> пом<ощь> ЕП. 8/VIII». «А 790. 8/VIII».

«АРМЕНИЕ.

Заявление.

Мегринской уезда жител селени Малева
от Варсеника Аракелянца.

Прошу сафшите отнасителного жителя селени Малева Лазара Минасовича Аракелянца.

Катори был Арестован 1927го года 15-го Августа. Он работал в свой селе Малеве земелни части причина Ареста по 58-ой ст. пункт 5-й решили на три 3 года в Мариски Автраномиски области в город Йошкарла. По Душевному Болезною переведен в город Казан. После этого уже 6- шестой месяцев как от жителя Мегринского уезда селени Малева Лазара Минасовича Аракелянца от его никакого известия и писму не получаем жена и семейства Лазара беспокоятся об не имеющей известия от-носительно Лазара. Прошу па палучению заявление каторе мы пасилаем вам как можно скорее ответу нашчет его здаровьи.

АРМЕНИЕ. Просител вас жител Мегринской уезда селени Малева Варсеник Аракелянца.

1929го года 27-го декабря. Сел<ение> Малева». ⁷²

Пометы: «СО 26/I № 34/3». «Запросят Казань». «Повт<орно> 26/III». «По спр<авке> ОГПУ Л. М. Аракелянц находится в псих<иатрической> больнице в Казани на излечении».

⁷¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 336. Л. 264. Автограф.

⁷² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 477. Л. 30. Автограф.

* * *

2.19. Прощение Ольги КУРЦ (15 лет) о возвращении сосланного отца. 7 августа 1928, Киев.

«В Комитет Помощи Политическим Заключенным.
От окончившей Трудшколу
Ольги Олеговны Курц.

Прощение.

15 июня 1927 года Киевское Г.П.У. арестовало моего отца Олега Григорьевича Курца-Кречетова и потом в административном порядке сослало его в Кемь, а теперь его перевезли на Соловки. Моему отцу 45 лет, он преподаватель, много потратил сил и здоровья на образование детей, причем все его очень любили за его доброе и приветливое отношение к детям, для которых он не щадил здоровья, потому что глубоко был предан своему педагогическому делу. Его считали выдающимся педагогом и, например, в 1927 г. в Киевской школе имени Ленина он обратил внимание всех отличной педагогической постановкой своей дисциплины.

Таким же ценным школьным работником его считали и на прежних местах службы: в Белой Церкви и в Монастырище (все в Киевской губернии).

Нам неизвестно, за что его сослали, а при прощании он плакал и говорил, что он не ожидал после своей тяжелой педагогической работы, на которой потерял здоровье, – а он теперь очень хворый, – ему придется быть в административной ссылке.

Мне же 15 лет, со мной живет тетка 58 лет – инвалид, мать у меня умерла, и мы теперь крайне нуждаемся. Мне нужно продолжать образование, а при настоящих условиях, лишенные поддержки отца, мы живем впроголодь, и я не в состоянии закончить образование. Поэтому я умоляю Комитет помочь мне вернуть моего отца. Я положительно не знаю, что мне делать для этого, но, узнав о существовании Комитета, обращаюсь к нему с глубокой просьбой помочь мне чем-нибудь в моем ужасном горе.

Отец мой занимается и музыкой, и написал кантату в память Ильича для школьного выполнения.

Киевское Г.П.У. говорило, что его сослали на 5 лет, но он сам об этом ничего не пишет.

Умоляю Комитет помочь мне или посоветовать, что я должна делать, чтобы вновь вернуть себе отца. Не откажите

мне написать обо всем этом по след<уюшему> адресу: Киев, Бульвар Шевченко, дом № 28, кв. 40».⁷³

Пометы: «К-930. 7/VIII-28». «Запр<осить> об отделе. Ходат<айствовать> об отмене приговора. Е. П. 4/VIII». «Уч. 10/VIII». «КРО».

* * *

2.20. Заявление высланного крестьянина П. М. МОЛДАВСКОГО с просьбой облегчить его участь (чтобы помочь семье: жена и пять малолетних детей). 25 августа 1928, Иркутская обл., Киренский окр., Макарово.

«Е. П. Пешковой.

Отд<ел> Помощи Полит<ическим> заключенным адм<инистративно>/с<сылного> П. М. Молдавского

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Здесь в далекой тайге нет дня, где не слышно о Вас и о Вашем комитете, о Вашей помощи нам несчастным... Осмеливаюсь я писать Вам вторично, ибо первое письмо послал Вам заказным, а ответа не имею. Простите, что спешу через 6 недель вторично, и вот почему. У меня результат за 1½ года ссылки, жена вследствие крайних материальных обстоятельств, заболела туберкулезом 3 степени, и у нее на руках 5 малых детей, где старшему всего 7 лет (семь), которые буквально пропадают от голода. Что же могу я им помочь здесь в далекой тайге, когда сам еле зарабатываю на хлеб? СПАСИТЕ, СПАСИТЕ больную (и не знаю, как теперь с ней, ибо уже 4 месяц не имею писем) и 5 малых детей от гибели. Я сам крестьянин, работал раньше на кожзаводе и лесопильных заводах. Во имя всего наидорогого, <что> может быть у человека, умоляю, научите, дайте совет, что мне делать, чтоб смягчить мне мою участь, мне никакой труд не страшен, лишь бы спасти, если еще возможно, мою несчастную жену и 5 малых детей, которые из-за меня так пропадают. Я не против быть под контролем Г.П.У. и на какой угодно срок, лишь бы дать кусок хлеба честным трудом физическим моей беспомощной семье, также своих детей воспитать быть честными гр<ажданами> трудовой сов<етской> жизни. Моя просьба следующая: 8 Апреля с/г моя жена была хорошо при-

⁷³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. Л.Л. 404, 404об. Автограф

нята М. И. Калининым, который взял у нее заявление, где были следующие докум<енты>: 1) Бедные – состояние. 2) Семейное положение, где указано, что находится с 5 малыми детьми у отца рабочего 70 лет на иждивении. 3) 2 справки от Киевского Клинического Института, что она (жена) очень больная... Калинин обещал ей смягчить мою участь и обещал через месяц дать ответ ей, т. е. 8 мая. Также жена оставила 8 или 9 апреля заявления в Отделе Частных амнистий. Сегодня уже 25 Августа, т. е. прошло 5 месяцев, а ответа еще нет. А потому во имя больных женщин и 5 малых детей, где старшему всего 7 лет, умоляю Вас навести справку о результате заявления, поданного моей женой Соней Эльвной Молдавской лично Калинину 8 Апреля и в Отд<ел> Частных амнистий 8-9 Апреля, и какая причина, почему нет ответа, когда Калинин обещал ей смягчить мне участь и через месяц, т. е. в Мае дать мне или же не ответ, и его нет? Спасите! Спасите детей от гибели! Наведите справку или дайте совет, к кому обратиться и что делать.

Проситель Молдавский.

Адрес: Макарово Иркутской области Киренского окр<уга> Молдавскому П. М.

Имя и отчество жены, которая была у Калинина, Соня Эльвна Молдавская».⁷⁴

Помета: «ЭКУ».

* * *

2.21. Выдержки из заявления Н. М. НОСЕНКО (учительница, мать троих детей, подвергаемая преследованиям как жена осужденного “меньшевика”). 29 августа 1928, Краснодар.

«Копия “Учительская газета”.

В Общество Помощи Политзаключенным
жены политссыльного Носенко Н. М.

Заявление.

Обращаюсь в Общество помощи политзаключенным, вынужденная на это безвыходностью создавшегося для меня положения.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 328. Л.Л. 80, 80об. Автограф.

Я прошу поставить перед соответствующими организациями вопрос о том, являюсь ли я ответственной за убеждения своего мужа, и, если не являюсь, то просить эти организации положить конец тем преследованиям, которым я подвергаюсь как жена политзаключенного, теперь уже ссыльного Носенко Марка (г. Ташкент).

С момента ареста мужа на меня начинают поступать материалы в Правление Союза о том, что мой муж “лидер меньшевиков”, я “не рву” с ним связи, езжу к нему на свидание, переписываюсь, что на основании этого я нетерпима в школе.

Такой же материал поступает в Педвуз с требованием удалить меня оттуда, как студентку. Неоднократно в присутствии студентов мне напоминают о том, кто мой муж.

Во время зачетов на последнем курсе доцент института ведет компанию среди студентов, обвиняя меня в контрреволюции и меньшевизме. “Меньшевичка” становится моей второй фамилией, хотя я никогда ни в какой партии не состояла.

При распределении студентов, окончивших педвуз, на работу комиссия по составлению характеристик заносит меня в “черный” список, т. е. в список лиц, которые не могут быть допущены к работе в школе II ступени.

Материал дается устно представителями профкома и партячейки ВУЗа без занесения в протокол, при закрытых дверях.

Когда я пытаюсь поднять вопрос о недопустимости таких приемов в отношении меня, как школьного, профессионального и общественного работника, представители в комиссии от ВУЗа, в том числе член Окрправления Союза Раброс собирают группу студентов (не указывая, по какому вопросу) и от имени “красного” студенчества составляют резолюцию, в которой обвиняют меня в контрреволюции, меньшевизме и белогвардейщине, и эту резолюцию зачитывают на общегородской конференции работников школ II ступени, предварительно поставив условием не обсуждать ее.

Для меня создается невыносимая моральная обстановка: товарищи сторонятся меня, боясь не только разговаривать, но даже здороваться, чтобы не попасть на подозрение.

В Правлении Союза мое заявление с требованием расследовать дело и реабилитировать меня, как члена Союза, валяется две недели, председатель отказывается поставить его на за-

седании Окргправления, считая, что поднятый мной вопрос есть частное дело, и Союз не обязан вмешиваться.

Я настаиваю тогда на передаче заявления прокурору, что выполняется, но результатов от этого нет.

Меня пытаются лишить избирательных прав, как жену политзаключенного, но представитель Адмтдела, явившись на квартиру ко мне, устанавливает по предъявленным мной документам, что я с 17 лет зарабатываю себе средства существования, работая в начальной школе.

<...> Когда коллектив школы избирает меня профделегатом, группком заявляет мне отвод, протокола не утверждает и предлагает избрать профделегатом работника другого (автора материалов о моем “меньшевизме”). В связи с этим для меня и в школе создается тягостная обстановка.

<...> Наряду с обстановкой, создавшейся для меня в школе, и вне ее, дома, на почве той же бесправности моей, как жены политзаключенного, во время отъезда в отпуск отнята половина жилплощади.

В комиссии по кварт<ирному> вопросу первым вопросом было, кто мой муж, и где он находится, и это решило вопрос о жилплощади. Я с tbc [туберкулезом] и трое детей, из которых младший также болен tbc, были уплотнены на 12 кв. метрах (норма в Краснодаре 9 метров на человека).

Получаемых мною в то время 38 руб. не хватало на то, чтобы прокормить, одеть, обусть и учить 3-х ребят, и одного пришлось отдать на “хлеба” родным.

<...> Я чувствую себя загнанной в тупик. <...> На руках у меня трое детей и муж больной, измученный нервно человек. Ему отказывают упорно в предоставлении работы в учреждениях (как ссыльному), и он вынужден с опухолью на печени и острой невралгией позвоночника зарабатывать на хлеб себе тяжелым физическим трудом. Я бессильна помочь ему. <...>

Где выход? Под колесами вагона или в петле? Но тех, кто находит этот выход, а на Кубани ряд учителей нашел его там, называют трусами, изменниками делу революции.

Я прошу Политпомощь и организации Центра указать мне правильный выход.

29/X-28 г. Носенко». ⁷⁵

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 241. Л.Л. 341–344. Автограф.

* * *

2.22. **Заявление Ивана ГОЛОВЧУКА (16 лет).** 3 октября 1928, Нарымский край, Томский окр., село Колпашево.⁷⁶

«В к<омите>т Помощи Политзаключенным
Екатерине Павловне Пешковой.
Ивана Васильевича Головчук
жит<ельствующего> в с<еле> Колпашево
Томск<ого> Окр<уга> Нарымского края

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Согласно постановления Колл<егии> ОГПУ, состоявшегося 6-го июля 1928 года, я сослан в Наркрай на 3 года. Обвиняюсь я по 54 ст. п. 11 Укр<аинского> Уг<оловного> К<одекса>.

Настоящее постановление несправедливо, т<а>к к<а>к я, лично, буквально ни в чем не уличен, и вина моя заключается лишь в том, что дядя мой служит офицером польской армии. Он прислал мне письмо, в котором, зная, что мне жить нечем, зовет меня к себе. Это письмо у меня отобрано.

Я рожден в 1911 году, и мне в данный момент еще нет 17 лет отроду.⁷⁷ В момент ареста 1-го октября 1927 года мне было 16 лет, а потому какие-либо подозрения о моей политической деятельности должны отпасть. Я находился под арестом всего 1 год и 2 мес<яца> с перерывом в 2 недели, причем 2½, проведенные мною под арестом до перерыва, мне в срок ссылки не зачтено.

В настоящее время я нахожусь в ссылке, не имею никакой ни от кого помощи и живу на пособие в сумме 5 руб<лей> в месяц. А между тем, у меня туберкулез легких, и мне необходимо питание.

Как бы ни была велика вина моего дяди, такая жестокость в отношении меня не вызывается необходимостью.

Прилагая при сем справку тюремного врача и копию акта Вр<ачебной> комиссии, прошу Вас войти в мое положение, сжалиться надо мною и что-либо сделать в смысле облегчения моего положения.

И. Головчук (подпись)». ⁷⁸

⁷⁶ Дата проставлена по штемпелю на конверте.

⁷⁷ Подчеркнуто в ПОМПОЛИТе.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 238. Л.Л. 90, 90об. Автограф.

Пометы: «13/X-28. Г 610». «КРО». «1/4 по амн<истии>. Дело пересм<отрят>».

Срок ссылки Ивана Васильевича ГОЛОВЧУКА закончился 3 января 1930, но документов на освобождение ему не дали. В августе 1930 он все еще находился в Колпашеве, где получил телеграмму из ПОМПОЛИТа, что, согласно справке ОГПУ, ему «дано минус шесть на три года».

* * *

2.23. Письмо П. А. и Т. В. ГУБОНИНЫХ-ЛЕОНОВИЧ Е. П. ПЕШКОВОЙ с просьбой о перемене места ссылки. 8 ноября 1928, Уральская обл., Ирбитский окр., Табаринский р-н, село Табары, дер. Малоречье.

ГУБОНИН-ЛЕОНОВИЧ Петр Алексеевич. Социал-демократ. В марте 1925 – в Ярославском политизоляторе. В январе 1928 – в Верхне-Уральском политизоляторе. В октябре 1928 – ноябре 1929 – в ссылке в Ирбитском р-не.

ГУБОНИНА-ЛЕОНОВИЧ Татьяна Васильевна – в марте 1928 – феврале 1929 – в дер. Малоречье Ирбитского р-на. В июне 1932 – в Саратове.

«Уважаемая Екатерина Павловна, в мае этого года мы обращались к Вам с просьбой содействовать оставлению П. А. Губонина-Леонович в Ирбите или переводу нас в какой-либо пункт на железной дороге с постоянной врачебной помощью. После долгого ожидания мы получили предложение заменить Табаринский район для нашего соединения Березовым или Обдорском. То и другое для нас, вследствие трудностей с грудным ребенком, оказались неприемлемым, и из двух зол мы избрали, как нам кажется, наименьшее – Табаринский район. Этому выбору содействовало, во-первых, то обстоятельство, что одно наше требование – врач – удовлетворялось, т<ак> к<ак> тогда в Табаринской больнице врач был, а, во-вторых, летний период, в который жизнь в деревне сравнительно переносима. Теперь у нас с наступлением зимы условия жизни здесь таковы:

Врач в больнице отсутствует уже продолжительное время, и принимает больных только фельдшер, врача же, по всей вероятности, и не будет. Благодаря жилищным услови-

ям, мы вынуждены жить в расстоянии 9-ти верст от центрального пункта района – с<еле> Табары, – где находится больница, почта, кооперативные лавки. Это девятиверстное расстояние в зимнее время, при отсутствии теплой и прочной обуви, также осложняет наше положение. Аптеки, а, следовательно, аптекарских товаров в районе не имеется, и необходимых для ребенка в этой области предметов достать нельзя. Сплошь и рядом нельзя достать предметов первой необходимости (крупы, сахар, кожев<енные> товары и проч<ее>). Даже в деревне нельзя достать сельскохозяйственных продуктов: масла, яиц, сметаны, творога, молока, лука, моркови. При этих условиях совершенно невозможно нормальное кормление ребенка, которому исполнилось только восемь месяцев, т<ак> к<ак> грудью матери кормить его уже нет возможности.

Нет возможности найти необходимый заработок даже за пределами 2-х верстной зоны, за которую ссыльные данной деревни не могут выйти. Насколько облегчает положение выдаваемое вами Г.П.У. пособие (6 р<ублей> 25 к<опеек> в месяц) видно из того, что за комнату, даже в такой маленькой деревушке (23 двора), в какой находимся мы, приходится платить 5-6 руб<лей> в месяц, в самих Табарах жизнь еще дороже, и маленькие комнаты расцениваются в 10–12 руб<лей>.

Во всем районе среди местного населения огромный процент сифилитиков, предполагаемым же здоровым население не принимает никаких мер предосторожности и имеет с больными самое тесное общение, вплоть до еды из одной чашки. Т<ак> к<ак> у нас не имеется средств для обзаведения собственными предметами домашнего обихода, и приходится пользоваться хозяйской посудой, ведрами, общей баней и проч<им>, то угроза заражения сифилисом существует постоянно.

Об удовлетворении каких-либо культурных потребностей говорить совсем не приходится, т<ак> к<ак> в районе нет даже малюсенькой библиотеки.

Вот приблизительно в основном картина нашей жизни здесь. Детализировать и перечислять массу мелких неудобств и трудностей жизни здесь с ребенком не будем.

На основании вышеизложенного убедительно прошу продлить Ваши хлопоты перед органами ОГПУ выслать нас обоих вместе в какой-либо пункт на железной дороге и с врачебной помощью. Жизнь врозь для нас в силу целого ря-

да материальных и личных семейных обстоятельств невозможна.

П. Губонин-Леонович. Т. Губонина-Леонович.

8 ноября 1928 г.

Уральская область, Ирбитский округ,

Табаринский район, с<ело> Табары, дер. Малоречье.

П. А. и Т. В. Губонины-Леонович». ⁷⁹

Помета: «23/XI-28 г. Л. 472/2».

* * *

2.24. Заявление и письмо С. К. МАРКАРЬЯН (мать четырех детей и жена школьного работника, высланного из Армении). 21 ноября, 25 декабря 1928, Калужская губ. и уезд, п/о Полотняный завод, племхоз «Ерлыково».

«Председателю Политического Красного креста

Мадам Пешковой

в город Москве

от гр<аждан>ки Сонни Карапетовны Маркарьян

из Советской Армении сел<ение> Султанбек

Даралагезского уезда.

Ныне проживающая

в Калужской губ<ернии> и уезде,

в племхозе “Ерлыково”

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Муж мой Хачатур Гаспарович Маркарьян в 1927 г. в августе месяце 4 дня, по для нас неизвестным причинам был арестован и сослан в Тифлис и оттуда в Москву. В Москве 18-го марта с. г. был освобожден из под стражи и выслан в Калужскую губ<ернию> в свободную ссылку, сроком на три года.

Я с четырьмя малолетними детьми и 78 л<етней> старухой матерью мужа осталась дома в селе, где служил муж, в безвыходном положении. Муж мой до высылки все время служил школьным работником армянской деревни. И потому не имела абсолютно ничего и жила только лишь содержанием мужа, а когда он был сослан, лишилась всякую возможность продолжать свое существование. Я не могла поддержать существова-

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 223. Л.Л. 279–279об. Автограф.

ние семьи, принуждена была бросить в селе родной очаг и с детьми с большими трудностями добраться в Калужскую губернию в племхоз “Ерлыково”, где находится мой муж.

Уже третий м<еся>ц как я приехала с детьми в означенный совхоз, дети болеют, не переносят климат, муж болен туберкулезом легких, он лишен всякую возможность поддерживать существование семьи. Не имеем ничего абсолютно, нечем детям встречать северные морозы, мы лишены возможность.

Прошу и умоляю Вас озаботится снабдить детей моих и меня теплыми вещами и другими жизненными предметами. Дочери 7 л<ет>, старшему 5 лет, второму 3 года и третьему 1 год.

Надеюсь, что просьба моя не будет отказана, и во имя милосердия оказать содействия моим беспомощным детям.

С уважением к Вам. Соня Маркарьян. (Автограф написан на армянском языке)

21/XI 28 г.

Мой точный адрес: Почтовое отд<еление> Полотняный завод Калужской губ<ернии> и уезда племхоз “Ерлыково” Соня Карапетовна Маркарьян».

Помета: «Послать вещи ребятам. 4/XII. М. В».⁸⁰

«Мадам П. Пешковой!

Присланные Вами для моих детей вещи получила, о чем сердечно благодарю Вас за Ваше не забвенное, гуманное и сердечное отношение к нуждающимся, тем более к детям, кои не заимением средств находятся в критическом положении.

С искренним уважением к Вам Соня Маркарьян.⁸¹

25/XII-28 г.

Совхоз Ерлыково Калужской губ<ернии> и уезда. Почтовое отд<еление> Полотняный завод».⁸²

Пометы: «М-272. 27/XII-28». «К свед<ению> Е. П. 29/XII».

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 221. Л.Л. 96, 96об. Автограф.

⁸¹ Подпись на армянском языке.

⁸² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 331.Л. 68. Автограф.

* * *

2.25. Письмо М. М. МУХИНОЙ о помощи Л. В. ИОНОВОЙ (обе женщины – ссыльные члены ПСР с маленькими детьми, родившимися в ссылке). 26 декабря 1928, Алма-Ата.

«Екатерина Павловна!

Посылку Вашу я получила и приношу благодарность за память, только зачем Вы так много и мне посылаете. Отец у нас служит, и мы, пока, еще не погибаем. Мне, признаться, немножко неловко, т<ак> к<ак> мы сейчас все же не так уж нуждаемся при заработке отца, и Вы меня простите, что я распорядилась не по вашему назначению: я самую большую часть отправила в Колпашево Люсе Ионовой (это крестница В. С. Панкратова покойника). Я знала от Н<иколая> Л<еонтьевича>, что у нее осенью родилась девочка, а бедная мать не имела даже пеленок, но в то время я от своих отправить не могла и сейчас использовала Вашу посылку в надежде, что там многое можно употребить и даже все, если перешить. Надеюсь, что для нее это будет находка, если ей не помогли из Ленинграда от Сергея Порфирьевича⁸³. Думаю, что в скором времени у нее явится нужда в разных крупах для прикорма (манная, ячневая, ячменный кофе), бутылочки, соски и всякая прочая мелочь. Если Вы сможете соорудить такую посылку, это было бы хорошо. Я думаю, что там может оказаться и еще такое население, для которого нужны эти вещи, а на окраинах доставать трудно, да еще в такой дали.

Часть вещей отправляю старикам Трахтенберг⁸⁴ для их дочки и кое-что подходящее осталось у Татьяны, т<ак> к<ак> она решила, что это прислано ей, и она является обладательницей. Мальчикам оставила: обувь, гетры, по паре чулок, варежки и один лифчик на их рост.

Когда мы будем погибать, тогда и закричим “караул”, а теперь, я считаю, что мы живем хорошо, лучше многих, и доставлять нам, при работе отца, не следует.

---

⁸³ Швецов Сергей Порфирьевич – народник, возглавлял Петроградский Политический Красный Крест, а затем Ленинградскую группу ПОМПОЛИТА. Скончался в 1930.

⁸⁴ Трахтенберг Б. С. – социал-демократ, в 1925–1929 – в ссылке в г. Алма-Ате вместе с женой.

Если будете направлять в Колпашево, вот адрес: село Колпашево Томского округа, Людмиле Всеволодовне Ионовой.

Мой дружеский привет всем, жму руку. М. Мухина.

26/ХП-28 г.

Р. С. Простите, что так долго задержала извещение о получении».⁸⁵

Помета: «М. 924/2. 3/І-29 г.».

Автор этого письма Мария Михайловна МУХИНА – жена Николая Леонтьевича МУХИНА, бывшего одним из учредителей МПКС. В 1923 он был арестован как член ПСР и отправлен в СЛОН, его жена была арестована в 1926 и выслана в Алма-Ату. С 1926 по 1929 они вместе находились в ссылке в Алма-Ате, здесь в июле 1927 у них родились сыновья-близнецы Лев и Сергей. ПОМПОЛИТ постоянно оказывал всяческую помощь и хлопотал об облегчении участи Н. Л. МУХИНА и его семьи.

8 апреля 1937 М. М. МУХИНА была арестована в Казани, где жила и работала бухгалтером-статистиком в артели «Трудовик». Она обвинялась в участии в «нелегальной контрреволюционной террористической организации эсеров, действовавших в блоке с меньшевиками и анархистами». Из Казани она была отправлена в Москву и 15 сентября 1937 приговорена к ВМН (ВКВС СССР). В тот же день она была расстреляна на Донском кладбище. Реабилитирована 1 ноября 1962.»⁸⁶

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 244. Л. 244. Автограф.

⁸⁶ Источники: 1) ГАРФ. 8409. 2) «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.

В 1937, когда арестовали Мухиных, их сыновьям было по 10 лет. Е. П. добила их перевода в московский детский дом. В. А. Перес часто навещала мальчиков и проводила с ними время. С. В. Короленко хотела их усыновить, но мальчики отказались. Они окончили ремесленное училище, обслуживали поезда и ездили с ними на фронт, после войны работали сварщиками на строительстве метрополитена, окончили вечернюю школу рабочей молодежи и вечернее отделение МИИТа. Счастлива их жизнь не сложилась.

А тогда, в 1937 «в один из вечеров к телефону подозвали кого-то из мальчиков, и мужской голос сообщил: “Сегодня ночью расстреляна ваша мать Мария Михайловна Мухина”. Бедный мальчик закричал: “Вы врете!” и бросил трубку» (из воспоминаний М. В. Базилинской).

Людмила Всеволодовна ИОНОВА родилась в 1904 в Якутии, где находился в ссылке ее отец ИОНОВ Всеволод Михайлович – один из первых русских социалистов. Он был арестован царским правительством за пропаганду социализма в рабочей среде и после нескольких лет заключения в Белгородском Центральном и Карийской каторжной тюрьме выслан в Якутскую область. В Якутии он занимался культурно-просветительской деятельностью; организованная им школа для якутов выпускала учеников, приобщенных к европейской культуре. Ее мать ИОНОВА Мария Николаевна, якутка по происхождению, была постоянной его помощницей в этнографических работах, за которые в 1928 получила малую золотую медаль, присужденную ей Русским Географическим обществом; в 1928–1929 работала в Музее Антропологии и Этнографии АН СССР.

Л. В. ИОНОВА и ее муж П. В. ВЫСОЦКИЙ, члены ПСР, в 1924 были арестованы и приговорены к 3 годам заключения в СЛОН. В 1928–1929 – в ссылке в с. Колпашево Томского округа, где у них родилась дочка.

16 октября 1937 Л. В. ИОНОВА была арестована в Алма-Ате, где работала инспектором-статистиком. 21 ноября 1937 приговорена по ст. 58-8, 11 к ВМН тройкой при УНКВД по Алма-Ате. Реабилитирована 26 апреля 1989.⁸⁷

* * *

2.26. Письмо Валентины МАКУШКИНОЙ (13 лет, ученица 7-й группы), с ходатайством об отце, высланном на Соловки. 12 февраля 1929, Ростов-на-Дону.

«Дорогая Екатерина Павловна!

Большая нужда и тяжелое горе заставили меня писать Вам эту просьбу. Оставшись без папы, мамы, с одной моей 70-летней бабушкой, терпя голод и холод, и не имея возможности дальше жить так, я обращаюсь к Вам как к родной матери за помощью. 31-го июля 1926 года арестовали моего папу, который являлся единственным кормильцем нашей семьи. До это-

---

⁸⁷ Источник: ГАРФ. Ф. 8409. «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.

го времени мы жили спокойно, не зная забот. Семья наша состояла из папы, мамы, бабушки и меня. Когда-то, будучи еще гимназистом, папа дружил с одним товарищем, Шумилиным, и я уже смутно помню, как, читая газету, папа прочел, что генерал Шумилин возвращается из заграницы, и что ему устроена была шумная встреча. Больше я ничего не помню. Теперь, совсем еще недавно Шумилин пришел к нам. Но в каком виде. Грязный, оборванный, он был похож на нищего. Его привел к нам папиной родной сестры муж. Папа, конечно, не узнал его, но когда узнал, что он – Шумилин, папе было приятно видеть его как товарища по гимназии. Они начали вспоминать прошлую жизнь, детство. Шумилин пробыл у нас часа два. Уходя, он просил папу дать ему какое-нибудь место: дворником или уборщиком, только чтобы иметь кусок хлеба. И папа, будучи заведующим Мореходным училищем, обещал дать ему место. Но сделать ничего не смог, потому что, как я помню из разговоров, у него документы были генерала. Больше мы его не видели. Он говорил, что едет в Цимлянскую станицу. Года через два Шумилин опять приехал к нам, но уже не в таком, как прежде, виде. Он поправился и был хорошо одет. Пробыл он у нас часа полтора. Мы тогда еще обедали во дворе при всех. Во время обеда Шумилин сказал, что он только приехал из-за того, что хотел посмотреть на Валичку, т<о> е<сть> на меня. И уехал. Больше мы его не видели. Приблизительно недели через две арестовали моего папу и, как я слышала, его обвиняют за укрывательство контрреволюционера генерала Шумилина, за что его присудили к пяти годам ссылки на Соловецкие острова. Тогда мама стала работать. Зарабатывала она деньги тем, что ходила по домам шить, но этого заработка нам не хватало, и мы часто голодали. От горя и тяжелой работы мама вскоре заболела, и тут начались более тяжелые дни. Мама с температурой сидела на кровати и шила, чтобы не дать нам голодать. Два года такой работы, и последние силы изменили ей, и она получила туберкулез легких. С октября месяца 1928 года мама находится в Новочеркасске в Первой Советской больнице, а мы, т<о> е<сть> я – 13-ти лет и бабушка – 70-ти лет остались совершенно одни. За это время мы продали комод, письменный стол, воротник меховой и др. вещи, и когда последние деньги мы истратим, я не знаю, что мы вынуждены будем делать. За все три месяца я была у мамы всего три раза. Мой приезд сильно волновал ее, она плакала о нас и о папе. Мысль о том, что нас ждет очень плохой конец ни на

минуту не оставляет ее, она все слабеет и слабеет. И если только силы совсем покинут ее, она покинет нас навсегда. Единственное, что еще может спасти ее, это немедленное возвращение папы. Ради того, что я абсолютно гибну, и ради моей больной мамы верните моего папу, может он своей лаской и уходом снова поставит ее на ноги. Екатерина Павловна, спасите нас и сделайте все возможное для освобождения моего папы. Каждый день его дальнейшего пребывания вдали от нас грозит полной гибелью всем нам.

Зовут моего папу Спиридоном Петровичем Макушкиным, находится он в гор. Кеми на Поповом острове в пересыльном пункте.

Вместе с этой просьбой я посылаю Вам справку о том, что мама, действительно, находится в больнице, и другую справку о том, что мне 13 лет, и что я еще к никакой работе не способна.

Валентина Макушкина.

Живу я в г. Ростове н/Дону по Сенной улице, д. 251».⁸⁸

Помета: «Переговорить в КРО. 12/II. Е. П.» «Отк<азано в пересмотре дела>».

* * *

2.27. Заявление А. В. НАЗАРОВОЙ (жена высланного священника и мать 7-х малолетних детей) с просьбой о материальной поддержке. 17 апреля 1929, село Каипа Ключевского р-на Славгородского окр.

«В Московский Красный Крест

Е. Пешковой

от жены административно высланного священника

Агриппины Назаровой,

временно проживающей в с<еле> Каипе

Ключевского района

Славгородского округа.

Заявление.

Я, нижеподписавшаяся Агриппина Васильевна Назарова, жена священника, административно высланного в тайгу, осужденного по 58-10 ст. У.К. 15-го июня 1928 г.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 405. Л.Л. 189–190. Автограф.

Прошу Вас разобрать мое заявление, так как я нахожусь без средств к существованию с семейством семь душ, имущества никакого не имею, дети все малолетки, четверо из них школьного возраста, которых надо обути, одеть и накормить: но что я могу одна сделать. А тут отвезла последнюю пшеницу на мельницу, и там случился пожар, и рухнула последняя надежда. Теперь приходится голодать всем семейством, а там в тайге голодает мой муж, который живет без всякой материальной поддержки. До сего времени я не знала, куда обратиться за помощью, и вот случайно достала я Ваш адрес и прошу, не оставить мою просьбу без внимания. Если можете, окажите материальную поддержку, не оставьте мой глас гласом вопиющего в море о спасении, помогите мне.

Хотела послать справку о моем имущественном положении, а так же просила копию приговора о том, что мой муж сослан, но почему-то на мои просьбы был отказ со стороны Крест<ьянского> ком<итет>а и О.Г.П.У., а потому предъявляю свидетелей в том, что я ничего не имею и очень нуждаюсь в помощи, кроме 7 душ семейства и никаких средств к существованию.

В просьбе прошу не отказать.

7/IV-1929. К сему А. Назарова.

Адрес моего мужа: Тулунского округа, Сиб<ирского> края, Братского района, деревня Кузнецово-Вихрево, Назаров Василий Назарович.⁸⁹

Подпись свидетелей: 1) *Дмитрий Конищев*, 2) *Савелий Бодяков*, 3) *Федоръ Звонковъ*, 4) *Илья Тальмачовъ, Захар Трухановъ, Петро Ивченковъ*.⁹⁰

Пометы: «Пер<еслать> сред<ства>. 3/V. М. В.».

⁸⁹ Назаров Василий Назарович – священник, род. в 1883 в Казанской губ. До ареста проживал в селе Каип Ключевского р-на Алтайского края. Арестован 9 февраля 1928, обвинялся по ст. 58-10, осужден 15 июня 1928 ОСО при Коллегии ОГПУ к 3 г. административной высылки с последующим лишением права проживания в некоторых местностях СССР в течение 3 лет. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 381. Л.Л. 389–389об. Автограф.

* * *

2.28. Заявление М. А. ЛУТОВИНОВОЙ (муж и дети – потомки И. С. Тургенева) с ходатайством о восстановлении в правах голоса. 17 апреля 1929, Алупка.

«Председательнице Красного Креста в Москве
Марии Андреевны Лутовиновой, прож<ивающей>
в Алупке по Севастопол<ьской> ул<ице>

Заявление.

Муж мой, Александр Николаевич Лутовинов, владеет в Алупке дачей из 6 комнат, приносящей по исчислению Фининспекции 300 руб<лей> в год, в действительности же и того меньше. Семья наша состоит из 6-ти душ, из них – мать моя, старуха 74 лет, муж – туберкулезный больной и трое детей в возрасте от 11 до 7 лет, и кроме того, я нахожусь в ожидании четвертого (беременность 7 мес<яцев>). В виду малой доходности имущества, средством к нашему существованию являются частные уроки, которые даю я (я окончила Высшие женские курсы в Киеве), зарабатывая с трудом для пропитания семьи, но при дороговизне жизни в Крыму на средства эти можно владеть лишь жалкое существование. В настоящее время из-за обладания дачей мужа моего, а также и меня, как его иждивенку (что является нелепостью, т<ак> к<ак> не он меня, а я его содержу и всю семью), лишили права голоса, что повлекло за собой невозможность ни мне, ни мужу моему получить службу; кооператив лишает нас, “лишенцев”, права приобретать продукты, а главное – хлеб, в частной же продаже хлеб бывает по 65 к<опеек> кило, и то далеко не всегда, что нам не по средствам. Все жалобы мои и мужа моего на незаконное лишение права голоса до сих пор остаются без рассмотрения и ответа (Симферопольским Окружным Избиркомом), создавшееся же положение грозит нам всем буквально голодной смертью, а потому я решилась просить Вас придти на помощь нашему семейству.

Жаль детей, душа болит за них, невинных страдальцев... Мы с мужем люди тихие, робкие, забытые жизнью и в полном смысле слова “неудачники”, – таким людям нет нигде места в жизни; и мы бы охотно ушли из нее, но как быть с детьми?

С настоящей просьбой обращаюсь к вам не только, как к председательнице Красного Креста, но и как к лицу, причаст-

ному к литературному миру, так как муж мой и дети (по женской линии) являются единственными правнуками великого писателя русского Ивана Сергеевича Тургенева, мать которого была Варвара Петровна Лутовинова.

Положение наше настолько тяжелое, что мы в настоящее время уже голодаем, не имея возможности приобретать продукты на частном рынке; денежных сбережений у нас нет, запасов продуктов – никаких; вещей или движимого имущества для продажи нет вовсе никаких. Многие “лишенцы”, даже находящиеся в значительно лучшем положении, чем мы, стали получать по 200 грамм хлеба, нам же и в этом отказано на том основании, что мы “имеем возможность приобретать продукты на частном рынке”. И никто не желает отнестись к нам справедливо, объективно рассмотреть вопрос о нашем материальном положении. Происходит это оттого, что в прежнее время здесь же в Алупке жили четыре тетушки моего мужа, которые были значительно состоятельнее нас, но от которых мы абсолютно не зависели материально. Еще в 22-м году все они умерли от голоду, но память о них сохранилась, и мы страдаем, нося ту же фамилию.

Крайняя нужда и действительный призрак голодной смерти для семьи моей заставляет меня беспокоить вас своей горячей просьбой придти нам на помощь по мере сил, посодействовать восстановлению нас в правах голоса, на что мы имеем полное основание, а также дать нам возможность приобретать продукты наравне с прочими гражданами. Лично я – дочь бедной гувернантки, с 14 лет даю уроки, получила образование на свои личные трудовые деньги; кроме горя и нужды не имела ничего в жизни. Как дочь мещанина, к тому же полунищего, была гонима при царском режиме; оказалась гонима и теперь по каким-то роковым стечениям обстоятельств. Умоляю Вас помочь нам. Все, излагаемое мною, могу подтвердить документально, в случае необходимости. М. Лутовинова.

17/IV-29 г.

Алупка, Севастопольская ул<ица> № 17.

Р. С. Считаю необходимым добавить, что муж мой состоял на Советской службе 4 года, а я 2 года; уволена по сокращению штатов.

М. Лутовинова». ⁹¹

⁹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 327. Л.Л. 205–206об. Автограф.

Помета: «Лишение избир<ательных> прав, если оно связано только с владением дачей с доходом ежемесячно 300 р<ублей>, – незаконно. Дело это вне компет<енции> П.П.З.⁹², но т<ак> к<ак> здесь заинтересованы внуки Тургенева, считаю, что нужно как-то помочь: сделать выписку из письма и направить в Общество любит<елей> Росс<ийской> словесности при М.Г.У. с препров<одительным> отношением, в котором просить, чтобы Об<ществ>о содействовало восст<ановлению> изб<ирательных> прав родственникам Тургенева. Лутовиновой сообщить, чтобы она срочно обжаловала действия местного И<сполнительного> К<омитета> и Центр<альной> Губ<ернской> Комиссии при ВЦИК с приложением документов. Сделать все это от имени лично Пешковой-Винавера. И. Д.⁹³ 3/V-930».

* * *

2.29. Просьба пятерых детей (в возрасте от 2,5 до 15 лет) арестованного священника М. АРТЕМКОВА. 29 июня 1929, Сибирь, Бийский окр., Бийско-Истокский р-н, с. Ново-Покровское.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 15 августа 1929.

«Москва Кузнецкий переулок № 24 к. 16
Председательнице Общества политзаключенных
Екатерине Павловне Пешковой
от детей сосланного священника Сибирского края
Бийского округа Бийско-Истокского района
села Ново-Покровского в количестве 5 человек

ПРОСЬБА

Мы, дети в возрасте от 15 до 2,5 лет, по совету добрых и сердобольных людей обращаемся к Вам со своим великим детским горем о нижеследующем. 30 марта 1927 г. у нас скоропостижно умерла мама, оставив нас, несчастных пять человек, на руки одному отцу. Трудно нам было жить без мамы и растить маленькую шестимесячную сестренку, но мы жили, росли, ожидая в будущем лучшего. Но не тут-то было. Наша

⁹² П.П.З. – «Помощь политическим заключенным».

⁹³ И. Д. – по-видимому, Динесман Иосиф Юлианович – юрист, один из учредителей МПКК, консультант ПОМПОЛИТа.

горькая сиротская доля еще больше стала тяжелей, когда мы потеряли отца: его с 9 ноября 1928 г. сослали в Вишерский концлагерь на 3 года, обвиняя в агитации. Что будет с нами, никому ненужным чужим детям – круглыми сиротами, мы не знаем. Мы должны без отца и матери, не видя юношеских и детских дней радости, погибнуть, как погибает молодое растение, не имея за собой ухода и лучей жизненного солнца. Так зачем же жестоко и злобно обрушилась на нас судьба? Ведь мы хотим жить, как другие дети – петь, играть и веселиться. Неужели мы вынуждены с этих пор питать не любовь и радость ко всему нас окружающему, а презрение, злобу и застенную ненависть. Нет, мы хотим и вправе требовать от жизни тепла, света и ласки!

Добрая и сердобольная женщина, Екатерина Павловна! Мы по своему детскому еще уму не умеем передать Вам всего того, что испытываем, но думаем, что Вам Ваше сердце нашу просьбу дополнит и дорисует мрачную и жуткую картину нашей сиротской жизни, и Вы не бросите со смехом и злорадством эту к Вам нашу горячую просьбу с мольбой о детской помощи, а как сердобольная тетя и чужая мама окажете нам великую помощь, такую помощь, за которую мы будем всю потом нашу жизнь признательны и благодарны. Мы просим: верните к нам нашего отца, и если он, по-вашему, окажется виновен, простите его ради нас, малолетних и всеми забытых сирот. Но только лишь одно мы знаем, что нашему папе, живя с нами, 5 детьми, часть которых нужно еще было с рук кормить, поить и носить, некогда было зарабатывать грехи преступления против совласти, и его сослали по наговору не понимавших его слов и дела людей. Дело его находится в Москве в Особом Совещании Коллегии О.Г.П.У. и по постановлению от 11 января 1929 г. <он> послан в концлагерь. Если же нам нельзя будет просить за своего папу о полном помиловании, то дайте нам возможность хоть с ним жить, и ему нас растить, заменив ему лагерь вольной высылкой в такую местность, где бы мы могли без ущерба своему здоровью расти и идти по дороге социального строя – учиться, в чем особенно нуждаемся (мы, двое из старших, учимся в 6-й группе, а одна в 3-й), и тем самым посвятить свои будущие молодые силы на благо Родины и ее обновления, – назначив местожительством, принимая во внимание и его весьма плохое состояние здоровья, один из южных округов Сибири, где было бы возможно нам учиться и заниматься сельскохозяйственной отраслью,

пчеловодством, его и нашим любимым занятием; или же другой край с возможностью для существования так же вести пчеловодное хозяйство. В настоящее время нас растит бабушка, приехавшая на похороны мамы, и с тех пор нас не бросающая, 70<-ми> летняя старушка, за которой от нас самих уже требуется уход. Вот такая наша детская, простая и без всякого лукавства по своей детской откровенности к Вам просьба, которую просим довести до сведения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, в Отдел Частных Амнистий, и за нас, обездоленных, попросить милости, на которую мы, невинные дети, и рассчитываем.

К сей просьбе подписуемся: дети служителя религиозного культа села Ново-Покровского, Бийско-Истокского района Бийского Округа Сибкрая.

Капеталина Михаловна Артемкова.

Сергей Михайлович Артемков.

Ирайда Михаловна Артемкова.

Олимпиада Михайловна Артемкова. 7 лет.

София Михайловна Артемкова 2, 5 лет.

При сем прилагаем справку из сельсовета о нашем семейном положении, изложенном в личном удостоверении видом на жительство и копии метрической выписи о смерти мамы.

1929 года июня 29 дня».⁹⁴

Пометы: «А 860. 24/VII-29 г.»

«Гр. АРТЕМКОВЫМ.⁹⁵ А 861. 15/VIII-29.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что Вам следует написать отцу, чтобы он прислал об этом лично от себя заявление в Особое Совещание. Можно обратиться об этом во ВЦИК».⁹⁶

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 374. Л.Л. 106–107. Автограф. Письмо написано взрослым человеком. Дети Капитолина, Сергей и Ирайда сами написали свои фамилии, имена и отчества.

⁹⁵ Отец детей Артемков Михаил Лукьянович, род. в 1890 в с. Присно Рогачевского р-на Могилевской губ. Священник. Проживал в селе Н-Покровское Быстроистокского р-на. Ар. 9 ноября 1928. Приг. 11 января 1929 по ст. 58-10 к 3 г. лишения свободы с последующей административной высылкой на 3 г. в Вост.-Сиб. край. Ар. 1 декабря 1932 в п. Красновишерск Чердынского р-на Уральской обл. Приг. к 5 г. лишения свободы по обвинению в АСА. Реаб. в феврале 1993. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 374. Л. 105. Машинопись.

* * *

2.30. Заявление Е. ПОГОЖЕВОЙ и М. БАРТЕНЕВОЙ, высланных из Корочи Белгородской области при закрытии соборного храма. 23 сентября 1929, Тула.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 31 октября 1929.

«23 Сентября.

В Комитет помощи ссыльным от высланных
политических

Евгении Погожевой и Матрены Бартеневой

Заявление.

Обращаемся к Вам с просьбой в нашем безвыходном положении, в каком мы очутились здесь в Туле. Мы по постановлению Москвы высланы из Белгородского Округа за пределы Ц.Ч.О. на 3 года по делу о закрытии соборного храма в г. Короча Белгородского округа. Нам было предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде, хотя мы нигде никогда не выступали против советской власти, а только были общиной соборного храма выбраны членами церковного совета, и как члены бывали на собраниях его, а мы, женщины, по просьбе священника Пузанова собирали в церкви во время службы копейки на тарелку на ремонт храма, в которых строго отчитывались перед церковным советом. Никакой у нас отдельной организации не было, не было ни председательницы, ни каких отдельных собраний от совета. Когда же на предвыборных собраниях Советов был поставлен вопрос о закрытии соборного храма, то церковный совет во главе со священником по просьбе всего прихода хотел только просить Советскую власть о том, чтобы храм был оставлен за общиной, т. к. нужды в зданиях под культурно-просветительные учреждения в городе нет, т. к. имеется клуб с большим залом и есть еще два больших пустых дома. Тем более, мы обе женщины старые: Бартеневой 66 лет, а мне – 58 л^{ет}, заняты свои хозяйством, т. к. мы люди бедные и должны заботиться о куске хлеба, нам некогда было заниматься какой-либо агитацией, а я притом еще совсем больной человек: у меня порок сердца, бывают сильные сердечные припадки и страдаю давно подагрой, болят все суставы рук и ног, т^{ак} ч^{то} едва хожу. Мой муж – рабочий, прослужил 33 года на жел^{езной} дороге помощником машиниста и еще служил на советской службе 4 с половиной года и теперь получает

пенсию по второй категории 17 руб<лей>. Ему 66 лет и он совершенно больной человек, да в гостинице № дешевле 5 р<ублей> нет. Нас пять женщин, и принуждены жить под открытым небом, день – на улице, а ночью – на вокзале или где-нибудь в ночевке, т. к. не имеем средств. Куда не обращались – помощи никакой получить не можем, заработать тоже ничего не можем, т. к. на бирже 2000 безработных, дома, отправляя нас, собрали последние копейки. Муж получает 17 р<ублей> пенсии, конечно, не может содержать меня здесь, дома, имея свой домишко, кое-как перебивались, а теперь приходится здесь идти просить милостыню. Поэтому просим помочь нам как-нибудь, хотя, чтобы нас поскорей отправили отсюда в маленький город, где дешевле квартиры и жизнь. А больше всего просим войти в наше тяжелое материальное положение, и т. к. мы женщины старые и больные, заработать не можем, просим разрешить нам переехать в Курск, где у нас есть родственники, не погибать же нам под открытым небом, а скоро наступит зима, и мы – беспомощные, больные женщины, должны погибнуть.

Надеемся, что вы откликнитесь на нашу просьбу.

Евгения Ивановна Погожева.

За неграмотную Бартеневу Григорьев.

Корецкая, также высланная по этому делу, присоединяется также к этой просьбе, имею 55 лет от роду, не имею никаких средств к жизни. Дома осталась сестра больная, бывшая учительница, инвалид труда по 1-й категории, и я была на ее иждивении, помогать здесь мне она не может.

А. Корецкая».⁹⁷

Пометы: «Б.260–27/IX-29 г.» «по СО». «Надо заяв<ление>».

«ПОГОЖЕВОЙ Евгении и БАТЕНЕВОЙ Матрене.

Б-263. 31/X-29.

В ответ на Ваше заявление, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что в разрешении переехать Вам в Курск – отказано».⁹⁸

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 341. Л.Л. 224–226. Автограф.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 388. Л. 26. Машинопись.

* * *

2.31. Заявление В. Е. КОХНО (муж выслан за выступления против обновленцев). 6 ноября 1929, Чимкент.

«<6/XI 1929 года >
 Председательнице
 Красного Креста
 г<раждан>ке Пешковой
 Варвары Евгеньевны Кохно
 Чимкент, ул. Ленина № 2
 Сыр-Дарьинск<ой> обл<асти>

Заявление.

Зная о Вашей отзывчивости к чужому горю и многочисленных случаях оказания помощи, обращаюсь к Вам, уважаемая г<раждан>ка Пешкова, ища у Вас защиты от угрожающей мне и детям беды, глубоко веря, что Вы сделаете все от Вас зависящее, чтобы помочь мне.

Вчера арестовало Г.П.У. моего мужа по клеветническим доносам и предписало милиции описать наше имущество до последней тряпки. Я совершенно больная женщина туберкулезная, хронической малярией <и> тяжелой глазной болезнью – глаукомой имею на руках трех малолетних детей – 6, 5 и 3 лет, и всем нам грозит участь остаться среди зимы на улице без всяких средств к существованию.

Муж мой по профессии фотограф, по происхождению крестьянин из беднейшей семьи (на 9 душ семьи у них была 1 дес<ятина> земли), до 21 года служил батраком по помещикам и на сахарном заводе. Потом, бежав в Киев, начал учиться фотографии и до германск<ой> войны служил по фотографиям. Будучи от природы религиозным искателем, он изучал все религии и секты, и, увлекшись толстовством, 12 лет фанатично следовал ему. В этот период на Украине во время гражд<анской> войны был выбран предисполкомом, вынес ужасные набеги, погромы и преследования от белогвард<ейцев> Григорьевской банды и, едва спасая жизнь, решил никогда не принимать участия в политике, заниматься своим ремеслом и, в свободные часы, – религиозными исканиями. Прийдя в своих исканиях чудесным образом к признанию личности Христа, он стал православным христианином. За выступления против обновленцев был выслан на 2 года в Туркмению; по окончании ссылки переехал в Чимкент, где мы купи-

ли домик за 2 тыс<ячи>, и четвертый год работает самолично в фотографии. Будучи ревнителем церкви и чистоты веры в ней, нажил себе врагов в лице недостойных священнослужителей и грабившего церков<ные> деньги старосты, котор<ые>, желая отомстить ему, занялись клевет<ническими> доносами. Такие же доносы писал и его конкурент местный фотограф. Но всему этому Г.П.У. не придавало значения д<о> с<их> п<ор>. Вчера же неожиданно свалилась эта беда. Не знаю, что делать, куда обратиться, и всю надежду возлагаю на Вас, чтобы Вы похлопотали о снятии запрещения с нашего имущества и справедливого рассмотрения местным Г.П.У. неосновательности доносов на моего мужа.

С уважением к Вам Варвара Кохно.⁹⁹

Пометы: «К 750». «Кохно Даниил Марк<ович>.¹⁰⁰ 6/XI 1929 года». «СО».

* * *

2.32. Обращение М. М. ВАХРУШИНОЙ (бывшей монахини) с просьбой помочь получить право голоса. Ноябрь 1929, Нижний Новгород.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 2 декабря 1929.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я бывшая монашенка Крестовоздвиженского монастыря (послушница) слышала о Вас много доброго и решила побеспокоить Вас и обратиться к Вам с просьбой просить у Вас помощи и совета; как мне быть и что предпринять: Я лишена голоса и только потому, что была послушница монастыря. Я крестьянка Вятской губ., Нолинского уезда, дер. Вахруши, ушла жить в монастырь, т<ак> к<ак> в то время считалось честью для семьи, чтобы одна дочь жила в монастыре. Я жила в монастыре в рукодельном корпусе, работала на общество с 7 утра и до 10 вечера ежедневно, кроме

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 382. Л.Л. 306–307об. Автограф.

¹⁰⁰ Кохно Даниил Маркович, род. в 1886 в с. Лебеди Лебединской вол. Киевской губ., украинец, с начальным образованием; проживал в Чимкенте, работал фотографом. Ар. 5 ноября 1929 Сыр-Дарьинским ОО ОГПУ и приг. 21 июня 1930 тройкой при ОГПУ по ЮКО по ст. 58-11 УК РСФСР к 5 г. ИТЛ. Реаб. 30 мая 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

праздников. В 1917 году я было уехала из монастыря в г. Уфу, т<ак> к<ак> у меня была там родственница, она устроила меня служить в Уфе, но вскоре заболела она сыпным тифом, сначала ея муж, а потом и она. Один за другим умерли оба, у них осталась девочка 2-х лет, которую она и просила меня не бросить ее. Взяв девочку, пришлось бросить службу и, не зная, что делать, как жить. В 1920 году одна знакомая собралась в Н<ижний> Новгород, и я поехала с ней. Приехала и узнала, что хотя монастыря и не существует, а бывшие монашенки еще живут в стенах монастыря, и я решила тоже за неимением квартиры поселиться там. И так до 1927 г. я жила там, кормилась и воспитывала ребенка личным трудом; моя специальность белошвейка, работаю сейчас по патенту. С <19>27 года я живу уже на Ошарской улице, д. № 56. Я подавала два раза заявление <в> Ниж<егородский> Горсовет и получала отказ, как быв<шая> монашенка. Ведь я ни торговлей и ни спекуляцией не занималась, а была в монастыре как рабочая сила. Как лишенка лишена даже хлебного пайка, а на такой маленький заработок, как 20 руб<лей> в месяц, трудно существовать одной, а не то что с девочкой. А мне хочется ее обучить, она довольно способная девочка и учится хорошо. Потому-то и обратилась к Вам. Еще раз прошу, не откажите в моей просьбе, ответьте мне, причем высылаю на ответ марку.

Мой адрес: Н. Новгород, Ошарская улица, д. 56, кв. 3
Марии Михайловне Вахрушиной.¹⁰¹

Помета: «В 220. 2/ХІІ-29».

«ВАХРУШИНОЙ Марии Михайловне. В-221. 14/ХІІ-29.

В ответ на Ваш запрос, сообщаем, что лишение избирательных прав нужно обжаловать в Окружной Исполком. Если там Вам откажут, то – в Облисполком, а потом – в Избирательную Комиссию при ВЦИК».¹⁰²

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 366. Л.Л. 155–156. Автограф.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 366. Л. 153. Машинопись.

* * *

2.33. Ходатайства об Амосе РАБИНОВИЧЕ (15 лет), приговоренном за участие в «контрреволюционной организации» к заключению в колонию для малолетних преступников.

Письмо В. П. ГАРТМАНА¹⁰³. Декабрь <между 8 и 19> 1929, Ленинград.

Телеграмма Е. П. ПЕШКОВОЙ. 19 декабря 1929, Москва.

Письмо Л. С. РАБИНОВИЧ. 27 октября 1936, Ленинград.

«Многоуважаемый Михаил Львович.

В начале сентября месяца была арестована группа учащихся школ 2-ой ступени в числе 6-ти человек. Всем были представлены статьи 58-10 и 58-11.

8 декабря родственникам этих детей, ибо старшему только что исполнилось 16 лет, объявлен был приговор – 2 года заключения в Соловках. Инкриминируемое им преступление по признакам вышеуказанных статей относится к 1927 году, т<о> е<сть> к периоду времени, когда каждому из них было от 12–13 лет.

Итак, 5 мальчиков получили Соловки, а 6-й Амос Исаакович Рабинович, ученик 15-ой школы 9-ой группы, коему только что в ноябре мес<яце> исполнилось всего лишь 15 лет, приговорен по заявлению в Прокуратуре к помещению в Колонию малолетних преступников. Факт совершенно невероятный, ибо помещение морально здорового мальчика в среду преступно дефективных подростков знаменует собой моральную гибель не успевшего еще слепиться ребенка.

---

¹⁰³ Гартман Владимир Паулинович (1883 – 1937) – сотрудник Петроградского ПКК, после закрытия последнего – сотрудник Ленинградской группы ПОМПОЛИТа, после смерти С. П. Швецова возглавлял ее (практически, в единственном числе осуществлял всю ее работу в своей квартире). Род. в г. Новый Петергоф Ленинградской обл. В 1937 работал консультантом Бюро обслуживания писателей литературного фонда. Ар. 15 авг. 1937. Приг. 23 сентября 1937 Комиссией НКВД и прокуратурой СССР по ст. 58-6-11 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 28 сентября 1937. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

По-видимому, тут произошла ошибка, требующая срочно-го исправления, ибо мальчик до последней степени нравствен-но угнетен и в состоянии проделать то, что пытался сделать его товарищ по заключению, вынуженный во-время из петли.

Просьбы о поруках остались без результата.

Добивайтесь отмены приговора или замены хотя бы теми же Соловками. Обязательно ответьте срочно.

В. Гартман».¹⁰⁴

«ЛЕНИНГРАД ЧАЙКОВСКОГО 24 19 ГАРТМАНУ
Р 350 19/XII-30.

ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА МОЛОДЕЖИ ОТКАЗЫВАЮТ
ПЕШКОВА»¹⁰⁵.

О дальнейшей судьбе Амоса РАБИНОВИЧА мы имеем не-которое представление по письмам его матери в ПОМПОЛИТ, датированным летом 1936. Мать просила о свидании с сыном в Ухтпечлаге, где он находился в заключе-нии, – свидание ей было предоставлено. Кроме того, она хо-датайствовала о досрочном освобождении сына, чтобы ему не пришлось задержаться в лагере (в связи с прекращением навигации) после окончания срока; это ей было обещано, со-гласно справке, полученной ПОМПОЛИТом в ОГПУ в июле 1936. Но в октябре 1936 он все еще находился на том же руд-нике.

«Уважаемый тов. Винавер!

Простите меня, что надоедаю Вам так часто своими пись-мами. Обращаюсь опять к Вам с просьбой насчет моего сына Рабиновича А. И. Он все еще находится в Коми обл<асти> на Руднике Еджьед-Кирте, и его все еще не переводят на мате-рик. Срок его истекает 9/I-37. Теперь, я думаю, еще можно от-туда проехать водным путем, но через недельки две уже нель-зя будет выехать до лета. Может быть, при Вашем содействии его переведут куда-нибудь поблизости, где есть железная до-рога. Если возможно, известите меня.

Л. С. Рабинович. 27/X-36».¹⁰⁶

Пометы: «2/XI-36. 1946». «Если не переведен, пусть при-шлет заявление, откуда и куда просит перевести. <Е. П.>».

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 400. Л.Л. 112–113. Автограф. Карандаш.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 400. Л. 111. Телеграмма.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1514. Л. 234. Автограф.

Раздел 3

ПИСЬМА 1930–1932

В 1930–1932 гг. страна достигла больших успехов в индустриализации¹. В сельском хозяйстве была проведена коллективизация. Согласно уставу сельскохозяйственной артели², обобществлялись земля, скот и инвентарь. В личной собственности крестьянина оставались дом, усадьба, одна корова и определенное количество мелкого скота. Официальная статистика к концу первой пятилетки насчитывала 210 тыс. колхозов (70% обрабатываемых земель), 4300 совхозов (10% обрабатываемых земель) и 2400 МТС (при этом поголовье скота уменьшилось на 40%, а в некоторых районах даже больше и объем сельскохозяйственной продукции резко упал).

Коллективизацию сначала намечалось проводить постепенно (в три этапа в зависимости от районов) и на добровольных началах, но на практике в колхозы часто загоняли силой. Поэтому вслед за постановлением «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», принятом ЦК ВКП(б) **5 января 1930**, меньше, чем через месяц, **30 января и 1 февраля 1930** ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР приняли постановления о борьбе с кулаками. В результате в 1930–1931 годах были высланы 240 тыс. семей кулаков – более 1 млн. человек.

Следствием насильственной коллективизации и раскулачивания явились полная дезорганизация работ, а также активное и, в основном, пассивное сопротивление крестьян, повсюду забивавших скот.

2 марта 1930 в «Правде» опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возложил вину за катастрофические последствия коллективизации на местных руководителей. **14 марта 1930** вышло постановление ЦК

---

¹ В 1930 – завершено строительство Турксиба, пущен тракторный завод в Сталинграде; в 1931 – пущены завод с/х машин в Ростове-на-Дону, тракторный завод в Харькове, автомобильный завод АМО в Москве (после реконструкции); в 1932 – автомобильный завод в Горьком, Кузнецкий металлургич. комбинат, первая доменная печь Магнитогорского металлургич. комбината, первая шахта в Печорском угольном бассейне, Днепрогэс, заложен и строится новый город Комсомольск-на-Амуре, начато строительство Московского метро.

² Утвержден 1 марта 1930.

ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Последствием этих мер было уменьшение доли коллективизированных крестьянских хозяйств с 55% в марте до 24% в июле 1930, однако в дальнейшем она продолжала неуклонно расти и в 1931 составила 52%, а в 1934 – 71%.

Летом 1930 состоялся XVI-й съезд партии, который подтвердил курс на ускоренный переход к социализму и лозунг «Пятилетку – в 4 года».

7 августа 1932 ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности» (воспринятое народным сознанием как «закон о колосках»). Согласно этому постановлению, крестьянам и членам их семей, позволившим себе взять что-то из урожая колхозного поля (принадлежащего им по советским законам) грозило уголовное наказание вплоть до расстрела.

Осенью 1932 в основных хлебопроизводящих регионах СССР (Украина, Нижнее и Среднее Поволжье, Кубань, Казахстан) начался страшный голод, о котором власти ничего не сообщали. Голод был в значительной мере спровоцирован полным изъятием зерна у крестьян с целью выполнения планов (нереальных, завышенных), «спущенных» властями. Особенно пострадала Украина. Присланная из Москвы на Украину комиссия под руководством председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова добилась полного вывоза всего урожая 1932, и в начале 1933 у крестьян не осталось даже семенного фонда.

Число умерших от голода составило (по разным оценкам) от 3 до 7 млн. человек.

31 декабря 1932 правительством было объявлено о выполнении заданий первого пятилетнего плана за 4 года и 3 месяца.

В выполнении планов первых пятилеток важную роль играли лагеря ОГПУ (позже – НКВД).³

---

³ В 1931 началось строительство Беломоро-Балтийского канала им. Сталина, для чего был организован Беломоро-Балтийский ИТЛ (Белбалтлаг), в котором концу 1932 было сосредоточено 107.900 заключенных. В 1932 на ОГПУ было возложено строительство БАМа, для чего был организован Байкало-Амурский ИТЛ.

ИЗ ХРОНИКИ РЕПРЕССИЙ

2 февраля 1930 ОГПУ издан секретный приказ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса», регламентирующий процедуру арестов, расстрелов и депортации «кулаков и подкулачников» в отдаленные районы СССР. Приказ описывал репрессивный механизм раскулачивания – первой массовой сталинской депортации.

25 ноября – 7 декабря 1930 состоялся процесс «Промпартии», обвиняемой в подготовке иностранной интервенции совместно с эмигрантами, обосновавшимися в Париже. Объявлено о разоблачении «Трудовой крестьянской партии» (ТКП) во главе с профессорами Н. Д. Кондратьевым и А. В. Чаяновым, по обвинению в саботаже коллективизации.

1-9 марта 1931 состоялся процесс «Союзного бюро меньшевиков».

В 1930 через тройку ПП ОГПУ и ГПУ УССР, Башкирии, Татарии и Якутии прошло 179 620 человек, из них приговорено к ВМН – 18 966 человек – 10,6%, к ИТЛ – 99 319 человек – 55,3%, к высылке – 8 869 человек – 4,9%, условно – 14 287 человек – 7,9%. (по справке ОГПУ от 31 июля 1931).⁴

К осени 1931 процесс выселения раскулаченных органами ОГПУ, в основном, был завершен.

Из донесения Г. Г. Ягоды И. С. Сталину от 12 октября 1931 о завершении раскулачивания и выселения из районов сплошной коллективизации, производившемся с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931:

*«В это время перевезено 162.962 семей (787.341 чел.), из них мужчин – 242.776, женщин – 223.834, детей – 320.731). В 1930 было перевезено всего 77.795 семей (371.645 чел), из них: мужчин – 123.807, женщин – 113.653, детей – 134.185). Т. о. всего перевезено 240.757 семей (1.158.986 чел.). В это же время перевезено лошадей – 15.355, телег – 7.487, плугов – 8.958, борон – 9.528. Все перевозки произведены 715 эшелонами в 37.897 вагонах. Зам. пред. ОГПУ Ягода».*⁵

⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. Массовые репрессии в СССР. Отв. Ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. Отв. Сост. И. А. Зюзина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004, С. 114.

⁵ Там же. С. 115.

С середины 1931 в ведение ГУЛАГа, кроме лагерей, были переданы все спецпереселенцы.

В 1931 в лагерях ОГПУ умерли 7 283 заключенных (из статистических отчетов санитарного отделения ГУЛАГа).⁶

На 1 января 1932 лагеря ОГПУ насчитывали 272 500 заключенных, в спецпоселках находилось 1 317 022 человека.⁷

13 сентября 1932 была издана специальная инструкция по применению постановления от 7 августа: Верховному суду Союза было поручено 2 раза в месяц сообщать в ЦК сведения о числе осужденных за хищения общественной (социалистической) собственности.

По этим сведениям:

По РСФСР на 15 января 1933 было осуждено всего 64 907 человек, из них к ВМН – 2 298 (3,6%); по УССР на 1 января 1933 года – 31 167 человек, из них к ВМН – 1 143 (3,7%), к 10-ти годам заключения – 2 806 (9%); по БССР на 15 января 1933 года – всего 813 человек, к ВМН – 98 (12%), к 10-ти годам заключения – 585 человек. По республикам Средней Азии и Закавказья борьба с хищениями была развита слабо: в Узбекской ССР всего было осуждено 117 человек, в Туркменской – 159, в Таджикской – 126, в Армении – 64, Грузии – 47, Азербайджане – 71. По всему СССР было осуждено около 103 тысяч человек, больше всего в колхозах – 30 890 (62,4%), затем – на транспорте – 6 543 (13,2%), в сельском хозяйстве – 4721 (9,4%), кооперации – 1 573 (3%).⁸

14 сентября 1932 был основан Дмитровский ИТЛ для строительства канала Москва-Волга им. Сталина (в течение 5-ти лет крупнейшая лагерная стройка страны).

⁶ «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник». Общество «МЕМОРИАЛ», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: «Звенья», 1998. С. 29, 32.

⁷ Там же. Л. 66.

⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. Отв. Ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. Отв. Сост. И. А. Зюзина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004, С.С. 128–129.

* * *

3.1. Письма М. РУДЬ-РУДНЕВОЙ и записка ее сына, арестованного в 16 лет и погибшего в Соловецком концлагере. 27 января, 20 мая 1930, Ленинград.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 27 апреля 1930.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна! Я получила от Вас извещение о рассмотрении дела моего сына Виктора Рудь-Руднева на предмет амнистии. Екатерина Павловна, простите меня, что я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой! Я долго не решалась беспокоить Вас, но мне пришлось слышать от многих лиц, что Вы отзывчивы к нам, несчастным людям, которые обращаются к Вам. Я прошу Вашего ходатайства за своего несчастного сына, который три года несет свое наказание. В течение последних пяти месяцев я получила от него одну открытку в ноябре месяце, он находился в Май Губа, пухнут ноги (вероятно, от голода), цинга, нет одежды, ни обуви. Я послала ему две посылки и немножко денег. И нет ни звука. Не доходят посылки, или что другое, я не знаю. Или такая строгость, что не разрешают писать, хотя один раз в месяц. Быть может, его нет в живых, тогда и цели нет жить. Муж мой в 14 г. был мобилизован, схватил скоротечную чахотку и в 15 г. умер, оставив меня без всяких средств к существованию с двумя детьми, дочь тоже умерла в голодное время от тубер<кулеза> костей. Остался один сын Виктор, для которого я жила, и которого постигла такая горькая участь. Я даже не знаю, в чем обвинен мой сын, все время он был при мне, товарищей у него не было, и всегда он стоял на стороне Сов<етской> Власти. Он страдает за какое-нибудь необдуманное слово, но что можно требовать от мальчика, не достигшего 17-ти лет. Сама я два с половиной года была без дела, что было: белье, мелкие вещи – все продано, чтобы поддержать Виктора. С осени я работаю на фабрике у станка, но, конечно, жалованье пока 25–30 р<ублей> трудно поддерживать мне сына, когда ничего нет. Многоуважаемая Екатерина Павловна, может быть, Вы своим ходатайством спасете моего сына, и мы верой и правдой заслужим прощение. Я посылаю Вам записку моего сына, полученную из Д.П.З. перед отправкой в Соловки. Он бичует себя, что иногда был груб со мною, но это – глупость, может ли мать обижаться на своего сына. Простите меня еще

раз, Екатерина Павловна, что я смею беспокоить Вас, и не откажите в моей великой просьбе.

27/I-30 г. Уважающая Вас. М. Руднева».⁹

Пометы: «Р 830/2. 31/I-30 г.». «14/II. Обещано запросить». «По справке ОГПУ он умер. КРО 21/II 18/12».

К этому письму матери была приложена записка сына, написанная на обрывке листка бумаги в клеточку.

«Милая, дорогая мамочка! У меня был следователь и сказал, что на этих днях мне будет приговор, по всей вероятности с этим этапом придется ехать в Соловки. Ты не горюй и не расстраивайся. Я не боюсь, потому что знаю, что страдания посланы мне в наказание не за те преступления, в которых меня обвиняют, в них я не виновен, но за целый ряд преступлений, совершенных мною по отношению к тебе. Я не знал этого раньше и узнал только сидя один в темной одиночке, теперь я знаю, что я – мерзавец, и несу наказание вполне заслужено. Этим наказанием я искуплю свою вину и начну новую жизнь честным человеком. Только жаль тебя, моя милая мамочка. Не могу вообразить, как можешь ты остаться без меня и я без тебя. Вечно любящий тебя Витя.

Р. С. Привет всем родным и знакомым. Горячее спасибо тете Оле с Сергеем Васильевичем за то, что приютили нас по приезде из Эст<онии>.

Р. С. Письмо, о котором говорила, отд<ай> следователю».¹⁰

«М. РУДНЕВОЙ. 1096. 27.04.1930

В ответ на Ваше обращение, согласно полученной из ОГПУ справке, сообщаю, что Ваш сын РУДЬ-РУДНЕВ Виктор Панк<ратьевич> умер».¹¹

«20/V-30 г.

Уважаемый т. Винавер, не откажите мне в последней к Вам просьбе, если возможно, то наведите справку, когда умер мой сын Рудь-Руднев Виктор Панкратьевич, какого числа. Если трудно, хотя в каком месяце приблизительно, вероятно, в ОГПУ известно. Мое предположение, что он умер давно, т. к. известий от него нет уже с ноября прошлого года. 6 месяцев.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. Л.Л. 497, 497об. Автограф.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. Л. 496. Автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. Л. 494. Машинопись.

Раньше получит он посылку или деньги, и сейчас хоть открыткой он меня уведомлял. Посланы ему еще две посылки, одна посылка с сапогами и продуктами, другая – 2 рубашки теплых, еще кое-что и 6 р<ублей> денег в декабре, но ответа не получено, дошли до него посылки или нет? С 10 февраля по 29 апреля было отправлено ему 18 р<ублей> денег – 3 раза по 5 р<ублей> и 1 раз 3 р<убля>, собирала по грошам. Я сама зарабатываю 25 р<ублей> в месяц, и к тому же человек сама больной. Обратно я ни разу не получила. Почему они принимают в Кемь деньги, если человек умер? Умер он, верно, от тифа? В последней открытке он сообщал, что у него цинга и пухнут ноги, нет белья и обуви. Простите меня, т. Винавер, что я беспокою Вас своими просьбами, спасибо Вам за справки и не откажите мне в этой милости: узнать, когда умер мой сын и от какой болезни.

С почтением М. Руднева.

Ленинград, Б. Белозерская, дом № 27, кв. 20».¹²

Помета: «31/V. Проверяется».

* * *

3.2. Письмо Клавдии БУТЕНКО ее отцу И. Г. БУТЕНКО (в ссылке). 6 февраля 1930, Украина, Ромны.

Жалоба И. Г. БУТЕНКО, дети которого высылаются за переписку с ним. 18 февраля 1930, Северный край, Каргополь.

«Дорогой папа!

Позавчера у нас описали дом, сарай и корову. Описали душушку и еще на станции 10 дворов. Всех этих описанных будут высылать. Кого куда, 15-го числа будет уже известно. Так досадно, что не успели продать корову. Теперь понемножку всякую одежду перевезли в Ромны. Мебель продали пока еще можно, да плохо покупают, мало охотников. Описывали кулаков, торговцев бывших и контрреволюционеров. К последним мы, очевидно, и принадлежим. Сейчас я в Ромнах, привезла кой какие вещи, вечером сегодня обратно уезжаю. Дома осталась тетя Клаша. Вчера мне дали телеграмму, чтобы она ехала домой. Нас обвиняют в том, что мы имеем переписку с высланным от-

¹² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.453. Л.Л. 492–493об. Автограф.

цом. Теперь, папа, ты пиши на имя тети через Ромны, ты не обижайся, папа, ведь это не есть отречение от тебя. Да нас скоро все равно в Юсковцах не будет. Мы должны уехать раньше, чем нас вышлют. Только надо разделаться с остальным барахлом. Приеду домой, пойду в сельраду просить разрешения продать корову. У дедушки уже сарай заняли под машины бесплатно. Приказала сельрада очистить сарай немедленно. Описали Белодеда, Малашенка Ялисея, Куцуту, Лукьяненко и еще много других. В Луке описали 70 дворов, в том числе и Аунина. У него описали даже и мебель. Все ждут 15-го как вол обуха. Лейкин хутор почти весь описан, хотя бы нам удалось вывезти и продать вещи, что не забрали. Сейчас пойду в суд к Наде.

Приехала сюда, а что дома делается – неизвестно. Дядюшка будет уезжать в Екатеринослав да только не дают ему справок таких, как ему надо. Он просит их дать справку, что у него ничего нет, а они пишут, что есть у него, а он наследник. И вот все в таком роде. А ему не мешало выехать пораньше из дому. Дедушка сейчас лежит в больнице, на днях будут делать операцию.

Целую крепко. К. Б. 6/II». ¹³

«Помощь Полит<ическим> заключенным

А<дминистративно> высланного

Ивана Григорьевича Бутенко ¹⁴

Жалоба.

Прослужил я на транспорте 41 год беспорочно. Я трудился и зарабатывал свой кусок хлеба честным трудом. Потеря жены, сына инженера, опоры на старости лет, так меня с ног сшибли, что я и работал, но не сознавал, что делал. Результаты – высылка на 3 года. До высылки четыре года я со своей семьей совершенно разошелся, жил в казенной квартире со 2-ой женой. Дети же жили своим трудом и никакой связи со мной не имели.

Когда последовала высылка меня в Северный край, то дети, как дети, не забыли отца и от времени до времени писали мне за свое горестное существование. В данный момент детей моих с материнского дома выбрасывают, девочек – на улицу.

¹³ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. Л.Л. 139–139об. Автограф.

¹⁴ Бутенко Иван Григорьевич, род. в 1870. Выслан Харьковским ГПУ 10 октября 1928 на 3 г. в Вологду, откуда его переслали в Каргополь, где он и отбывал ссылку.

Обвинение предъявили к ним, что они имеют связь с отцом. Насколько должен быть мерзавец отец, чтобы в несчастье родные дети отказались от него. Прилагаю при сем письмо младшей дочери, которое не должно попасть <в> ГПУ. Но приношу свою жалобу и прошу Вашей Защиты. Дети мои платили налог за дом и землю около 5 лет самостоятельно, до тех пор платила моя покойная жена. Я же как был гол, таким и остался. Если я виновен перед Соввластью, то вешайте меня, но детей моих ни за что ни про что не терзайте.

Какой ужас: 3-х девочек со средним образованием выбросили на улицу ни за что ни про что. Хотят показать пример всему миру: гуманность, а делают как несознательные палачи. Соввласть ни причем, а сволочь, изображающая эту власть на местах, творит это безобразие. Я несу безропотно наказание, хотя и незаслуженное. Зачем же такое издевательство над беззащитными девочками – моими детьми. Им предъявили обвинение, что заберут все имущество “за сношение с отцом”. Ужас, какое преступление. Они прекрасно знают, что отец не преступник, а потому и поддерживают сношения. Если б я знал, что мои несчастные письма принесут такое им горе, то я бы не писал, а они не отвечали мне.

Ужас и больше ничего. Прошу, умоляю: защитите моих несчастных девочек. Где же девался Лозунг: Свобода, Равенства и Братство? Будь он проклят от ныне и до века. Мы на них попались как рыба на червя. Я человек больной, дни мои сочтены, весну не проживу – капут.

Умоляю, прошу заберите 3-х девочек, хотя [бы] самую младшую под свое покровительство, дайте ей работу судомойки и не бросайте на тот простор <нрзб> женщины (протитущия). Больше у нас пока иного пути не видно.

Бутенко.

Вас не знаю. Но супруга Вашего случайно видел, одно другое дополняет, а потому с надеждой уповаю на Вас, что защитите моих детей во имя Равенства, Свободы и Братства, о коих в СССР нет и помина.

Адрес деток: Почта Лука Роменского округа на Украине. Елена, Надежда, Клавдия Ивановны Бутенко. С сего дня, как не <неразб.>, я не напишу им ни одного слова, короче сказать – для них умер.

18/II. Боже мой, какой Человек – Подлец. Хуже всякого зверя».¹⁵

Пометы: «Б 936. 27/II-30 г.». «Что отвечать когда выселение детей должно было быть 15/II !!! – без ответа». «На ходатайство переехать не разр<ешено>». «1) Пусть дети обратятся с жалобой к окр<ужному> и обл<астному> прок<урору> и после в ВЦИК. 2) Если их выслали ГПУ, а не Исполком, то пусть также пришлют заявл<ение> в ОГПУ на наш адрес <М. В.>».

* * *

3.3. Заявление О. Г. МУРАДХАНИЯНА (ссылный, бывший член армянской социал-демократической партии «Гнчакян») с ходатайством о его высылаемой семье.
19 февраля 1930, Ташкент.

«Спешное

Комитету помощи полит-ссылным Пешковой

Полит-ссылного, живущего в гор. Ташкенте

при первом районе, на Средней улице, дом 1

Мурадханяна Оганеса Григорьевича

Заявление.

Я полит-ссылный из Армении с 7 августа 1927 года. Живу в Ташкенте с октября м<есяца> 1928 г. Обвиняли меня по принадлежности к Армянской Социал-Революционной партии «Дашнакцутюн». Я крестьянин села Гедакша Эриванской губ<ернии> и уезда, имел виноградный сад и земли, но не больше причитающегося определенного количества с односельчанами мне и моей семье, состоящей из пяти душ: меня 41 г., жены 35 лет, дочери 14 л<ет>, племянницы 12 л<ет> и сына 4 л<ет>.

После моего ареста семья моя жила в названном выше селении до издания приказа о выселении кулаков из своих местностей.

6-го сего февраля получаю Радио телеграмму, что семья находится в г. Эривани, обязаны выехать, приехать в Ташкент или нет; а спустя несколько дней – спешное письмо, что выселены совместно с кулаками.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. Л.Л. 135–136об. Автограф.

Получив телеграмму, ответил, обратился к властям, как-нибудь проведите в городе впредь до последствия ответа, и одновременно обратился к Вам с телеграфной просьбой – безработный, нет возможности кормить, и просил Вашего ходатайства перед властями о возвращении и водворении их на место жительства.

Хотя телеграмма была подана 6/II, но, по наведенным мною справкам оказалось, что ташкентская почта отправила 8/II за № 487; срочной телеграммой 8-го числа просил Вас о результатах моей просьбы, однако ответа с Вас не получил, несмотря на то, что дети, холода, почти все отобрано и могла бы последовать смерть.

15/II – с заявлением обратился в Ташкентское объединенное “Бюро” жалобы при Р.К.И. и просил выяснения в срочном порядке о последствиях моего ходатайства. “Бюро” 17/II телеграфно запросил Вас, но все-таки ответа с Вас не последовало по сие число.

Для привлечения Вашего внимания на мое социальное положение считаю не лишним сообщить Вам следующее. Я сын крестьянина, родился в 1887 г., окончил сельское двухклассное училище, с 907 по 917 г. служил в канцеляриях царизма в качестве канцелярского служащего, получал содержание не больше 40 руб<лей>, а после свержения царизма занимался крестьянством. С 1904 г. до свержения работал подпольно в рядах армянской социал-демократической партии «Гнчакян».

Ныне сельская власть на вознаграждение за мою политическую работу не довольствуется тем, что за личные счета я выслан, а ныне выселяет оставшуюся три года без рабочей руки семью женского пола с детьми, приписывая им кулацкое звание.

Возникает вопрос: человек крестьянского происхождения, занимался крестьянством всего 8 лет, канцелярский служащий на более половины своей жизни, подпольник против царизма – ныне полит-ссылный, а семья его, оставшаяся на три года без рабочей руки, – кулак, – дальнейшее прошу Вам Судить.

Мне не жалко то, что семья ссылается; без невинной жертвы революция не добьется своей цели, для революционных целей пусть погибнет и моя семья, но мне обидно и даже досадно то, что она выселяется за личные счета и под названием кулака, против которых я боролся, не пощада свою жизнь.

Заявляя о вышеизложенном, прошу спешного Вашего ходатайства перед подлежащими властями о возвращении, водворении семьи моей на место жительства и возвращении им отобранного, или же о снятии с них кулацкого обвинения, оформив высылку их на политической почве.

О последующем прошу мне сообщить, а также о получении поданной мною телеграммы. Мурадханян О. Г.

Адрес семьи: гор. Эривань, Садовая, д. 24, Зарун Мурадханян. 19/II 1930 г., г. Ташкент».¹⁶

Пометь: «М 914. 24/III». «СО». «Повт<орить>». «Пров<ерить> ответ».

* * *

3.4. Просьба Зои АЛФЕРЬЕВОЙ (14 лет). 6 мая 1930, Тульский окр., пос. Черни.

Письма ее высланной матери К. П. РОЩИНОЙ-АЛФЕРЬЕВОЙ. <22> июля, 1 сентября 1930, Орловский окр., Мценск.

«Уполномоченной Красного Креста Т<оварищ> Пешковой от Алферьевой Зои Михаловны 14 лет, проживающей в поселке Черни Тульского округа

Просьба.

Дорогой Т<оварищ> Пешкова, обращаюсь к вам с глубокой просьбой, если вам возможно, то, пожалуйста, наведите справку в Московской коллегии О.Г.П.У. о пропавшем нашем отце. Отец наш Михаил Николаевич Алферьев 40 лет. Проживал в поселке Черни Тульского округа. Он был арестован в 1927 г. 4-го сентября и отправлен в Москву. Вот уже скоро будет 3 года, как мы лишились отца, и не знаем о нем ничего, где он, и какая судьба его постигла. Мать наша тоже была арестована вместе с отцом и была отправлена в Соловки, где пробыла 2 года 6 мес<яцев> и возвратилась домой, но домой ей ехать не разрешили, ей дали высылку в город Мценск Орловского округа. Мы трое, малолетние дети в возрасте от 14 до 7 лет, оставлены на произвол судьбы. Мать наша Ксения Петровна Рощина-Алферьева происходит из бедной крестьянской семьи Каширского уезда Туль<ской> губ<ернии>. Малограмотная. Сейчас находится в безвыходном положении. Живя в

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 487. Л.Л. 73–74. Автограф.

чужом городе, не имея никакой работы, и средств существования нет никаких, и мы, дети лишены отца и матери, стоим на краю гибели, просим вас убедительно, навести справку, где наш отец, если он жив, то укажите его адрес, и сообщите нам по адресу: Поселок Чернь Тульской губернии Московской области, Зое Михайловне Алферьевой. Еще просим вас походатайствовать за нашу мать Ксению Петровну Рошину, чтобы ей сняли высылку в г. Мценск и разрешили жить в поселке Черни Тульского округа, так как в Черни у нас есть свой дом, хотя он старый, но он нас укрывает от темной ночи. Мать наша, не имея ни то что угла, даже не имея дневного пропитания, и работы нигде найти не может, и нам, детям беззащитным, грозит опасность, не имея никакой материальной поддержки, мы должны погибнуть. А потому просим вас, не откажите нашей сиротской просьбы, наведите справку об отце и походатайствуйте за нашу мать. Ей дали высылку ОГПУ по постановлению Коллегии от 23 февраля 1930 года.

б/V-30 г. Алферьева Зоя».¹⁷

«Е. П. Моя дочь Алферьева Зоя получила от вас письмо и сообщила мне. Я осмеливаюсь вас побеспокоить передать мое заявление в ОГПУ и прошу вас и умоляю, поймите страдание матери и окажите вашу помощь мне, попросите Коллегию О.Г.П.У., <чтобы> хотя бы временно до пересмотра дела дали вам бумажку о разрешении проживать в поселке Черни хотя бы на 1 месяц пока есть в Черни работа на огород<е> и сенокос<е>. Работой хотя немного заработать на пропитание детям, а пересмотр дела, наверно, нескоро будет.

Дорогая Е. П., умоляю вас, похлопочите за меня, пожалуйста, уж очень трудно жить без работы, все дорого, жить не возможно, дети все малокровные, питаются больше зеленью, хлеба досыта им не могу дать. Сама чувствую очень скверно и не придумаю, куда деваться, прихожу в такое отчаянное положение, готова покончить собой. Прошу вас, пожалейте моих детей, помогите мне в моем несчастье, на вас только вся надежда моя. Прошу о результате сообщите. Адрес: Черн<и> Туль<ского> окр<уга> Зое Михайловне Алферьевой».¹⁸

Пометы: «2423. 22/VII-30». «ЭКУ».

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. Л.Л. 126–127об. Автограф. Ошибки исправлены, знаки препинания расставлены.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. Л.Л. 114, 114об. Автограф. Ошибки исправлены, знаки препинания расставлены.

«1 сентября 30 г.

Дорогая Екатерина Петровна¹⁹.

Еще раз осмеливаюсь вас побеспокоить. Мною было вам послано в июле м<есяце> 30 г. письмо и заявление от Ксении Петровны Рощиной из поселка Черни Тул<ьского> окр<уга>. Заявление в Коллегию ОГПУ, и вот до сих пор я не получала никакого результата и не знаю, получили ли вы мое письмо. В заявлении я просила о снятии мне высылки из поселка Черни в Орловскую губ<ернию>. Дорогая Екатерина Петровна, прошу вас и умоляю как родную мать и как защитницу за обиженных женщин. Если вам возможно, окажите вашу помощь, похлопочите за меня чтобы Коллегия ОГПУ пересмотрело мое дело и сняли с меня высылку, так как в поселке Черни открывается сушилка плод<овых> овощей будут набирать рабочих, и я могла бы туда поступить, в Черни живут мои дети. Малолетние дети находятся в отчаянном положении, переживают всякие недостатки, в школу учить не принимают, говорят: вы дети не трудового элемента. Отец их без вести пропал, и я, мать, нигде не служу и не могу нигде устроиться на работу. И вот теперь мои дети стоят на краю гибели, окончили 1 ступень, а во 2-ю ступень не принимают в Чернскую школу. Дети по ученью способные, состоят в отряде пионеров, и все-таки, не обращают внимание, отнимают у детей будущий кусок хлеба. Дорогая, милая Екатерина Петровна, прошу вас научить меня, куда обратиться мне, спросить за детей, куда бы их устроить учиться. Я слышала, что в Москве берут детей-подростков куда-то на производство, надо записаться на какую-ту биржу. Ну, я не знаю даже, куда обратиться, потому что у меня в Москве нет никого близких людей. Не знаю, куда проводить ребенка, чтобы дать возможность пробить дорогу, в дальнейшем быть человеком. Одной дочери 15 лет, а второй 12 лет, и вот, дорогая Екатерина Петровна, прошу вас, если можно что, укажите адрес, куда можно обратиться с просьбой, чтобы устроить хотя бы одну 15-и лет девочку, и какие нужны документы, если можно, сообщите поскорей. На ответ шлю марку.

Адрес: поселок Черн<и> Тул<ьского> окр<уга> Зои Михайловне Алферьевой. Дорогая Екатерина Петровна, прошу вас и умоляю, помогите мне не дайте погибнуть с малыми детьми, не откажите моей просьбе, похлопочите, пожалуйста, о чем я вас прошу осчастливьте моих детей несчастных, вот уже

¹⁹ Отчество Е. П. Пешковой указано неправильно.

четвертый год, как я страдаю. 2 года 6 месяцев я пробыла в Соловках и теперь я никак ни могу строить свою жизнь. Я измучилась, я устала от такой жизни. Если уж вы мне не можете, то я готова детей оставить навсегда... Больше сил нет бороться, прошу сообщить поскорей по указанному адресу».²⁰

Пометы: «2423 19/IX». «Марка».

* * *

3.5. Письмо В. АРТОБОЛЕВСКОЙ (жена осужденного священника). 16 мая 1930, Томский окр. и р-н, село Ущерба.

«16/V- 30 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите за причиненное Вам мною беспокойство. Но я нахожусь в безвыходном и слишком для меня тяжелом положении, что заставляет меня обратиться к Вам с просьбой помочь мне, если это действительно можно сделать Вам. Я жена православного священника села Ущерба Томского района Томского же округа. Муж священником служил с 1895 г., ему уже 58 лет. В феврале месяце сего г. он вышел за штат, и мы временно проживали в г. Томске. 2-го марта он был ОГПУ арестован и заключен под стражу, а 10-го апреля сего года по объявлению Томского изолятора муж оказался выслан на Соловецкий остров на 10 лет. Причина его ареста и высылки являлось как бы агитация против коллективизации, в то время когда он служил в деревне. Между тем он никогда ничего подобного не говорил, а наоборот убеждал крестьян, что Советская власть ничего, кроме хорошего, не делает и коллектив<изация> страшна только на 1-й взгляд. Но мало того, что сослали его, и мне ОГПУ объявило высылку на постоянное жительство в Нарымский край Каргосоцкого района, не предъявляя ко мне никакого обвинения.

Вот это уже оказалось выше сил моих, это наказание для меня совершенно непосильно. Мне уже 58 лет, я часто болею, больны почки, сердце, в отношении болезни имею справку из лечебницы рентгеновских лучей. Я с трудом обхожусь без посторонней помощи, и вот в таком положении меня высылают.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. Л.Л. 120–121об. Автограф. Ошибки исправлены, знаки препинания расставлены.

Я всю свою жизнь занималась только хозяйством и воспитанием детей, последние годы за продукты шила и вязала крестьянам. В молодости только ради детей жила, а теперь все на службе, чтобы не мешать им работать, я самоотрекалась и порвала с ними связь. И одна из моих дочерей замужем за партейцем и сама партейная с 1917 года. Когда в 1917 муж ее сидел в тюрьме как большевик, то в это время жена его с ребенком жила у нас. Не только мы ее содержали, но и его снабжали продуктами, я сама носила ему передачу.

Освободили зятя только после октябрьской революции. С того времени они с нами порвали всякую связь. Да мы не стремились восстановить ее. И этот случай еще раз доказывает, что во время колчаковщины мы имеем полную возможность доказать или не признать, как коммуниста, но мы между тем отнеслись только с хорошей стороны. У меня сейчас ужасное тяжелое состояние. Завтра я должна выехать в Нарым. Если можете, помогите, Екатерина Павловна. Дайте мне возможность умереть не под тяжелым гнетом. А вернутся на родину свободной гражданкой. И если можно, так и мужу моему. Остаюсь с уважением к Вам и надеждой на Вас. Валентина Артоболевская.

Имя мужа Александр Иванович Артоболевский²¹».²²

Пометы: «2682 27/V-30». «Отв<етить>, чтоб прислала заявл<ение> адрес<ованное> в ОГПУ. Е. П. 21/VI».

* * *

3.6. Письмо Нонны ПЕЧОРИНОЙ (15 лет, дочь высланного священника – отца 7-х малолетних детей). 27 мая 1930, Средне-Волжская обл., Самарский окр., п/о Спасское, село Кашпирские хутора.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 августа 1930.

«Сердобольнейшая Екатерина Павловна!

²¹ Артоболевский Александр Иванович, род. в 1873 в с. Шадринское Алтайского края. Ар. 20 февраля 1930 в Томске по обвинению в КРД. Приг. 30 марта 1930 к ВМН, в тот же день расстрелян. Реаб. в июне 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 528. Л.Л. 157–157а. Автограф.

Слезно прошу Вас спасти меня с шестью моими малыми братьями и сестрами от гибели и смерти. Я самая старшая и мне всего 15 лет. Папу моего священника села Кашпировских хуторов Средне-Волжской области, Самарского округа Спасского района Печорина Геннадия Феодоровича, по навету злостных бесчеловечных людей, 27 января 1930 года арестовали и отправили безвинного в Самарский домзак, а теперь ссылают на 5 лет концлагеря. Через день после ареста папы нас с мамой раскулачили и все у нас отобрали, даже взяли последнюю муку и оставили нас нагими, голодными, без всяких средств к существованию, без куска хлеба, и нас теперь питают подажаниями прихожане. Мало того, маму нашу совершенно затерзали, требуя с нее какой-то долг подоходного налога за 1930–31 годы 96 руб<лей> и 127 руб<лей> в добавлении к 1929 году, которые наложили на папу после его ареста, и за лишения голоса папы, мамы и меня – 68 руб<лей>, а у нас нет ни копейки. Убитая неописуемым горем дорогая наша мама вся высохла и бродит как тень, и мы всей семьей плачем. Молим Вас, спасите нас, сохраните нам маму с папой и возвратите его нам. Добрые люди нам сказали, что Вы милосердная, добрая и помогаете несчастным и хлопочите о политических, напрасно осужденных. Уверяю Вас, что папа мой ни в чем не повинен, сослан по недоразумению и коварству людей злых. Невинность его подтвердят его прихожане.

Сердобавкейской
 Екатерина Гавриловна! 27
 Скорую прошу Вас спасти меня
 с шестью моими женой братья
 ми и сестрами от голода и
 смерти. Я самая старшая и име
 ющая Клет. Папу моего священника -
 Ка-села Кашпирских хуторов Средне
 Волжской области, Самарского ок
 руга Спасского района Гавриила Ген
 надия Федоровича по повелению зо
 стинных буржуазных людей, 24
 января 1930 года арестовали и отпра
 вили в Сибирь в Самарский Дом
 Зек, а теперь сослали на Блет
 Кону-Мисеря. Через день после ар
 еста Папу, нас с мамой раскула
 чили и все у нас отобрали даже

Ваше любящее материнское сердце, мы надеемся, откликнется на наш вопль. Дочь священника Нонна Печорина.

Р. С. Папа всячески старался нам с братом старшим дать образование, но теперь все наше образование окончилось.

Адрес мой: Спасское почтовое отделение Средне-Волжской области, Самарского округа Кашпирские хутора, Советская улица № 76. Печориной.

1930 г. 27 мая».²³

Помета: «2885. 11/VI-30».

«Нонне ПЕЧОРИНОЙ 2885. 4/VIII-30

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 526. Л.Л. 211-212. Автограф.

В ответ на Ваше обращение сообщая, что для хлопот по делу Вашего отца Печорина Геннадия Федоровича Вам надо послать заявление нам в ОГПУ, указав в нем семейное положение».²⁴

* * *

3.7. Заявление М. МДИВАНИ (муж и дети высланы из Грузии). Май 1930, Кутаисская губ., Озургетский уезд, село Чохатауры.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНЦЕ КРАСНОГО КРЕСТА

Е. П. ПЕШКОВОЙ

От гражданки Макрины МДИВАНИ,
жит<ельницы> Кутаисской губ<ернии>,
Озургетского уезда,
сел<а> Чохатауры.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

3 года тому назад большое несчастье постигло нашу семью. Кроме меня, старухи 60 лет, постановлением Груз<инского> ГПУ вся семья была выслана из пределов Грузии в Вологодскую губ<ернию>, в село Тотьма. В настоящее время находятся в ссылке все они, а именно: 1) муж мой Соломон Маркезович Мдивани 65 лет – сельский крестьянин, всю жизнь работавший на арендуемых землях, неграмотный, 2) единственный сын мой Григорий Соломонович Мдивани²⁵ 23 лет, тоже сельский работник и земледелец, без всякого образования, и 3) единственная дочь моя Цибуло Соломоновна Мдивани²⁶ 20 лет, окончившая Чохатаурскую трудовую шко-

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 526. Л. 215. Машинопись.

²⁵ Мдивани Григорий Соломонович, род. в 1899, грузин; грамотный, кустарь-парикмахер; в 1933 проживал в Астрахани. Ар. по обвинению в принадлежности к а/с организации. Приг. 10 августа 1933 ОСО при Коллегии ОГПУ СССР к ссылке в ЦЧО на 2 г. Реаб. в 1990. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИИПЦ «Мемориал», 2004).

²⁶ Мдивани Цибуля Соломоновна, род. в 1902, грузинка, образование среднее, домохозяйка, в 1933 проживала в Астрахани. Ар. по обвинению в принадлежности к а/с организации. Приг. 10 августа 1933 ОСО при кол. ОГПУ СССР к сс. в ЦЧО на 2 г. Реаб. в 1990. (Источник: «Жертвы поли-

лу. Все они втроем были выселены в 1927 году, и осталась я одна, потеряв мужа, сына и дочь, и столько времени переживаю ужасную тоску и бесконечные страдания. Мы все были из бедных крестьян и, кроме избы, дворового места и пары быков, ничего не имели, а сейчас буквально разорены, пришлось продать быков и избу и таким путем оказывать посильную помощь политическим ссыльным.

Муж мой, Соломон Мдивани, как сказано выше, неграмотный старик и притом больной, никогда в своей жизни ни одной книжки не читал и о политике никакого понятия не имеет; тоже самое и мой сын Григорий Мдивани, и поэтому я, жена, не могу поверить, чтобы они могли работать против советской власти, и только по ложному доносу и из-за личных интересов они были приговорены Груз<иским> Г.П.У. и высланы из Грузии. Но пусть грех ляжет на душу тех двух моих соседей, которые погубили нас. В таком случае семья моя понесла наказание. Ни от кого и ни откуда у меня никакой помощи и поддержки нет, я сама неграмотная и беззащитная женщина и обращаюсь к Вам в надежде, что Вы услышите мой голос. Все они, т<о> е<сть> муж, сын и дочь уже отбыли по приговору присужденное наказание, т<о> е<сть> 3 года, и все-таки пока их не возвращают на родину.

А потому прошу Вас принять все зависящие от Вас меры, чтобы освободили их и вернули бы на родину и этим спасли бы погибающую семью. При этом я как жена даю слово, что верой и правдой и не за страх, а за совесть будем мы все служить Советской Власти.

Политические ссыльные находятся в настоящее время в сел<е> Тотьма Вологодской губ<ернии>, большая Урицкая № 19/2.

Мая 1930. Чохатауры. Макрина Мдивани». ²⁷

Пометы: «2977. 9/VI-30». «Если они еще не получ<или> освоб<ожде>ние> и спр<авку> о новом приг<оворе>, пусть напишут сами». «Запр<осить> заяв<ление>».

тического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

²⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 526. Л.Л. 20, 20об. Машинопись. Подпись – автограф.

* * *

3.8. Письмо Коти КОТОВИЧА (школьник 3 класса) с ходатайством об отце, высланном в Сибирь. <3> июля 1930, Винница.

Письма его матери Варвары КОТОВИЧ с ходатайством о муже. 3 июля, 4 августа 1930, Винница.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 26 августа 1930.

«Тетя. Моего папу забрали 23-го марта и отправили в Сибирь. Мы с мамой остались без всяких средств, а он находится на лесопильном заводе в Томской губ<ернии>, и мы не знаем его адреса. Вот уже месяц идет второй, как нет от него известий, и я боюсь, чтобы он не заболел и не умер.

Прошу Вас, дорогая тетя, узнайте, где он, и похлопочите, чтобы его пустили на волю, чтобы он мог служить и посылать нам деньги, а потом мы поехали б к нему. Я учусь в 3-й группе и теперь не смогу в школу ходить, так как мама не имеет средств, чтобы меня одеть и обуть. Я был болен воспалением почек после гриппа, и мне надо питание, которого мама не может дать.

Дорогая тетя, похлопочите о моем папочке, которого я очень люблю и не могу жить без него, ведь он никому не сделал вреда, а работал день и ночь для советской власти в Винницком фин<ансовом> отделе.

Не откажите тетя мне вернуть моего папу и ответить мне.

Остаюсь ученик 2-й школы имени Ленина.

Котя Котович.

г. Винница, Пироговская улица дом № 31»²⁸.

---

²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 524. Л.Л. 111–112. Автограф. Скорее всего, письмо сына было вложено в письмо матери от 3 июля 1930. Ни на том, ни на другом письме не проставлены дата регистрации и номер. По-видимому, Е. П. дали прочесть только письмо ребенка. Кроме того, адрес на конверте: «Москва, Мясницкая, Кривоколенный переулок, дом 10» – это адрес Польского Красного Креста, а не ПОМПОЛИТа, может поэтому письмо не зарегистрировано.

71
 Пшета Моего папу
 забрали 23-го марта и
 отправили в Сибирь.
 Мы с мамой остались
 без всяких средств, а
 он находится на лес-
 нической заводе в Ново-
 никской губ. и мы не
 знаем его адреса.
 Вот уже месяц идет
 вторая, как нет от
 него известий и я
 боюсь, чтобы он не
 заболел и не умер.
 Прошу Вас дорогая
 тетя узнать где он
 и сообщить, чтобы
 его посетили на волю,
 чтобы он мог служить
 и посылать нам

Помета: «Отв<етьте> гр<аждан>ке Котович, чтоб она
 сообщила имя отч<ество> мужа, и сообщила лично, а не че-
 рез сына все, что ей известно по делу мужа и его местонахож-
 дении. Е. П. 19/VII».

«Уполномоченной Общества помощи
административно высланных
от Варвары Котович
г. Винница Пироговская 31

Заявление.

23-го марта 1930 года мой муж Архип Софронович Котович был выслан административным порядком в Сибирь. Он сам уроженец Бессарабии и приехал в Винницу в 1918 году, где и жил до настоящего времени. Работал он последнее время в Винницком окр<ужном> фин<ансовом> отделе фин<ансовым> агентом, т<о> е<сть> завскладом в продолжении семи лет и за все время имел соответствующие документы, которые говорят о том, что везде он приобрел доверие. На учете в ГПУ он не был, на него были доносы из-за личных счетов в лице одного полицейского. Прошу Вас не отказать моей просьбе и выяснить, по каким причинам он сослан и на какой срок, а также, если это возможно, способствовать о его освобождении. Если же он осужден на долгий срок, то прошу ходатайствовать о том, чтобы ему другое местожительство, т. к. у нас есть единственный сын, который больной, а также и я не обладаю крепким здоровьем и не можем перенести этот сур<овый> климат. В настоящее время он находится в Томск<ой> губ<ернии> на заводе, где плохое сообщение. В продолжение месяца я не имею никаких известий от него, т. к. его послали на новое место. Прошу не отказать в моей просьбе, т. к. я осталась без всяких средств к жизни.

Варвара Котович. 3/VII-30».²⁹

«Уполномоченной Общества Политических заключенных
от Варвары Котович.
Г. Винница, Пироговская 31.

Заявление.

Мой муж выслан из Украины 27-го марта сего года административным порядком без суда и следствия. В настоящее время находится в Томской губ., но где именно, не знаю, так как не получаю никаких известий и не <к> кому обратиться с просьбой, а посему Вас прошу это не для себя, а для ребенка, который не знает об отце ничего, узнайте в Томском админот-

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 524. Л.Л 108,108об. Автограф.

деле, где мой муж Архип Софронович Котович. Вы мне в предыдущем письме писали, чтобы я указала мотивы его высылки, а они следующие: он летчик-моторист по специальности и обвиняется в деникинщине, которым он никогда не был и жил в Виннице без выезда, это дело рук его врага – полицейского, который очернил его из-за личных счетов. Я Вам посылаю его трудовой список и последние его документы, которые свидетельствуют о его службе, а также протокол (копия) суда, который свидетельствует, что полицейский сделал донос в ГПУ неосознанно, а таких доносов было еще два. Т. Пешкова, я к Вам обращаюсь еще раз, не откажите <в> моей просьбе и узнайте, на сколько лет он приговорен, затем, возможно ли ближее поселение, а затем последнее – самое главное для моего сына, это узнайте, жив ли мой муж Архип Котович и где находится, в какой местности, т<ак> к<ак> это я Вас прошу не для себя, а для ребенка, а Вы как мать меня поймете, т<ак> к<ак> здесь я ничего не могу добиться.

Еще раз прошу, не откажите моей просьбе.

Остаюсь уваж<ающая> Вас В. Котович.

4/VIII-30.

Р. С. Посылаю марки на обратный ответ и для документов».³⁰

Пометы: «№ 3961. 2/VIII». «Марки».

«Варваре КОТОВИЧ. 3961. 26/VIII-30.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что по делу Вашего мужа, Арх<ипа> Софр<оновича> КОТОВИЧА³¹, Вам следует обратиться в Полномочное Представительство ОГПУ по Сибири, г. Новосибирск, т<ак> к<ак>, согласно полученной из ОГПУ справке, здесь нет сведений о нем.

Присланный Вами документ возвращается».³²

³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 524. Л.Л. 117–118об. Автограф

³¹ Котович Архип Софронович, род.в 1889 в г. Одесса. Ар. 1 июля 1937 в пос. Могочино Кривошеинского р-на Томской обл., где проживал и работал машинистом локомотива. Приг. 25 июля 1937 к ВМН по обвинению в участии в к-р кадетско-монархической и эсеровской организации. Расстрелян 27 августа 1937. Реаб. в мае 1958. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 524. Л. 116. Машинопись.

* * *

3.9. Ходатайство Кати и Муры ДОМОНТОВИЧ (14 и 11 лет) о матери, находящейся в заключении. 4 августа 1930. УССР, Лубенский окр., Мало-Девицкий р-н, село Лесовые Сорочинцы.

Заявление Кати ДОМОНТОВИЧ в ОГПУ. 10 ноября 1930, УССР, Прилуки.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 декабря 1930.

«4/VIII-30 Лесовые Сорочинцы.

Екатерина Павловна! Мы две девочки, Катя и Мура Домонтович (14 и 11 лет), обращаемся к Вам с большой просьбой: похлопотать за нас и посодействовать освобождению нашей мамы, невинно осужденной на 5 лет высылки в Архангельскую губернию. Осуждена она на основании ложного доноса как участница банды. Дело ее рассматривалось 5 мая в коллегии Прилукского Г.П.У. (У.С.С.Р.). Мама больна – у нее отморожены пальцы на руках и ногах так, что она совершенно не может выносить холодного климата. К тому же у нее нашли острую неврастению. Живем мы сейчас у бабушки, потерявшей трудоспособность. Папа – эмигрант. Разлучившись с мамой, мы остаемся совершенно беспризорными. С наступлением зимы положение наше еще более ухудшается. Раньше мы жили на средства, высылаемые изредка папой и случайными заработками мамы (шитье). Сознание, что она осуждена невинно, еще более увеличивает наше горе. В Вашем заступничестве видим последнюю надежду добиться справедливости. Просим посодействовать пересмотру дела нашей мамы, которая в данное время находится в Киеве в Лукьяновском Додре.

Наш адрес: У.С.С.Р. Лубенский округ, Мало-Девицкий район, село Лесовые-Сорочинцы, Екатерине Сергеевне Домонтович.

К. и М. Домонтович.

Р. С. Я, Катя, учусь в Прилуках, в 7-ой группе, а Мурочка – в Сорочинцах, уже окончила здесь 4 группы, и мы без мамы ничего не можем предпринять к дальнейшему образованию. К. Д».³³

Пометы: «Выясн<ить> отд<ел>. 9/VIII». «5015. 14/VIII».

³³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 517. Л.Л. 14–15. Автограф.

«10/XI-30 года.
В ОГПУ. Москва.
Екатерины Домонтович

Заявление.

Мать моя, Софья Давыдовна Домонтович, была арестована 26/I-30 года в деревне Лесовые-Сорочинцы Мало-Девичьего района У.С.С.Р. и осуждена на 5 лет высылки в Архангельскую губернию постановлением Коллегии Прилуцкого ГПУ. В виду ходатайства дело ее назначено к пересмотру Харьковским ГПУ. Она отставлена от эшелона и в настоящее время находится в Киевском Лукьяновском ДПР в больнице.

Прошу ускорить пересмотр дела моей матери ввиду ее болезни.

Е. Домонтович.

Г. Прилуки (УССР), ул. Котляревского № 29».³⁴

«Е. ДОМОНТОВИЧ. 5015. 4/XII-30.

В ответ на Ваше обращение сообщаем, что для ходатайства по делу Вашей матери, Софьи Давыдовны ДОМОНТОВИЧ, Вам следует прислать нам заявление, не длинное мотивированное с приложенными, по возможности, медич<инскими> справками, на имя ОГПУ, которое мы передадим и о результате Вас уведомим».³⁵

* * *

3.10. Письма С. А. КАРБАНОВИЧ (мать 5-х малолетних детей, выслана из Белоруссии). 18 августа, 20 сентября 1930, Сибирь, Барабинский окр., Каинск, село Бергуль.

Записка сотрудницы ПОМПОЛИТа <Н. А. ПЕРЕС> М. Л. ВИНАВЕРУ. 2 сентября 1930, г. Москва.

«Е. П. Пешковой

Гр<ажданки> Б.С.С.Р. Минского округа,
Самохваловского р<айона>, теперь живущей в Сибири,
в Барабинск<ом> окр<уге> в с<еле> Бергуль,
Стефании Ант<оновны> Карбанович

Обращение.

Передаю на Ваши руки мое заявление в Московское ОГПУ. Не откажите принять участие в моем деле. Тягость

³⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 517. Л. 18. Автограф.

³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 517. Л. 16. Машинопись.

моего положения изложена в заявлении, хотя все слова не могут выразить всего ужаса его. Посодействуйте тому, чтобы было пересмотрено дело Франца Виталиевича Карбановича. Для него лично это уже не нужно, но, быть может, будут спасены от гибели мои дети.

С. Карбанович.

Мой адрес: Сибирь, Барабинский округ, г. Каинск, село Бергуль.

Стефания Ант<оносна> Карбанович.

18/VIII-30 г.». ³⁶

Помета: «5336. 2/IX-30».

«Карбанович Стеф<ания> Ант<оносна> высл<ана> в Сибирь с 5 мал<олетними> детьми (один рожден уже в ссылке) за неизв<естную> вину мужа, об участии которого после ареста в авг<усте> 29 г. Минским ГПУ ничего не известно (запрос от нас в учетный). Жена посыл<ала> заявл<ение> в ГПУ о пересмотре его дела, думая, что благопр<иятн> поворот дела и ее с детьми вернет на родину. Нужда у нее жуткая (прочтите заявл<ение> в ГПУ), нужна срочно помощь.

Ей отвечено, чтобы прислала нам заявл<ение> в Г.П.У. о возвращении ее и детей на родину.

Просит ходат<адействовать> о ней.

Заявл<ение> ее в ГПУ оставляю при письме, чтобы Вы сами прочли. Н. А». ³⁷

Пометы: «Послать 10 р<ублей> един<оременно>. М. В. 2/IX». «Перевод выписан. В. Ман» ³⁸.

«Глубокоуважаемая Екатерина Петровна» ³⁹!

Приношу Вам большую благодарность за Ваше сочувствие моему тяжелому положению. Вашу помощь в виде 10 руб<лей>, посланных мне 9/IX за № 5326 получила 19-го этого месяца. Это мне на пуд хлеба голодным детям. Но я от Вас жду большей помощи. Не денежной, конечно. Денег надо много, чтобы ими обеспечить такую семью, как моя, и никто мне их не может дать, я это понимаю. Я Вас прошу узнать судьбу моего мужа Франца Виталиевича Карбановича, арестованного в июле 1929 г. и оставшегося в Минском О.Г.П.У. До

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.Л. 104, 104об. Автограф.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.Л. 105, 105 об. Автограф.

³⁸ В. Ман – Вера Григорьевна МАН, сотрудница ПОМПОЛИТА.

³⁹ Отчество Е. П. Пешковой указано неправильно.

сих пор у меня нет о нем никаких вестей. Если он погиб, то дети его ни в чем не виноваты, а также и я. Пусть мне разрешат вернуться на родину, пусть примут меня в коллектив, чтобы мне работать, а детей отдать там в ясли. Здесь детей в детский дом не принимают, говорят, своих довольно. Вот в этом помогите мне, и не оставьте просьбу без внимания. Если бы дети были побольше, я бы их самих отправила на родину, но самой старшей 8 лет, а пятой девочке 5 месяцев. Сделайте все, что в Вашей возможности, для спасения несчастных детей. Стефания Карбанович.

Сибирь, Барабинский район, г. Каинск, село Бергуль.
20/IX-30 г.».⁴⁰

Помета: «5336 7/X-30».

14 декабря 1930 ПОМПОЛИТ отправил С. А. КАРБАЛОВИЧ сообщение о том, что, согласно справке ОГПУ, ее мужа Франца Витольдовича КАРБАЛОВИЧА нет в живых.

* * *

3.11. Письма М. И. МИЛОВАНОВОЙ (сын погиб в заключении). 25 августа, октябрь <до 18> 1930, Владимирская губ., Киржач.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 24 сентября, 1 ноября 1930.

«Российское Общество Красного Креста
Полит<ический> отдел
тов<ариц> Пешковой
гр<ажданки> Миловановой Марии Ивановне
прож<ивающей> гор<од> Киржач Покровка, дом №
Промышленной Ивановской области

Заявление.

Сын мой Николай Афанасьевич Милованов⁴¹ находится высланным в концлагере <слово неразборчиво> переведен в Котлас.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.Л. 107, 107об. Автограф.

⁴¹ Милованов Николай Афанасьевич, род. в 1883 в Киржаче Владимирской обл., проживал там же, работал товароведом. Ар. 4 февраля 1930. Приг. к 8 г. лишения свободы. (Источник: «Жертвы политического террора в

От которого я мать его старуха в 75 лет не имею почти два месяца о нем никаких известий в то время, как до этого времени он очень часто писал письма, не только как матери старушке, а и своим знакомым.

Что постигло сына моего мне до настоящего времени не известно.

Моя убедительная просьба к Вам, наведите справку о судьбе сына Ник<оля> Афан<асьевича> Милованова и уведомите меня, мать старуху, лишившуюся единственного своего сына.

Надеюсь, что вы войдете в мое положение и наведенной справкой успокоите меня, а этим я буду много обязана Вам. Милованова.

25/VIII 30 г.». ⁴²

Помета: «5390. 9/IX-30».

«Мар<ии> Ив<ановне> МИЛОВАНОВОЙ. 5390. 24/IX-1930

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что отсутствие писем от Вашего сына объясняется тем, что он находится в этапе. Вероятно, напишет Вам по прибытии на место.

Если же писем не будет, тогда обратитесь к нам, указав время и место ареста сына.

М. Винавер». ⁴³

«Киржач Вл<адимирской> губ<ернии> улица Покровка.

Дорогая Наша Сострадательница Гр<ажданка> Пешкова.

Простите, что Я позволила себе такъ Васъ назвать, да Действительно, что Вы помощница для облегчение Нашего Горя. Я мать 74 л<ет> осталась Круглой Сиротой, лишившая<ся> своего сына, о котором я просила Вас справиться и получила прилагаемый ответ. Он помер в больницы Экономии Увсевлонъ ГПУ Архангельскъ. И мученикъ сынъ Николай Милованов еще на ногахъ жаловался мне, что силы упали, едва ходить, и за халатное отношение, и что-то будто он сказал и за это его за решетку. Сидель 2 м<есяца> 10 дн<ей>, и до того довели, что вынесли на носилках и 21 больнице помер. Не-

---

СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.Л. 257, 257об. Автограф.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.253. Машинопись.

ужели Начальство Не знало, что заключенный Милованов заболелъ въ тюрьме до того, что на носилках вытащить, мое мнение такое, что ты какъ собака сиди, там, значит, власть? На местах? Писаль больной из больницы: Воспаление желудка. С больнымъ и раньше, а тут, какая пища? Вероятно, самая суровая, но может, что и вырвалось изъ груди его, какие-нибудь слова грубые. Мытарствамъ, вероятно, терпения не хватило, ему приходилось 4 верст ходить на станция, он был черный, исхудалый, а Начальство разве не замечало и 2 м<есяца> 10 дней не позволяли мне писать. За это время я и обращалась къ Вам узнать, где сынъ, и 17 сентяб<ря> я обратилась Калинину Телегр<аммой> съ просьбой с оплаченнымъ мне съ отв<етом>, где просила дать знать, чтобы выдали сыну заключенному д<енег> 15 р<ублей> и вещи. И что же это высший Начальст<во> не сочло нужным за мой счет мне отвеч<ать>, бедной и несчастной матери, потратившей свои последние Копейки. Телегр<амма> стоила мне 3,5 р<убля>. Человек <с> упавши<ми> сил<ами> здоровья иди <в> тюрьму, будто какое каторжное преступление сделал. Приходится платить смертью, ведь никем не п<р>оверены наказание, вот что. Даже моя телегр<амма>. По ней была дана справка в Арханг<ельск>, чтобы скорее выдать, а были случаи – посылки не только месяц, а 2 не передавались. В посылке Все испортится. Теперь еще моя просьба. Представьте, что я стою перед Вами на коленях и прошу об всех его оставших<ся> вещах. Научите, как мне их выручить. Не можете ли поскорее похлопотать, растащать последние 20 р<ублей> и посыл<ку> чай, сах<ар>, масла, яиц. Пришлось продать с себя юбку и послать ему – больному, за 1000 вер<ст>. Больной просил яичек, должно быть, и чаю, и сах<ара> не было. Я вспоминаю страдание Его, помер 26 сен<тября>, случайно я узнала, до сих пор не уведомляют. Он Власть признавал, никогда не был в такой компании, чтобы противъ Власти быть. Узнавши о Его мученической смер<ти>, у меня отнялись ноги, я, лежащая, пишу В<ам>. Простите за мое беспокойство и откровенность. Книг<у>, посланн<ую> мною, не допустили к нему. Он хотелъ почитать Докт<ор>п<у>. Она же относится к медицине, сколько у них Докторовъ, неужели нельзя собрать консилиумъ. Так, конечно, угодно власти. Пожалуста, похлопочите о вещах, пропадутъ. Милованова.

Выписка на вещи, которые дано и послано Николаю Афанасьевичу Милованову.

1-я Икона съ <из>ображением свят<ого> Николая, находящаяся<ся> в суду с ним.

Шуба на беличьем меху.

Серая барашковая шапка.

Кепка котиковая.

Чемоданъ дикий большой.

Часы, очки, бумажникъ.

Штиблеты № 9. Галоши новые. Валенки. Сапоги. Штиблеты.

Подушка. Мешок брезентовый.

2 байковых одеяла. 1 голубое с рисункомъ. 1 серое полосатое. Кашне. Перчатки. Галоши. Валяные сапоги.

Осеннее пальто черн<ое> сукон<ное> на подкладке.

Летнее на подкладке. Желтое без подкладки.

4 брюкъ: серые с полоской, синие брюки, черные суконные, черные старые.

2 черных пиджака на подкладке: 1 серого цвета френтикъ, 1 чернинникомъ старый.

Прошу обратить внимание. Книга, Принадлежащая мне, Подаренная профессором, взята изъ посылки сына. Книга, заглавие: “Мужчина и женщина”.

4 простыни. 6 полотенцев. 6 носовых <платков>. 8 п<ар> носокъ. 3 наволоч<ки> белые. 2 ситцов<ые>. 10 сорочек, 2 – одна серая, одна синяя.

Моток бумаги синий для штопки. Карточка фотогр<афическая> его матери.

Нож складной, черная ручк<а>. Миска красная съ крышкой.

Котелокъ, тарелка жестяная, тарелка фарфоровая, ручная салфетка.

2 ложки продолговатая тонкая.

прилагаю Квитанцию на отправ<ление> посылки, одну, вероятно, не поспеть получ<ить> – померь.

20 руб<лей> денегъ.

Въ посылке: 4 ф<унта> белых сухарей, голубая короб<ка> варено<го> сахар<а>, 1 кор<обка и> 9 сырых яиц, 2 ф<унта> сахару, 2/8 чаю.

4 открытки. Свечку. Немного конфет.

2-ую посылку онъ не могъ получитъ<ь>. 4 ф<унта> сахар<ей>, коробка сливочн<ого> масла 1, 5 ф<унта>, 1 банка варенья».⁴⁴

Помета: «5390. 18/X-30 г.»

«МИЛОВАНОВОЙ. 5390 I/XI-30.

В ответ на Ваше обращение сообщаем Вам, что Вы можете обратиться в Архангельский лагерь с просьбой выслать Вам оставшиеся вещи сына, пошлите список вещей и переведите деньги на пересылку или просите удержать из той суммы, которая была на его счету. Если Вам не возвратят посылки, – запросите почту об их судьбе и затребуйте их назад или стоимость их по Вашей оценке, если послали их ценными».⁴⁵

* * *

3.12. Письмо Таси ЕФРЕМОВОЙ (7 лет) к ее высланному отцу. 28 сентября 1930, Москва.

Письмо ее отца Ф. Д. ЕФРЕМОВА. 3 октября 1930, Архангельск.

Сообщения ПОМПОЛИТа Тасе и Ф. Д. ЕФРЕМОВЫМ. 23 октября 1930.

«28 сентября 30 г. Тася Ефремова

Здравстуй Папа, целую я тебя бесчисленное число раз.

Папа, во-первых я опишу тебе о том, как я болела долго и чуть не умерла. Я, папа, простудилась на площадке детской и заболела воспалением легких. Лежала 8 недель в постели, а теперь только начинаю ходить ножками. Мне кажется, я уже забыла, как шагать и бегать, и очень слабая, но теперь только доктор мне сказал, чтобы я не простужалась больше, теплее одевалась, а то может быть осложнение, и я могу скоро умереть. Милый Папа, а у меня нет пальтишка теплого, и негде купить, и у мамы нет денег. Я, Папа, хотела, чтобы ты убил одного медведя, снял бы шубку беленькую и, может быть, прислал бы для меня на пальто и шапочку. У меня рейтузы и фуфайка еще живы и очень хорошие, и мама мне достала теплые ботинки по книжке, вот только пальтишка и нет. Если ты, папочка, не пришлешь, то мне всю зиму придется сидеть в комнате, а то старое

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л.Л. 251- 252об. Автограф.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 519. Л. 249. Машинопись.

пальтишко уже совсем мало, я выросла. И в школу не могла попасть, потому что болела, а теперь учительница сказала, что я очень слаба и мне тяжело будет заниматься. Да и кушать вообще нечего, на детей мало кое-что дают: молоко – 1 кружку в 5-и дневку дают, а у молочницы дорого стоит: 60 к^оеек кружка. Ну, Папа, пока всего хорошего, пиши, как поживает братик, как его здоровье. Пиши нам почаще, не забывай обо мне.

Извини, папа, что я не написала своим почерком, я еще не могу, у меня дрожат ручки, а я попросила маму, да и мама тоже не может, тоже больна. Папа, пиши, когда ты приедешь, я о тебе очень соскучилась».⁴⁶

---

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. Л.Л. 22, 22об. Автограф.

клятой нуждой, за некоторыми исключениями, я не расставался и по сие время.

За некоторыми исключениями я говорю потому, что в моей жизни можно набрать несколько лет, когда я занимал до некоторой степени приличные должности, а отсюда получал сносное жалованье. Эти несколько лет относятся к разным периодам моей жизни, последние года два до 1917 г., когда я совмеществовал, будучи счетоводом при Самарском Элеваторе Государственного банка и бухгалтером в Самарском Обществе торговцев-галантерейщиков, и с половины 1925 года до половины 1929 г., когда я занимал должность Заместителя Заведующего оптовым магазином Всесоюзного Текстильного синдиката и инспекторские должности там же, т<о> е<сть> в ВТС и Наркомтруде СССР, когда я получал жалованье от 150 руб<лей> до 200.

Остальные же годы моей жизни относятся к беспощадной, непрерывной борьбе как за право на существование, так и через образование с косностью, заключенной в меня деревней еще с пеленок.

Но кроме плохого, деревня заложила в меня и много хорошего. Это: честность, простодушие, прямолинейность, откровенность, терпение, а отсюда и стойкость, ту стойкость, которая присуща только бедняку в его постоянной беспросветной нужде. Эти качества я всегда ценил в себе и внутренне гордился ими как наилучшими свойствами человечества. Они сохранены мною и по сие время. Однако они же и послужили к тому, что я оказался жертвой черствых себялюбцев или проще сказать шкурников.

С апреля месяца по июль включительно 1917 г., я был членом партии эс-эров, а с августа месяца того же 1917 г. до мая месяца 1929 г. членом ВКП(б).

В 1929 нашлись люди, которым мои хорошие качества были, что называется, не по нутру, а потому своими лояльными доносами и показаниями добились того, что я был исключен из рядов ВКП(б) и постановлением Коллегии ОГПУ административно выслан в Северный Край.

В борьбе за право на существование я, еще будучи в деревне, на 17-м году своей жизни отморозил себе пальцы на обеих руках. Это меня заставило тогда учиться. Поэтому 20-ти лет я оказался в гор<оде> Самаре.

Мое учение досталось мне очень дорого. Оно было с большими перерывами. Мне доводилось как инвалиду питать-

ся подаванием и совершенно голодать. Такое положение заставило меня в 1911 и 12 годах около 6 месяцев прослужить в Самарской тюрьме в качестве писца пересыльного стола по 15 руб<лей> в месяц.

Это то и дало возможность шкурникам в 1929 г. разделиться со мной. Но это было для них только первым толчком. Дальше уже была ими пущена в ход клевета. Клевета дошла до того, что факт службы в тюрьме уже поблек перед ней. Гнусных клеветнических показаний настолько было много, что перечислить их здесь нет никакой возможности. Они, эти гнусные люди, касались даже интимной моей семейной и личной жизни, хотя в действительности она была в десятки, если не в сотни раз безупречнее их интимной жизни. И все это ставилось мне в вину как человеку, которому всегда была чужда нравственность и этика вообще, не говоря уже о пролетарской. О многих клеветах я мог только догадываться, так как о них мне прямо ни в партийных организациях, ни в ОГПУ не говорили. О них только делали намеки.

Одной клеветой из клевет было, что в 1918 г., когда чехословаки взяли Самару, я будто бы разъезжал по территории, занятой чехо-словаками, и принимал самое активное участие в борьбе против Советской Власти как враг пролетарской революции. Тогда как фактически дело обстояло так, что я бежал от чехо-словаков через фронт на свою родину, которая все время находилась на территории Советской Власти, и занимал там ряд ответственных постов, в том числе был секретарем Военно-революционного комитета.

Об этом я имею теперь соответствующую официальную справку с родины, с которой 1-го августа с. г. обжаловал постановление Коллегии ОГПУ Помощнику Прокурора Республики по надзору за ОГПУ, но по сие время об этом не имею никаких результатов. По-видимому, тут нужно это дело кому-то протолкнуть, но проталкивать у меня некому.

Во всех гнусных клеветах главную роль играли моя жена, с которой я к тому времени уже был в разводе, и член Коллегии Нарком<ата> труда СССР тов<арищ> Гиндин, который до этого с 1924 г. со мной и моей женой был в самых тесных дружеских взаимоотношениях, с которым мне, несмотря на нашу дружбу, приходилось иметь разногласия и по службе, и по партийной линии.

Вот такова вкратце вся моя история до моей высылки.

Нужно еще отметить, что клевета этих двух людей распространялась не только на меня одного, но и на мою жену, на которой после развода в 1929 г. я женился, несмотря на то, что они совершенно ее не знали и знать о ней ничего не могли, т<ак> к<ак> она до выхода за меня замуж проживала в гор<оде> Казани и до этого ни разу не была в Москве. А потому и она была выслана в Северный край на три года вместе со мной.

На месте высылки, в г. Архангельске, у нас родился ребенок. Условия высылки вообще и народившийся ребенок не дают нам никакой возможности хотя бы до некоторой степени даже питаться сносно. Вот уже месяц как я на этой почве болею, не выходя из своей комнаты. Болезнь совсем лишила меня заработка, а потому мы голодуем и в зиму остаемся разутыми и раздетыми. Болезнь, по-видимому, еще является и результатом вредности для меня климатических условий.

Но мы о себе не беспокоимся. Если бы не письмо, которое прилагается при этом, моей 7-ми летней дочурки, я не обратился бы к Вам ни с какой просьбой. Она, вообще-то, была слабенькой в смысле здоровья, а тут 8 недель пролежала в постели с воспалением легких. Она теперь находится раздетой, а потому обращается ко мне за помощью.

Я же не в состоянии оказать ей какую-либо помощь в этом отношении. Поэтому я с этой же просьбой обращаюсь к Вам. Она ведь еще маленькая, еще никем не оклеветана и не ополшена. Быть может, ее будущее немало принесет пользы для общества. Она ведь не виновна в том, что ее мать так гнусно поступила с нами. Поэтому я еще раз обращаюсь к Вам с просьбой.

Помогите ей! Если только будет Вам возможно сделать это.

Ее зовут Таиса Федоровна Ефремова. Адрес ее: Москва, Домниковская ул<ица>, дом № 4, кв<квартира> № 4.

Мой адрес: г. Архангельск, Новгородская ул<ица>, дом № 55а.

3/X-1930. Ф. Ефремов». ⁴⁷

«ЕФРЕМОВОЙ Таисии Федоровне. 6712. 23/X.

Вследствие обращения к нам вашего отца, просьба зайти в помещение “Помощи Политическим заключенным” между 2–5 час<ами>, кроме 5, 10, 15 и т.д». ⁴⁸

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. Л.Л. 25–30. Автограф.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. Л. 31. Машинопись.

«ЕФРЕМОВУ Федору Дмитриевичу. 6712. 23/Х.

В ответ на В<аше> обращение сообщаем Вам, что мы вызывали Вашу дочь д<ля> переговоров. Можем оказать Вам помощь не более, чем в сумме 10 руб<лей>».⁴⁹

* * *

3.13. Ходатайства О. А. и М. И. КАЗАКЕВИЧ (высланы из Минского округа) о детях, высланных в Северо-Двинский округ вместе с семьей раскулаченного деда. 14 сентября, 6 ноября, 23 ноября, 24 декабря 1930, Могилевский окр., местечко Кричев.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 3 января, 26 февраля 1931.

«Е. П. Пешковой

гр<ажда>н Могилевского округа

мес<течка> Кричева Выгонская улица

дом П. Коновалова – Казакевичей Осипа

Антоновича и Мальвины Ивановны

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вашего ходатайства пред органами ОГПУ о возврате моих малолетних детей из Северо-Двинского округа Котласского района Рабовского с<ель>совета дер<евни> Конюшевская дом Н. В. Мисихина, которые как малолетние страдают голодом и холодом. Я уже не знаю, куда больше обращаться, подава<л> заявление в Минское ОГПУ и Могилевское отделение, нет ответа, то прошу вашего ходатайства и помощи моим малолетним и старухе о возврате их ко мне в Кричев Могилевского округа Белоруси<и> и в результатах оповестить меня. Я уже другой раз обращаюсь к вам с просьбой и надеюсь что вы мою просьбу не оставите без внимания

Прилагаю один рубль и 4 марки для ответа. Проситель О. Казакевич.

14 сентября 1930 г.

Ваш № 5600 и № квитанции 4768.

Прошу скорейшего ответа».⁵⁰

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. Л. 32. Машинопись.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л.Л. 260, 260об. Автограф.

Пометы: «5600. 18/IX-30». «1 р<убль> на почт<овые> расх<оды>».

«Е. П. Пешковой.

Помощь политическим заключенным № 5600

гр<ажда>н Могилевского округа

мес<течка> Кричева Выгонская улица

дом П. Коновалова – Казакевичей Осипа

Антоновича и Мальвины Ивановны

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вашего ходатайства об возврате наших детей в количестве четверых, т<о> е<сть> Эдварда 14 лет, Витольда 12 лет, Лени 8 лет, Станислава 4 лет и тети старухи Софии Алексеевой Мороз 75 лет и племянницы Янины Николаевой Дуплинской 18 лет. Прошу вашего ходатайства пред Московским Центральным О.Г.П.У. Если нет возможности некоторых возвратить, то прошу разрешить возвратить, которых можно, и об результатах сообщить в самы<й> не продолжительный срок по нашему адресу: Могилевски<й> округ, местечко Кричев, Выгонская улица дом П. Коновалова, Осипу Казакевичу, еще раз просим помоч<ь> нашему горю об возврате наших детей, ибо без таковых наша жиз<нь> не веселая и не милая. Просим в память Октябр<ь>ской 13-й годовщины об возврате нашего семейства. Просители О. Казакевич М. Казакевич.

6-го Ноября 1930 года. Прилагаю при сем две марки и копию вашего сообщения от 31/X-1930 года за № 5600».⁵¹

Помета: «Переслано в Бел<оруссию> на закл<ючение> о возможности удовл<етворения> с срочн<ым> возвр<ащением>. Выписки».

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л.Л. 262, 262 об. Автограф.

«<23.11.30>⁵²

Уполномоченной Польского Красного Креста
гр<ажданки> Могилевского округа мес<течка>
Кричева Выгонская улица дом П. Коновалова
Казакевич Мальвины Ивановны

Заявление.

Постановлением ГПУ Белоруссии от 1-го июня 1929 г. выслан мой муж Осип Антонов Казакевич из погран<ичной> полосы, т<о> е<сть> из Минского округа Плещеницкого района Оленишевского с<ель>совета на три года в Могилевски<й> округ мес<течко> Кричев, где в настоящее время находится, а я была арестована 29-го декабря 29 года и была под арестом при Минском ГПУ до 18 июля 30 года, а потом была направлена к мужу в Кричев и была пущена с 18-го июля по 1-го августа на родину, должна быть в мес<течке> Кричеве Могилевского округа. Приезжая на родину, где оставила четверо малолетних детей, т<о> е<сть> Эдварда 14 лет, Витольда 12 лет, Леню 8 лет, Станислава 4 лет, при мужним отцу, т<о> е<сть> Антону Казакевичу, старику 75 лет, и приезжая на родину, не нахожу своих детей на родине, а при раскулачивании 7-го марта 30 года был выслан мужни<н> отец, т<о> е<сть> Антон Казакевич, и с ним вместе малолетние дети в количестве четверых в Северо-Двински труд<овой> лагерь переселенцев: Макариха, барак № 9 при гор<оде> Котласе, где мужни<н> отец в мае месяце умер, а остались одни малолетние и с ними старуха, мужа теть, София Алексеева Мороз 75 лет, которая, как беспризорная, жила при наших детях, и еще мужа племянница Янина Николаева Дуплинская 18 лет, круглая сирота и, в добавок, полуслепая, которая от 6-ти лет жила при нас и даже не была лишена права голоса, то таковые в настоящее время находятся в Северо-Двинском округе Котласком районе Рабовском с<ель>совете дер<евня> Конюшевская без всякой посторонней помощи, то просим вашего ходатайства о возврате наших четверых малолетних детей, старухи и племянницы к нам в Могилевски<й> округ мес<течко> Кричев, ибо таковые крайне страдают без посторонней помощи и гибнут голодом и холодом, и ниоткуда нет им никакой помощи. Прошу вас с материнской жалостью к детям, не оставить мою просьбу без

⁵² Дата проставлена по штемпелю на конверте.

внимания, ибо мое материнское сердце не может переносить детского малолетнего страдания, и не имея за ними никакого материнского надзора. Еще раз прошу со слезами не оставить мою материнскую просьбу без внимания и позволить нам забрать наших 4 малолетних детей, т<о> е<сть> Эдварда 14 лет, Витольда 12 л<ет>, Леню 8 лет, Станислав 4 лет, а также и старуху Софию Мороз 75 лет и племянницу Янину Дуплинскую к себе в место нашей высылки в мес<течко> Кричев Могилевского округа и об результате оповестить меня. Проси<тельница> М. Казакевич.⁵³

Пометы: «5600». «Запр<осить> о возвращ<ении> детей».

«Е. П. Пешковой. Помощь политическим заключенным
гр<ажда>н Могилевского округа
мес<течка> Кричева Выгонская улица
дом П. Коновалова – Казакевичей Осипа
Антоновича и Мальвины Ивановны

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Согласно Вашего ответа от 14 декабря 30 года № 5600 относительно высланных наших детей в Северо-Двинский округ Котласки<й> район Рабовски<й> с<ель>совет дер<евня> Конюшевская, то вы сообщаете, что до десяти лет можно отпустить, то мы Вас просим направить нашу заяв<к>у в О.Г.П.У. и указываем, что за ними поедет гр<аждани>н мес<течка> Кричева Могилевского округа Марченко Петр Яковлев, котор<ый> как дальни<й> родственник. Прошу наше заявление направить в Московское О.Г.П.У. и об результате с<о>общить нам в самое непродолжительное время. Просим Вас со слезами и материнской Любовью помоч<ь> нашему горю о несчастных наших детях, котор<ые> Малолетние страдают без отцов, Леня 8 лет, Станислав 4 лет. Как мы вспомним о них, то наше сердце обливается кровью, почему мы и наши дети такие несчас<т>ные, что не видят своих родителей, а также и мы, родители, не видим своих детей. Еще раз Вас просим не оставить нашу просьбу без внимания и сообщить в самы<й> непродолжительны<й> срок по нижеследующем<у> адресу: Могилевски<й> округ мес<течко> Кричев Выгонская улица Дом П. Коновалова, Казакевичу Осипу Антоновичу. При сем прилагаю копию вашего ответа от

⁵³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л.Л. 266–267об. Автограф.

14 декабря № 5600. Прошу не оставить нашу просьбу. О. Казакевич.

Прилагаю 2/ 10 коп марки для ответа.

Кричев. 24/XII-30 года».⁵⁴

«Осипу и Мальвине КАЗАКЕВИЧ. 5600. 3/I-30.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, как мы уже несколько раз Вам писали, что решение вопроса о детях старше 10-и лет пока задерживается, но что касается детей до 10 летнего возраста, то для ходатайства о возврате их Вы можете прислать нам заявление на имя ОГПУ, с указанием, кто за ними поедет. Заявление мы передадим и о результатах Вас уведомим».⁵⁵

«Осипу и Мальвине КАЗАКЕВИЧ. 5600. 26/II-31 г.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что согласно справке, полученной из ОГПУ, распоряжение в Архангельск о разрешении взять детей 2-х и 4-х лет. Относительно возвращения родственницы С. А. Мороз, пока отказано».⁵⁶

* * *

3.14. Жалоба Е. В. НАЗАРОВОЙ (мать 4-х детей, муж расстрелян, имущество конфисковано). 27 ноября 1930, село Уреня <Нижегородская губ., Шарьинский окр.>

«Помощь Полит<ическим> заключенным

гр<аждан>ки с<ела> Уреня

Екатерины Васильевны Назаровой

ЖАЛОБА.

От 1/XI-30 года за № 6493 в ответ на мой запрос о месте нахождения моего мужа Назарова Тимофея Ефимовича⁵⁷ Вами дан ответ, что его нет в живых от 14-го апреля с. г., тогда как

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л.Л. 270, 270об. Автограф.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л. 265. Машинопись.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. Л. 269. Машинопись.

⁵⁷ Назаров Тимофей Ефимович, род. в 1884 в д. Поляки Уренского р-на. Крестьянин-единоличник. Ар. в 1919. за участие в восстании. Проживал в с. Урень Шарьинского окр. Нижегородской губ. Ар. 7 марта 1930. Приг. 14 апреля 1930 по ст. 58-02-10-11 к расстрелу. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

последнее письмо мы от него получили 16/V с. г., писанное им 14 мая с. г. Почему это так? Значит, он расстрелян, но нам до сих пор ничего неизвестно, за что он расстрелян. Кроме этого, у нас конфисковали все имущество. При конфискации имущества нам говорили, что останется трудовая норма, а на самом деле нам оставили только худое белье, лошадь, корову, выгнали из дома, не оставили ничего из построек.

Семейство наше состоит из 7 чел<овек>: я, Назарова Ек<атерина> Вас<ильевна>, 3-е детей до 7-ми лет, дочь 16 лет, отец мой 70 лет и старуха тетка 75 лет. Трудоспособных нет ни одного, и при таком составе семьи нас выбросили на улицу на произвол судьбы. Насколько нам известно, в трудовую норму входит и помещение, необходимое для жилья, а также постельные принадлежности, а у нас взяли последние две кровати, которые были у нас, а также оставили 1 худое одеяло на семью <в> 7 чел<овек>. Удивительно то, что помещение для жилья не оставили только для нас, хотя из нашего селения расстреляно пять человек. У остальных семей есть трудоспособные, а мы такие беспомощные, не могущие заработать себе кусок хлеба, остались без крова. На наш запрос, почему одних оставляют в своих домах, а других выгоняют, нам ответили: в нашем доме сейчас стоит отделение ГПУ, а так как эта организация имеет свои секреты, то посторонним тут быть не полагается, хотя мы просили только кухню 7х7 аршин, отделенную капитальной стеной от помещения 10х12 аршин, которое мы с первого предложения освободили. Все это я считаю неправильным, прошу пересмотреть и дать мне – жене и моим детям знать вину своего отца. Прошу не отказать в моей просьбе.

К сему: Екатерина Назарова. 27/XI-30 г.». ⁵⁸

Пометы: «6493. 3/XII-30». «1) Оказать семье помощь. 2) Переговорить с юристом. 4/XII.<М. В.>». «Справ<ка> в Уч.». «Уч. 522/116. Помер 12/X». «М<ихаил> Л<ьвович>, спр<авка> 14/IV. В<ысшая> М<ера>». «О конфиск<ации> в прокур<атуру> районную, после – областную, после – во ВЦИК. Ответить. М. В.».

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 664. Л.Л. 67–68. Автограф.

* * *

3.15. Письма А. И. БОНДАРЕНКО (муж и сыновья – в заключении). 13 декабря 1930, 12 июня 1931, УССР, Черкасский окр., Смела.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 24 декабря 1930.

«13/XII-30 года.

Моя добрая и дорогая благодетельница!

От души благодарна Вам за Ваши хлопоты о моих детях и муже. В один день и с Вашим сообщением я получила открытку от сына Петра, который не писал мне с мая месяца 30 года. Он, действительно, находится в Кеми, как и Вы сообщаете мне, даже во II-ом отделении, где и мой муж Архип Лазаревич Бондаренко, только я не знаю, можно ли им видаться. Относительно двух других сыновей Василия и Бориса (близнецов) уже второй год ничего не знаю. Живы ли мои близнецы или их нет в живых, никто меня об этом не уведомил, все мои просьбы остались без ответны. Осмелюсь еще просить Вас, добрая и отзывчивая Екатерина Павловна, потрудитесь узнать, где они и можно ли им писать. Я в настоящее время очень больна, совсем слегла в постель, может быть, скоро умру (ведь я живу 26 лет без почки, и вторая уже загнилась), так как все врачи говорят, что смерти я должна ожидать каждую минуту; потому, моя милая благодетельница, я очень и очень прошу Вашего ходатайства о моих несчастных детях. Как наболело мое материнское сердце, как хочется иметь весточку от них, кажется, от радости я бы встала на ноги, несмотря, что они у меня, как колоды, пухлые. Если возможно чем-нибудь пособить моему горю, то будьте так добры, не откажите моей просьбе, утешьте осиротелую больную мать.

Я чувствую, что не доживу до свидания с детьми, потому так сильно прошу Вас, сообщите, где они, и походатайствуйте перед ОГПУ, чтобы им разрешили написать мне пару слов. Уважающая Вас Александра И. Бондаренко. Смела Черкасского округа Бурячная ул. № 11. Ваш № 4698».⁵⁹

«А. И. БОНДАРЕНКО. 4698. 24/XII-30.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что для свидания с Вашим мужем А. Л. БОНДАРЕНКО и сыном, Петром БОНДАРЕНКО, не требуется брать разрешения в Москве, так

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 515. Л.Л. 302, 302об. Автограф.

как с 1 октября с. г. разрешения на свидание с заключенными в лагерях выдаются на месте администрацией лагеря непосредственно.

Вам следует предварительно списаться с Вашим мужем и сыном, чтобы они выяснили на месте, нет ли препятствий к разрешению Вам свидания с ними.

Для исходатайствования разрешения вести переписку с сыном Б. А. БОНДАРЕНКО, находящемся в Ярославском политизоляторе, Вы можете прислать нам заявление на имя ОГПУ, которое мы передадим и о результате Вас уведомим». ⁶⁰

«12/VI-31 года.

Милая добрая Екатерина Павловна!!!

Прошло не так много времени, всего 5 месяцев, как я обращалась к Вам с великой просьбой (разрешить вести переписку с моим сыном Борисом Архиповичем Бондаренко) и получила от Вас это долгожданное разрешение, за что была несказанно благодарна за ваши хлопоты. По получении от Вас разрешения вести переписку с Борисом, я написала ему в январе 31 года письмо и ответа не получила. Через месяц я послала второе письмо с обратным ответом и получила одну ответную открытку, в которой кто-то по поручению Бориса расписался, а ему даже не разрешили собственноручно расписаться. Вскоре после такой печальной открытки послала тяжело заработанных мною 20 руб<лей> денег и через 3 месяца получила эти трудовые деньги обратно. Что бы все это значило? Неужели ему не разрешили написать мне несколько слов о себе, или его вывезли в другое место, или может быть он уснул вечным сном на далекой чужбине и никогда не откликнется на зов несчастной, измученной матери??? Что это, что?? Скажите мне, моя добрая благодетельница, облегчите мои материнские страдания. Если невозможно осушить, то помогите мне обтереть мои текущие слезы. Как жаль детей! Как тяжело без них такой беспомощной матери, как я! Где они и как живут, кто скажет мне об этом, кроме Вас, моя незабвенная благодетельница? Простите меня, старую, за беспокойство, но дальше терпеть я не могла. Передаю это письмо через Марию Дмитриевну Белинкевич и от всей души прошу Вас, если нетрудно это будет для Вас, уведомить меня о моих близнецах: Борисе и Василии. Муж мой Архип Лазаревич по-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 515. Л. 301. Машинопись.

лучил вольную высылку, живет в Вологодской губ<ернии> деревня Рябково, только сам не знает, на каких условиях: можно ли ему вернуться на родину, как другим, или нет! Старший сын Петр пишет мне, что муж так затосковал, что сильно заболел и потому его перевели из Кеми в Вологодскую губ<ернию>. Дома у меня тоже большое несчастье: арестовали зятя и вот уже второй месяц, как мы ничего не можем узнать. Как будто бы туча черная надвинулась на мою седую голову и заволокла свет.

Помогите мне своим добрым разумным советом, протяните руку помощи такой круглой обиженной сироте, как я!

Очень прошу Вас передать ответ М. Белинкевич, я ей вполне доверяю.

Будьте здоровы и счастливы; от всего сердца желаю, чтобы все то хорошее, что Вы сделали для таких несчастных, как я, воздалось Вам сторицею. Я и вся моя семья никогда не забудем Вашей помощи и Вашей доброты. Уважающая Вас Александра Иосифовна Бондаренко, Смела Черкасского округа, Бурячная улица № 11.

Р. С. Извините меня, но я еще хочу поговорить с Вами, хотя письменно, потому что не имею никакой возможности приехать и поблагодарить Вас лично. Во-первых, сама еле двигаюсь, во-вторых, не имею лишней копейки. Осмелюсь еще раз спросить Вас за посылку для Бориса, которую я послала в 30 году на Ваше имя. Вы извещали меня о получении ее, но я до сих пор не знаю, вручена она Борису или нет.

Если Борис жив, то я очень и очень прошу Вас разрешить мне написать ему и послать хотя маленькую посылочку – гостинец с родины.

Примите мою сердечную благодарность, хотя письменно, Живы будем, может быть увидимся. Александра И. Б». ⁶¹

Пометы: «Выяснить, когда получена посылка для Бондаренко и когда передана ему. Е. П. 28/VI-31». «Выяснить с В<ерой> Гр<игорьевной> и направить ответ по адресу. М. В. 28/VI».

В июле 1932 Борис Бондаренко находился в Москве в Бутырской тюрьме, его отец Архип Лазаревич Бондаренко – в концлагере (срок его наказания был окончен 4 апреля 1932). ⁶²

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 663. Л.Л. 6–8. Автограф.

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 756. Л.Л. 66–69.

* * *

3.16. Письмо С. Г. БРАЗОВСКОЙ (жена высланного священника и мать 7-х малолетних детей). 28 декабря 1930, Минский окр., Червенский р-н, Рованичи.

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Второй раз обращаюсь я к Вам за помощью. Я уже писала, что мужа моего арестовали 20 октября 29 года и без суда сослали на три года. Муж мой был священником. Несмотря на то, что я с семерью малолетними детьми остались без куска хлеба, еще выселили меня из собственной квартиры в сарай, в котором отгорожена каморка 5 ар<шин> длины, 5 ширины и 3 арш<ина> вышины. В этом чулане помещаюсь я с детьми и последнее время, несмотря на зимнее время. Температура никогда не превышает 6–7 градусов тепла. За что осудили несчастных детей на гибель! Спасите мне моих малюток, Екатерина Павловна! Помогите возвратить мой собственный домик, в котором хоть бы в тепле сидели мои голодные малютки. В кооперации мне ничего не отпускают. Земли нет. Поденной работой физической прокормить детей я не могу, ввиду слабости своего здоровья. Технической же работы, которую я могла бы занять по своему образованию, мне не дают, несмотря на то, что я дочь крестьянина-бедняка и была некоторое время сельской учительницей. Еще раз прошу Вас, Екатерина Павловна, войдите в положение погибающего семейства и помогите возвратить детям хоть жилище и похлопочите о рассмотрении дела моего мужа Ивана Степановича Бразовского, который взят безвинно, а семья, лишившись кормильца, страдает невыносимо. Учиться детей не принимают. Даже семилетку не может окончить несчастный ребенок. Будьте добры, в самом скором времени рассмотреть дело, так как мы невыразимо мучаемся в своей каморке.

Просьба писать заказным, на что прикладывают две марки. Адрес: Рованичи, Червенского района, Минского окр<уга>, Стефаниде Григорьевне Бразовской.

28 дек<абря> 1930 г.⁶³

Пометы: «8839. 4/І-31 г.». «Перевести 20 р<ублей>. Е. П. 14/І». «Отв<етить> чтоб послала заяв<ление> в Дет<скую> ком<иссию> при ВЦИКе. Е. П. 14/І-30». «Сделать выборку из письма, справку для переговоров. Е. П. 14/І».

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 590. Л.Л. 206, 206об. Автограф.

* * *

3.17. Письма П. И. МЕДВЕДКОВА (протоиерей, выслан из Мелитопольского округа УССР) о положении его семьи и положении ссыльных в Пинежском районе Архангельского округа. 25 декабря 1930, 22 февраля 1931, Северный край, Архангельский окр., пос. Пинега.

В начале 1931 в ПОМПОЛИТ за помощью по передаче посылки высланному мужу обратилась Елизавета Сергеевна МЕДВЕДКОВА. Ниже мы помещаем письма в ПОМПОЛИТ ее мужа протоиерея Пантелеймона Илidorовича МЕДВЕДКОВА, рассказавшего о положении, в котором оказалась его семья – семья адм<инистративно> высланного, и о положение ссыльных, работавших рядом с ним.

«г. Пинега. 25 декабря 1930 г.

Милостивая Государыня Екатерина Павловна!

Вы берете на себя труд помогать и политзаклученным. Я протоиерей, до 1920 года состоял преподавателем Семинарии, а с этого времени состоял настоятелем приходской Церкви в селе Ново-<->Григорьевке Мелитопольского Округа. В ночь на 30 января 1930 года я был арестован Мелитоп<ольским> Окр<ужным> Г.П.У., заключен в ДОПР и по суду Харьковской Тройки О.Г.П.У. У.С.С.Р. отправлен в ссылку на 3 года в Сев<ерный> Край, и сейчас проживаю в г. Пинега Арх<ангельского> Окр<уга>, состоя на укладке реек на дрова при местном Лесозаводе “Лесосвет” с заработком 30 коп<еек> в сутки. До 30 января 1930 года мной по извещению Фин<ансовой> Инспекции уплачено авансом 52 руб<ля> 51 к<опейка> с заметкою, что по 30 января никаких недоимок и недоплат за мной не числится. Со дня ареста я не служу, никакого дохода от прихода не получаю, там уже другой священник, который платит подоходный налог за себя. Между тем постоянно Фин. Инспекция тревожит мою жену, требуя за меня подоходный налог. Жена уплатила уже после моего ареста 26 р<ублей>, 48 р<ублей> и 82 р<убля>, но этим дело не кончается, жену тормозят, требуя все новые суммы, в случае неуплаты угрожая описью и продажей имущества. Сельским хозяйством я не занимался за неимением земли, имел одну корову, которую жене удалось сохранить, и эта корова служит единственным питательным нервом оставшейся моей семьи, состоящей из жены и 3-х детей, безработных по малолетству и

болезни. Очевидно, разоряют до конца, хотят, чтобы жена продала на уплату налога единственную корову. Никаких иных налогов, кроме подоходного, я не платил. В отношении сельскохоз<яйственного> налога я при 5 едоках и 1 корове пользовался законом о необлагаемом минимуме. Требование с меня подоходного налога за время моего заключения и ссылки явно незаконно. На заявление жены Фин. Инспекция говорит, что ей официально неизвестно, что я в ссылке, нужно свидетельство от местного Сельсовета. В Сельсовете и Районе говорят, что лишенным права голоса справок не дают. Дают такие лишь по требованию соответствующего Учреждения. Я прошу Вас похлопотать о прекращении требований с жены моей будто бы службы уплаты подоходного налога и возвращении неправильно взысканных 156 рублей – после моего ареста и ссылки. Адрес мой: Сев<ерный> Край, г. Пинега Арх<ангельского> Окр<уга>, до востребования, Пантелеймону Илиодоровичу Медведкову.

На ответ заказным письмом прилагаю 2 десятикоп<еечные> марки. На случай письма с указаниями моей жене, как поступить, ея адрес такой: У.С.С.Р., Ст<анция> Сокологорное Южн<ой> ж<елезной> д<ороги>, Почт<овое> отд<еление> Елань Загач Генического Района Мелитополь<ского> Окр<уга>, Село Ново-<->Григорьевка, Елизавете Сергеевне Медведковой.

Прося через Вас Комитет о защите с совершенным почтением остаюсь Протоиерей Пантелеймон Илиодорович Медведков».⁶⁴

Пометы: «7636. 7/І-31 г». «Если нет справки по приговору, запр<осить> СО о сроке приговора и выслать ей, о чем известить его. Е. П. 14/І».

«Село Пинега Арх<ангельского> окр<уга>
1931 год 22/ІІ.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Имею честь уведомить Вас, что посылка за № 7636, отправленная по просьбе моей дочери чрез посредство председательствуемого Вами общества – “Помполит” на мое имя в село Пинегу до востребования от 9/ІІ-31 года получена мною 18/ІІ во вполне исправном виде, причем все указанные в Вашем перечне пересылаемые предметы оказались налицо.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л.Л. 101–102об. Автограф.

Сердечно прошу принять от меня мою искреннюю признательность и благодарность, как Вам, так и членам возглавляемого Вами общества “Помполит”. Оказываемая Вами помощь Адм<иностранно> ссыльным громадна и неоценима. Расположенные в Пинежском районе, мы, Адмссыльные, можем существовать только при поддержке нас родными и знакомыми при помощи продуктовых посылок, которые не из всех мест С.С.С.Р. принимают для передачи в отдаленные места Сев<ерного> Края. Нужно пожить здесь, чтобы понять величие и ценность помощи, оказываемой Вашим обществом. Не говоря уже о безработных адм<иностранно> ссыльных по старости и болезням, положение нас, работающих, кошмарное в отношении питания. Продовольственный паек, выдаваемый нам на наши деньги, ничтожен: хлеба менее 1,5 ф<унта> = 565 гр<амм> в сутки при приварке из рыбы и крупы мелкой ячменной в количестве 300 гр<амм> на две недели, что составляет около 20 гр<амм> в день на человека, т<о> е<сть> менее чайной ложки в сутки; получается какой-то «Wasser Sup», который совершенно не дает питание, и т<аким> обр<зом> главное питание – хлеб, отпускаемый в недостаточном количестве при работе тяжелой для мало-мальски сохранивших “силы”. Я работаю на пилке и колке дров при заводе “Лесосвет” в трехверстном расстоянии от квартиры, так как других свободных квартир не имеется, ввиду прибытия громадного количества рабочих-вольных для постройки барж. Тяжесть работ адм<иностранно> ссыльных усугубляется несоответствием этих работ с возрастом, полом и состоянием здоровья работающих. 60<-ти> летние старики пилят и колют на дрова бревна толщиной около аршина в диаметре. Монахини убирают и чистят лошадей на конюшне или скатывают в 5-ти и 6-ти ярусные штабеля толстые 12аршиной длины бревна. В результате, конечно, выбитые зубы, повреждения травматические, срыв почек и женские болезни у женщин. Посылаемым в обоз мужчинам и женщинам спецодежды в виде валенок и рукавиц не полагается, в результате – массовое обмороживание рук и ног, оканчивающееся ампутацией пальцев на руках и ногах. Амбулаторные приемы ежедневно переполнены больными этого рода. Люди, во всю свою жизнь не имевшие дела с лошадьми и запряжкой, в плохой одежде и обуви назначаются обозчиками на расстоянии: 70, 80, 120 и 150 верст в один конец. На каждого человека дается от 4-х до

5 лошадей, на 58 лошадей одиночной запряжки бывает только 13 возчиков, большинство которых неумелые и неопытные. В результате – ушибы и обмороживания. Езда происходит безостановочно, как часовой механизм, выходных дней нет, происходит днем и ночью: 5 часов езды и 5 остановки, за это время остановки возчик должен присмотреть за своими 4–5 лошадьми, отпрячь, запрячь, накормить, напоить и приготовить себе пищу и кипяток, что же остается на отдых. При этом нужно отметить, что все работы происходят в непрерывной атмосфере площадной брани и возмутительного сквернословия по адресу адм<унистративно> ссыльных и всяческих попреков. Таково положение в Пинежском районе. Прошу принять уверение в искренней благодарности и почтении. Адм<унистративно> ссыльный протоиерей Пантелеймон Медведков».⁶⁵

Пометы: «7636. 7/III-31». «Дать выписку срочно. П<оложение> в Ар<хангельске> 9/III. <Винавер>».

* * *

3.18. Заявление Н. Н. ШУВАЛОВОЙ о положении жен ссыльных. 18 января 1931, Сибирь, Тулуновский окр., Нижне-Илимский р-н, село Сотниково.

«Заявление ШУВАЛОВОЙ Наталии Николаевны.

Прошу Вашего ходатайства перед В.Ц.И.К. для водворения законности к женам адм<унистративно> ссыльных. Терплю, как и другие жены, всякого рода совершенно незаконные притеснения по отношению к себе и моему ребенку. (С трудом достаю молоко и все остальное из-за того, что он “ссылный”, а ему всего 9 мес<яцев>). Я последовала за мужем добровольно. Муж мой обвинен по 58-ой статье пункту 11 кодекса, действовавшего в 28 году. Будучи в Ленинграде, никаких прав не теряла, состояла членом кооперации и голосовала на выборах, не испытывала никаких репрессий власти, кот<орая> обвинила и сослала моего мужа. Здесь же в Сибири, осенью 30 года всех жен адм<унистративно> ссыльных перед выборами в Сельсовет лишили права голоса, руководствуясь печатным циркуляром, в кот<ором> говорилось, что лица, находящиеся

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л.Л. 106–107об. Автограф.

на иждивении лишенцев, лишаются также всех прав. Местный же Сельсовет, даже не вызвавши нас и не потрудившись опросить, на иждивении кого мы действительно состоим, выдал справку о том, что мы действительно находимся на иждивении своих мужей, в силу чего нас Р.И.К. и лишил права голоса. Сразу же нас вывесили на доску в кооперации и прекратили всякую выдачу товаров за исключением керосина и спичек, кот<орые>, однако, тоже выдаются в ограниченном количестве, смотря по настроению приказчика. Все это произошло к тому же тогда, когда, наконец, дождались выдачи мануфактуры, Правда, после длительных хлопот по распоряжению Р.И.К.а. выдали на детей до 12 лет, но тогда уж остались самые негодные ситцы. К тому же, придя в кооперацию, жены должны стоять и ждать, пока не будут отпущены все остальные граждане, и мы, даже придя первыми, уходим последними. Это мелочи, но чем мы их заслужили? Относительно средств к жизни лично у меня дело обстоит след<ующим> образом. По профессии я художница, в 26 л<ет> окончила Акад<емию> Худ<ожеств>, состояла на Бирже труда в качестве безработной. Муж мой студент и сов<етский> служащий перед арестом. Никакой собственности никогда не имели, учились и жили на помощи родных и случайные заработки. Живя тут в Сибири, никакой работы не имеем и живем исключительно на помощь родных, от кот<орых> я получаю 50–60 р<ублей> в мес<яц> и кот<орые>, являясь сов<етскими> служащими, права голоса не лишены. Я заявляла об этом Р.И.К.у; но местная власть не обратила никакого внимания на этот пункт, как и, вообще, не обращает никакого внимания на факты. Сегодня же в Сельсовете объявили, что мы, жены ссыльных, не имеем права ездить и уезжать без разрешения Г.П.У., разрешается только в пределах 7 верст от места жительства. Дальше терпеть нет сил – кто знает, до чего может дойти распорядительная местная власть. Еще, того и гляди, засадят в тюрьму. Довожу все эти факты до Вашего сведения, на Ваше личное усмотрение, но прошу Вас не откладывать с ответом и не посылать меня к местному прокурору. Также, когда мы, жены, не лишённые права голоса, были членами кооперации, то продукты, полагающиеся на пай, получали с самыми невероятными перебоями, то дают, то нет. Так что сидели большей частью без оных, а теперь и тех лишили. Лишены также и хлеба уже давно с июля мес<яца>, кот<орый> и прежде-то получали с перебоями по 6 кил<ограмм> зерном на

душу. Хлеб достать здесь почти невозможно, т. к. везде коммуны, предписано все излишние продукты сдавать в Кооперацию и не сметь продавать на стороне, особенно ссыльным. Нам угрожает настоящий голод.

“Ко всему, что написала мой товарищ по ссылке Шувалова, от себя добавлю, что также объявлена на иждивении своего мужа и лишена права голоса и права быть членом кооперации. Муж мой уголовник. Мы крестьяне, бедняки. Никакой помощи от родных не получаем, перебиваемся с хлеба на квас, ходим батрачить. 2 раза мой муж получал пособие от Г.П.У. Имею 4-ех детей, 3-ое до 12 лет. На заработанные гроши купили корову и лошадь для работ. 2 года просили землю для обработки – волынка и отказ в результате. Работали, как волы, на брошенной за негодностью земле, чтобы достать хлеб семье – хлеб померз. Для коровы с невероятным трудом косили траву на хребтах, делали все, что возможно, чтобы выбиться из нищеты и спасти детей от голода. Теперь по распоряжению Р.И.К. дано приказание заготовщику скота конфисковать у нас, как и других ссыльных, корову и лошадь, руководствуясь тем, что мы – ссыльные и не имеем права держать скот, отнимая у детей их последнее пропитание. Разве по закону С.С.С.Р. я – ссыльная и дети мои – ссыльные, и разве мы не имеем право держать 1 корову и 1 лошадь. Уезжая с родины – Витебской губ<ернии> я сдала землю государству с тем, чтобы получить таковую по месту ссылки моего мужа, и раз мы крестьяне и всегда были крестьянами, землеробами, то и жить иначе, – без земли и скота, не умеем. Остается только просить милостыню или грабить и убивать, или умереть от голода. На мой протест представитель местной власти заявил, что мы посланы сюда не для курортной жизни (разве заниматься крестьянством значит жить на курорте), а для исправления. А на мой вопрос, разве может мой муж исправиться, видя, что его дети умирают с голоду, ответа не последовало. Конечно, корову у нас отберут, но все же мы надеемся на Вашу помощь, несмотря на то, что мой муж уголовник, обращаюсь к Вам, т<a>к к<a>к нигде не можем найти защиты. Кроме того, указываю Вам, что в 30-м году муж мой был обвинен местн<ым> населением в агит<ации> против Сов. власти, сидел в Нижне-Ил<имской> тюрьме, обвиняясь по 58 статье.

А. Кудицевич.”

Перед отъездом справлялась у Вашего представителя в Ленинграде, Гартмана, и он мне сказал, что никаких репрессий

по отношению ко мне не может быть. А тут меня буквально уравнивали в правах с моим мужем и сделали ссыльной, хотя я не имею никакого обвинения и никакой статьи.

Живем мы – Сибкрай, Тулуновский округ, Нижне-Илимск<ий> район. Село Сотниково.

Января 18 дня 1931 года. Н. Шувалова». ⁶⁶

Пометы: «9450. 23/І-31». «Запр<осить> с просьбой дать разъяснения, сделав выдержки. Е. П. 6/ІІ». «Обр<атиться> к Ф. 26/ІХ-31».

В феврале 1932 ПОМПОЛИТ отправляет В. Шувалову телеграмму, что срок его высылки кончается 21 февраля 1931, а в апреле 1932 посылает сообщение, что постановлением от 23 января 1931 ему запрещено проживание в Москве и Ленинграде с областями, Харькове, Киеве и Одессе с округами, Северно-Кавказском крае, Дагестане, Хабаровске, Чите, Иркутске, Казани, Ташкенте, Тифлисе, Омске и Омском округе на 3 года с прикреплением.

* * *

3.19. Заявления П. В. ГУТКОВСКОЙ (выслана из Минского округа). 27 января, 25 марта 1931, Западная Сибирь, Барабинский окр., Чумаковский р-н, дер. Вялково.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 18 апреля 1931.

«Попечительнице Е. П. от гр<ажданки>

Гутковской Павлины Викентиевны

дер<евня> Вялково Чумаковского р<айона>

Барабинского ок<руга> Зап<адного> Сибкрая

Заявление.

Я, Гутковская, жившая в Минской губ<ернии> Самохваловского р<айона> Тресътенцкого с<ель>с<вета> д<еревня> Дубники выслана в Сибирь<ь> 1929 года 31 декабря одна, имею 48 л<ет>. И у меня дома все отняли, то год кое-как скиталась, а дальше не имею средств до жизни и заработать не могу, то прошу вас, как попечительницу Е. П., обратиться

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л.Л. 187–190об. Автограф. Ошибки исправлены, знаки препинания расставлены.

мание и дать какую-нибудь помощь, и надеюсь, что вы не откажете моей просьбе. Ожидаю ответа.

Просительница Гутковская Павлина Викентьевна.

1931 года 27/I.

Еще хочу узнать и прошу Вас ответить насчет моего мужа Гутковски<й> Фелициян Зенонович, о котором ничего не знаю, где он. Он забран Минской ОГП<У>вой и до сих пор о нем ничего не известно, то прошу вас как Попечительницу ЕП дать ответ.

Просительница Гутковская». ⁶⁷

Пометы: «9811. 3/II-31». «Отв<етить>: мужа Вашего Гутковского Фелиц<иана> Зинов<ьевича> с 14/XI-29 г. нет в живых: Уч. 6/II. В.М.Н. Исп<олнено> 14/XI-29 г. О пособии спросить М. Л.»

«Попечительнице Е. Пешковой

от гр<ажданки> Гутковской Павлины Викентиевны

дер<евня> Вялково п/о Чумаковское Зап<адный>

Сибкрай

Заявление.

25/III-31г.

Я, Гутковская, обращаюсь к вам, как к Попечительнице Е. Пешковой, в своем горе, поскольку я уже имею 48 лет и к труду не способна, а поселили жить от города 70 верст, и я лошади не имею и дойти в город не дойду. И в таком случае нельзя добыть пуда хлеба, то прошу вас, как попечительницу Е. Пешкову, если это в вашем распоряжении и вы можете распорядит<ь>ся то разрешить мне переехать ближе города в деревню Абрамова, где мне было б жить лучше, так как ближе города, где я могла б какой пуд хлеба скорее добыть. И прошу вас, как попечительницу Е. Пешкову, если возможно, то прислать вещи моего мужа Гутковского Фелицияна, поскольку я могла бы на них добыть кусок хлеба. Вещи вот такая: сапоги, шуба, подушка, одеяло, пинжак, три пары белья, брюки, и прошу вас, как попечительницу Е. Пешкову, не отказать в моей просьбе, а оказать помощь. Ожидаю ответа.

Просительница Гутковская». ⁶⁸

Пометы: «9816. 4/IV-31». «О переводе в др<угое> место надо обр<атиться> в местн<ое> ГПУ, а в случае отказа в районную и т. д.».

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 613. Л.Л. 71, 71об. Автограф.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 613. Л.Л. 69, 69об. Автограф.

«П. В. Гутковской. 9817. 18/IV-31.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что ходатайствовать о переводе в другое место Вам надо через ПП ОГПУ, если будет отказано в местном ГПУ. Оказать Вам содействие в получении вещей мужа не можем, т^ак к^ак их не вернут».⁶⁹

* * *

3.20. Заявления Н. И. НАВРОЦКОЙ (выслана из Минского округа). 26 января, 23 мая 1931, Западная Сибирь, Барабинский окр., Чумаковский р-н, дер. Вялково.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 2 февраля, 13 мая 1931.

«Попечительнице Е. П.

от гр^ажданки Навроцкой Нины Ивановны

д^еревни Вялково Чумаковского района

Барабинского ок^руга Западно Сибкрая

Заявление.

Я, Навроцкая, выслана из Минского ок^руга Самохваловского р^айона Тресътенецкого с^ельс^овета д^еревни Дубники в 1929 г. 31 декабря. Выслана в Сибир^ь из дядкам Войткевичем, котори имел 90 л^ет, и он дорогой умер, а детей, Ядвига 6 л^ет и Антон 4 года, оставила у своих родителей, котория живут в Минской губ^ернии Самохвалов^ского р^айона в селе Королищевич. И есьли возможно, то прошу разрешить мне поехать к детям жить, а есьли нет, то прошу вас, как Попечительницу Е. П., обратить внимание и дать возможность до прожитья, так как я не имею с чего жить, и помощи никакой не имею, и заработать негде, то приходится погибать. Хотя меня был выслал уполномоченный на работу в колхоз и проработала с 21 сеньтебря до 28 октября и ничево не уплотили, и когда уполномоч^{енный} выправлял, то говорил, что заработаешь а посьля я ему подала заявление, и до сих пор не плотят, то я остаюсь совсем без ничево и не имею за что покупить хлеба, и даже нечем плотить за квартиру, то прошу вас, как Попечительницу Е. П., не отказать моей просьбы и помоч^ь. И я надеюсь, что вы не откажете в моей просьбе, а окажете сочу^вствия, и еще прошу вас ответить,

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1 Д. 613. Л. 68. Машинопись.

н<а> сколько лет я выслана. Ожидаю помощи и ответа. Просительница Навроцкая Нина Ивановна. 1931 года 26/І.

Прошу вас и на это обратить внимание: муж мой Навроцки<й> Франц Казимирович забран был ОГПУ-вой в 1929 года 26 июня и выслан из Минска 1929 г. 3 декабря в город Кемь. И прошу вас ответить, насколько лет он выслан, и если возможно, то прошу прислать его до меня.

Просительница. И ожидаю ответа, и надеюсь, что вы, как Попечительница Е. П., не откажете моей просьбы. Навроцкая Нина Ивановна.⁷⁰

Помета: «9805. 2/II-31 г.»

«Н. И. НАВРОЦКОЙ. 9805. 2/II-31.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, муж Ваш, Навроцкий Франц Казимирович⁷¹, здоров, находится в Соловках».⁷²

«Н. И. НАВРОЦКОЙ. 9805. 13/V-31.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что материальную помощь за отсутствием средств оказать Вам не можем».⁷³

«Попечительнице Е. Пешковой
от Навроцкой Нины Ивановны
д<еревни> Вялково п/о Чумаковское
Запад<ного> Сибкрая

Заявление.

«Я, Навроцкая, дожидалась от вас помощи, как от Попечительницы, и наместо помощи дождалась печали: вы отвечаете, что помощи материальной оказать не можете, а я просила вас, как Попечительницу, какую-либо оказать помощь<ь>, хотя денежную на кусок хлеба, поскольку всем оказывали, кто к вам обращался. Неужели моя участь такая, что я должна погибать без куска хлеба, и еще раз прошу, как Попечительницу Е. Пеш-

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 613. Л.Л. 39–40. Автограф.

⁷¹ Навроцкий Франц Казимирович, род. в 1909 на хут. Таборы Заславльско-го р-на Минской обл. Поляк. Ар. 23 декабря 1937 в Краснокамске Пермской обл. Приг. 15 января 1938 по обвинению в шп. Расстрелян 11 февраля 1938. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁷² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 613. Л. 48. Машинопись.

⁷³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 613. Л. 42. Машинопись.

кову, не отказать моей просьбе а дать пособия, а если и сейчас откажете, то мне погибнуть придется, несчастной, погибнуть, поскольку я нахожусь без здоровья, которое потеряла.

И еще раз прошу вас, как Попечительницу Е. Пешкову, не отказать моей просьбе. Просительница со слезами Навроцкая. 23/V 31 г.⁷⁴

Пометы: «9805. 9/VI-31». «Нет средств. 19/VI. М. В.»

* * *

3.21. Обращения Е. В. ЧЕЧКИНОЙ (выслана из Пермской губернии как сторож в храме). Февраль, 22 марта, 24 мая 1931, А. О. Коми, село Усть-Цильма.

«Председателю Политического Красного Креста
Екатерине Павловне Пешковой
адм<инистративно> высланной <в>
Уральск<ую> обл<асть> Пермск<ого>
окр<уга> Соснов<ского> района,
д<еревню> Старикова
Елизаветы Васильевны Чечкиной

Заявление.

Происходя из крестьянской среды, оставшись сиротою в младенческих годах после смерти отца и матери, терпя острую нужду, провела я свою юность, с 14 летнего возраста должна была наниматься в качестве батрачки в услужение у разных лиц. Последним местом моей службы была должность сторожихи у религ<иозной> общины в с<еле> Баклушах Перм<ской> о<бласти>. Мой труд при этой общине был исключительно по уборке храма, никакого участия в совершении богослужений ни пением, ни чтением я не принимала, и никто меня не причислял к служителям культа. В селе проживало около десятка бывших насельниц жен<ского> монастыря, которые существовали также черным трудом. Когда проходила компания по насаждению колхозов, был вызван в с<ель>совет местный поп В. Кульпин, который на допросе, растерявшись от предстоящего ему выселения, оговорил б<ывших> монастырских насельниц, сваливая с больной головы на здоровую обвинение, думая этим сохранить себя от высылки, и, дополнив свое

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 613. Л. 46. Автограф.

действие снятием сана и отречением от службы Р/х. Насельницы были взяты, и к ним почему-то причислили и меня-батрачку. 3 ноября 1929 г., после заключения в тюрьму спустя три месяца, мне было предписано вольным порядком (не этапным) перебраться в Северный край в г. Архангельск, откуда также вольным порядком выслана была я в с<ело> Лодьму близ г. Архангельска. В Лодье пробыла я с 15 февр<аля> 1930 г. по 13 июля, когда снова вызвали в Архангельск, и чрез две недели направлена была этапным порядком в с<ело> Усть-Цильму на р<еке> Печоре, где и проживаю с 6 августа 1930 г. Непривычная к орудиям сельработы, употребляемым в Северн<ом> крае, не имея возможности гарантировать себя в труде и не зная за собой никакой положительно вины против предержащей власти, обращаюсь к Вам, как к Покровительнице женского труда с просьбою: возбудить пред кем следует ходатайство об освобождении меня из положения высланной и о возвращении, если не в родной Пермский округ, то в смежный с ним Вятский окр<уг>, чтобы я могла заняться свободным трудом в местах, где мне знакомы и орудия сель<ско>-хоз<яйственных> работ.

Елизовета Вась <ильевна> Чечкина.

Адрес: Усть-Цильма А. О. Коми. Ел<изавете> В<асильевне> Чечкиной».⁷⁵

Помета: «8295. 26/II-31».

В ответ на это обращение ПОМПОЛИТ стандартно предложил Е. В. ЧЕЧКИНОЙ прислать «недлинное мотивированное заявление» в ОГПУ, что она и сделала.

«В ОГПУ при Комитете Помощи Политическим
Заключенным Администр<ативно> высланной
из дер<евни> Старики
Большесосновского района, бывшей Пермской
губ<ернии> Оханского уезда
Елизаветы Васильевны Чечкиной 28 лет
имеющей место высылки
с. Усть-Цильма области “Коми”

Заявление.

В момент проведения Коллективизации в нашей Большесосновской волости я состояла сторожем местной церкви. При церкви же находились монашенки из ликвидированных монастырей.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. Л.Л. 493–494об. Автограф. Заявление написано не Чечкиной Е. В., а от ее имени.

При аресте и высылке монахинь, как противников коллективизации, забрали и меня.

Какой-либо личной вины у меня не было, противницей коллективизации Я не являюсь, происхожу из семьи бедняков, отца и матери в живых нет, и с 14-ти лет живу по людям, в монастыре не жила, также и монашкой не была. Выслана Я на 3 года, пробыла в высылке 1 год 8 месяцев, и за это время никаким замечаниям <как> органов Г.П.У., так и общественности не подвергалась.

По сему настоящим прошу ОГПУ при Комитете помощи политзаключенным об освобождении меня из высылки и возвращения к месту рождения <в> дер<евню> Старики быв<шей> Пермской губернии.

22/III-1931 года.

Чечкина Елизовета». ⁷⁶

Помета: «8295. 9/IV-31».

«24 мая. Я извиняюсь что опят пишу вам Я отвас получила письмо и написала бумагу и 3 месяца незнаю получили или нет ежли получили то нельзяли поскорее мне ответить пожалуйста похлопочите мне уехат скорее да еще нелизяли как небут надорогу разрешит денек Я совсем бедная нечево у меня нет всю жыс с 8 лет работала батрачикою сичас все болейная Я только 3 месяца была сторожом вцеркве работала топила печи и мыла и пола мыла и зато попала наклевету меня причислили вчисло монашек. А я совсем некогда небувала и невидала Я сичас совсем болейная работать не могу вся жысь была сиротой нипапа и немамы вот скоро 2 года А выслана на 3 года не задержите мою бумагу Чечкина Елизовета Васильевна». ⁷⁷

Помета: «8295. 6/VI-31».

Согласно справке ОГПУ от 31 марта 1931, Е. В. Чечкиной (в числе пяти послушниц монастыря при с. Б. Баклуши Пермской губ., высланных в гор. Усть-Цильму) в освобождении от ссылки было отказано. ⁷⁸

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. Л.Л. 497, 497об. Автограф. Карандаш. Заявление написано не Чечкиной Е. В. и не тем человеком, что писал предыдущее письмо.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 486. Л.Л. 500–501об. Автограф. Карандаш. Это письмо написано уже ею самою.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 644. Л. 7. Машинопись

* * *

3.22. Письмо М. Д. ДАЛЬГЕЙМ (лишенка, дочь бывшего помещика). 1 апреля 1931, село Середина Буда Глуховского окр.

«1-го апреля.

Екатерина Павловна.

25-го марта меня выдворили из моей ветхой хатенки и выкинули на улицу без всяких средств. Все мое имущество было 2 козочки и куры, все это приобрела своим трудом. Я – лишенка, дочь бывшего помещика, Д. П. Дальгейм. Все знают, что отец был очень хорошим человеком. После Октябрьской революции отец был избран Народным Судьей, прослужил три года и умер на посту Народного Судьи. После смерти отца служила при суде в библиотеке, учительствовала, последние 10 лет жила в родном селе, граждане наделили меня душевым наделом, жила своим трудом. Стара, мне под шестьдесят лет, одинока. Сейчас нахожусь в отчаянном положении, без копейки денег – один выход – лечь под поезд.

Придите мне на помощь, Екатерина Павловна, прошу разрешение вернуться в мой родной город Севск Зап<адной> обл<асти> Брянского окр<уга> и чтобы мне отдали моих коз.

Надежде Константиновне писала, и они приходили мне на помощь. Сама я из Борисова (села) Зап<адной> обл<асти> Севского района, Брянск<ого> окр<уга>, Берестовск<ий> сельсовет.

Середина Буда Глуховск<ого> окр<уга>.

М. Дальгейм. До востребования.

Наше имение – скорее хутор 146 дес<ятин> с фруктовым садом, усадьбой, сенокосом включительно. Пожалуйста, ответьте мне, если бы Вы знали, какая мука у меня на сердце. Куда мне деваться? Что делать?

Последнее время в Борисове мечтала подать заявление о принятии меня в наш коллектив, думала поработать на санитарном пункте, в яслях...

Все налоги, штрафы всегда выплачивала, по хлебозаготовке у меня взяли весь хлеб до зернышка, гражданки, которые меня все любили, поддерживали, давая по кусочку хлеба.

Простите за письмо на плохой бумаге, плохо написанное – ничего уже не вижу от слез. Прошу Вас ответ».⁷⁹

Помета: «1930. 8/IV-31 г.».

Кроме этого письма М. Дальгейм, в деле имеется и выписка из него (письмо почти полностью перепечатано) – очевидно, это копия письма, приложенного ПОМПОЛИТОм к ходатайству в ОГПУ.

* * *

3.23. Письма И. П. ОНОШКО (выслан с семьей из Сумского округа, в ссылке покончил собой). 31 марта, 12 мая 1931, Северный край, ст. Няндомы.

Письма Михаила ОНОШКО (17 лет). 14 апреля, 5 октября 1931, Северный край, ст. Няндомы.

«ПЕШКОВОЙ Е. П.

От адмовысланного г. Няндомы

Оношко Ивана

ЗАЯВЛЕНИЕ.

На Ваш № 11166 от 26.03.1931 сообщаю, что подательница предыдущего заявления моя жена Оношко Анастасия 30.03 с/г умерла в местной ж<елезно>д<орожной> больнице после родов, оставив мне доч<ь> 4 лет и сына 1 неделя. Так как ходатайствовать о жене уже поздно, то прошу Вашего распоряжения об отпуске на родину мою дочь Лену 4 лет, за которой могут приехать родные, так как я живу в бараке, присмотра за моей девочкой нет никакого и кормить ее совсем нечем, а одевать тем более. На ноги нет никакой обуви, а из одежды ея из мешка одно платье.

Если ее увезут домой, то она будет, по возможности, сыта и одета, а я не буду связан ею, буду работать, чтобы прокормить хоть самого себя.

Второго, только что родившегося ребенка Николая, тоже велют взять мне, но куда я его возьму, что с ним буду делать – не знаю. Я прошу Вашей помощи и совета в отношении обоих детей: старшую 4 лет отпустить домой, а младше-

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л.Л. 155–156об. Автограф.

го, родившегося, прошу Вашего распоряжения куда-нибудь его пристроить.

К сему Оношко Иван. 31.03.1931».⁸⁰

Помета: «№ 11916. 8/IV-31». «Если кто-нибудь возьмет 1 м<есячного> и 4 лет ребенка, то не нужно разрешение на это. 13.04».

«Пешковой Е. П.

от адмовысельново

Оношко Мих<аила> Ив<ановича>

Няндомы, вокзал,

Оношко М.

Заявление.

Недавно было послано Вам заявление матерью Анастасией, но ответ не застал ее в живых: она умерла после родов, потом послано заявление об освобождении моей сестренки Лены 4-х лет, а теперь я обращаюсь к Вам со своей личной просьбой. В прошлом году я с матерью и сестрой добровольно поехал к отцу Оношко Ивану, который находится в ссылке. Проводил мать до его и сестренку, я пожил немного и, видя, что здесь придется почти голодать, я в ноябре месяце прошлого года вернулся домой, оставил мать с сестрой у отца, т<а>к к<а>к они не хотели с ним расстаться. Приехав домой в с<ело> Н-Сыроватск Сумской округи, я был задержан сельсоветом, для чего и зачем – не знаю, и направлен в Сумское ГПУ, которое по неизвестной мне причине арестовало меня и отправило в ссылку, и я опять очутился у отца. Я работаю здесь в Няндоме в Горской Известковой артели, ломаю камень, но моего заработка не хватает даже выкупить себе паек. Я сознаю, что я ничего не сделал против советской власти, всегда шел навстречу советской власти: весь свой инвентарь, фураж, лошадь и корову сдал в местный Н-Сыроватский соз, где до этого и сам работал. Мне было 16 лет. Но за что я выслан, не знаю. Я ходатайствую перед Вами запросить Сумское ГПУ о причинах моей высылки и, если можно, освободить меня и отпустить на родину с моей сестрой Леной – 4-х летней сироткой. Я ни в чем не виноват и ничего не солгал. Я работаю, выбираюсь из сил от недостатка пищи на тяжелой работе, тогда

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л.Л. 67, 67об. Автограф.

как дома при лучшем питании при моих молодых силах я мог бы принести большую пользу, и желаю опять быть членом социалистического общества и работать в созе.

К сему Оношко Михаил. 14 апреля 1931 г.».⁸¹

«Е. П. Пешковой
грузчика ст<анции> Няндомы
Оношко Ивана Петровича

Заявление.

В дополнение к сообщению Вашему от 24/IV-31 г. за № 11916 уведомляю, что новорожденный ребенок Николай умер в местной ж<елезно>д<орожной> больнице. Родственники мои отвечают, что они все в колхозе, рады принять сиротку Лену, но бедные, не имеем средств приехать за ней, а Няндомские гр<ажда>ны боятся отвезти ее на родину в сл<ободу> Н. Сыроватку Сумской округи, т<а>к к<а>к на сиротку нет удостоверения о личности и о годах, а также разрешения на право провоза ее на родину, чтобы не задержали в дороге. Где девалась справка о рождении сиротки Лены, покойная жена мне не сказала, и я не найду. В Вашем отношении ни имени, ни лета моих детей не указаны, поэтому еще раз осмеливаюсь покорнейше просить Вашего распоряжения о высылке мне справки о личности сиротки Лены 4 лет и разрешения на право провоза ее в сл<ободу> Н. Сыроватки Сумского округа.

К сему Оношко Иван. 12/V.1931».⁸²

Помета: «11917. 19/V-31 г.».

«Е. П. Пешковой
от Оношка Михаила Ивановича

Заявление.

На Ваш № 12246 от 2 июля 1931 г. сообщаю, что мне до сих пор из Харькова о пересмотре моего заявления ничего нет, а потому решил обратиться к Вам, чтобы Вы похатайтесь перед Харьковским Г.П.У. о пересмотре пересланного Вами моего заявления, так как ведь я был совершенно не выслан, мне нет еще 17 лет. Выслан был мой отец, который

⁸¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 678. Л.Л. 323–324об. Автограф.

⁸² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л.Л. 70, 70об. Автограф.

5 сентября сего года покончил здесь в Няндоме жизнь самоубийством через повешение, и я остался совсем один.⁸³ Что делать и за что я здесь как высланный, я не знаю, т<а>к к<а>к не чувствую за собой никакой вины.

К сему Оношко Михаил Иванович. 5/X-1931 г.». ⁸⁴

Пометы: «№ 12246, 2/X1-31». «Спр<авка> после 15/V». «Спр<авка> не получ<ена>. Уч. 602».

Заявление Михаила ОНОШКО ПОМПОЛИТОм было переслано в Харьков на рассмотрении Украинского ОГПУ. В конце декабря 1931 ответа из Харькова ПОМПОЛИТ все еще не получил.

* * *

3.24. Заявления О. И. СТАНКЕВИЧ (выслана из Минского округа вместе с матерью). 2 апреля, 10 ноября 1931, Витебский окр., Сураж

«В Полит<ический> Крест гр<ажданке>
Пешковой
от г<ражданки> Станкевич Ольги

Заявление

Прошу Вас принять мое заявление и, если возможно, прошу Вашей помощи, так как я в данное время нахожусь высланной с матерью в г. Сураж на три года, так прошу Вас, сжальтесь над нами, бедными женщинами, спасайте нас или же дайте совет, что делать, чтобы нас вернули домой, так как мы считаемся инвалидами, то не можем работать. В 1930-м году 5-го февраля арестовали мать, брата и меня Мозырским ГПУ за что, я и сегодня не могу понять, пока дело разобранось, были мы в исправ<ительном> доме до 11-го мая. Брата моего выслали в Сибир<ь> в Алданский округ, где он находится и в данное время, а меня и мать назначили на вольную высылку, но так как нас отпустили на две недели домой и сельсовет, видя что мы совсем больные и невиновные, взял нас на свое попечение, и кол<л>ектив тоже, и нас оставили жить дома, мы уже второй год работаем в коллективе и ак-

⁸³ Подчеркнуто в ПОМПОЛИТе.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л. 329. Автограф.

тивно работали, но после десяти месяцев Мозырское ГПУ объявило, чтобы мы непременно до 18-го марта выехали в Сураж, несмотря на то, что мы бедняки и в такой холод, на свой счет надо было ехать. Я просила, чтобы нас выслали на казенный счет, и та гражданка по высылкам отказала, и из-за нее мы потеряли последние деньги, какие имели при себе, так как она нам дала неправильный адрес. Я удивляюсь, как может работать в ГПУ такая гражданка, не совсем грамотная (или она нарочно сказала так, чтобы мы пропали где в дороге), потому что сказала, <чтобы> брать билеты прямо в Сураж, а я послушала ее и взяла билеты так, как она сказала, но оказывается что Суража есть два, а станция одна, и вот из-за нее мы потеряли лишних 60 рублей, потому что поехали в Сураж, но не тот, и надо было опять брать билеты и ехать в Витебск, как это обидно и больно, что она так нас направила ложно на такую потерю бедных женщин, хорошо, что люди нам дали денег, а то надо было бы пропадать в дороге. Так прошу Вас, сжальтесь над нами, не откажитесь в моей просьбе, верните нас домой, так как мы считаемся инвалидами, мать моя, старуха, имеющая 66 лет, болезненная и глухая, а я тоже слабого здоровья и глуховата, то как же нам работать – инвалидам. Я не могу понять, в чем нас обвиняют, почему нам нельзя жить на родине, право, можно с ума сойти, может быть, за то, что отец мой когда-то служил у помещика, но тоже не может быть, тогда многие служили и теперь живут дома спокойно, или, может быть, за родственников тоже; как мы можем отвечать за них, ежели они плохо поступали, ведь мы не можем за них ручаться, хотя, живши в одной деревне, но не в одном доме, то мы не можем знать, кто что делает плохо, и хотя же мы не причем, но, верно, нас зачислили<ли>, так как родственники, неужели нет оправдания, и еще прошу Вас разберите наше дело и спасайте нас, ибо клянусь своею честью, то, как я прожила столько лет, то жила честно, ак<к>уратно и всегда подчинялись во всем, и поэтому не могу я пережить несправедливости. Чувствуюсь не виноватой ни в чем, и поэтому не могу с этим согласиться, за что и по-что такое страдание, моя семья тоже ни в чем не виновата, но что за несчастье свалилось на нас, за что нам такое наказание, я не могу понять, и не знаю, куда нам обратиться, больным инвалидам, за советом, и что делать, неужели нам придется, невинным, погибнуть, ведь же многих возвращают обратно домой, а за нами вся деревня, сельсовет и кол<л>ек-

тив, и прошу Вас, если надо посылать какие бумаги, то прошу Вас, напишите мне, потому что я не знаю, куда обратиться, и поэтому придется погибнуть. Я извиняюсь, что надоедаю Вам своим письмом, и что не так пишу, как надо, неумело, но как могу, то пишу, просто, но откровенно, и прошу извинения, мне советовали писать к Вам, и поэтому я осмелилась писать к Вам, за что извиняюсь, если не так написала, как надо. Мне в Мозырском ГПУ сказали, что, имевши бумаги хорошие, нас возвратят домой, и я им представила бумаги, но они сказали, что не имеют права нас оставить, и мы должны ехать, и что нас только местное ГПУ может вернуть, я эти бумаги передала в Сурожское ГПУ, но все-таки я решила просить Вашего совета и прошу Вас сжалиться над нами, бедными женщинами, верните нас домой работать в наш кол<л>ектив, так как мы болезненные, то не можем заработать на прожитие, а так как дома работает мой младший брат в кол<л>ективе, то при нем и мы могли бы прожить, а присылать нам что, он не в состоянии. Позвольте нам умереть на родине, мы никакого вреда не делали, но за что, я не могу понять, и этим я ужасно разбиваюсь. Если бы я была здорова, как другие, то мне не страшна работа, я все могу делать, но тем несчастна, что болезненная и глуховата, поэтому мне тяжело работать, и еще раз прошу помилования, разберите наше дело и спасите нас, если возможно и возвратите нас домой жить, не дайте нам на чуж<б>ине погибнуть, и еще раз извиняюсь, если не так пишу, как надо, и жду от Вас ответа просительница Ольга Станкевич.

Адрес: Витебский округ гор<од> Сураж Мельничная улица дом № 15 Рохлий Гепфон.

1931-й год дня 2-го апреля».⁸⁵

Помета: «1925. 8/IV-31».

Переписка ПОМПОЛИТа с О. И. СТАНКЕВИЧ длилась весь 1931 год. Публикуем еще одно ее заявление, написанное в ноябре 1931.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л.Л. 120–122об. Автограф.

«Е. П. Пешковой.

1931-й год дня 10-го ноября
от гр<ажданки> Станкевич Ольги Ивановны,
проживающей с матерью в Сураже
Витеб<ского> окр<уга>,
1-я Советская ул., дом И. Кублицкого,
как административно высланные на 3 года.

Заявление.

5 месяцев тому назад Вы мне сообщили, что мои заявления о досрочном освобождении переслали в Минск для проверки, и что ответа можно ожидать месяца через 2, но до сих пор нет никакого ответа, а также я писала два раза к Вам и тоже не удостоилась получить ответ. Поэтому, чтобы не быть так долго забытой, еще раз напоминаю о себе и возобновляю свое ходатайство, а поэтому прошу Вашей помощи и сообщить, почему нет ответа из Минска, так как мне здешнее ГПУ сказали, что не могут без Минска нас пустить домой, я писала в Минское ОГПУ, но нет ответа, и я не могу понять почему?? Неужели нет никакого ходатайства о освобождении, а почему советуют писать заявления и напрасно. Ведь многих пускают домой, даже тех, которые на 5 лет высланы, а мы на 3 года и на вольную и до того, как Вам известно, считаемся инвалидами, должны пропадать здесь голодом и холодом, и о нас забыли. Поэтому убедительно прошу Вас и умоляю, сжальтесь над нами, бедными беспособными женщинами, ибо я болезненная, не могу работать, а мать – старуха болезненная, и до того имеем слух плохой, поэтому мы не можем работать, а средств к жизни нет никаких, прошу Вас сообщить мне почему нет ответа из Минска. Посылаю на ответ марку. Просительница О. Станкевич».⁸⁶

В ответе ПОМПОЛИТа, датированном декабрем месяцем, сообщалось: «Мы запросили снова о результатах В<ашего> ходатайства о разрешении возвратиться в Мозырь».⁸⁷

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л. 128. Автограф.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 687. Л. 126. Машинопись. 9 декабря 1931.

* * *

3.25. Письма Елены СИПАТОВОЙ (19 лет, выслана вместе с семьей из Средне-Волжского края). Апрель, 23 мая 1931, Восточная Сибирь, ст. Ксеновская Сибирской ж.д., пос. Широкий.

Заявления П. Г. СИПАТОВА, А. Я. КУЗНЕЦОВА, В. З. КАТЕНКОВА (крестьяне, высланы из Средне-Волжского края). 9 мая, 28 мая 1931, ст. Плесецкая Северной ж.д.

Заявление П. Г. СИПАТОВА. 21 октября 1931, г. Архангельск, дер. Лая.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 23 мая, 29 июня 1931, 8 января 1932.

З.П.П. Плесецкое 320
 Сев. Жел. дорога
 деревня Плесецы
 Сипатову
 Петру Григорьевичу
 ад. жел. дорог. стан. Ксенов-
 ная пос. Широкий Сипатовой
 широк. 12/1/1931

<Апрель 1931>

«Пишим письмо дорогим нашим родителям, дяди Васи Катенкову, дяди Андрею Кузнецову и тятиньки. Спешим вам сообщить о нашей несчастной жизни. Завезли нас, дорогие родители, в тайгу и ссадили в бараки, и как хочеш <ь>, так и живи. Живем другую неделю и работы никакой не имеем. У кого мужики тем жить посвободнее. Мужики ходять на работу, получают паек, а мы здесь незнай как будем и кормиться, работы для нас никакой пока нет. Нам паек – это неначто выкупить. Как приехали, да выдавали нам по 5-ти кил<лограм> муки и по 1 кил<лограмму> мяса, все это давали за деньги. Просим вас, сроднички, чтобы вы обнас там похлопотали, нас к себе, а то, прямо, пропащее дело. Если нас к вам нельзя, тогда хлопочите, чтобы нас к вам прислали. Мужикам здесь работа есть: кто ходит пилить дрова, кто плотничает. Только плотников угнали за 35 верст без семей. Просим вас, дорогие родители, пожалуйста, похлопочите, не покиньте нас на чужой стороне, а то мы здесь одни погибнем. Мы на станции ходили к коменданту просить, чтобы нас отправили к вам. Он велел нам писать письмо к вам, чтобы вы хлопотали нас к себе, как вы мужики, у вас головы сообразят лучше нашего. Еще просит Василя Зиновича его супруга Укулина Ивана: “Как можно, Вася, прошу, пожалиста, что похлопочи об нас, не дай нам погибнуть. Послала я тебе, Вася, два писем на паску, после паск в понедельник телеграм<му>, и после телеграм<мы> срочное письмо. Просим ответ телеграммой”.

Тятинька, просим тебя, пожалуста, хлопочи нас к себе, а то мы здесь погибнем. Послали мы тебе два письма и потом телеграм<му>, вместе все трое, и во всех письмах просим об нас похлопотать. Мы подавали на станций заявление, чтобы нас съединили, но он сказал, что лучше бы они похлопотали там. Ещо с нами дядя Владимир Кузнецов со своей дочерью. До свидание. С приветом к тебе твоя доч<ь> Елена».⁸⁸

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 316–317. Автограф. Карандаш.

Письмо написано на тетрадном листке в одну линейку, приписка – на клочке бумаги в клеточку. Знаки препинания, включая точки в конце предложения, отсутствуют, заглавные буквы также отсутствуют; они нами расставлены для удобства чтения, нами также исправлены некоторые грамматические ошибки, но орфография подлинника оставлена. Также и в других письмах Елены Сипатовой.

«В Комиссию помощи политическим
Административно высланного в Северный край
из Средне-Волжского края Сен<гилеев>ского района
с. Кроткова
Сипатова Петра Григорьевича⁸⁹

ПРОСЬБА.

Я выслан 28 января 1930 г. органами ОГПУ в Северный Край на 3 года по ст. 58-10 УК. 22 марта 1931 г. по неизвестным для меня причинам среди ночи без предупреждения взяли и сослали семью в пределы Восточной Сибири. Семья моя состоит из 6 человек: жена 42 <-х лет> больна Туберкулезом, дочь 19 лет, сын 15 лет, дочь 12 лет, сын 7 лет и сын 3<-х> лет, семья почти не имеет ни одного работника, могущего ей оказать материальную поддержку. Получаемые от них письма – сплошной крик о помощи обреченных на гибель людей.

Я подал через районного уполномоченного ОГПУ Плесетского района Северного края заявление о соединении с семьей, Уполномоченный мое ходатайство направил на разрешение ПП ОГПУ Северного края, заявление подано 4 мая. Прошу комиссию помощи политическим поддержать мое ходатайство и ускорить его разрешение, в противном случае беспомощная семья погибнет. Адрес мой: ст. Плесетская Сев<ерной> жел<езной> дор<орги>, деревня Плесцы, дорожному рабочему Сипатову Петру Григорьевичу.

Адмо-высланный П. Сипатов. 9 мая 1931 г.⁹⁰

Помета: «13255. 21.05.1931»

«П. Г. СИПАТОВУ. № 13255. 23.V.31.

В ответ на В/обращение сообщая, что для наведения справки о результате возбужденного Вами ходатайства о соединении с сосланной в Сибирь семьей, пришлите нам копию подданного Вами заявления или же новое заявление, которое мы передадим и ответ Вам сообщим. В заявлении укажите, откуда и куда высланы Вы и В/семья, а также имя, отчество и фамилию В/жены и имена взрослых детей.⁹¹

⁸⁹ Сипатов Петр Григорьевич, род. в с. Кротково Сенгилеевского р-на, проживал там же. Крестьянин. Приг. 15 апреля 1930 тройкой при ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 г. высылки в Северный край. Реаб. в марте 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИИПЦ «Мемориал», 2004.)

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 323–323об. Автограф.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л. 322. Машинопись.

ру, мяса – доподлинно не знаю, сколько, кила 4 масла. И нет здесь ни села, никакой деревни, от станции мы 35 вер<ст>, живем в тайге за Байкалом в бараке. Здесь 21 б<арак>. Наш барак длиной 12 саж<еней> и в бар<аке> нас 70 или больше человек. Тятинька-тятинька, будиш писать – на письмо пришли, пожаласто, бумагу.

Деньги мы не получили. Тятинька, нельзя ли нас туда к вам, там, може<т>, жизнь лучше, а если нельзя, тогда, вы – сюда, горевать – да и всем вмести. Тятенька, у нас здесь нет никакой обуви, только что у меня, а Рая и Коля вовси босиком, у мами тоже нет никакой обуви. Тятинька, если поедидиш к нам, то, пожалуста, привези ведро, а то нам нечим воды принести. Здесь мужиков, которых угнали на золотые прииски, которы<е> здесь ходют тоже на золото, а наши мужики бондарничают. Тятинька, с родины мы не получали никакого известия, не знаю, почему они нам ничего не сообщают. Затем, досвиданье. Кланяемся тебе все: твоя супруга Марья Пет<ровна>, доч<ь> Елена, Володя, Рая, Коля, Миша и желаем всего хорошего и доброго здравия».⁹²

«Е. П. Пешковой.

Помощь политическим заключенным.

На В/№ 13255.

Препровождая при сем заявление о соединении меня с семьей, прошу на означенном заявлении надписать адрес и направить куда следует. При этом заявляю, что мною 4 мая было послано заявление в ПП ОГПУ в гор. Архангельск с просьбой о соединении с семьей, но ответа на заявление до сих пор не получено. Семья до сих пор находится в самом критическом положении, почти голодают. Серьезная просьба поддержать мое ходатайство, в противном случае беспомощная семья может погибнуть. Просьба повлиять на то, чтобы заявление было разобрано по возможности поскорее.

При сем прилагаю письмо от семьи. Письмо относится к трем семьям, Сипатова, Кузнецова и Катенкова, ярко характеризующее их безвыходное положение. Прошу не отказать в содействии скорейшему разрешению моего ходатайства.

Адмо-высланный П. Сипатов. 28.05.1931 года.

⁹² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 319, 319об. Автограф. Карандаш. К письму приложена вырезка из конверта со штемпелем, на к-ом представлена дата: «23.5.31».

Адрес мой: п/о Плесецкая Сев<ерной> жел<езной> дор<оги>, деревня Плесцы, дорожн<ому> рабоч<ему> Сипатову Петру Григорьевичу».⁹³

Помета: «132555. 4/VI-31».

«Е. П. Пешковой. Помощь политическим заключенным.

Препровождая при сем заявление о соединении меня с высланной семьей, прошу Вас написать адрес и направить его куда следует. При этом сообщаю, что мною было подано аналогичное заявление в ПП ОГПУ Северного края в Архангельске, где находится мое дело, но ответа до сих пор нет. Просьба настоящее ходатайство поддержать, т<а>к к<а>к семья терпит крайнюю нужду. Прилагаем к заявлению Сипатова общее письмо, характеризующее критическое положение семьи.

А. Кузнецов.⁹⁴

Адрес: п/о Плесецкое Сев<ерной> жел<езной> дор<оги>, деревня Плесцы. Дор<ожный> раб<очий> Кузнецов Андр<ей> Яковл<евич>».⁹⁵

«Е. П. Пешковой. Помощь политическим заключенным.

Препровождая при сем заявление о соединении меня с семьей, прошу на означенном заявлении надписать адрес и направить куда следует. При этом заявляю, что мною 4 мая было в ПП ОГПУ Северного края в г. Архангельске послано такое же заявление, но ответа не получено. Просьба поддержать мое ходатайство и посодействовать скорейшему его рассмотрению. Прилагается письмо от моей семьи, письмо общее Сипатову, Кузнецову и Катенкову и приложено к заявлению Сипатова.

Адмо-высланный В. Катенков.⁹⁶ 28.05.1931 года.

⁹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 313, 313об. Автограф. Карандаш.

⁹⁴ Кузнецов Андрей Яковлевич, род. в 1878 в с. Кротково Сенгилеевского р-на, проживал там же. Крестьянин. Приг. 15 апреля 1930 тройкой при ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 г. высылки в Северный край. Реаб. в марте 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 314, 314об. Автограф. Карандаш.

⁹⁶ Катенков Василий Зиновьевич, род. в 1888 в с. Кротково Сенгилеевского р-на, проживал там же. Крестьянин. Приг. 15 апреля 1930 тройкой при ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 г. высылки в Северный край. Реаб. в марте 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

Адрес: п/о Плесецкая Сев<ерной> жел<езной> дор<оги>, дер<евня> Плесцы. дорожн<ый> рабочий Катенков Вас<илий> Зиновьевич». ⁹⁷

«СИПАТОВУ Петру Григ<орьевичу>. 13255. 29/VI-31.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, заявление Ваше, Кузнецова Андр<ея> Як<овлевича> и Катенкова Вас<илия> Зин<овьевича>, пересланы в Самару на предмет выяснения возможности соединения с семьей. Ответа можно ожидать мес<яца> через 2». ⁹⁸

«На В/№ 13255.

Комиссия помощи политическим
Административно-высланного
Сипатова Петра Григорьевича

Заявление.

От 29/VI 1931 г. мне на мое заявление о соединении с высланной в восточную Сибирь семьей было Вами отвечано, что мое ходатайство по наведенным Вами справкам направлено в Самару для разрешения вопроса о возможности соединения с семьей и что ответа можно ожидать месяца через два. После полученного от Вас ответа прошло уже три месяца, но я ответа ниоткуда не получал. Прошу Вас убедительно навести справки, в каком положении находится мое дело, и меня известить, т<ак> к<ак> семья моя из-за отсутствия трудоспособных лиц терпит крайние лишения и нужду.

Может быть потому я не получаю ответа, что я по независимым от меня обстоятельствам вынужден был, ввиду перевода на другую работу, переменить место жительства. Адрес мой в настоящее время: гор. Архангельск, дер. Лая, контора Дорстроа, Сипатову Петру Григорьевичу.

21/X-1931. П. Сипатов». ⁹⁹

«СИПАТОВУ Петру Григ<орьевичу>. 13255. 8/I-32.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, обещано ускорить рассмотрение вопроса о соединении Вас с семьей. По получении ответа о результате Вас уведоим». ¹⁰⁰

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л.Л. 315, 315об. Автограф. Чернила.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 603. Л. 312. Машинопись.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 772. Л. 220. Автограф.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 772. Л. 211. Машинопись.

* * *

3.26. **Ходатайство сестер ВОРОНИНЫХ.** 25 мая 1931, Кантемировка ЦЧО.

Заявление их сестры А. А. ШЕВЦОВОЙ (выслана с детьми из ЦЧО в Уссурийский край). 17 июля 1931, ДВК, Уссурийская ж.д., разъезд Кругликово, Обдорская ветка уч. лес. совхоз. Переселенка.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 апреля 1932.

«Комитет Помощи Заключенным
Екатерине Павловне Пешковой.

Причиной непосредственного к Вам обращения есть следствие нашего недопонимания в правильности высылки нашей сестры с двумя малолетними детьми в Уссурийский край.

В прошлом году она была выселена в другой район, а в марте месяце 1931 года ее выслали в Уссурийский край. В семье, в которой живет сестра, только один мужчина 24 лет трудоспособный – брат умершего мужа, мать, уже старуха преклонных лет, да малолетние дети, одному 5 лет, а другому 3 года.

Не имея никаких средств к существованию, она <не> сможет воспитать детей. Мы являемся сестрами высланной гр<ажданки> Ан<ны> Ал<ександровны> Шевцовой. Работаем в школе I-й ступени без перерыва с самого начала существования Советской власти.

Настоящим ходатайствуем о том, чтобы нам взять на свое иждивение сестру с малолетними детьми. Подготавливая и воспитывая в школе молодое поколение в коммунистическом духе, мы сумеем дать должное воспитание малолетним сиротам (детям нашей сестры), которых никто не может поддерживать, кроме нас.

К сему учительницы Воронины.

25/V – 1931 г.

Просьба ответить по следующему адресу: Кантемировка ЦЧО. Улица Буденного № 2. Учительнице П. А. Ворониной.

Просьба ответить»¹⁰¹.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 642. Л.Л. 368, 368об. Автограф.

«1931 год. 17 июля.

Заведующей Комитета помощи заключенным
Екатерине Петровне¹⁰² ПЕШКОВОЙ.

От Шевцовой Анны Александровны,
происходящей из слоб<оды> Писаревки ЦЧО,
в настоящее время находящейся на высылке в
Д<альне> В<осточном> крае Уссурийской
ж<елезной> дор<оги>.

Заявление.

Следствием непосредственного обращения в центр<альную> орган<изацию> в Вашем лице, что я никак не могу признать и согласиться с тем, что за мое прошлое я и мой малолетний ребенок заслужили примененной мере наказаний высылке в Уссурийский край, как социально чуждый элемент.

Мотивы не согласия следующие. Я выходец из трудовой семьи, в 1910 году вышла замуж. Замуж за гражданина Шевцова Андрея Иннокентича. Отец которого имел небольшую лавочку в захолустной деревне, оборот которой был равен единицам в ден<е>. Обслуживалас<ь> торговля исключительно за счет членов двора, не привлекая никакого наемного труда. Характерным было бы указат<ь>, <что> только лиш<ь> за счет торговли жили.

После революции хозяйство наше было наделено землей земельным обществом, а до революции не имели земли, потому что как иногородние, но когда прошел общий передел, то наделили и нас. Как хозяйство, состоящее из струженников, и полученная земля обрабатывалас<ь> засчет своего труда, выполняя и уплачивая окуротно все государственные и общественные повинности.

1920 год, помимо занятий хлебопашеством, мой умерший свекор имел патент на постоянный двор, однако мы не прирывали занятия с<ельского> хоз<яйст>ва. Это поступило поводом в 1928 год<у> обложит<ь> в индивидуальном порядке, до этого индивидуальные не облагались и не лишались<ь> права голоса. Такое наказание для нашего хозяйства было не посылно, следствием чего было подвергнуто штрафу, в погашении которого было отобранно все постройки, как кроме <них>, нечего было взять.

¹⁰² Отчество Е. П. Пешковой указано неправильно.

В 1928 год<у> умер мой муж, оставив семью в единственном моем лице трудоспособного члена семьи, остальные преклонных лет отец 70 лет и мат<ь> мужа 65 лет и дети от 5 лет и 3 года, что крайне привело в тяжелые жизненные условия наше семейство.

В 1929 год<у> на основе прошлого – торговля и как штрафованное хозяйство, раскулачили, и в 1930 год<у> в августе месяце выслали в другой район, как кулак<ов> 3 категории, где и умер мой свекор.

Оставшис<ь> с малолетними дет<ь> ми, в 1931 год<у> в марте месяце выслали меня в Уссурийский край, что вовсе меня поставило с малолетними детьми в непосильное условие, но тут же в апреле месяце умер у меня 5 лет<ний> ребенок так что в настоящее время является у меня мальчик 3-х лет.

В силу изложивших обстоятельств я и мои дети явились жертвой за не свойственные гр<ехи моего мужа и свекра, в настоящее время умерших. Поэтому прошу Вашей помощи предоставит<ь> бы мне с малолетним ребенком возможность<ь> вернуться на родину в мою семью, откуда я явилась выходцем. Т<о> е<сть> у меня три сестры все время существования сов<етской> власти работают учительницами, подготавливая и воспитывая молодое поколение к закреплению октябр<ь>ских завоеваний.

Лично я, как была выходцем из трудовой семьи, такой и была все время, только что приписанные мне признаки, уличающие меня как социально опасного гр<аждани>на мне они не свойственны, а есть следствие, а ест<ь> следствие формально-наследственного перехода, и особенно это не относится к моим детям. Все это относилос<ь> к умершим свекра и мужа. Поэтому еще раз прошу обратит<ь> Ваше внимание с результатом. Содействуйте мне и моему ребенку возврату на родину к моим родным сестрам-учительницам, в среде коих я не меньше буду общественно-полезным человеком, а особенно этого требует интерес при мне находящегося ребенка, который ни в чем не виновен, но подвергнут ужасным переживаниям. С получением просьбы не медленно дать ответ по существу заявления, укажите, какие не обходимы до<ку>менты или другие по<д>тверждения для окончательного результата в положительном для меня исходе.

Адрес: Д.В.К. Уссурийская ж<елезная> дорога, раз<ь>езд Кругликово, Обдорская ветка уч. лес. совхоз. Переселенка. 9 квартал. Анн<е> Александровне Шевцовой.

Присем прилагаю две марки»¹⁰³.

Пометы: «13696. 21/IX-31 г.» «Марки 2 <no> 15 к<oneek>».

«Гр-ке ВОРОНИНОЙ П. А. 13696. 23/IV-32.

В ответ на В/запрос сообщаю, что Ваше заявлен<ие> об освобождении В/сестры ШЕВЦОВОЙ Анны Александровны нами передано в ОГПУ. Согласно полученной справке, оно переслано ПП ОГПУ в Воронеж на заключен<ие>. Ответ ожидается мес<яца> через два. По получении справки уведомим без В/повторного запроса».¹⁰⁴

* * *

3.27. Письма Н. Н. ДОРОФЕЕВОЙ (выслана из Ленинграда). 21 июля, 3 октября 1931, Котлас. 7 апреля 1935, Вологда.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 19 октября 1936.

«21/VII-31 г. Глубоко много уважаемая Екатерина Павловна!

От о<тца> Леонида Иван<овича> Федорова¹⁰⁵ я узнала, что он решился написать Вам о моем тяжком до отчаяния положении. Очевидно у него доброе сердце, я ему благодарна очень от ободрения этим и сама решаюсь побеспокоить Вас. Я знаю, как Вы заняты, но уделите мне несколько минут сейчас!

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 642. Л.Л. 375–377. Автограф.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 749. Л. 126. Машинопись.

¹⁰⁵ Федоров Леонид Иванович (1879, СПб – 1934, Вятка) – экзарх русских католиков. Ар. 23 февраля 1923 по групповому делу католического духовенства. Обвинялся «в противостоянии власти в изъятии церковных ценностей, обучении несовершеннолетних Закону Божьему, зарубежных контактах и к-р пропаганда». Приг. на открытом судебном процессе 21–26 марта 1923 по ст.ст. 63 и 119 УК РСФСР к 10 г. тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольниковской тюрьмах Москвы. 26 апреля 1926 по ходатайству ПОМПОЛИТа освобожден досрочно с запрещением прож. в 6 городах и пограничных областях. Поселился в Калуге. Ар. 10 августа 1926 в Могилеве, куда приехал для совершения богослужений по восточному обряду. 18 сентября 1926 приг. к 3 г. ИТЛ и отправлен в Соловецкий к/л. 13 августа 1929 из к/л освобожден, отправлен в ссылку в Архангельскую обл., где в начале 1931 был вновь ар. и после 6 мес. тюрьмы выслан на 3 г. в Котлас. В конце 1933 из ссылки освобожден с ограничениями проживания в 12-ти городах и пограничных обл. В январе 1934 поселился в Вятке, где умер 7 марта.

Из письма о<тца> Л<еонида>, я думаю, Вы уже знаете и о моих болезнях, и о годах, и о полной нищете и одиночестве. Я же горячо прошу Вас понять, есть ли основания для такого страдания и если возможно, помочь спастись от него.

Я отбыла ½ срока и единственным спасением было бы возвращение меня в Ленинград, где благодаря тому, что это мой родной город, у меня есть старинные знакомые, кот<орые> вследствие нужды лишены возможности помочь мне сейчас, но могли бы дать мне угол и поделиться чем-либо от стола за какие-нибудь маленькие мои услуги. Между тем для приговора, кот<орый> явился для меня медленной смертной казнью, не было никаких оснований. Арестованная 28 февраля (1930 г.) я была допрошена (и то после настоятельного заявления) единственный раз 17 марта кратким, в несколько минут допросом. Мне были названы 4–5 лиц, кот<орых> я не только не знала, но и фамилий их не слышала. Только одна женщина была моей случайной “уличной” знакомой и следователь сказал, что она показала, что я в разговоре с ней “ругала Сов<етскую> Власть”. Я просила объяснить мне серьезно в чем “дело” и мое к нему отношение, но следователь заторопился, обещав мне, что “завтра” он вызовет меня, обстоятельно поговорит и, вероятно, отпустить. Но этого “завтра” не последовало никогда. Я просидела в ДПЗ 7 месяцев, подала 7 заявлений о допросе, и прося хоть познакомить меня, в чем дело, но без результата. Вызвана была лишь через неск<олько> месяцев для подписания предъявленной статьи (опять-таки без допроса) и тогда узнала, что ст<атья> моя 58 п<ункт> 11 – значит, принадлежность к какой то “организации” и тут упоминалось о “сношениях с границей и жизнь за границей”. У меня же за границей нет буквально никого, ни родных, ни знакомых, и за все время Сов<етской> Власти я не написала туда <н> и единого письма. К организациям же, к группам ни к каким никогда не принадлежала. В конце 7-го мес<яца> дежурный надзиратель звал меня из общей камеры на площадку лестницы и прочел приговор <к> 3-х годам заключения в концлагере! Т<ак> к<ак> я все еще ждала, что показания будут проверены, допрошены свидетели, даны очные ставки, приведено какое-нибудь серьезное основание, и я познакомлена с делом, то потрясение, кот<орое> я тогда испытала – явилось источником новых, серьезных болезней. Из Соловецких лагерей я после 6-ти мес<яцев> (из них 3 в лазарете) пройдя, кроме ла-

зарета, еще два раза мед<ицинские> комиссии, была досрочно освобождена и отправлена на высылку в г. Котлас, где и нахожусь третий месяц.

По происхождению я, действительно, пролетарка, отец почти 50 л<ет> был преподавателем математики – и от юности знала только нужду и труд. И отец, и мать очень пострадали при старой Власти (боюсь Вас задерживать рассказами всего перенесенного мною благодаря этому с детства), и у меня не было решительно никаких причин быть когда-либо, в чем-либо против Сов<етской> Власти, и мне не смогли бы никогда привести ни одного факта в этом отношении!

М<ожет> б<ыть> мне следовало бы подать на пересмотр, но я не знаю: ведь тут п<ункт> 11, и замешаны какие-то лица, мне неизвестные. Не знаю, как быть? Пока я решилась написать в “Отд<ел> частн<ых> амнистий”, и 12-го июля послала заявление на основании болезней, старости и тяжелого матер<иального> положения, а также ½ срока.

Екатерина Павловна! Не откажите протянуть руку помощи, примите участие! Ведь я погибаю. За что же? М<ожет> б<ыть> Вы смогли бы узнать, не пропало ли мое заявление и может ли оно иметь результат? Или уж подавать на пересмотр?

Адрес мой: г. Котлас (Северо-Двинского округа), улица Ленина д<ом> 17. Но я просила бы Вас для надежности, если вы удостоите меня каким либо ответом, послать его “до восстановления”.

Простите и помогите! Дорофеева Наталия Николаевна».¹⁰⁶

Пометы: «14606. 14/VIII-31 г.» «Отв<етить>, чтоб прислала заявл<ение> о доср<очном> осв<обождении>. По получении использовать материал письма. Е. П. 19/VIII-31».

«3/X-31 г. Котлас. М. Ленинградская д. 17.

Глубокоуважаемый Михаил Львович.

Получив Вашу открытку от 26/IX за № 14606, я пришла в полное отчаяние. Очевидно, или пропадают мои бумаги к Вам, или происходит какое-то столь долговременное (почти 3 мес<яца>) недоразумение, что оно мне грозит очень печальным концом. С середины июля я прекрасно знаю, что

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 638. Л.Л. 302, 302об. Автограф.

Пол<итическая> Пом<ощь> не сносится с Отд<елом> Частн<ых> Амнистий. Писала я туда задолго до обращения к Вам относительно моего положения Л<еонида> Ив<ановича> Федорова. После письма же Ек<атерины> Павл<овны> от 21/VIII и по ее же указанию я написала заявление вовсе не в Отд<ел> Амн<истий>, а в Моск<овское> ОГПУ, и не об амнистии, а о досрочном освобождении. Куда же они пропали, если Вы снова через 1,5 мес<яца> по их отправке (они были посланы заказным) извещаете меня опять о том же, об Отд<еле> Амн<истий>, что я без того знаю с июля. Мои заявления о досрочном освобождении в ОТПУ были посланы в двух экземплярах. В одном я касалась сути дела и, хотя мимоходом, но неправильностей следствия, во втором только просила, мотивируя старостью (55 л<ет>), тяжкими, опасными болезнями, полным одиночеством и нищетой. Посылала оба экземпляра на Ваш выбор, – какое Вы признаете лучшим для передачи. Адресованы они были на имя Ек<атерины> Павл<овны>. Первая строчка была оставлена свободной, т<а>к к<а>к я не знала, можно ли обращаться только в ОГПУ, не именуя Коллегию, и думала, что правильный заголовок поставите Вы. Значит, это все пропало?! И до Вас не дошло?! Но тогда, какой же способ сообщаться? Я думала, что они с конца Августа уже переданы по назначению, что делу дан хоть какой-нибудь ход, и жила ожиданием от Вас обещанного извещения о результате. И вдруг через месяц получаю это Ваше письмо опять о тех же амнистиях и вижу, что, очевидно, мои бумаги не доходят до Вас.

Мне простительно впасть в отчаяние. Для меня, действительно, “промедление времени смерти без возврата подобно”. С середины июля я буквально голодаю, живу случайными крохами – милостыней сочувствующих людей, кот<орые> и сами здесь нуждаются, а никаких продуктов, никакой помощи не получаю. За угол платить нечем, лекарство, облегчающее хоть немного страшные физические страдания, купить не на что, ни рубля не имею. Заработка посильного и по специальности найти здесь невозможно. Ведь это же медленная, мучительная, смертная казнь. Болезни усиливаются при этой жизни так, что скоро будет поздно. На этих же основаниях я недавно обращалась в здешний отд<ел> ОГПУ (опер-сектор) и просила разрешить мне переехать в г. Вологду, где я могла бы 1) получить серьезную медицинскую помощь и больничное лечение, а здесь я ее не имею, 2) найти посильный заработок

по специальности, чего в Котласе тоже нет. Одновременно с подачей заявл<ения> в опер-сектор я написала 16-го сент<ября> (послала опять заказным) письмо Ек<атерине> Павл<овне>, просила поддержать мое ходатайство о Вологде (через Архангельск или Москву) и спрашивала, переданы ли мои ходатайства о досрочном освобождении. В ответ получаю вашу открытку опять об Отд<еле> Амн<истий>, из чего убеждаюсь, что и это не дошло. Как же быть?! А я уже успела на этих днях получить от здешнего опер-сектора относительно Вологды – отказ. Я буквально погибаю, и все мои попытки спастись ни к чему не приводят.

Очень прошу Вас, если вы не пренебрежете мной, не откладывая, ответит мне теперь, что же мне делать?!

Дорофеева Наталия Николаевна.

Прошу простить за плохое письмо, но я очень больна, писать трудно, и надо торопиться и торопиться.¹⁰⁷

Помета: «№ 14606. 31/X. 31».

Н. Н. ДОРОФЕЕВОЙ удалось при содействии ПОМПОЛИТа вернуться в Ленинград в 1933, но 22 марта 1935 она была вновь выслана.

«7/IV-35 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Екатерина Павловна! Думала ли я, что через 2 года мне опять придется беспокоить Вас, искать только в Вас спасения, и просить Вашего заступничества!

Предполагаю, что за эти почти два года за массой дел и имен, Вы позабыли меня, я напому Вам о себе хоть немного, чтобы не излагать сущность моего тогдашнего “дела” (если только сплошное “недоразумение” можно так громко назвать). Помимо нашей личной переписки, Вам много писал обо мне Леонид Иван<ович> Федоров (экзарх), с кот<орым> мы были одновременно в ссылке в Котласе, а еще Вам лично обо мне говорила не раз Ел<изавета> Ник<олаевна> Щелкан, когда она вернулась в Москву, она мне об этом писала. (Где-то они оба теперь?) Вы и Мих<аил> Львович приняли тогда такое горячее участие в моей злосчастной доле, и буквально спасли меня! Я получила тогда (в 33-м году) в “чистую”, и мне дали даже направление на мой родной город Ленинград.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 638. Л.Л. 305–306об. Автограф.

При моих мучительных тяжких болезнях на 59-ом году я могла жить только там, где и родилась, и училась, и трудилась, где у меня старинные друзья, где я всегда могла найти случайный заработок, и где за небольшие услуги мне друзья могли дать тарелку супа. Но в Ленинград я попала в 33-ем году в период яростной паспортизации, и опять только благодаря Вам и Мих<аилу> Львовичу я получила тогда после мытарств там паспорт. Казалось, страданиям наступил конец, но нет – это только коротенькие каникулы были!

Теперь новая и еще горшая беда, Екатерина Павловны! В Вас все спасение! Помогите, добрая, незабвенная!

Теперь меня выгнали из Л<енинграда> буквально без малейшего основания и обрекли на голодную смерть, без крова здесь в Вологде. Дело в том, что я жила у Ольги Вас<ильевны> Ротштейн, кот<орая> помогала мне и в ссылке и кот<орая> по состраданию приютила меня тогда же, когда я вернулась из ссылки, на своей жилплощади. Но она дочь генерала, и хотя он умер 50 лет назад, и она всю жизнь тоже работала (ей сейчас без одного 70 лет) ее, как таковую, выслали, а вместе с ней, только “за компанию”, и меня.

Когда пришли к ней с обыском (теперь обыск у всех высылаемых), то на меня не было никакого ордера, и я не была даже упомянута. Но обыск был произведен, конечно, и у меня. Буквально ничего ни у нее, ни у меня взято не было, только портрет ее отца в генер<альской> форме, тем не менее ее взяли на Нижегородскую, и через день дали приказ выехать в трехдневный срок, сказав, что ни в чем ее не обвиняют, а вместе с ней как одну семью (а между тем я даже никогда и в Жакте не считалась ее иждивенкой, и О<льга> В<асильевна> платила поэтому “излишки”, что я была “временной жилищкой” без площади), на одном бланке и меня. Жакт именно не признавал меня иждивенкой как не родственницу. Высылают за происхождение, и с этой стороны я никак высылке не подлежу. Отец мой – учитель математики и по происхождению из крестьян Рязанской губ<ернии>. Никакой собственности у нас не было, я с 16-ти лет, еще учась, стала зарабатывать, и мы всегда нуждались. По старому “Весь Петроград”, по кот<орому> теперь наводят справки, и где О<льга> В<асильевна> значится “дочь генерала”, я всегда значилась самостоятельно, не как чья-то дочь, а или “дом<ашняя> наставница” (Вы знаете, это педаг<огический> класс при золотой медали) или по

своему артистическому образованию “своб<одной> художницей”. Замужем я не была.

Каким образом я стала вдруг иждивенкой, когда никогда таковой не признавалась, не на основании же слов О<льги> В<асильевны>, что она мне помогала, чем могла! Теперь здесь она мне уж буквально ничем помочь не может, ей пришлось побросать все имущество (что же можно сделать в три дня!) и обнищать совершенно. Заработка здесь ей не найти, и я для нея непомерный груз и мученье, она сама обречена на голод.

Дорогие Екатерина Павловна и Михаил Львович! Спасите! Где же правда? За что? На каком основании обрекать на такую муку! Ведь смерть не идет, а страдание без меры! Отзовитесь по-прежнему! Похлопочите, молю Вас! Буду считать часы до Вашего ответа, вся надежда на Вас!

Наталья Дорофеева.

Простите Вашим чутким сердцем, если м<ожет> б<ыть> бестолково и неразборчиво пишу, рука дрожит и мысли мутятся! Если что неясно – спросите, я тотчас поясню, если чего не договорила, но старалась яснее писать.

Ведь то, что я была два года назад в ссылке (ст. 58-11) – тоже сейчас не основание, я ведь получила в “чистую”, и никого за это сейчас не высылают. Я знаю несколько человек, отбывших лагеря и ссылки, и их не выселили и не тронули.

Адрес: Вологда. Вокзал – Почта. До востребования. Натальи Николаевне Дорофеевой.

Р. Р. S. Если дело в жилплощади (освобожденные жилплощади считаются за Н.К.В.Д.), то мне ее не будет нужно. В Л<енинграде> меня приютят знакомые на своей.

Меня даже повесткой не вызывали и не опрашивали совсем, а сочли просто “заодно”. Между тем, 1 год и 8 мес<яцев> я жила как “врем<енная> жилища”, и Жакт не признавал меня иждивенкой, как потому, что я не родственница, так и потому, что при 40 р<ублей> пенсии О<льга> В<асильевна> не могла никого иметь на иждивении. А тут вдруг оказалась таковой для ссылки! Что же это такое?! Спасите, дорогая, добрая, выясните это, похлопочите! Ведь без Вашего участия останется непо-
сильное мученичество!»¹⁰⁸

Помета: «3959. 14/IV-35 г.».

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1341. Л.Л. 109–110об. Автограф.

ПОМПОЛИТ продолжал хлопоты по освобождению Н. Н. ДОРОФЕЕВОЙ из ссылки, но и спустя полтора года она все еще оставалась в Вологде.

«Гр. ДОРОФЕЕВОЙ Н. Н. 3959. 19/Х-36.

В ответ на В/обращение сообщаю, что заявление Ваше нами получено и передано по назначению. Вновь обещано вы-¹⁰⁹яснить возможность удовлетворения В/ходатайства».

* * *

3.28. Ходатайство Е. А. КУДРЯШОВОЙ об арестованном сыне. 26 сентября 1931, Нижний Новгород.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 28 октября 1931.

«26 сентября 1931 года.

Обращаюсь <к> доброй помощнице с просьбою: помогите нам вернуть нашего кормильца в свое гнездышко, дети плачут, ждут папачку каждый день, его нет и нет 9-й месяц; не-вес<т>ка моя Вам писала, <а> ответа нет, она измучилась, ждавши своего невинного мужа, тяжело ей бедной кормить нас; дети малы: 11 л<ет> и 8 л<ет>, а я старуха 67 л<ет>, приходится работать не по силам: стирать, пол мыть, воду носить, помои выносить, а зимой придется дрова носить на верх, а так много горя перенесла в жизни своей, руки трясутся, даже вещи падают из рук, плохая я помощница, а есть хочется, а где чего брать рабочему люду? Мы ведь не бывшие буржуи и не купцы; весь род моего сына рабочий, а я бывшая ленинградская сирота безродная; муж мой с 9-и лет пошел на завод заклепки подавать, был помощником машиниста, а потом машинистом, умер он 36<ти> л<ет> оставил мне сына 7 л<ет>; тяжело мне было поставить его на ноги, всего натерпелась; всегда были унижены, так неужели и теперь страдать ему и детям его? детей жалко хочется им беленького хлебца, а нам и черного не хватает, без приварка, кроме картошки, мать у них получает 85 р<ублей>, продавать нечего, все продано до необходимости; прошу вас, помогите, спасите нас от нищеты, сын мой взят больным, у него запор был три недели, наверно, и голова сильно болела; умирать буду, скажу, что сын мой не виноват ни в чем.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. Л. 209. Машинопись.

Мать Кудряшова Николая Михайловича¹¹⁰, арестован 21 января этого года водным ГПУ.

Адрес мой: Жуковская, дом 18, квартира 10. Е. Афанасьевна, буду ждать ответа. Н-Новгород».¹¹¹

Помета: «№ 17048. 27/X 31».

«КУДРЯШОВОЙ Е. А. 17048. 28/X 31.

В ответ на В/обращение сообщаю, что по полученной справке, В/сын КУДРЯШОВ Ник<олай> Мих<айлович> приговорен к 3 годам ссылки на Урал».¹¹²

* * *

3.29. Письмо Кати и Вовы ВОЩИНИНЫХ (18 и 7 лет) с ходатайством об отце, высланном в Сибирь. 7 октября 1931, Минск.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 1 января 1932.

«Уважаемая Екатерина Павловна! Нашей мамой была подана просьба Вам ходатайствовать перед Минским О.Г.П.У. в пересмотре дела нашего отца Даниила Константиновича Вощинина, админист<ративно> высланного в Сибирь на 3 года, и был получен от Вас ответ от 12/XII 1930 года за № 6463, где в пересмотре дела отказано.

Теперь мы, дети Катя 18 лет и Вова 7 лет, просим Вас, уважаемая Екатерина Павловна, не отказать в ходатайстве перед Иркутским О.Г.П.У. в отзывании его из тайги куда-либо в район на другую работу, ввиду его болезненного состояния. Удостоверения о его болезненном состоянии находятся у вас, Екатерина Павловна, а в данное время он начал страдать ревматизмом. На лесозаготовке в дер<евне> Подволошино Киренского района он уже работает второй год лесорубом и живет в лесном бараке. Знает он языки английский, немецкий и французский, хотя не в полном совершенстве, но может быть

¹¹⁰ Кудряшов Николай Михайлович, род. в 1888. Старший экономист транспортной секции крайплана Нижегородского крайисполкома. Ар. 21 января 1931 в Н. Новгороде. Обвинялся по ст. 58-7. Приг. к 3 г. ссылки на Урал. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 672. Л.Л. 165, 165об. Автограф.

¹¹² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 672. Л. 167. Машинопись.

использован как преподаватель в кружках, также музыки (рояль) и затем, будучи 10 лет юрисконсультom Минкомхоза, он был одним из спецов “жилищного права”. Наше мнение и просьба, то можно было бы, ввиду его состояния, использовать его по выбору О.Г.П.У. на одной из вышеизложенных должностей. Наш адрес: Минск, Провиантская 22.

Катя и Вова Вощинины.

Адрес папы: п/о Чечуйск Киренского р<айона>, дер<еревня> Подволошино, лесозаготовка.

7 октября 1931 года». ¹¹³

«В. ВОЩИНИНУ. 6463. 1/1-32.

В ответ на В/обращение сообщая, что, согласно полученной справке, заявление Ваше о пересмотре дела В/отца, Дан<ила> Конст<антиновича> ВОЩИНИНА, переслано в Минск на заключение. О результате по получении ответа Вас уведомим.

Об использовании же В/отца по специальности о снятии с лесозаг<отовительных> работы, Вы можете прислать нам другое заявление на имя ОГПУ, к<отор>ое мы передадим и о результате Вас уведомим». ¹¹⁴

* * *

3.30. Заявление и письмо С. Х. ТУМАЛАРЯН (85 лет) с ходатайством об освобождении высланного сына. 4 ноября 1931, 5 марта 1932, Тифлис.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЕ

О<бщест>-ВА ПОЛИТ. ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Екатерине Ивановне ¹¹⁵ ПЕШКОВОЙ.

Москва.

От Софьи Хачатуровны ТУМАЛАРЯН, прож<ивающей> по Абас-Абадской пл<ощади> № 4, Тифлис.

Заявление.

Да здравствует Советская Власть, которая освободила женщину и доверила ей ответственные работы.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 746. Л. 16. Автограф.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 746. Л. 25. Машинопись.

¹¹⁵ Отчество указано неверно.

Да здравствует наша руководительница КРУПСКАЯ и КЛАРА ЦЕТКИН.

Эти слова говорит старуха-мать 85 лет.

Дорогие товарищи, прошу от Вас помощь для освобождения моего сына, который арестован лишь по подозрению и уже три года находится в ссылке /УСТЬ-ВЫМ, Коми Зырянская Область, Лагерь Усть-Вымского Управления, Тумаларян Мартирос Назаретович – 40 лет/.

Без него голодает его многочисленная семья: Жена больна, я – мать в глубокой своей старости – беспомощна и нетрудоспособна, дети без помощи и надзора.

Дорогие товарищи, прошу войти в наше безвыходное семейное положение и в честь 14-й годовщины ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ освободить моего единственного кормильца.

С нетерпением ждем Вашего срочного ответа в полной уверенности, что просьба несчастной старушки будет уважена.

Шлю Вам мой привет и желаю Вам многолетней жизни.

<Подпись на армянском языке>

4 ноября 1931 г.

г. Тифлис».¹¹⁶

Помета: «17894. 5/XII-31 г.».

7 декабря 1931 ПОМПОЛИТ послал С. Х. Тумаларян сообщение с предложением прислать в его адрес ходатайство на имя ОГПУ.

«5 марта 1932.

Тифлис.

Дорогая Екатерина.

Я очень рада и благодарна за то, что ответили бедной старушке. Должна Вам сказать следующее: тот ответ, который Вы писали, мы послали сыну, но он уже пишет пятое письмо и говорит, что он не получил.

Но подробно пишет как и когда его арестовали. Арестовали его в городе Архалкалаки 28 июня 1929 года, приговорен постановлением ОГПУ от 13 марта 1930 г. Москва за № 98474 в концлагерь. Все это случилось во время его работы в мастерской.

Он уже постарел ему 56 лет и болен и как Вам известно единственным кормильцем семьи из пяти душ был он.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 620. Л.Л. 184, 184об. Машинопись.

Социальное его происхождение: отец его был рабочим и научил своего сына ремеслу, никого не эксплуатировал ни он и ни мой сын и жили своим заработком.

Вообще дорогая Екатерина я прошу и умоляю Вас пересмотреть его дело и освободить моего сына. Я больна и может быть умру, потому, что очень стара, мое единственное желание видеть сына и знать, что наш кормилец вернулся. Сегодня я узнала, что 8 марта большой праздник ДЕНЬ ЖЕНЩИНЫ в лице РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КЛАРЫ ЦЕТКИН, освободивших ЖЕНЩИНУ и поставивших на один уровень с мужчиной. ЖЕНЩИНА которая имеет решающий голос наравне с мужчиной.

Дорогая ЕКАТЕРИНА поздравляю ВАС с ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА – ДНЕМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИН.

Прошу немедленно ответить мне, посмотрев дело моего сына. При сем присылаю адрес моего сына: уважающая Вас старуха София Хачатуровна Тумаларян.¹¹⁷

Пометы: «Запр<осить> Уч. о нов<ом> приг<оворе>. 14/IV-32. <М. В.>». «17894. 1/VI-32».

3 июня 1932 ПОМПОЛИТ послал С. Х. ТУМАЛАРЯН сообщение о том, что для ходатайства нужно написать заявление в ОГПУ.

* * *

3.31. Письма Тоси ИЛЛЮМИНАРСКОЙ (14 лет) с ходатайством об отце, высланном в Тамбов. 22 ноября 1931, <конец января>, 1 апреля, 22 апреля, <июнь> 1932, Тверь.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 8 января, 14 ноября 1932.

«Председательнице О<бщест>ва Красного Креста
Екатерине Павловне Пешковой.

Уч<ени>цы школы Ф.З.С. при заводе 1 Мая
в г. Твери Тоси Иллюминарской

Заявление.

Уважаемый товарищ Екатерина Павловна! Я очень прошу Вас прочитать мое заявление и мне помочь. 10-го апреля

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 795. Л. 221. Машинопись.

1931 года был арестован мой папа, Всеволод Васильевич Иллюминарский, который служил педагогом в г. Твери 33 года и был последнее время зав<едующим> учебной частью нашей Ф.З.С. Папа мой всегда был лучшим работником, старый революционер, выпустил очень много учеников и учениц, которые сейчас уже крупные строители социализма в нашей стране и до сих пор вспоминают папу с благодарностью, о чем ему и пишут. Папу арестовали, вероятно, потому, что в Твери до этого были арестованы некоторые люди, которые к нам иногда приходили. 10-го папу арестовали, я очень волновалась, а 16-го IV<апреля> я уронила на колено ножницы, и меня взяли в хирург<ическое> отд<еление>, у меня сделалось заражение крови, и мне 17-го V<мая> отняли левую ногу до бедра. Когда у меня случилось это несчастье, Г.П.У. папу выпустило, и он продолжал служить. А в июле он неожиданно вдруг получает бумажку, что его высылают. Это было ужасно для меня и для него, т<а>к к<а>к моему папе 60 лет, и он совсем больной, у него большое сердце, склероз, и 12 раз было воспаление легких. Ему нужно было бы давно выходить на пенсию, но он очень хороший работник, и сам так любит школу и работу. Школа и организация дали о нем отзыв как о лучшем ударнике и общественнике. Пионеры и я уже писали в Пол<итическое> пред<ставительство> О.Г.П.У. в Москву. Только ответа никакого не получили. Папа мой сначала выбрал г. Ярославль, поехал туда, и его провожала мама (она Мед<ицинская> сестра первой помощи на производстве), а меня оставили в больнице. В Ярославле папу не приняли, тогда они поехали в Тамбов, и там с августа месяца папа не может найти работу и очень плохо себя чувствует. Сейчас я из больницы вернулась домой. Учиться этот год я не смогу, т<а>к к<а>к рана в ампутированной ноге не заживает. Работает одна мама и получ<ает> 55 р<ублей> в месяц, должна содержать отца, меня и 73 л<ет> мать. А, главное, я была, кроме школы Ф.З.С., еще 7 лет в балетной студии ученицей, имею много отзывов и благодарностей от организаций о моих выступлениях, и потерять ногу мне еще тяжелее, чем кому-либо, а разлука с отцом, кот<орого> все считают осужденным на изгнание недоразумением, меня приводит в отчаяние. К<а>к дальше жить нам <?>. Если бы у папы там была работа, мы бы с мамой и бабушкой туда поехали, но он безработный. Он ни в чем не виноват, это все знают, вся школа о нем горюет и верят, что это недоразумение выясняется. Но когда это будет, а жить т<а>к, к<а>к мы сейчас живем, не-

возможно. Я с 1-го класса вела большую общест^{венную} работу, была все время в Учкоме, а теперь я лишена всего, семьи, ноги, ученья, пока у меня не будет возможности. Дорогой товарищ Екатерина Павловна! Я у Вас прошу одной только справедливости – разберите мое заявление. Помогите мне, говорят, Вы можете это сделать. Я – пионерка, папа был моим самым лучшим руководителем, его все любили, и в Г.П.У., когда он был, к нему относились прекрасно, а с его высылкой разбилась вся моя жизнь. Папа пишет, что найти работу в Тамбове ему а/в¹¹⁸ педагогу, да еще в 60 лет – невозможно. А здесь он мог бы еще много принести пользы государству, он был и считался лучшим педагогом-словесником всегда. Он меня учил всегда говорить одну правду, вот я все Вам и пишу откровенно и я знаю, когда дело разберут, папу вернут и дадут ему возможность продолжать работу.

Пожалуйста, прошу! Разберите мое заявление и узнайте от П. П. О.Г.П.У. о нашем пионерском прошении. Мы все так ждем!

Мой адрес: г. Тверь Солодовая 13 кв. 1. Тосе Иллюминарской.

Папин же: г. Тамбов. Уг^{ол} Советской и Ленинградской д. 54 кв. 16,

В. В. Иллюмин^{арский}.

Я знаю, верю, что у Вас я найду справедливости, и Вы дело разберете.

С пионерским приветом. Тося Иллюминарская. 14 лет.
11/10-31 года».¹¹⁹

Помета: «17565. 22/XI-31 г.»

К письму Тоси были приложены копии отзывов об ее участии в благотворительных акциях.

«Копия.

С.С.С.Р.

Ячейка Содействия Лиги помощи голодающим
детям трудящихся Германии при Губсуде.

Март 19 дня 1924.

Дорогой Тюттик!

Маленькие дети голодающих рабочих далекой Германии благодарят тебя за то, что ты своими милыми танцами на

¹¹⁸ Административно-высланный.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л.Л. 90–91. Автограф.

спектакле 21 февраля привлекла много публики, с которой мы собрали деньги и купили бедным детям хлеба.

Пусть твое доброе сердце всегда будет отзывчиво к несчастью других.

Председатель Ячейки Содействия
Лиги помощи голодающим детям
трудящихся Германии
Секретарь

В. Челищев

(подпись)¹²⁰.

«Копия.

Профессиональный

Союз советских и торговых служащих.

Тверской Губернский Отдел.

Января 1926 г.

Балетной артистке Тютюки.

Бюро Кассы взаимопомощи при Тверском Губотделе Все-профсоюза Совторгслужащих приносит Вам глубокую благодарность за Вашу отзывчивость, выразившуюся в безвозмездном участии в спектакле, устроенном 1-го сего января на усиление средств Кассы, и позволяет себе питать надежду, что и на будущее время Вы не откажете принять участие в деле помощи Касс.

Председатель Правления
Секретарь

Высотский
Жукова¹²¹.

«Копия

СПРАВКА.

Тов<арий> ЛЮМИНАРСКАЯ Антонина в период проведения опытно-показательной мобилизации выступала в концертах на сборном пункте с 1-го по 4-е июня с. г.

Работа носила добровольный характер и не оплачивалась.

Бывш<ий> Завклубом сборного пункта Лазарев

Подпись руки тов<арий> Лазарева Управление театрами Тверского Гороно заверяет.

Управляющий театрами Гороно (подпись)

12 июня 1928 г.¹²².

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 94. Машинопись.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 95. Машинопись.

¹²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 93. Машинопись.

«Тосе ИЛЛЮМИНАРСКОЙ. 17565. 8/1-32.

В ответ на В/обращение сообщаю, что для ходатайства о снятии минуса с В/отца, Всеволода Васильевича ИЛЛЮМИНАРСКОГО, Вы можете прислать нам заявление на имя ОГПУ, мотивированное, но не длинное, с указанием времени и места его ареста, которое мы передадим и о результате Вас уведомим».¹²³

«Уважаемый товарищ Екатерина Павловна!

Получив Ваше извещение за № 17565, я очень обрадовалась и у меня снова крепнет надежда, что вы похатайствуете за моего отца в виду нашего крайне тяжелого, можно сказать, несчастного положения. Папа мой все еще в Тамбове, не имеет места и никакого заработка, как учителя а/в, его нигде не берут, другой работы нет, физич<еским> трудом он заниматься не может, т<ак> к<ак> он совершенно больной, у него склероз, эндокардит, что-то еще с сердечной аортой, и он еле ходит, у него постоянная одышка и сердечные перебои. Поехать к нему мы не можем, раз он без работы и живет в углу, а у меня все еще не зажила рана на ампутированной ноге, и, говорят, нужна еще реампутация, которой я очень боюсь, т<ак> к<ак> лежала 5 мес<яцев>, перенесла 3 операции и очень настрадалась. Мама работает одна, мед<ицинская> сестра, содержит меня, больную бабушку 74 л<ет> и должна посылать папе, чтоб он не умер с голоду. Уважаемый товарищ Екатерина Павловна! Я не преувеличиваю, и все, все в Калинин скажут, какое у нас ужасное положение и ни из-за чего, ведь все верят и знают, что мой папа ни в чем не виноват, да и не может быть ни в чем замешан, т<ак> к<ак> весь век свой работал для народа, просвещения и революции. Школа дала о нем прекрасный отзыв, как об ударнике, общественнике, и вдруг, только потому что был очень добрый, отзывчивый и гостеприимный человек, пострадал и получил статью 58-10, которая к нему не может быть применена, т<ак> к<ак> папа всегда охранял интересы сов<етской> власти, стоял за твердую линию, а не агитировал против, как сказано в этой статье. Это недоразумение должно выясниться, его дело надо пересмотреть. В Стране Советов не может, не должно быть недоразумений и несправедливости, разбивающей жизнь трудящихся граждан. Уважаемый товарищ Екатерина Павловна! Мы, пионеры нашей

¹²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 89. Машинопись.

школы, уже писали в П. П. О.Г.П.У. о папе, но ответа не получили. Может быть, наше письмо затерялось? Теперь я вручаю вам свою судьбу, судьбу самой несчастной семьи в городе, у меня отнято все: папа, нога, юность, возможность двигаться, радоваться, работать, как мои товарищи. Похлопочите же за нас! Вы будете просить не милости и снисхождения, а восстановления только одной правды и справедливости, в этом даю вам свое честное слово. Я этот год не учусь из-за незаживающей раны и трудности передвижения, мама целый день на работе и берет еще ночные дежурства, чтобы прокормить нас и послать папе, но у нее тоже мало сил и, если она свалится, мы погибли, ведь мы семья а/в. Продавать больше нечего, мы все продали, осталось только необходимое, да у нас и вещей то было мало, все наше ценное имущество заключалось в папиных книгах, они были запечатаны в его комнате, а теперь их свалили в сырую кладовую и запечатали, даже запечатаны мои учеб<ные> книги, мамины книги, и неизвестно, когда отпечатают, а их едят крысы. Я посылаю Вам для передачи в О.Г.П.У. мое заявление с указанием времени и места ареста папы. Теперь вся моя надежда на Ваше ходатайство, и я твердо верю в справедливость решения, так же твердо, как в невинность моего папы. Только бы он не умер, если дело затянется, он очень, очень хворает.

Тося Иллюминарская.

г. Калинин (Тверь) Солодовая 13 кв<артира> 1.

Адрес папы: г. Тамбов Ц<ентрално>-Ч<ерноземной> о<бласти> ул<ица> Августа Бебеля д<ом> № 41. Всеволоду Васильевичу Иллюминарскому»¹²⁴.

Помета: «17565. 8/П-32г».

«Уважаемый и дорогой товарищ Екатерина Павловна!

Простите меня, что я еще раз беспокою Вас своим письмом и просьбой, но положение моего отца В. В. Иллюминарского, о котором я Вам писала еще осенью и получила от Вас ответ за № 17565, становится с каждым днем все тяжелее, и здоровье его очень плохо. Я беспокою Вас еще раз своим письмом, т. к. один наш Тверской юрист, некий Шнейдман, высланный после отца, но в этот же город Тамбов и по той же статье, как папа, человек одинокий, без семьи, сейчас получил полное освобождение. Но за него было кому хлопотать, и его

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л.Л. 97, 97об. Автограф.

дело разбирали в ноябре, только он с ноября до марта не получал официального сообщения, сейчас он уже свободен. Но у нас в Москве нет никого, кто бы мог сходить куда надо и похлопотать, и поэтому мне приходится опять беспокоить Вас письмом. Отец наш и болеет и, буквально, голодает, т. к. нам нечего совершенно ему посылать, мы посылаем хлеб и очень немного денег от маминого жалованья. Раньше мы продавали вещи и посылали ему, а теперь вещи все кончились. Были у нас папины книги, они были запечатаны от Г.П.У., если бы их отпечатали, то можно было бы их продать и поддержать папу, но их распечатали и все вывезли для культурного обслуживания, а у папы, кроме книг, ничего ценного и не было для продажи. Но мы и не хлопотали о возвращении библиотеки, если она пригодится для культурных нужд – мы о ней не будем жалеть, только бы скорее вернули нам нашего бедного больного папу. Если только Вы можете мне помочь – помогите и похлопочите об его освобождении.

Тося Иллюминарская. 14 лет.

Г. Калинин, Солодовая 13 кв. 1.

1 Апреля 1932 года.

Адрес папы: г. Тамбов ул. Августа Бебеля дом № 41.

В. В. Иллюминарскому».¹²⁵

Пометы: «17565. 11/IV-32». «В пересмотре отказано, как ей ответить <?>». «Новое заявл<ение>. <М. В.>».

«Уважаемые товарищи Екатерина Павловна и Михаил Львович!

20/IV я получила Ваше извещение за № 17565, что по моим хлопотам об отмене высылки моему отцу отказано. Я не могу передать Вам своего состояния горя, в какое меня повергло Ваше письмо. Я все-таки ожидала справедливости от О.Г.П.У. и еще больше на нее надеялась, когда узнала, что наш тверской юрист, находящийся сейчас в одном городе с папой (Тамбове) и высланный по той же статье 58-10 и равноценному обвинению (собирались, играли в карты), уже получил от Вас извещение о свободе. Неужели только потому, что у него была протекция и было кому за него похлопотать в Москве, а я не умею хорошо все написать, как надо, и, главное, у меня нет денег и возможности приехать самой в Москву и где-нибудь все-таки найти защиту и справедливость. Ведь наше

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 100. Автограф.

положение ужасно! Папа совсем погибает, работы нет, здоровье совсем расшаталось, ему 61 год сейчас, педагогом а/в не берут работать, а на другие должности, как на него посмотрят, видят – старый и больной. Мама от работы с утра до ночи тоже заболела, у ней обострился ее процесс туберкулеза, бабушка – 74 г., я – без ноги. Неужели эта “Тройка” так жестока, что не хочет даже войти в ужасное положение нашей семьи? И почему освободили молодого и одинокого, а обрекают на гибель всю нашу семью? Я пишу Вам последний раз, т.к. к к<a>к если и теперь папу не вернут – жить уже нечем и нельзя. Я всегда была бодра и, несмотря на перенесенные мною несчастья, жизнерадостна, а теперь созданся такой тупик, из которого нет выхода, т.к., кроме мамы, работать некому, нас 4-ро, надо поддержать жизнь папы – посылать деньги, продавать нечего, а мама сейчас заболела сама. Дорогие товарищи, Екатерина Павловна и Михаил Львович! Я умоляю Вас поскорее еще раз начать хлопотать о возвращении папы, это не настойчивость, а ужасное положение, о нем скажут все в Твери, т.к. папу почти все знали и любили и уважали. Здесь никто не хочет верить в какую-либо его вину, еще до сих пор на стенах школы сохраняются отзывы и премии ему, как лучшему ударнику и общественнику, а он погибает вдали от семьи, старый, больной, без возможности работать и существовать. Пусть ему запретят быть педагогом, он, вернувшись в Тверь, сможет найти какую-либо работу, а маму мы отпустим в санаторию лечиться, иначе ведь мы погибнем все. Верните нам папу, а я трудами всей своей жизни верну Вам за Вашу помощь все, все своей работой для государства и строительства! Я не могу сама сейчас лично поговорить с Вами, но я хочу, чтобы Вы посмотрели на карточку папы, снятую в день его отъезда, какой он старенький и больной, и какие мы все инвалиды. Скажите мне, научите меня, куда писать и у кого искать защиты, я не знаю, – может быть, лучше Вам приехать самой? Мне это очень трудно, но я приеду, если скажете. Я не знаю, откуда Вы получили отказ: я писала в О.Г.П.У., а папа писал во В.Ц.И.К. и писал про свою жизнь и деятельность, неужели уже ничто не возьмут во внимание и дадут нам погибнуть. Если бы папа смог работать в Тамбове и не болел бы, мы никогда никого бы не беспокоили, а теперь я готова пешком идти из Твери к Вам и во В.Ц.И.К. и просить вернуть скорее папу, пока он жив! Сделайте для нас это, и это будет самая справедливая помощь политическим заключенным!

В О.Г.П.У. мама пишет сама, а я уже туда писала.

Я буду ждать ответа каждый день.

Тося Иллюминарская.

Г. Калинин. 22/IV-1932. Солодовая ул. дом № 13 кв. № 1».¹²⁶

Пометы: «17565. 28/V-32 г.» «Мих<аил> Львов<ич>, это 2-е заявл<ение>. Вы обещали похлопотать».

«№ 17565

Уважаемый товарищ Екатерина Павловна!

Простите меня, что я все беспокою Вас своими просьбами о папином освобождении. Уж очень нам плохо жить, папа хворает, мы ему посылаем хлеб и деньги – очень мало, т<ак> к<ак> мама получает немного. После 15-го июня у мамы отпуск, и мы приедем с ней в Москву, и я очень, очень прошу Вас не отказать нас принять и научить, что же дальше делать и предпринимать. Папа все без работы, да он совсем ослаб. Помогите нам в наших хлопотах и научите, куда можно еще обратиться, чтобы папе дали досрочное освобождение, и когда Вы можете нас принять, мы поедем 17-18. Тося Иллюминарская.

Г. Калинин, Солодовая 13 кв. 1»¹²⁷.

Помета: «17565. 9/IX-32. Арх<ив>».

«Тосе ИЛЛЮМИНАРСКОЙ. 17565. 14/XI-32.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, Вашему отцу, Всеволоду Васильевичу ИЛЛЮМИНАРСКОМУ, разрешено свободное проживание».¹²⁸

* * *

3.32. Переписка Юрия КЛОЧКОВА (11 лет) с ПОМ-ПОЛИТом. Ноябрь 1931 – 9 марта 1932, Иваново-Вознесенск.

«Ходатайство Е. П. Пешковой.

От Юрия Клочкова 11 лет ученика 3-й группы школы Ф.З.С. № 6 Ив<аново>-Вознесенское пионера 3-го отряда. Я и сестра моя Галя 4 лет обращаемся к вам с просьбой найти возможность освободить нашего папу находившегося в Москве психиатрической институте на экспертизе имени Сербского,

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 763. Л.Л. 102,102об. Автограф.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 104. Автограф.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 736. Л. 106. Машинопись.

ул. Кропоткина, всятого в 1930 года в мае месяце и посажен в бутылки и там он заболел и виду нашева тяжолова положение наша мама работала рабочей и училась на вечерних курсах в дни отдыха ликвидировала неграмотных и воспитывала нас в тяжелой разлуке с папой не выдержала сошла сума сейчас она находится с августа месяца в психиатрической лечебнице при первой советской больнице в Ив<аново>-Вознесенске ее может спасти возвращение папы к нам просим и спасти нашу маму. Просим я и Галя не отказывать в нашем ходательстве.

Юра Клочков.

Гор<од> Ив<аново>-Вознесенск, улица Карла-Маркса дом № 64.

Ю. П. Клочкову». ¹²⁹

Пометы: «17700. 28/XI-31». «Карточку».

«В комитет помощи полит. заключенным. Москва.

Кузнецкий мост, 24.

На ваша отношение от 10/XII 1931 года за № 17.700 провозжаем присем заявление на имя ОГПУ и прилагаем справку о больной нашей матери просим возбудить ходательство об освобождении нашего отца.

Проситель Юрей Клочков.

1931 года 19/XII-го». ¹³⁰

Пометы: «№ 17700. 4/I-32». «Передать Берд. с просьбой ускорить дело. Е. П. 8/I-32».

«Юрию КЛОЧКОВУ. 17700. 17/I-32.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, дано распоряжение об ускорении дела Вашего отца Клочкова Павла Александровича». ¹³¹

«Юрию КЛОЧКОВУ. 17700. 9/III-32.

Вследствие Вашего обращения сообщаю, что, согласно полученной справке, отцу Вашему, Клочкову Павлу Александровичу, концлагерь заменен ссылкой в Казакстан на тот же срок (10 лет)». ¹³²

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 800. Л. 164. Автограф.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 800. Л. 161. Автограф.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 800. Л. 159. Машинопись.

¹³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 800. Л. 160. Машинопись.

* * *

3.33. Письма Жени МАЛЬЧЕВСКОЙ (11 лет) к Е. П. ПЕШКОВОЙ. 16 декабря 1931, 22 марта 1932. Одесса.

Письмо ее отца В. В. МАЛЬЧЕВСКОГО.¹³³ 17 июня 1932. г. Тула, Терзитколония.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 11 января, 4 сентября 1932.

Дорогая добрая Екатерина Павловна. Вам пишет Женя ^{16/III/32} Мальчевская которую вы наверняка помните. С моим папкой Владимиром Владимировичем Мальчевским случилось несчастье. Когда вы нам написали папа со мной уехали в Ленинград поведаться с мамой, но она вышла замуж за другого и нам не нашлось места. Тогда папа переехал в конце сентября со мной в Одессу на свою родину. В Одессе папочка 30 сентября утром ушел и до сих пор не вернулся. Мои знакомые его везде искали и через полтора месяца он оказался в а. п. з. Вы такая добрая Екатерина Павловна, помогите мне чем можете пока не вернется папочка. Мой адрес Одесса Соборная ул. Графа Марииа. дом №18 кв. №3 Марии Александровне Уехоновой для Жени Мальчевской. Буду ждать ответа не папочку с нетерпением. Всегда благодарная вам Метод Мальчевская.

¹³³ Мальчевский Владимир Владимирович род. в 1877 в Измаил Одесская обл. В 1937 работал комендантом общежития на 85-м дорожном участке в Мурманской обл. Ар. 11 сентября 1937. Приг. 14 октября особой тройкой при УНКВД по Ленинградской обл. по ст. 58-9-10-11 УК к ВМН. Расстрелян 21 октября 1937 в г. Ленинграде. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

«Дорогая добрая Екатерина Павловна. Вам пишет Женя Мальчевская которую вы наверное помните. С моим папочкой Владимиром Владимировичем Мальчевским случилось несчастье. Когда Вы нам помогли папа со мной уехали в Ленинград поведаться с мамой, но она вышла замуж за другого и нам не нашлось места. Тогда папа переехал в конце сентября со мной в Одессу на свою родину. В Одессе папочка 30 сентября утром ушел и досих пор не вернулся. Мои знакомые его везде искали и через полтора месяца он оказался в О.Г.П.У. Вы такая добрая Екатерина Павловна, помогите мне чем можете пока не вернуться папочка.

Мой адрес Одесса Ул. Франца Меринга дом № 18 кв. № 3 Марии Александровне Цехонович для Жени Мальчевской. Буду ждать помощи с нетерпением. Всегда благодарная вам Женя Мальчевская»¹³⁴.

Пометы: «344. 16/XII-31». «Перевести 30 руб. и запросить справлялись ли в ОГПУ. Е. П. 26/XII». «Посл<ано> 30 р. 26/XII-31 г.».

«Гр-ке МАЛЬЧЕВСКОЙ. 19/I-32. № 344.

В ответ на В/обращение сообщаю, что согласно полученной справке, здесь сведений о деле МАЛЬЧЕВСКОГО Владимира Владимировича нет. Поэтому справляйтесь на месте, в Одессе и Харькове, и если получите справку, что дело направлено в Москву, обратитесь снова к нам».¹³⁵

«Дорогая добрая Екатерина Павловна. вам пишет Женя Мальчевская. Получила от вас 30 р<ублей> большое вам спасибо за не отказную прозбу. Получила от вас маленькую весточку вы просите написать вам где папочкино дело: оно в Харькове в судебной тройке О.Г.П.У. Я имела с ним свидание он клянется, что его оговорили, оговорили его враги моя мама. Она живет с другим мужем. Дорогая Екатерина Павловна папочке грозит 54-13 ст. УК в плоть до рострела, прошу вас на коленях со слезами спасите папочку спасите его оговорили. Я клянусь вам, что я всю свою жизнь буду работать и трудиться для соцализма и папочка мой ему 55 лет тоже отдаст все свои последние силы. Вы знаете меня Екатерина Павловна я жила с папочкой всылке холодала голодала,

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 593. Л. 58. Автограф. Письмо датировано по дате регистрации в ПОМПОЛИТе.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. Л. 47. Машинопись.

а теперь я останусь серотой. Очень очень вас прошу спасите папочку спасите.

Пока всего хорошего прошу исполнить мою прозбу. Целую Вас крепко. Женя Мальчевская»¹³⁶.

Помета: «№ 344. 22/III- 32 г.».

«Председательнице Помощь политзаключенным

Е. П. Пешковой.

Приложение: заявление на имя ОГПУ в Москве.

А/в Мальчевского Владимира Владимировича.

Тула. Терзитколония. Отделение 3 ком<ната> 14.

Заявление.

Отбывши в Сибири 6½ лет и высылку, вернувшись в Одессу 28 сентября прошлого года, 30 сентября я, явившись в Одессе в ГПУ, был вторично арестован и, благодаря оговору мерзавцев-шкурников, выслан в Алма-Ату на 3 года. Как Вам лично известно, у меня на иждивении ребенок – дочь 11 лет, которая несла вместе со мной все невзгоды и лишения все годы высылки в Сибири. В момент моего ареста ребенок остался в большом незнакомом ему городе на произвол судьбы, без всяких средств к существованию, и только благодаря Вам и добрым людям, принявшим участие в участи ребенка, ребенок остался жив. Приходила ко мне на свидание с голыми ногами и отмороженными кистями рук и голодная.

17 мая в Одессе меня взяли на этап, ребенок со слезами меня провожала и после этого, что с ребенком стало – мне неизвестно. Из Харькова и Тулы я сообщил ей выезжать в Москву, так как мне в Харькове объявили, что этап наш идет через Москву. Я имел в виду в Москве исхлопотать перед Вами и ГПУ выезд себе в Алма-Ату на свой счет вместе с ребенком, но, по неизвестным для меня причинам, наш этап застрял в Туле, и, вот уже месяц, как я выехал из Одессы и доехал за это время только до Тулы. Куда и когда он пойдет дальше, никому, положительно, неизвестно. Говорят, что этапы ждут отправления целые месяцы, таким образом, я могу очутиться в Алма-Ата к зиме, и что будет с ребенком без меня, я положительно теряю рассудок. Умоляю Вас, добрейшая Екатерина Павловна, ради счастья бедной сиротки – моей дочери, которую Вы видели и знаете лично, исходатайствуйте мне освобо-

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. Л.Л. 45–45об. Автограф. Письмо датировано по дате регистрации в ПОМПОЛИТе.

ждение из-под стражи на несколько дней перед ОГПУ в Москве, чтобы я мог захватить в Москву, взять ребенка и вместе с ним отправиться к месту высылки, ведь я всего от Москвы нахожусь в 185 км. Я клянусь Вам, что буду нести наказание, будучи невиновен ни в чем. Просто стечение обстоятельств, и помогли злые люди.

17/VI 32. Мальчевский». ¹³⁷

Помета: «11/VII 32. 344».

«КУСТАНАЙ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОСТРЕБОВАНИЕ
МАЛЬЧЕВСКОМУ ВЛАДИМИРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ
ВАМ РАЗРЕШЕНО СВОБОДНОЕ ПРОЖИВАНИЕ
ПОМПОЛИТ ВИНАВЕР
4/IX-32. 344» ¹³⁸

* * *

3.34. Письмо Ляли и Гали ДОБРОВОЛЬСКИХ (12 и 9 лет, их отец находится в концлагере). 26 декабря 1931, Киев.

«26/XII 1931 г.

Тетя Е. П. Пешкова!

Я к вам обращаюсь с великой просьбой. Нашего отца выслали. Мама совершенно больна. У нее 3-я стадия туберкулеза, она лежит в больнице. Доктора говорят, что если ей дать питание, то она может еще немного прожить. Но она не служит, и о питании не может быть и разговора.

Нас двое, я и сестричка, мне 12 лет, а сестренке 9 лет. Мы, пока мама придет из больницы, живем у соседей. У нас никаких родственников нет. Была одна тетя, папина сестра, которая нам хоть немножко помогала, но ее тоже выслали. Мама может умереть, и мы останемся на произвол судьбы. Папа нас взять не может, потому что он в концлагере. Умоляем Вас, помогите нам. Наш папа после революции был красным командиром в Харькове, в школе червонных старшин, потом служил. Арестовали его 17 октября 1930 г. и выслали 9 апреля 1931 г. в Киев. Выслали совершенно неожиданно, без объяв-

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. Л.Л. 49, 49об. Автограф.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 810. Л. 48. Телеграмма.

ления приговора, в концлагерь. Его адрес сейчас: Уральская область, Красно-Вишерский лагерь, 6 рота, Владимир Иванович Добровольский.

А тетю арестовали тоже в Киеве и выслали на вольную высылку на 3 года. Адрес: Коми область, Усть-Кулом, Александра Ивановна Добровольская.

Умоляем вас как-либо помочь нам, чтобы папа смог взять нас к себе. Ляля и Галя Добровольские.

Наш адрес: г. Киев, Андреевская ул. № 11, кв. 1».¹³⁹

26/IV 1931г. 183/18644 11/I-32г.
 Мать Е. П. Бешкова.
 Я и брат Добровольские с великой про-
 бой. Наша мама Василия Бешкова
 совершенно больна. У нее рак желудка.
 Беркулеза она переболела. Доктора
 говорят, что после такой да-
 питания ~~мы~~ она ~~не~~ ~~может~~ ~~быть~~ ~~и~~ ~~о~~ ~~пи~~ ~~та~~ ~~нии~~ ~~не~~ ~~может~~ ~~быть~~ ~~и~~ ~~разговора~~.
 нас двое я и сестричка, мне 12 лет
 сестричке 9 лет. Она пока мама придет
 из больницы живет у соседей у нас
 никаких родственников нет. Была
 одна тетя наша сестра которая
 нас хоть и пыталась понашам но
 ее тоже выслали. Мама сможет
 умереть и мы останемся на произ-
 вола судьбы. Близко нас брать не
 сможет потому что мы в лагере.
 Поможем вы помогите нам.

Пометы: «18674. 11/I-32 г.» «В<ера> Гр<игорьевна,> пошлите продовольств<енную> посылку. В<инавер>».

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 802. Л.Л. 183, 183об. Автограф.

* * *

3.35. Просьба С. Н. БЫЛИНО (полька, выслана с семьей из Минского окр.). 29 декабря 1931, Западно-Сибирский край, Больше-Реченский р-н, Больше-Никольский с/совет дер. Сперановка.

«От Былино Софии Николаевны
Зап<адно>-Сиб<ирский> край
Больше-Никольский с<ель>с<овет>
деревня Сперановка
29 декабря 1931 года

Просьба.

Я один раз уже к Вам писала, просила пособия для себя и спасибо Вам: получила 15 р<у>б<лей>. Надеюсь, что и сейчас мне поможет в моем горе. Как Вам уже известно, я нахожусь в сибиря, а муж мой в соловках, уже он там третий год, и где я писала о помиловании, никакого результата не получила. Я сама очень плохо пишу, а попросить нет кого, ибо я – полька, не умею даже выговорится по руске правильно и, что хочу написать, не хватает мне слов. Но мне так тяжело и плохо жить без мужа, что решилась еще раз просить Вас помощи, може, как Вы – женщина, войдете в мое положение и пожалеете меня, мою мать-старушку 70 летнею и четверо детей. Муж мой Былино Владислав Валерьянович, я его как помню, он служил на фабрике имение Аннополь Минской губ<ернии> Самохваловицкой волости. Мой отец тоже там служил, и я там же вышла за него замуж, и мы жили там до 1920 года, но как была эвакуация поляков, то и моему мужу было велено уезжать оттуда, но он не захотел ехать в Польшу, хоть я его очень, очень просила и плакала, но он не захотел, сказал мне, что не хочу больше служить, а у его отца была своя собственная земля от Аннополя 35 верст, там мы и поехали, а этот фольварк зовется Павловщицна Узденского района Лошанского с/с Минского округа. Мы как в Павловщицну приехали, уже старого отца и брата мужа не было, они уехали в Польшу, только один самый младший брат Эдуард остался, но он тоже имел уезжать, но как мы приехали, то и он остался с нами. И мы жили с им хорошо, дети учились, мой муж задумал устроить культурное хозяйство, но пришел несчастный 28–29 год, и все обрушилось, и он попал в конц<ентрационный> лагерь на 5 лет, а семья его на Сибирь без всякого имущества, ибо все конфисковали даже ложки чайные и те отобрали, я портниха, и машины не дали, лучше было

бы повесить нас всех, как так издеват^{<ь>}ся над нами невин^{<н>}ыми, бо хоть все наше пропало, и муж страдает, то мы совсем не виноваты, никакого преступления не совершили ни против сов^{<етской>} власти, ни перед люд^{<ь>}ми. Я здесь узнала, что были в Узденском реоне люди, которые помогали полякам, но нас тогда там не было, и никого мы не знали, а познакомились в 21–22 годе, и они у нас бывали и мы у них, то они ничего об этом не говорили, и мы ничего не знали, но как начали арестовывать наших бывших соседей, так и мой муж попался, первый раз его арестовали теплой осенью 28 года, он посидел до весны в Г.П.У. и выпустили и дали ему бумаги, что никакой вины не найдено, но 9 мая 1929 года как арестовали, то и выслали в соловки. Вам наверно это смешно, что я пишу, что мой муж не виноват, все наверно так говорят, но повер^{<ь>}те моей совести, что я правду пишу, ибо я никому этого не писала, прося помилования, я только просила помиловать, как будто, он был на правда преступник, но я Вам пишу это, как сест^{<р>}е. Все равно, виноват или не виноват, то мы все очень и очень страдаем, он на каторжной работе а мы в сибире голодные и холодные без “опеки” мужской. Бедная моя мама целую молодость свою служила, осталась молодая вдовой, а нас детей було 7 ро^{<тов>}, она, как могла, нас учила и воспитывала в чижом угле, а сейчас и она страдает вместе снами, хотя она и свободная, а должна мучится вместе со мной, бо больше все ее дети в польше, а поехать туда нельзя, хоть ее дети и стараются забрат^{<ь>} туда. Как вспомню, что мои сестри и брат за границей, то сер^{<д>}це кровью заливается, може, это я виновата, что муж мой в соловках, ибо я завсегда к ним писала, и они отписывали на его имя, но я писала через почту, и они тоже и ничего не писали, кроме своего родного, и сейчас они пишут и помогают нам как могут, мы бы уже давно погибли, чтобы ни их посылки. Прошу, помогите мне уволнить моего мужа. Пускай наведут справки там, где он служыл и где проживал последнее время. Верю, что Вы мне поможете его оттуда уволнить, и за это Вам очень благодарна. Софья Былино.

Адрес мужа: АК ССР, гор^{<од>} Кемь. Почт^{<ово>} Телегр^{<афное>} отделение Попов Остров. 11 отделение УСИКМИТЛ Пункт Кремль. Былино Владислав.

Высылаю марки».¹⁴⁰

Помета: «15539. 23/І».

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 801. Л.Л. 34, 34об. Автограф.

* * *

3.36. Заявление-письмо Е. В. СИНЦОВОЙ (выслана из Архангельска). 19 февраля 1932, Коми А.О., Сторожевск.

«Москва. Кузнецкий, 24.

Политпомощь заключенным.

Екатерине Павловне Пешковой.

Синцовой Елизаветы Валерьяновны¹⁴¹.

Заявление-письмо.

Апреля “2-го” дня 1931 года я отправила свое заявление в Москву о ВЦИК, на имя Михаила Ивановича Калинина о помиловании меня и досрочном освобождении. В настоящее время, с 19-го февраля мне до срока остается один год... но у меня нет никаких физических сил протянуть этот год. Я решилась обратиться к Вам, искренноуважаемая Екатерина Павловна. Июня “19-го” дня т/г мне пришла открытка из Секретариата Президиума ЦИК Союза ССР, извещающая, что “мое заявление препровождено Пом. Прокурору Верхсуда по надзору за О.Г.П.У. за № ПК 4122 от 2-го июня 1931 года, который сообщит мне результаты”.

Вот уже со дня получения этой открытки прошло 8 месяцев, наступил уже 1932-й год, но ответа я никакого не получила.

Убедительно прошу Вас, прочтите до конца это мое заявление-письмо, обращающееся уже лично к Вам. Я родилась в 1867 году марта 10-го дня в городе Архангельске (Северн<ый> край). Родители мои: отец – мелкий канцелярист, мать – крестьянка из приписанных к городскому сословию. По окончанию 8-ми классной Гимназии, я все свои молодые и свежие годы и силы посвятила на обучение крестьянских детей. Была сельской учительницей: обучала детей читать, писать и считать, остальные предметы преподавали другие лица. Потом вышла замуж за такого же бедняка, какой была сама, за псаломщика. Он был безо всякого образовательного ценза. За голос его определили диаконом, а потом и священником. Но так как он был без образовательного ценза, ему давали такие

---

¹⁴¹ Синцова Елизавета Валерьяновна, род. в 1867 в Архангельске. Проживала там же. Домохозяйка. Ар. 19 февраля 1930. Приг. 29 апреля 1930 тройкой при ПП ОГПУ Северного края по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 г. высылки в Северный край. Реаб. в июле 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

места, как напутствовать умирающих старух в богадельне, а затем до смерти он был смотрителем Свечного Завода, где выработывались церковные свечи. Никаким активистом, проповедником он не был и не умел быть. Умер он в 1921 году 8 октября. Я осталась безо всяких средств, совершенно больная. У меня – порок сердца, склероз артерий и ревматизм костяка. До своего ареста я лежала от ревматизма три месяца безо всякого движения и едва оправилась, чтобы кое-как ходить на ногах. Затем у меня часто не прощупывается пульс, и искусственное выдыхание и камфара или digitalis еще пока заставляли (хотя уже слабо и с перебоями) биться мое больное сердце. Февраля 16-го дня 1930 года у меня был обыск (решительно не знаю, почему он был, я была лишь домашней хозяйкой, больная и старая; подозреваю какую-либо клевету); у меня нашли две фотографические карточки кафедрального собора, который разбирался и увозился с Октябрьской площади. Весь город видел это, я же была больная, не видела и вот купила 2 карточки на память, как покупают все люди, от великих и до малых, разные картины, гравюры, фотографические снимки, открытки и т<акое> п<рочее>. Купила безо всякой предвзятой мысли и не подозревала, какое горе причинят мне эти 2 карточки, и как они разобьют мою жизнь в моей глубокой старости. Я посмотрела их, убрала и не дотрагивалась до них, никто не видел их у меня, клянусь Вам всем дорогим для Вас, да и, повторяю, весь город видел разрушение собора, и это было повсюду, не в одном нашем Архангельске. Я просидела в Исправдоме с 19-го февраля по 12-е июня (меня за эти 2 фотографические карточки арестовали), а затем отправили на свободную высылку в область Коми в Устьысольск на 3 года. Я прожила в Устьысольске полгода, и вот 7-го декабря мне объявили, чтобы я явилась 9-го числа с вещами для отправки пешком в Сторожевский район (до Сторожевска 94 версты). Пешком? Но у меня порок сердца, не позволяющий мне делать много движений (напр<имер> даже много ходить), склероз артерий и ревматизм всего костяка... Я всегда и во всем повиновюсь власти, вполне лояльна ей, но идти 100 верст я не могу... Я подавала заявление с приложением справки врача о моих хронических болезнях, но у меня даже не приняли его в “окошечко”. И вот 12-го декабря 1930 года в 37 градуса мороза я должна была идти за 100 в<ерст>. Для вещей даны были 3 подводы. Отправилась большая партия: много молодых и престарелых. В полной уверенности, что меня переселяют в

другое селение, я пошла... Но идти не могла... падала и подолгу лежала на снегу... Если б меня не подбирали проезжие зыряне, я замерзла бы... Добрались до сел<a> “Сторожевск”, затем еще 15 верст да “Вомино”, затем 10 километров до “Подельска”. Здесь я узнала, что “нас” везут в лес, в Тракторную базу, на лесозаготовки (!). Еле живую, полузамерзшую меня везли на вещах, на крайчике саней, откуда я скатывалась на снег. Боль в костях была невыносима – от лежания на снегу – я окончательно погубила свой костяк. Привезли в какой-то старый, холодный, дымный барак. Разогревали снег для воды... Я уже ничего этого не могла делать... Приехал комендант, по-видимому, человек благоразумный, он увидел меня и еще 6 человек, что это никуда не годный хлам, а не рабочая сила для лесозаготовки и отправил нас (7 человек) обратно в Сторожевск... И вот в Сторожевске я живу с 23-го декабря 30 года, второй год, а всего с 19-го февраля 30-го года мне прошло два года со дня моего ареста. Остался один год до срока. Я – живой труп: хожу с трудом, опираясь на палку, не сплю ночи от ревматических болей в костях... Задыхаюсь от боли в сердце. Очень страдаю. Я рада бы работать для Государства и власти, но у меня нет никаких физических сил... Зыряне не выносят безработных людей, но ведь старость такое явление человеческой природы, что ее не переборешь – она неизбежна для всех.

Я ни в чем не виновата перед властью, я ее всегда признавала и признаю. Много приходилось мне читать по Истории, и я видела, что в каждом Государстве были перевороты, так как народ всюду развивается и ищет лучшего... и всюду бросаются старые устои, как устаревшие вещи.

Я пишу Вам и сию минуту могу умереть от разрыва сердца, мне это объявлено доктором. И вот в таком постоянном предчувствии смерти, я не в состоянии лгать Вам, когда говорю, что я невиновна. Мне дали 58 ст<атью> 10 п<ункт> – это обвинили меня в агитации (!?). Весь город может подтвердить, что я нигде ни слова не говорила чего-либо дискредитирующего власть. Я страдаю здесь со своими болезнями и прошу мне сбавить этот год, чтобы умереть среди русских. И вот, написав Вам, Екатерина Павловна, свою “биографию” и свою “вину”, я прошу Вас горячо и убедительно, будьте добры по ходатайствовать обо мне пред секретариатом Президиума и пред ВЦИКом, чтобы вошли в положение полуживой и больной старухи 65 лет, чтобы сбавили мне последний оставшийся

год и досрочно освободили меня. Если я даже и была виновата, то я целых два года несла наказание и много перенесла скорбного и тяжелого при моих хронических болезнях. Если находят меня все же виноватой, то возбудите ходатайство о помиловании меня, ведь мне 65 лет и я – полуживой труп. Будьте же добры, похатайствуйте за меня и посоветуйте мне, куда мне и надо ли куда подавать еще заявления.

Синцова Елизавета.

19-го февраля 1932 года.

Адрес мой: Область Коми, Сторожевск, почтово-телеграфное отделение, до востребования. Синцовой Елизавете Валерьяновне.

Р. S. Прилагаю марку почтовую в 30 коп<еек>. Дни и часы буду считать, ожидая результата моей к Вам просьбы... О, дайте мне возможность уехать в мае или июне, тогда здесь будут несколько раз ходить пароходы и ехать будет теплее. Дайте мне умереть на свободе, среди русских. А я скоро умру... Пожалейте – я прошу возможного: 2/3 я пробыла в наказании, остался лишь 1 год... Сбавьте мне его.

Синцова.

Приложение: Открытка Секретариата Президиума.¹⁴²

Помета: «№ 19742. 26/III-32 г.».

В конце августа 1932 ПОМПОЛИТ отправил Е. В. СИНЦОВОЙ сообщение, что ее заявление о досрочном освобождении переслано в ПП ОГПУ Северного Края (Архангельск) и ответ можно ожидать месяца через два.

* * *

3.37. Письмо О. В. УШАКОВОЙ (жена ссыльного, лишена избирательных прав). 21 февраля 1932, Западная Сибирь, Барабинский окр., Каинск.

«т<оварищ> Пешкова.

Помогите ради всего хорошего, помогите моему горю. Дело вот в чем: я жена адмссыльного, который был выслан с Дальнего Востока по 58 ст<атье> в 1929 г. в Барабинский окр<уг>. Я приехала к нему с ребенком и стала жить с ним в

¹⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 829 Л.Л. 180–182об. Автограф.

деревне, приехала я в июне, а в августе я уже служила машинисткой в Р.К.С. в Верхне-Назаровском районе, а он служил в Тартасском Углесхозе, но в другой деревне верст за 30. Председатель Р. И. К. тов. Котиков, позвав меня к себе, предложил работать у него машинисткой (т. к. у них не было машинистки, а работы было много), т<о> е<сть> перейти к ним. Я не согласилась, т. к. считала неудобным бегать с места на место. На этом дело как будто и закончилось. Но через несколько дней ко мне являются представители сельской власти и предлагают очистить квартиру. Я к председателю Р.И.К. тов. Котикову, а он мне и говорит, что Вы – жена адмсыльного и не имеете “право проживать тут, Ваше место около мужа”, на что я ему возразила, “что я не адмсыльная и не лишена избирательных прав, а посему имею право проживать, где хочу”. “Ну что ж, если были не лишены, так будете лишены”. В заключение они стали мои вещи выносить на улицу, и мне пришлось уехать к мужу в Чуваши. Поступив на службу в Углесхоз счетоводом-кассиром, я проработала месяц, и меня лишают избирательного права за то, что я живу с адмсыльным и нахожусь на его иждивении, но ведь я служила, имела свой заработок, он получал 90 руб<лей>, а я 85 руб<лей>. Я пошла в Сельсовет и стала им доказывать, что они не правы, но они мне сказали, что они меня потому лишили, что я – женщина слабая и могу попасть под плохое влияние, и во избежание этого они меня лишили голоса. Когда я стала просить выдать мне справку о постановлении сельизбиркома, они мне отказались ее выдать. Я поехала в Р.И.К. к председателю Котикову, его не застала, а нашла секретаря т. Пономаренку. Я стала ему рассказывать о случившемся, он засмеялся и дал мне письмо, где разъяснял, кого можно лишать, кого нет, но в это время вошел пред<седатель> Котиков. Узнав, в чем дело, отозвал Пономаренку в другую комнату, долго что-то ему говорил, когда Пономаренко оттуда вышел, то отобрал от меня письмо, не сказав ни слова мне. Тогда один член из сельского избиркома сказал, что “мы Вас восстановим, если Вы бросите мужа”. Я так и сделала, развелась, лишила ребенка отца и уехала, т<а> к к<а> к жить было невозможно. На нас стали накладывать всякие налоги, например, Культналог, который все платили так, как было написано в газете “Известия”, а на нас наложили: на меня – 85 руб<лей>, на мужа – 130 р<ублей> и так далее. Хотя мы оба служащие, он – крестьянский сын,

рабочий-сплавщик, я – дочь служащей, моя мама служила уборщицей во Владивостокском суде, а теперь она пенсионерка. Уехав из дер<евни> Чуваши Барабинского округа Верхне-Назаровского района, я поселилась в г. Каинске, где поступила на службу в Барабинский Л.П.Х. счетоводом с окладом 80 руб<лей> и подала в феврале прошлого года заявление в Каинский горсовет о восстановлении меня в избирательных правах, только подала, т<о> е<сть> не только, а в мае месяце меня арестовывают, как лишенку, сажают в каталажку и объявляют, что я высылаюсь в Турухан<ск> на Парабель... Если б Л.П.Х. не вмешался, меня бы выслали, от меня отобрали подписку о невыезде, и я сижу одна в чужом городе, т<а>к к<а>к у меня тут нет родных, и уехать я не могу. Я все время служу, хотя больше 4 месяцев меня не держат, сейчас же найдется кто-нибудь, кто возмутится тем, что лишенка и вдруг служит, и меня выгонят, а я – на другую службу и так мотаюсь. Беда вся в том, что городишко у нас маленький, и мало учреждений, негде служить будет. Я несколько раз обращалась в горсовет, но меня никто не хочет слушать и все завтраками кормят, я писала в д<еревню> Чуваши председателю Анисимову В., чтоб он выслал мне справки, почему меня лишили права, а он до сих пор, ведь уже год, не посылает, молчит, я пишу в Р.И.К. – там тоже молчат. Когда же будет этому конец? Отчего меня не восстанавливают? За что меня так? У меня девочка маленькая, куда я денусь?

Помогите мне, говорят, Вы помогаете многим или совет<ом> или делом. Помогите мне, ответьте мне. Я положу марку для ответа. Не подумайте, что я все здесь наврала, это правда, ведь Вы, если захотите, всегда можете меня проверить, и я не вру, честное слово. Помогите мне. Посылаю Вам некоторые справки, правда, они не заверены Горсоветом, потому что для этого нужно много денег, а у меня их в обрез. Помогите мне. Я только тем и виновата, что вышла замуж за него и жила с адмссильным. Когда мужа выслали, меня не лишили избират<ельного> права. Да! Фамилия моего мужа Иванников Марк Семенович, а моя – Ушакова Ольга Васильевна. Лишили меня в дер<евне> Чуваших Барабинского ок<руга> В-Назаровского района, постановление Сельизбиркома, а Вас я прошу только о том, чтоб Вы ускорили это дело, пусть Горсовет поскорее разберет его, а то они и слушать не хотят, да и, вообще, все заняты, и им нет дела до меня.

Одна надежда на Вас, помогите. У моего бывшего мужа срок ссылки кончился, но вот не знаю, пришли ему бумаги или нет. Помогите мне.

21/II-32 г. О. Ушакова.

Г. Каинск Барабинск<ого> окр<уга> Запсибкрай,
до востребования О. В. Ушаковой».¹⁴³

Помета: «19796. 19/III-32».

* * *

3.38. Заявления М. М. РАГОЗИНОЙ (в ссылке после заключения в Соловецком лагере). 2 марта, июнь, сентябрь 1932, Белгород.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 16 апреля 1932.

Семья РАГОЗИНЫХ проживала в деревне Дальние Ливенки Боброво-Дворского района Старо-Оскольского округа ЦЧО. РАГОЗИН Сергей Никитич из бедняцкой семьи пастуха. Во время революции был избран членом Правления Новооскольского Райсоюза. В 1919 он организовал кооператив и являлся его бессменным председателем вплоть до 1928. С июля 1929 служил в Скородном (в 25 км от дер. Ливенки).

РАГОЗИНА Мария Михайловна 2 года избиралась в члены сельсовета, одной из первых в декабре 1929 вступила в колхоз.

В семье было 4 малолетних детей.

2 февраля 1930 С. Н. РАГОЗИН был арестован по обвинению в контрреволюции и приговорен к 10 годам заключения в концлагере, его жена была обвинена в укрывательстве мужа и приговорена к 3 годам заключения в концлагере, позже она была освобождена по состоянию здоровья и отправлена в ссылку.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЕ ПОМПОЛИТа

Е. П. ПЕШКОВОЙ.

РАГОЗИНОЙ Марии Михайловны,
жит<ельствующей> в гор<оде> Белгороде,
село Михайловское, Волчанская № 20.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Настоящим прошу не отказать поставить меня в известность, а если понадобится, и не отказать в своем ходатайстве, по следующим вопросам:

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 829. Л.Л. 418–419об. Автограф.

1) Допускается ли законом, чтобы дети политосужденных никуда не принимались в ученье, что имело место с моей дочерью? Имеют ли дети политосужденных право поступления на службу по специальности?

Поскольку нам внушали в концлагерях, и сама я того мнения, что:

а) Дети за грехи родителей не ответственны.

б) Наше Правительство (не в пример прочим державам) СТРЕМИТСЯ НЕ НАКАЗАТЬ, А ИСПРАВИТЬ ВИНОВНЫХ, не имея к ним после ИСПРАВЛЕНИЯ ЗЛА, а тем более, к их детям.

в) В данном случае, как видно из представленных мною во все органы г. Москвы документов, мы пострадали безвинно, по наветам врагов, т. е. благодаря неверным материалам получила ошибка в решении (по моему мнению), так неужели еще и дети наши должны страдать из-за этой ошибки, тем более, что мы всей своей жизнью и до и после ареста доказываем, что не то что на деле, – в мыслях не повинны перед нашим Правительством и всей душою как мы, так и дети рады служить ему, Правительству, на пользу?

2) Допустимо ли, чтобы дети, даже правильно осужденных политических, поступали в Партию?

В частности, прошу разъяснения по этому пункту, применительно к моим детям, – детям бывшего пастуха, т<о>е<сть> исконного пролетария?

4) Предоставлено ли нам, политосужденным, право поступления на службу по специальности, и подлежим ли мы сокращениям даже при отсутствии к тому с нашей стороны какой бы то ни было вины, т. е. – хорошем поведении, хорошей, честной и аккуратной работе и т<акое> п<рочее> ?

Неясность этого положения тяжелым гнетом лежит на душе, когда ежеминутно боишься сокращения.

5) Может ли быть нам поручена секретная работа ПОД ПОДПИСКУ, что практиковалось в концлагерях, где я ПОЧТИ ДО КОНЦА (до перевода в Кемь) работала в ИСЧ? В Кемь была 3 месяца и освобождена.

6) Полагается ли нам зарплата, присвоенная определенной должности и выплачиваемая не политосужденным, или же нам она выплачивается, как политосужденным, в сокращенном размере?

7) Можем ли мы пользоваться помещением от ЖАКТа?

На все эти пункты прошу не отказать дать ФОРМАЛЬНЫЙ ОТВЕТ, на который можно было бы в нужных случаях сделать ссылку мне.

М. Рагозина. 2/III-32 г.». ¹⁴⁴

Помета: «№ 17406. 20/III-32 г.».

«М. М. РАГОЗИНОЙ. 17406. 16/IV-32.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно постановления СНК РСФСР от декабря 1929 г., ограничения прав детей на учение в виду социально-политического положения родителей не допускается. Прием в партию зависит исключительно от партийных организаций. Ссылные не ограничены в правах поступления на службу и, находясь на службе, подлежат действию Кодекса Законов о Труде на общих основаниях.

Поручение той или иной работы зависит от администрации учреждений; зарплата ссылкой должна выдаваться в полном размере; трудящийся ссылкой может проживать в доме ЖАКТа /лишены права пользования муниципальной площадью только не трудящиеся/». ¹⁴⁵

«Председательнице Помполита

Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ.

РАГОЗИНОЙ Марии Михайловны, жит<ельствующей>
в гор<оде> Белгороде по ул. Чичерина № 18.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

10/III-32 г. Вы поставили меня в известность, что дело мужа моего РАГОЗИНА Сергея Никитича передано в Воронеж “для проверки”, откуда можно ожидать ответа “через два месяца”.

Прошло три месяца, а ответа нет, да его и не будет, т. к. в 30-м году мое заявление на имя И. В. Сталина, а последним переданное в Наркомюст, было также направлено в Воронеж, откуда ответа до сих пор нет.

Если только можно, прошу убедительно не отказать навести справки о положении этого дела. Если “проверка” заключается в проверке документов, то нельзя ли их проверить через наше местное ОГПУ или дать указание н<ашему> Нотариусу освидетельствовать их, в чем им мне отказано. Положение мое убийственное: муж безвинно мучается больше 2-х лет,

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. Л. 124. Машинопись. Подпись – автограф. Пункт 3) пропущен автором заявления.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. Л. 123. Машинопись.

я же пропала тут с детьми: получаю всего лишь 80 р<ублей>, а жить на них приходится вдвоем и помогать и двум другим детям, особенно младшей малолетней дочери и малолетнему сыну (15 и 13 л<ет>). Мы едим уже только раз в сутки и скоро будем ходить чуть ли ни голыми и босыми.

Простите за беспокойство, но еще раз прошу не отказать помочь в моем горе.

М. Рагозина. 9/VI-32». ¹⁴⁶

Помета: «17406. 3/IX-32».

В сентябре 1932 М. М. РАГОЗИНА потеряла работу машинистки и вновь обратилась в ПОМПОЛИТ с просьбой о помощи, теперь она просит только одного – разрешения выехать из Белгорода. Ниже мы приводим выдержку из этого письма.

«<...> Положение мое самое критическое: дороговизна ужасная: мешок картошки 50 руб<лей>, воз дров – 80 р<ублей> и т<ак> д<алее>. В столовке позавтракать – 25 копеек, пообедать – 75 к<опеек> одному в день, а с семьей мне – 4 раза в день. Больше года прослужила впроголодь и в холоде в Заготзерно, а когда стала просить прибавки (получала 85 р<ублей>) – сделали какую-то 20% надбавку, требуя работы за нее и день, и сверхурочно – иногда до 6 часов утра. На 102 р<убля> за круглосуточную работу с семьей и пообедать, и позавтракать не в состоянии, а нужна еще квартира, отопление, освещение, обувка, одежда. Я все просила твердой ставки. Взяли другую машинистку.

Срок мой кончается 12/XII-32 г, т<о> е<сть> через 2 м<еся>ца с днями. В отъезд попадают хорошие места: с квартирой, топкой и освещением и снабжением, но ОГПУ меня не пускает в отъезд.

Нельзя ли, Екатерина Павловна, разрешить мне выехать, в виду скорого окончания срока и т<ак> к<ак> мне положительно жить нечем.

Прилагаю на ответ марки, прося его, в виду критического положения, ускорить. Машинистка я хорошая и, думаю, за три года мое политическое направление проверено.

Адрес: гор. Белгород. Чичерина № 18». ¹⁴⁷

Помета: «17406. 14/X-32».

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. Л. 120. Машинопись. Подпись – автограф.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. Л.Л. 127, 127об. Автограф.

* * *

3.39. Письмо Н. Г. ПАЛЛАДИНОЙ (жена осужденного ветврача, мать двоих детей) и записка от ее детей Людмилы и Руслана (7 и 6 лет). 10 марта 1932, Самара.

«Председат<елю> О<бщест>ва Политзаклученным тов. Пешковой.

Измучившись вконец, дойдя до отчаяния, я решила обратиться к Вам за помощью по делу мужа. Муж мой Палладин Василий Васильевич, ветврач, просидев в Самаре год, осужден на 3 года концлагеря “Медвежья Гора” <Белбалтлаг>. Я потеряла совсем здоровье, не способна ни к чему, имею на своих руках двух малышей 6–7 л<ет>, котор<ые> извели меня голодом и всеми насущными требованиями. Я одиночка: некому меня сменить у больных детей и некому раздобыть им хлеба, когда я совершенно не встаю. Значит, я не служу, и жить совершенно нечем. Материальное положение больше, чем критическое. Облигаций имею на 300 р<ублей>, которые ГПУ разрешает продать, а Комсод¹⁴⁸ не разрешает.

Я к Вам обращаюсь, к<а>к гуманному и чуткому человеку, котор<ый> не допустит, чтобы мать своими руками задушила или отравила своих детей, ввиду безвыходности... Кормить нечем, жить нечем. Еще при муже ни одной лишней вещи не было. Теперь же продано все необходимое, дети остались голые и босые, в холоде и голоде. Вы, будучи близки великому Горькому и его матери, поймете мое тяжелое душевное и моральное положение и поможете мне и моим малышам избежать гибели!!

Короче. Я прошу 1) посодействуйте освобождению мужа или пересмотру дела его! За ним нет ни одного реального обвинения: I пункт – слабое руководство аппаратом (истолковано к<а>к метод вредительства). У мужа слабое руководство аппаратом было, ввиду отсутствия штата (вместо 25 ч<еловек> муж работал вдвоем: он – врач и счетовод). Документы о просьбе центра неоднократно увеличить штат есть при деле Самарского ГПУ. Муж работал честно, усердно, по 20 час<ов> в сутки. В течение ½ г. не имел ни одного выходного дня. А в течение 3-х л<ет> не пользовался ни разу отпуском. 12 л<ет> с 20 г. работает врачом и за все время

¹⁴⁸ Комсод – Комитет содействия.

не имел ни одного замечания. Кроме того, имеет заслуги перед Красной Армией. 4 года на Красном фронте и в это время был глухонемой от контузии.

II пункт обвинен<ия> – встречи с вредителями – Московскими профессорами – это не реально. На съездах бывал официально, а знакомства и разговоры ни с кем из них не было совсем у него.

III п<ункт> – связь с врачом ветеринарн<ым> Решетовым, никакой связи с Решетовым и не могло быть, т<а>к к<а>к Решетов давно освобожден и работает на своем прежнем месте в Оренбурге в Институте. Близкие отношения с врачом Захаровым, не было близости, и Захаров не был даже арестован.

Уполномоченный, ведущий дело, уверяет, что мужу по его заключению дана вольная высылка. Откуда конц<лагерь> и за что? Ведь мужу объявлено, и он уже уехал на Медвежью Горю.

Тов. Пешкова! Войдите в положение 4-х погибающих жизней и спасите малышей. Я твердо верю в справедливость. Ошибки могут исправляться. Не медлите – исполните мою и малышей просьбу – умоляю!!! Нет сил и средств жить!. Наведите справки и посодействуйте освобождению Палладина Василия Васильевича, Самарского ветврача, работавшего в ВЕТЭПО (Ветерин<арная> Эпизоотич<ическая> Помощь). Ведь за человеком ничего нет. Если не сможете исполнить эту просьбу, то также горячо прошу, спешно посодействуйте об расстреле 4-х Палладиных!! г. Самара Средн<е> Волжс<кого> края Арцыбушевская 21 кв. 9. Нина Григорьевна Палладина. 1932, 10/III». ¹⁴⁹

Помета: «20109. 7/IV-32».

К письму матери было приложено письмо ее детей, написанное печатными буквами; по-видимому, оно писалось под диктовку матери и с ее помощью.

«Хорошая умная тетя!!!

Мы, октябрята Руслан и Людмила Палладины, просим Вас помочь нам вернуть папку. Мы хотим жить, не хотим умирать. Помогите нам! Ведь вы же многим помогли. Нам очень плохо без папы, да и мама слегла. Людмила 7 л<ет>, Руслан 6 л<ет>». ¹⁵⁰

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 819. Л. 102–103. Автограф.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 819. Л. 103об. Автограф.

* * *

3.40. Ходатайство В. С. ЖУКОВСКОЙ о муже, заключенном в концлагере. 25 марта 1932, Ташкент.

«Т<овари>щ Пешкова!

Обращаюсь к Вам с просьбою. Я сейчас нахожусь в крайне тяжелом положении, и решила обратиться к Вам. В особенности меня больше всего убивает тяжелая жизнь ребенка, напоминающая мое детство, которое я без слез не могу вспомнить, я не могу смириться с этим. Я порываюсь, мучаюсь, не знаю, куда обратиться и что надо делать. Быть может, я Вам не смогу высказать всю свою искренность и переживания, так как я не получила никакого образования, а только самообразование, которое дало мне возможность поступить на акушерские курсы по II разряду, окончив, я поступила акушеркой в Бобровскую районную больницу в бывш<ей> Тверской губ<ернии> Ржевского уезда, работала там с 1914 г. по 1924 г. Много там мною перенесено и холода и голода; но тяжелее всего было для меня это недостаток образования, я сознавала это, старалась, училась, но было особенно больно и обидно, когда от образованных людей получила вместо помощи злая насмешки над моей безграмотностью. Когда я по службе не могла приготовить отчетность ½ год<оvalhoй> посещ<аемоcти> больн<ицы> на мою неодолимую трудность никто не обратил внимания, кроме Жуковского К. В., который и помог мне сделать. Спустя год он женился на мне, зная мою малообразованность. Нет сомнения, что он мог взять гораздо образованнее и, конечно, более обеспеченного человека, чем я. Я хочу сказать, с колыбельного возраста и до мозга кости мой муж пролетарий. Перебирая его книги и бумаги, я нашла из Красн<ой> армии и Исполкома, которые посылаю Вам.

Детство его тяжелое: отец его был сельским учителем. Умер, оставив его 4-ым 6<ти> лет, окончив сельскую школу, поступил <в> II кл<ассную> школу, потом поступил в учительскую Семинарию. Окончив, около 6 лет был сельским учителем, во время учительства готовился на аттестат зрелости, что и выдержал. <...>.¹⁵¹ 1931 г. 29 ноября был арестован, в начале октября был объявлен приговор 10 лет концлагер<я>,

¹⁵¹ Далее Жуковская рассказывает о жизненном пути своего мужа.

обвиняя во вредительстве.¹⁵² Зная его как честного советского работника, я иначе не могу представить, как вышла какая-то ошибка. Просила бы рассмотреть его дело и спросить у него про все, почему и как он очутился в концлагере. Если это не возможно, то просила бы заменить концлагерь вольной высылкой, чтобы он мог помочь семье существовать.

До 15 января 1932 г. я работала в Смоленске сестрою в центр<ально> пункт<е> охр<аны> Мат<еринства и> Млад<енчества>, получала 48 р<ублей>. С февраля месяца с/г я здесь работаю тоже сестрою в дом<е> Матери и Ребенка, получаю 70 руб<лей>. Живу на чужой квартире, испытывая все лишения, подчас не имея кипятку, и при такой обстановке у ребенка уже наблюдается забитость, боязнь ко всему, видя все это, мне страшно тяжело. Во имя ребенка и ее привязанности к отцу убедительно прошу, чем можете помочь. Мое единственное спасение, которое я могла предпринять и решить – это обратиться к Вам. Сейчас он находится <в> УСАЗ ИТЛ, гор<од> Ташкент, Ленинская 31.

Просила бы Вас справиться, кроме меня, как матери, у соседей по кв<артуре> Смоленск, Пасторский пер<еулок>, д. 14, потом Мееровское шоссе, д. 5, <о> воспитани<и> ребенка, считая, что ребенок есть настоящее отражение семьи, где он воспитывается. В школу реб<енок> поступил <в> 1928 г. Смоленск, Лесливский пер<еулок>, II сем<илетка> им. Калинина, уч<еник> I гр<уппы> уч<ителя> Н. Н. Коновой. <В>1931 г. пер<еведен> в школу Б. Советская III-я Ф.З.С. к уч<ителю> Н. Х. Блюменталь.

Перенесенн<ые> ею тяжелыя болезни в детск<ой> клинике на Покровке в Смоленске. 1928 г. – операция тяжел<о> запущен<ного> “Мостоедит”. 1929 г. 8-го апреля – заболела септической форм<ой> скарлатин<ы>, лежала в отделении Д<окто>р<а> Семеновой, где отец по ней сильно убивался.

В. Жуковская. 25/III-32 г.

Мой адрес: Ташкент, Саперная ул<ица>, д. 13, Дом Матери и Ребенка. Жуковской Валентине Семеновне.

Р. С. О получении моего письма просьба ответить. Жуковская».¹⁵³

Пометы: «№ 17890. 23/IV-32». «Мар<ка> 30 к<опеек>».

¹⁵² Жуковский Константин Васильевич до ар. работал главным инженером в Цетромелиострое. Обвинялся по делу ТКП. После вынесения приг. был отправлен в Сызранский к/л.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 795. Л.Л. 207–210. Автограф.

26 апреля 1932 ПОМПОЛИТ отправил В. С. ЖУКОВСКОЙ сообщение, что для ходатайства о пересмотре дела мужа она должна прислать заявление на имя ОГПУ.

* * *

3.41. Ходатайство Е. А. КАРАМЫШЕВОЙ о смягчении участи мужа. 20 октября 1932, Ленинград.

«Екатерина Павловна!

Простите, может быть, я не имею права так обращаться к Вам, а должна более официально или иначе обращаться к Вам с моей просьбой. Но я не понимаю и не знаю, как нужно.

Вы простите меня. Я только знаю, что Вы – та женщина, к которой обращаются с просьбой сотни людей, и Вы по мере возможности для каждого найдете отклик. И Ваше имя повторяется с уважением и благодарностью.

И я также в страшном отчаянии и горе прибегаю к Вам и умоляю, выслушайте меня. Я хотела лично поехать к Вам и на коленях просить помочь мне, но ребенок заболел у меня и прибегаю к письму. Я Вас прошу походатайствовать перед Высшими органами о смягчении участи моего мужа. В заявлении я описываю его вину, жизнь, которую он провел до и после революции. И такое заявление я хочу подать в ЦИК с просьбой о помиловании, т^{<о>} е^{<сть>} о смягчении его участи. А Вас прошу походатайствовать об этом. Я с мужем провела все время от начала революции, и всю его жизнь я знаю, также и его вину. Я была с ним в гражданскую войну, весь ужас войны я переживала с ним, вместе попали в плен, и все происходило, вся жизнь мужа была при мне. Скрывал свое офицерское звание в тот момент, та боязнь за свою жизнь, которой он в тот момент мог лишиться, где расстрел офицера на фронте в такой момент ничего не значил. Я больше на него влияла, боялась, страшно боялась его признания, какие поведут за собой последствия, хотя никакой вины за ним не было, как только его вынужденная служба у белых в чине офицера, хотя на кратковременный срок на административной должности. Страх, подлый страх заставлял скрыть то, чего не следовало. Но я была с ним, больная калека, и бросить меня на произвол, если его даже сошлют, он боялся, а тут я ныла, и так это и произошло. Теперь я Вас прошу, все, что только возможно,

сделайте, чтобы смягчить его приговор. Этот приговор ужасен и он не заслужил его. Я осталась с ребенком без всяких средств к существованию, не имея совершенно родных, инвалидов и никогда нигде не служившая, навряд ли смогу прокормить себя и ребенка без помощи мужа. Если бы я хотя знала, что он вредил в чем-нибудь Совет<ской> власти, я бы не осмелилась Вам писать; но нет, я знаю его и его жизнь, он ни в чем не виноват, кроме того, что я и писала. Кроме Завода и Института, он нигде не бывал все эти годы. Семья, Завод и ученье – вот вся его жизнь, и он был доволен, и ничего ему не нужно было, и мы были счастливы. Думая, кончит еще институт, будет работать сов<етским> Инженером, а на прошлое поставили крест. Новая жизнь его интересовала и Наука. И он только своим знанием приносил хотя бы маленькую, но все пользу Совет<скому> Государ<ству>. Он не раз говорил, что благодарен Совет<ской> России, что дала возможность учиться, а ученье для него было все. И как ему страшно тяжело, что не имеет возможности кончить институт, где почти кончал.

Екатерина Павловна, родная, простите за мою дерзость такого обращения, но не в силах я себя сдержать. Я и мой 7-ний сынишка просим Вас помочь нам, сыну – вернуть отца, а мне – мужа. Хотя бы смягчить его участь, сбавить срок его наказания, и дать бы возможность мне с сыном жить с ним, а также и дать ему возможность закончить институт, заочно хотя бы. У меня только надежда на Вас, если надежда рухнет, рухнет, наверно, и моя жизнь. 10 лет мне с моим здоровьем не вынести, и мужа здоровье плохое. Не смотрите на его происхождение, к несчастью, он родился от дворянина и помещика. Буду ждать своей участи.

20/X 1932 г. Е. А. Карамышева.

Прилагаю Вам при сем рекомендации от завода о нем. Я очень прошу Вас прислать мне их обратно, так как я хочу их еще послать в ЦИК, и прошу у Вас об этом совета.

Если можно, пришлите мне обратно, это все, что у меня осталось от мужа.

Карамышева.

Прошу очень ответить мне на мое письмо. Я буду ждать каждую секунду ваше письмо».¹⁵⁴

Помета: «25140. 1/XII-32».

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. Л.Л. 105–106об. Автограф.

31 декабря 1932 ПОМПОЛИТ отправил Е. А. КАРАМЫШЕВОЙ сообщение, что заявление о пересмотре дела ее мужа переслано в ПП ОГПУ.

* * *

3.42. Письмо детей А. П. СПИРИНА (высланы вместе с отцом-священником) к А. М. ГОРЬКОМУ и Е. П. ПЕШКОВОЙ. Ноябрь 1932, ст. Плесецкая Северной ж.д.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 7 декабря 1932.

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович и Е. П.

Отец наш сын бедного казака кончил учительскую школу в 1901 году, был учителем 12 лет, вышел по болезни в отставку, с 1915 по 1928 г. был священником. Семья наша была 16 душ, а отец не умел обманывать своих прихожан, и стал заниматься хлебопашеством, чтобы не стеснять нас, детей, и не мешать, отделил взрослых в 1928 г., взяв с собой только 3-х мальчиков детей. Было у нас на 12 душ три пары волов, лошадь, 2 коровы, 12–13 десятин посева, не было ни батраков, ни мельниц, ни предприятий. Своими руками добывали кусок хлеба, ночей не досыпали, не доедали, нарядными не ходили. В 1929 году на отца наложили 180 пудов хлеба, у него не было, да и мы не могли ему помочь, и его осудили по 61 статье на 2 года заключения, а имущество его (хата и барахло) конфисковали на 47 руб<лей>. 4-го января 1931 г. его освободили, дали документ на свободное проживание по Союзу, он приехал в Борисоглебск на жительство; там в одну ночь милиция сделала облаву, собрали всех “пришлых”, и вот в это число попал и отец, потом просидел 2 месяца в д<оме> з<аключения>, пробыв в Борисоглебске только 5 дней. Привезли его в свой округ, собрали нас всех в кучу и доставили к нему (два старших брата были в трудовой армии), и отправили всех на север в качестве спец-переселенцев, а через 5 месяцев разрешили свободное проживание в пределах Северного края. Мы поселились на Плесецком канифольном заводе, все работаем, но условия для нашей семьи очень тяжелые; школы на заводе нет, теперь 2 из нас ходят за 7 км в Плесецкую, а двое могли бы ходить, но далеко, а настанут холода, как бы и нам не пришлось бросить, надо квартиру, провиант, а отделить от пайка нечего, села от завода далеко, за 21 км и более, негде прикупить продуктов, а город далеко, там много всего, но туда не

наездишься, а на нашем Плесецком базаре ничего не бывает. Три месяца мы очень голодали, рабочим давали по 400–500 гр<амм> одного хлеба, а мы, дети, часто ничего не получали, по три дня сидели без хлеба, а из столовой получать многосемейным – денег не хватает. Все мы, дети, переболели, да и сейчас хворают, то рвота, то животы болят, а в больнице прописывают одно: хорошее питание... Отец исходил и изъездил все заводы и станции. Есть и школа и работа, но только не мог найти для такой семьи квартиру. Приходится оставаться здесь и, возможно, бросить школу. Знакомые и земляки пишут нам из разных мест, – ЦЧО, Сред<не>-Волженский край и т<ак> д<алее>, что у них продукты гораздо дешевле нашего, и квартир сколько хочешь, и в совхозе дай рабочих рук, но одна беда – мы не можем выезжать из пределов Сев<ерного> края. Отец сколько раз подавал просьбу о разрешении свободного выезда и проживанию по Союзу, но ответа никакого. Теперь опять мы посылаем через Вас. Мы с 29 г. страдаем, отец, может быть, наказывается за то, что он был священником, а мы за что? Думаем, думаем и никак не можем понять: за что мы, дети, несем нравственные страдания и физические лишения? Из прилагаемой автобиографии отца Вы увидите, что он уж не так опасный человек. Читаем Ваши произведения, видим из них, что Вы поборник правды, поэтому мы смело обращаемся к Вам с просьбою, очень извиняемся за это длинное письмо, но думаем, что Вы обратите внимание на совершенных “отверженных” и своим авторитетом доставите к 15-й великой годовщине маленькую радость. Просим Вас, Алексей Максимович и Е. П., передать во ВЦИК или куда надобно просьбу отца и думаем, что вы не отвернетесь с презрением от 10 летней Лены, 8 лет<ней> Лизы, 6 лет<ней> Нины, 6 лет<него> Васи, 5 лет<него> Сережи, 4 лет<него> Акима, 14 лет<него> Вани, 16 лет<ней> Серафимы, 1 мес<ячного> Пети. Это все дети и внучата нашего отца.

Докажите, что все, что пишется и говорится в опровержение буржуазной лжи – не одни красивые фразы. К сему Иван Спирин, Спирина Серафима, Спирина Елена, Вася, Аким, Сергей, Нина, Петр Спирины, а за них неграмотных и за себя <подпись неразборчива>.

Ходатайствуем о разрешении свободного выезда из пределов Сев<ерного> Кр<ая> и свободном проживании по Союзу.

Адрес наш: ст. Плесецкая Сев<ерной> ж/д. Канифольный завод».¹⁵⁵

Помета: «25137. 1/XII-32».

«А. П. СПИРИНУ 25137. 7/XII-32.

В ответ на В/обращение сообщаю, что заявление Ваше в ЦИК мы передали по назначению.

Ответ запросите непосредственно, т<а>к к<а>к мы там справок не наводим».¹⁵⁶

изданная за эти дни... на обратном...
вы обратили внимание на...
и свои авторитет доставите к...
каждому маленькому...
Макашова и в.А. передали во...
надобно проследить...
справке...
Васи, Сергеев, Умр. Янина, Умр. Вай...
Серафимов...
Докажите что все это...
в...
Спирина, Иван Спири...
Спирина, Иван, Васе, Янину, Сергею, Янину, Петру
Спирина, а за нас...
Адрес наш: ст. Плесецкая Сев. ж/д. Канифольный завод

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. Л.Л. 98–99. Автограф.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. Л. 97. Машинопись.

Раздел 4

ПИСЬМА 1933–1934

В первые годы второй пятилетки (1933–1937) окончательно сложился сталинский СССР и советская система ценностей.

В связи с большим строительством, ведущимся в стране, было покончено с безработицей. Курс на индустриализацию продолжался; в 1933 были пущены Челябинский тракторный завод, Уралмаш (Свердловский машиностроительный завод), Харьковский турбинный завод. В начале 1934 проект 2-го пятилетнего плана, ввиду трудностей, проявившихся в 1933, был пересмотрен в сторону снижения заданий.¹

В 1933 были проведены мероприятия по усилению государственной административной системы. Была введена система внутренних паспортов (27 декабря 1932), отмененная после революции. Эта система позволяла контролировать и ограничивать миграцию городского населения, в особенности рабочих; колхозникам паспорта не выдавались, и они отныне вновь прикреплялись к земле. Была введена система обязательных поставок колхозами зерна государству по нормам и ценам, назначаемым государством (в январе 1933). Был распущен наркомат по труду и его функции были переданы профсоюзам (в июне 1933), которые стали таким образом частью государственной административной системы.

Формированию советской системы ценностей во многом способствовала пропаганда героизма советских людей. В апреле 1934 было учреждено звание Героя Советского Союза. Мировой рекорд, установленный летчиком Грозовым, расценивался как победа социалистической системы. Операция по спасению экипажа корабля «Челюскин», зажатого льдами по пути из Мурманска во Владивосток, была воспринята не как неудача экспедиции, а как героическое противостояние суровой природе, и ее окончание было превращено в праздник с всенародным ликованием и чествованием героев.

С середины 1933 началась кампания амнистий, продолжавшаяся вплоть до 1936. Последовала она после инструкции «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении

---

¹ Директивы 2-го пятилетнего плана были выработаны на XVII-ой партконференции (30 января – 4 февраля 1932). Скорректированы на XVII съезде партии, т.н. съезде победителей (26 января – 10 февраля 1934).

производства арестов и разгрузке мест заключения», принятой ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 мая 1933.

В партийных верхах продолжалась борьба за власть.

Убийство Кирова, совершенное 1 декабря 1934 в Ленинграде, открыло период террора и репрессий.²

ИЗ ХРОНИКИ РЕПРЕССИЙ.

5 января 1933 ОГПУ издал приказ о мероприятиях по введению паспортной системы в СССР. В соответствии с этим приказом была проведена чистка городов от «социально-вредных элементов» (при этом было позволено применять меры внесудебных репрессий в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации).

В 1933 в лагерях ОГПУ умерли 67 247 заключенных (из статистических отчетов санитарного отделения ГУЛАГа)³.

Численность заключенных в ИТЛ на 1 января 1934 составляла 510 309 человек (без учета находящихся в пути).⁴

10 июля 1934 постановлением ЦИК СССР был образован НКВД СССР. Во второй половине 1934 все функции ОГПУ, включая охрану безопасности страны и управление системой лагерей, были переданы НКВД.

---

² Вечером того же 1 декабря был принят указ о введении ускоренной судебной процедуры и о немедленном приведении в исполнение смертных приговоров. В течение нескольких дней в Ленинграде, Москве и Киеве расстреляно без суда большое число «белогвардейцев» и политических заключенных.

16 декабря 1934 были ар. Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев. На посту руководителя Ленинградской парторганизации вместо С. М. Кирова был назначен А. А. Жданов.

³ «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник». Общество «МЕМОРИАЛ», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Rogинского. М.: «Звенья», 1998. С. 32.

⁴ Там же. С. 35.

* * *

4.1. Ходатайства **Н. Д. ЛАВРЕНТЬЕВА** о детях **ГЕНЕРАЛОВЫХ** и их раскулаченных и высланных родителей. Июль, 12 декабря 1933, Калинин.

«Мария Дмитриевна Генералова, происходящая из гр<ажда>н дер<евни> Душаново Щелковского Района Московской области со своим мужем Дмитрием Яковлевичем Генераловым, происходящего из этой же деревни в 1931 году в августе м<еся>це были высланы и раскулачены вместе со своими 4-мя детьми, хотя хозяйство Генераловых ни в коем случае к кулацкому отнести нельзя, т<а>к к<а>к наемной силы они не имели и налог платили не выше 27 рублей. Твердым заданием никогда означенное хозяйство не облагалось, а в 1931 году при организации колхоза вступили одними из организаторов последнего. Несмотря на все наличествующие факты о их трудовой жизни, тем не менее семейство Генераловых было выслано в Кузнецкстрой вместе с детьми, возраст которых в то время был следующий: девочка 10 лет, девочка 8 лет, мальчик 6 лет, мальчик 4 лет, но за отсутствием квартир в Кузнецкстрое (жили в землянках) с детьми с наступлением холодов жить стало невозможно. Вышеназванная гражданка упросила своего младшего брата, жившего в дер<евне> Душаново, временно взять на воспитание детей, но спустя некоторое время он от воспитания отказывается, и дети остаются совершенно выброшенными на улицу. В этот момент детей уже берет на временное воспитание брат Сергей Лаврентьев, проживающий в той же деревне, где они и жили до настоящего времени. Сергей Лаврентьев в дальнейшем тоже был вынужден отказаться от их воспитания, т<а>к к<а>к благодаря детей его тоже относят к типу кулаков и обвиняют как соучастника в связи с бывшими кулаками, который воспитывает их детей (племяннишей). На основе чего и ставится вопрос о дальнейшем пребывании Сергея Лаврентьева в колхозе, что грозит ему исключением из колхоза, в силу чего Сергей Лаврентьев тоже от воспитания детей отказывается, а дети снова остаются выброшенными на улицу. Узнав об этом, сосланные родители приехали за детьми в село Душаново, о чем и заявили Сельсовету, но их в Душанове арестовали и направили в Щелково в Р.И.К., детей же так и оставили в Душанове. Через некоторое время в Щелкове им прочитали приговор, что их выселяют в г. Вологду на 3 года, откуда и направляют этапным порядком

без детей. По наведенным справкам 23 апреля они были направлены в Бутырки для дальнейшего следования к месту назначения, но выяснить, там они или нет, нам не удастся, дети же остаются выброшенными на улицу без куска хлеба и без всяких средств к существованию. Прошу оказать Ваше содействие облегчить участь детей, поместив их, хотя бы временно, в один из детских домов, а также рассмотреть дело Генераловых, дав им возможность устроить трудовую жизнь и воспитать детей, т<а>к к<а>к дети еще не успели испортиться от бесприютной жизни, и их можно воспитать и приучить к общепользному труду, т<а>к к<а>к их родители вели трудовую жизнь с малых лет.

Бывш<ий> адрес Генераловых: Московской области Щелковского района дер<евня> Душаново.

Адрес подателя: г. Калинин. Набережная Волги, д<ом> № 1 Лаврентьев Николай Дмитриевич». ⁵

Пометы: «9582. 16/VIII-33». «На пересмотр.<М. В.>». «Сверить».

В июле 1933 ПОМПОЛИТом было подано в ОГПУ ходатайство с приложенной к нему выпиской из вышеприведенного письма Н. Д. ЛАВРЕНТЬЕВА. На копии этой выписки (машинопись) стоит помета ПОМПОЛИТа: «Дано освобождение» VII-33».

28 августа 1933 ПОМПОЛИТ отправил Генераловым сообщение, в котором они уведомлялись, что, согласно полученной справке, постановлением от 16 августа 1933 им обоим разрешено свободное проживание по СССР.

В декабре 1933 в ПОМПОЛИТ вновь пришло письмо от Н. Д. ЛАВРЕНТЬЕВА.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Согласно Вашего извещения по делу Д. Я. и М. Д. Генераловых коллегией ОГПУ от 16 августа с. г. было вынесено решение о свободном их проживании, и несмотря на то, что уже прошло 4 месяца, до сего времени они находятся в ссылке в Северном крае Тотьманском районе дер<евне> Березники. Получив от Вас извещение, они десятки раз наводили справки и все же положительного результата не добились, местные органы ставили перед ними вопрос о том, что без копии

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 869. Л.Л. 31, 31об. Автограф.

решения они ничего не добьются. Ввиду тяжкого материального состояния, как детей, оставшихся здесь, так и их, находящихся без всяких средств к существованию и без всякой работы, убедительно Вас прошу, нельзя ли получить копию решения Коллегии для посылки им туда на место, иначе, очевидно, им не добиться свободы, и они могут там совершенно погибнуть.

Для ясной картины прилагаю письмо моей сестры.⁶

Еще раз убедительно Вас прошу, окажите помощь людям, переживающим лишения совершенно незаслуженно и рвущихся к свободному труду для пропитания своих детей.

О просимом прошу поставить в известность.

г. Калинин. Московская обл<ась> Первомайская Набережная дом № 8. Кв. № 5. Лаврентьеву Николаю Дмитр. 12/ХІІ-33».⁷

Пометы: «9582. 20/ХІІ-33». «Карт<очка>».

* * *

4.2. Письма А. В. СУСЛЕННИКОВОЙ (выслана из Ленинграда при закрытии монастыря). 23 июля 1933, Казакстан, Актюбинская обл., Челкар. 12 января, 28 марта 1934. Казакстан, Актюбинская обл., ст. Челкар, Иргиз.

«1933 23 июля.

Заявление с покорнейшей просьбой от ссыльной Гражд<анки> Сусленниковой Алекса<нд>ры Васильевны, проживающей в Казакстан<ском> Окр<уге> Г. Челкар Самаро-Злат. ж<елезной> д<ороги> Поч<товое> От<деление> адрес мой.

Очень усердно прошу я Васъ освободить меня родину в Россию такъ, какъ здесь сильный голод, а мне еще хочется жить, я ведь еще не старая 42 года, поставлю в пример я знаю ссыльную старуху монашка длинно-клинная уже век отжила 72 года от роду одна нога в гробу, а вторая на погосте, и то еще ей жить хочется если скажешь ей о смерти то расстроится сь ума сойдетъ и тоже очень стремится поехать в Россию на свою родину, а мне еще 42 г. Да и ктому же я ни вредительни-

⁶ Письмо в деле отсутствует.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 869. Л.Л. 27, 27об. Автограф.

ца никогда ею не была и небуду я ничего против нашей власти не имею всякая власть послана Богом, а за веру в ссылку никого не высылают в Ленин<граде> еще много есть верующих так же как и в прочих Городах есть и агитацией я не занималась весь свой век страдаю кожной болезнью реку слез пролила мнели политикой заниматься, да и я человек простой не образованный. Да какъ же мне Боже мой надоели опротивели монашины ханжы, лицемерки, я не понимаю, что то судьба делает мне наперекор дразнить меня я их не люблю не уважаю и все мне приходится быть с ними уж очень они мне не по сердцу лукавые противные если меня освободят то я постараюсь поехать в такое место чтобы ни где не было ихъ длиннокланных если бы я их не знала какие они есть то возможно бы дура уважала бы ихъ, а я знаю ихъ съ самого своего детства опротивели они мне ничего хорошего в ихъ нет, и никогда не поимела бы желания быть монашиной, бабушка моя была старая в преклонных летахъ 80 л<ет> тяжело было меня воспитать малолетку, хотела она меня отдать в приютъ, а в то время монашина съ ею познакомилась и вот съговорились насчет меня сироты мне бы хорошо было и в приюте к чему в монаст<ырь> отдали родители мои были бедные и рабочия. Я после мамы 2х лет осталась. Я Вам описала все подробно свою жизнь и выяснила все просто. Во многихъ Городах слышно, что ссыльных опускают в Россию как говорится земля слухом полна. Слышно, что отпускают, а почему то у нас в Челкаре ни кого не отпускают ведь Москва делает распоряжение везде и всюду одно и то же, что это за Челкар, которые уже отжили свой срок и тех неосвобождают – удивительно. Если мне наша власть не даст разрешение жить народу в Ленин<граде> то я могу жить в другом месте гденибудь в незнатном городишке в провинциальном от Ленин<града> <в> 500 верст<->700 верст. Очень прошу Васъ от искренняго сердца освободить, нечемъ жить, ужасный голод, а белый свет еще не надоел хочется жить и хочется в милую Россию. Буду ждать результат, ответ буду ждать.

Прошу я Вас умоляю, во имя нашего великого вождя Владимира Ильича Ленина, освободите меня, выпустите меня из этой дикой, глухой, голодной степи в милую, родную мою Россию, там все мило сердцу, приятно и все родное сердцу, ради его великого идеального чело<век> Влад<имира> Ильича освободите. Откровенно я Вам скажу от чисто-искренняго сердца, что наша власть наше высшее начальство очень во мне

ошиблись, напрасно меня выслали в ссылку, я поняла их так, что они о мне были такого мнения, когда дела разбирали в то время, когда я сидела 7 недель в Ленин<граде> на Гороховой в Доме закл<ючения> думали о мне что я съ 5 л<ет> воспитывалась при монас<тыре> съ монашинами и значить я осталась их мнений и их взглядов и убеждений но неть! совсем не то, я все время монашин не любила и теперь их ненавижу ханжы они лицемерки ничего в их хорошего примерного нет и не было я бы совершеннолетняя ни за что не пошла к имъ жить а 5 л<етнюю> крошку бабушка отдала как в приют на воспитание. Я бы вышла за муж ну кто меня возьмет съ большим лицом красивых и то бросают. Я очень власти приветствую и благодарю что закрыли мон<астыри>, жен<ские> и муж<ские> давно бы нужно закрыть и все время всю жизнь я была против капиталистов они были идиоты жестокия хорошо, что их уничтожили. Я во многом одного мнения съ нашей властью и вдруг попала в ссылку на 3 года в голодную степь очень обидно. Написала я Вам все подробно откровенно, и просто, как мог сочинить мой ум я ведь не образованная.

1933 г. 23 Июля».⁸

Помета: «8456. 22/IX 33».

«1934. 12 янв<аря>. Сообщаю о том, что Вашу откр<ытку> я получила сердечно благодарю за ответ. И сердечно прошу Вас походатайствовать, похлопотать о мне, насчет свободы, так как я уже Вам послала несколько Заявл<ений>... счетом 7. Будьте любезны, похлопочите, задайте вопрос в Ленин<граде>, еще повторю и еще, от чистаго искренняго сердца, что я против власти ничего не имею, нужно власти повиноваться. Очень обидно терпеть из-за людей, да, главное, из за чертей монашин окаянных, уехали сбежали украдкой в Россию, не хотят власти подчиняться, сбежали, а нас 28 чел<овек> перегнали из Челкара за 150 верст от ж<елезной> д<ороги>, вероятно, ввиду того, чтоб и мы не сбежали украдкой, но я не хочу этого делать – сбежать, а монашины самовольные, их нужно всех обратно в ссылку и снова наказать на 3 года за не повиновение власти, не нужно на это халатно смотреть. Разыскать всех беглецов монашин и обратно в ссылку. Мирские светские люди терпят ссылку, власти повинуются, а монашины длинноклинные сбежали, против-

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 890. Л.Л. 50–51об. Автограф

ные, отвратительные, лаются, как собаки, Богу молятся, а черту веруют. А также против колхозов я ничего не имею, и родных у меня нет, некого мне отвлекать от колхозов, у монашин у всех есть родные, то: племянницы, племянники, сестры и братья, они вполне могли брешить своими языками длинными, отвлекать родных от колхозов, словом, противные, отталкивающие злюки. Очень здесь голодно, хлебушка нет и раб<оты> нет, нечем кормиться. Я вышиваю гладью, а здесь мало русских и нет моей спец<иальной> раб<оты>, хотя бы кто 10 руб<лей> прислал, и для меня была бы помощь великая, не хочется с голоду умирать, белый свет не надоед. Казакстан<ский> Окр<уг> Актюб<инская> обл<асть> г. Челкар поч<товое> от<деление> в г. Иргиз. Довостр<ебования> Сусленковой А. В. Пожалуйста похлопочите мне освобождения. Я все откровенно Вам сказала».⁹

Помета: «8456/28/1 -34 г.»

«г. Иргиз. Казакст<анский> округ, Актюб<инская> Обл<асть> ст<анция> Челкар.

28 марта 1934 г.

Многоуважаемая Е. П. Сообщаю Вамъ что Ваши две откр<ытки> я получила последнюю 23 мар<та> и раньше получила мес<яца> полтора назад. Благодарю я Васъ за Ваше ходатайство за Ваши хлопоты но очень жаль и прискорбно, что наша власть меня не освобод<ила> до срока, ну, что же делать нужно повиноваться власти ничего ни сделаешь, буду срок отживать, уже осталось мне жить 10 с половин<ой> мес<яцев> доживу срок и освобод<ят> в милую родную Россию. Одно только вот меня удивляет, очень над этим задумываюсь ломаю свою головушку о томъ, что настоящих коренных монашинъ освобождают даже не доживши свой срок я же ни монашина и к тому же с нашей властью во многомъ согласна и против власти ничего не имею и вдругъ меня не освоб<одили> не исполнили мою просьбу обидно до слез. А потомъ скажу об монашинъ не повинуются власти, противные люди, непокорные, упрямые, много сбежало украдкой <из> ссылки домой и на их смотреть халатно, равнодушно, не наказывают их противных, а они достойны наказания за бегство не повинуются власти, но я Е. П. этого сделать не дерзнула чтобы сбежать а думаю лучше буду хлопотать подавать за-

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1141. Л.Л. 77, 77об. Автограф.

явл<ения> просить разрешения поехать домой и мне отказано Лен<инградским> ОГПУ а монашины сбежали это ничего равнодушно смотреть, а по правилу их злых враговъ нужно всех поймать и обратно в ссылку на 3 года а меня освоб<одить> потому что я у власти прошу разреш<ения> монашины мне опротивели плохия они»¹⁰.

Помета: «8456. 16/IV-34 г.».

* * *

4.3. Заявление М. А. КАРПУХИНА (спецпереселенец, в ссылке с женой и шестью детьми). 24 августа 1933, Северный Край, Карпогорский р-н, пос. Шукши.

«В Центральный Комитет помощи политзаключенным
с<пец>переселенца пос<елка> Шукши
Карпогорского района Севкрая
Карпухина Михаила Андреевича

Заявление.

Как утопающий хватается за каждую палочку или кустик, чтобы не потонуть, а спасти свою жизнь, так и я хочу приклонить голову под Ваше покровительство и просить Вашей скорой помощи. 4-й год живу в Севкрае с семейством в 8 человек, из коих 6 человек детей привезены все нетрудоспособные, 2-е детей из них старшие: дочь 16 л<ет> и сын 15 л<ет> с 1-го дня приезда в с<ело> Верколу Карпогорского района пошли на работу на окатку леса по реке Пинеге, работали около 1½ м<еся>ца и денег ни одной копейки не получили. Это было в 1930 году, и так остались не получены до настоящего времени и не только у нас, а почти у всех спереселенцев, работавших в то время, т<ак> к<ак> тогда денег нам почему-то не платили, а потом уж дело и покрылось давностью; остальные четверо детей: старшая из них Анна 11 л<ет>, 2-я Вера 10 л<ет>, 3-я Софья 7 л<ет> и Николай 3 года, – жили все время на гражданском пайке, получая 230 гр<амм> хлеба на человека, на таком же с ними положении и их мать (моя жена) 51 года влачила горькую жизнь тоже на гражданском пайке все время и до настоящего (время) момента гибнут с голода. В 1932 году в

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1141. Л. 81. Автограф.

школе на поселке одна моя девушка Вера дошла до того, что с ней получился припадок от сильного малокровия, что установлено было поселковым медпомом Холтыгиной, которая, подоспев к больной, оказала ей помощь и тотчас заявила учителю, чтобы последний исключил ее из списка учащихся, и дала ей препроводительную в Карпогорскую больницу на лечение; чтобы не получилось с ней этого припадка в пути, с ней пошла вторая девушка постарше. Это было весной 1932 года. Во время лечения больной здоровая девушка взята была в “няни”, а по излечению и последнюю тоже взяли и жили до настоящего времени сыты, обуты и одеты и нас не тяготили, зарабатывая себе кусок хлеба. В настоящее время мною получены документы на всех малолетних детей в колич^естве 4-х человек на выезд на родину, взятых на иждивение. Сам я тоже в январе 1932 года был разбит возом на ледороге и теперь с потерей трудоспособности и плохой заботы, а подчас обиды, как местной поселковой, а также и районной комендатуры, приходится ожидать только лишь голодной смерти. В мае сего года мне райкомендантом Киселевым было разрешено по случаю потери здоровья подыскать должность на техническую работу, каковую я с разрешения дирекции Карпог^{орского} леспромхоза нашел и работал на почте в с^{еле} Карпогорах 2 м^{еся}ца счетоводом, но к великому несчастью л^{ес}промхоз меня с работы снял и перебростил в Веркольский л^{аг}пункт без моего согласия на 75 р^{ублей} месячной зарплаты, тогда как я на почте получал 100 р^{ублей}. Прослужив с 1-го августа по 24-е, мне и здесь в работе отказали. В июле м^{еся}це с. г. я получил от дочери Родионовой Евдокии письмо с приложением на имя районного О.Г.П.У. заявления, которым она просит отпустить, как меня, отца 53 лет, лишившегося трудоспособности, а также и мать на свое полное иждивение, заявление за ее подписью, подпись руки засвидетельствована тем учреждением, в котором она служит, и это заявление было тогда же передано райкоменданту Киселеву, который обещал передать на рассмотрение Краевого О.Г.П.У., но при том сказал, что нужно бы ей написать обязательство и засвидетельствовать в Нотариусе, но я хорошо знаю, что были случаи, отпускали прошлой осенью людей по форме написанной заявлением. В силу изложенного я прошу названный комитет вступить с ходатайством или дать законное распоряжение

краевому О.Г.П.У. гор<ода> Архангельска по переселенческой части ускорить отпуск меня с женой на иждивение нашей дочери, а до тех пор мне с женой и отпущенным детям дать содействие вольного проживания в селениях Карпогорского района, где можно зарабатывать вольным посильным трудом, как нам, так и малым детям кусок хлеба, обувь и одежду, а не посылать на поселок за 40 верст от деревень на смертельный гражданский паек, где, кроме его, достать ничего нельзя. О результате сего прошу меня уведомить и разъяснить мне, куда может быть еще нужно обратиться, т<ак> к<ак> наше невежество заставляет нас переносить крайние обиды в смысле расчетов, побоев, увольнения с должности, отборов имущества с нарушением со стороны комендатуры революционной законности и другие. К сему подписуюсь М. Карпухин.

24/ VIII-33 г.». ¹¹

Пометы: «9570. 9/IX-33 г.».

* * *

4.4. Ходатайство Н. А. КИРИЛЛОВОЙ об отце, раскулаченном и высланном из Средне-Волжского края.
6 сентября 1933, Казакстан, Петропавловск.

«Екатерина Павловна!

Я дочь спец-переселенца, раскулаченного в 1929 году, оставшая от высланной семьи. Еще в 28 году я поступила на учебу в Ульяновский педтехникум, не зависела материально от отца и не имела с семьей никакой связи. В то время я считала это вполне приемлемым для своей натуры, так как давший мне жизнь, хоть и был лишен некоторых прав, но мог сам работать и кормить оставшуюся на руках у него семью, не нуждался в моей помощи. Теперь же, когда он устарел, износился, силы порастерял – во мне заговорила совесть по-иному, теперь я обязана протянуть ему руку помощи, успокоить старых отца и мать, отблагодарить за то, что они научили меня жить и трудиться. Уходя от него, я и тогда не считала его виноватым в чем-либо, но думала, что все же ему не мешает пожить в Архангельской губернии, поработать и там, думала, что и там

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 869. Л.Л. 57, 57об. Автограф.

принесет некоторую помощь государству. Теперь он для работы какой бы то ни было устарел, физически обессилел, а для канцелярской работы ослеп, и я хотела просить Вашего содействия в освобождении его и всей сосланной семьи, с ним там еще мои две сестренки и брат.

Вина отца заключалась в том, что он торговал до 1916 года. В 1916 г. торговлю бросил и с тех пор все время служил в госучреждениях, был членом союза, ни в чем никогда не был замешан, считался лояльным гражданином.

Волна раскулачивания 29 года захватила его потому, что он торговал до 1916 г. Живя на севере, он опять зарекомендовал себя с лучшей стороны, со стороны администрации имеет хорошие отзывы, как трудолюбивый и добросовестный работник. Любовь к труду он сумел привить и детям, двое старших, живущих с ним, все время работают как ударники, были несколько раз премированы. Всех их томит тоска по родине и лагерная обстановка ссыльных.

Выезжавшая комиссия из Москвы, разбирая его дело, нашла, что он раскулачиванию не должен был подвергаться, но ряд его заявлений в центр остался без ответа.

Описав частично положение дела, я убедительно прошу Вас оказать помощь советом, как и с чего начать действовать. Документы и отзывы о его работе на воле и в ссылке за период с 1916 г. и по настоящее время есть все налицо.

Не откажите в помощи, если можете. Их адрес: Северная Архангельская дорога, станция Шожма, поселок Холмолеево, Александр Михайлович Кириллов¹². Житель села Кошек Средне-Волжского края (бывшая Самарская губерния).

Мой адрес: Казахстан, г. Петропавловск, улица Ленина дом № 34 Кириллова Н. А.

Остаюсь в ожидании Вашего содействия или ответа, каков бы он ни был. Н. Кириллова. 6/IX 33 год».¹³

Помета: «9981. 17/IX-33».

---

¹² Кириллов Александр Михайлович, род. в 1880 в Кошкинском р-не, с. Кошки. В 1930 на основании пост. ВЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 приг. к высылке на спецпоселение в Архангельскую обл. Реаб. на основании закона от 18 октября 1991. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

¹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 877. Л. 38–39. Автограф.

* * *

4.5. Ходатайство Э. А. ТАКОРОВА о маленьких племянниках, высланных с раскулаченными родителями из Алушты на Урал. 9 сентября 1933, Казань.

Сообщения ПОМПОЛИТА. 14 октября 1933, 15 марта 1934.

«Тов<арищ> Пешкова!

Я нижеподписавшийся, Такоров Эннан Амза, прожив<ающий> ныне в г. Казани по Проломной ул<ице>, обращаюсь к Вам с исключительной просьбой. В 1930 году сестра моя Фатъма из-за мужа своего сына, кулака Усеина Адысы Эннана из гор<ода> Алушты Крымской АССР была раскулачена после ареста своего мужа и выслана на Урал в Надеждинский округ Морозковское лесничество поселок Береза Падун или Старое Сотрино. По прошествии одного года муж ее бросает с детьми и уходит, затем сестра, оставшись одна с тремя детьми, живет еще год и тоже уходит. Теперь остались дети, родители или погибли или пропали, одни дети без отца и матери, ни в чем не повинные две девочки, старшей Гульсуль 11–12 лет и младшая Фикрие 7–8 лет, был еще мальчик, которого взяли родственники на воспитание, сейчас же неизвестна судьба двух девочек, оставшихся около полугода одни. Несмотря на обращения и по частным адресам и по официальным, толку я не добился. При сем прилагаю Вам справки выданные мне в Уральском пр<едставительст>ве ОГПУ на родителей детей, и я сейчас, потеряв всякую надежду, решился обратиться к Вам, узнав Ваше великодушие. Помогите мне разыскать этих несчастных детей, заброшенных без никого, посылаю им посылки, деньги, не знаю, получили или нет. Средств у меня больших нет, чтобы делать больше или бросить и ехать туда, прошу еще раз не оставьте в Вашем великодушии мое прошение, дайте мне ответ, в каком состоянии мои забытые всеми и, в первую очередь родителями, племянницы в лесах Урала неизвестно за какие преступления. Сам я работаю в г. Казани Тат<арской> АССР, книжный магазин № 7. Больше у меня ничего нет в жизни, кроме этих детей, хочу, чтобы мне разрешили взять их к себе на иждивение, жить для них и воспитать из них полезных членов общества. Вся моя жизнь и работа омрачаются думами об этих детях, я забыл, что мне всего 30 лет. Если только и от вас не получу никакого ответа, то брошу работу, пусть меня сочтут дезертиром трудово-

го фронта и летуном, поеду за детьми, или же Вы дадите мне жить и работать с удесятенной энергией и душой на своем книжном фронте, помогите мне найти моих детей и вызволить этих несчастных детей, если они живы, может Вы мне дадите возможность и укажите мне пути, как их мне выручить, ибо до сего дня я много израсходовал на всяких проходимцев, которые обещали помочь разыскать детей, а я сейчас и без средств и в отчаянии с последней надеждой обращаюсь к Вам. Дети: 1) Гульсуль, 2) Фикрие 7-8 лет (девочки) по отцу Усеин Эннан должны быть в районе Надеждинском Урал<ьской> области, Старое Сотрино, может быть в дет<ском> доме. Мой адрес: г. Казань, Фуксовская 8/56. Гарифуллину для Такорова Э. А.

Казань 9/IX 33». ¹⁴

Пометы: «9988. 19/IX-33 г.» «Карточку». «Выписку». «Посл<ать в> Гулаг».

«ТАКОРОВУ Эннану-Амза. 9988. 14/X-33.

Обещано запросить о местонахождении племянниц Гульсуль и Фикрие и о разрешении Вам взять их на свое иждивение». ¹⁵

«Э. А. ТАКОРОВУ Эннану-Амза. 9988. 15/III-34.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, обещано дать распоряжение о розыске и выдаче Вам детей Гульсум и Фикрие УСЕЙН-АДЖИ-ЭННАН». ¹⁶

* * *

4.6. Ходатайства Н. Н. ФЛУГ о сыновьях, находящихся в заключении. 6 октября 1933, Мариинск. 24 сентября 1936, <Москва>.

«Мариинск Томской Рабочая ул. 19.

Нат<алье> Никит<ичне> Флуг.

6/X-33.

Добрейшая, дорогая Екатерина Павловна!

Я позволяю вновь напомнить Вам о себе. Вы вспомните меня, безумную, надоедливую мать, кот<орая> так часто и много Вам докучала?

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 877. Л. 67. Автограф.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 877. Л. 66. Машинопись.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1113. Л. 96. Машинопись.

Вот уже три месяца, как я в Сибири. Часто, часто вспоминаю Вас и Ваши слова, что только “смерть непоправима”. И вот я знаю только одно: надо исправить совершившееся, надо добиться восстановления справедливости и спасти сыновей, кот<орые> верно гибнут на моих глазах. Бывают разные натуры. Мои сыновья крайне тяжело приспосабливаются к условиям лагеря. Старший заболел уже туберкулезом легких, второй находится в подавленном состоянии (только что болел желтухой, кроме того, сердце совсем нездоровое! задыхается, ускоренный пульс, перебои), уверяет, что ему надо изучать анатомию (он – рисовальщик), учиться, но в условиях лагеря его дарование, несомненно, погибает, – такова его уверенность, кот<орая> его страшно угнетает.

Сыновья подали ходатайство на имя Акулова о пересмотре дела, но какова будет судьба этого ходатайства?!

Я Вам клянусь, Екатерина Павловна, жизнью своих детей, что никакой организации не было. Костя¹⁷ (старший) оговорил себя, брата и некоторых других. Его драма, где были выведены террористы (и их крах) была принята следователем за программу несуществующей организации, и следователь побудил Костю признаться в намерении осуществить никогда небывалые преступления. Следователь ставил вопрос так, что сын до сих пор не может понять, каким образом он решился оговорить себя и других. Ему было обещано, что никто наказан не будет, и своим сознанием он, Костя, только подтверждает свое чистосердечное раскаяние в несоветских настроениях.

Второй сын, Вячеслав¹⁸, подтвердил показания своего брата из-за романтического мальчишеского желания разделить с братом участь изгнанного, не оставив его одного (Он – совершенно советски настроен и горит желанием работать так же, как и старший).

Потом они все поняли, весь ужас своего оговора...

Екатерина Павловна, добрая, единственная, круг событий опять замыкается, и опять я чувствую, как мать, что только Вы сможете помочь в смысле пересмотра. У меня сердце со-

¹⁷ Флуг Константин Валерьянович, род. в 1912, проживал в Москве, приг. в 1932 Коллегией ОГПУ по ст. 17-58-7, 8, 11 к 10 г. ИТЛ. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

¹⁸ Сведения о нем отсутствуют.

всем изорвано в клочья при виде медленной гибели своих детей. Бытовые их условия, между прочим, ужасны. Костю держат с уголовниками, его дважды начисто обворовывали, всю одежду и белье.

Жду Вашего милосердного ответа.

Всегда Вам благодарная Наталья Флуг.

Р. S. Простите за небрежность Бога ради». ¹⁹

Пометы: «6892. 25/XI-33 г.» «Напишите, чтоб обратилась к Акулову. <М. В.>».

В июле 1936 сыновья Н. Н. Флуг находились в Ухтпечлаге. Благодаря хлопотам ПОМПОЛИТа, матери было разрешено свидание с ними. В сентябре 1936 она вновь обращается к Екатерине Павловне.

«24/IX <1936года>

Дорогая Екатерина Павловна!

Вы простите меня за простоту обращения к Вам и за вечные к Вам дела, но в этой жестокой жизни именно Вы ощущаетесь мною, как один из самых близких людей, к кот<орому> идешь в тяжелую минуту.

На меня свалилось новое тяжелое беспокойство: сегодня пришло письмо от одной моей приятельницы (вольная, жена инженера колонизированного, которая опекала и подкармливала моего Костю), сообщившей мне, что Костю внезапно отправили опять этапом в Заполярье в направлении на Воркуту (точно еще не известно, но – Крайний север), он успел только на минутку забежать к ней, и они горько оба плакали, прощаясь.

Значит, опять мотанье по этапам, опять физические работы, опять тундра, кот<орую> Костя ненавидит (несмотря на все улучшения быта), кот<орая> давит его и из кот<орой> он уже ушел прошлым летом, направляясь в южные подразделения (ему, конечно, приписали “побег”, хотя он шел по берегу реки открытой дорогой).

Который это раз – эти переброски! Ведь К<остя> только истекшей зимой сделал пешком 1200 клм из Воркуты в Чибью, и теперь опять обратно...

А между тем, в последнем перед отъездом письме он пишет: “Уж хоть бы колонизироваться – это предел моих жизненных мечтаний”. И далее: “Хочется спокойно пожить, хоть

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1069. Л.Л. 47–48об. Автограф.

чуть-чуть поспокойнее!” Ведь он измучен! И это при том, – все эти дикие перегоны, – при наличии того факта, что его работой довольны. Но... идет 8-ой пункт вместе с троцкистами, хотя мои сыновья далее всего на свете от троцкизма. И хотя все же многие люди с пунктом 8 живут в Чибью!

Дорогая Екатерина Павловна, я умоляю Вас, в добавление к моему ходатайству, рассказать Ягоде о всех наших диких мыканьях, кот<орые> никому не принесут хороших результатов, и просить его вернуть Константина и Вячеслава в Чибью. Зачем, рационально ли отталкивать молодые сердца, кот<орые> тянутся к ним?

А Костенька воспекает север и лагерь, – ведь молодость имеет неистребимую потребность любить и верить... А вместо доверия!?

Вячеслав, как Сучок, используется на 40-й специальности (в данный момент шахтер вместо художника), а Костя, слабенький и худой, как тростинка, не имеет возможности окрепнуть ни физически, ни нервно, ни предаться своей любимой работе в силу вечных перегонов (работал в Чибью чертежником-конструктором и много писал).

Еще раз прошу Вас простить меня за все, но я цепляюсь за последнюю надежду: за Ваше заступничество перед Я<годой>.

Я работаю целый день, поэтому не могу лично просить Вас, дорогая Екатерина Павловна, работаю без передышки с 9 ч<асов> до 9 ч<асов> в<ечера>.

Бесконечно Вам преданная и благодарная. Н. Флуг²⁰.

Пометы: «8428. 36 г.» «Флуг Конст». «Включить в запросы в Гулаг».

* * *

4.7. Письма Т. Я. ПЕРЕЖОГИНОЙ (крестьянка, высланная как противница коллективизации в 1929 и вернувшаяся из ссылки в 1933). 4 декабря 1933, 2 марта 1934, Пензенский окр., Башмаковский р-н, село Николаевка.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 4 февраля 1934.

«Незабвенная М-ме Пешкова. Простите меня, что до сего времени не знаю Вашего драгоценного исторического имени и отчества, живу в такой деревушке, не от кого и узнать.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1504. Л.Л. 29–30. Автограф.

23 октября 1933 г., два месяца тому назад, возвращаясь с ссылки, у меня не хватило денег на дорогу, я обратился к Вам за помощью, и Вы не отказали. Ваше великое учреждение, возглавляемое Вами, конечно, не нуждается в моей благодарности, так как в будущем за Ваше великое дело будет благодарить история. Но все же примите мою глубокую благодарность.

Из нижеследующего Вы увидите, как я попала в ссылку и с чего началась моя кошмарная жизнь. В 1915 году по 1-й ч<асти> 103 ст<аты> и 1-й ч<асти> 106 ст<аты> уг<оловного> нак<азания> я и мой муж в Пензенской тюрьме, как политические, отбывали одиночное заключение. Трудно было, и тем утешала себя, что в будущем, когда возьмут в руки власть трудящиеся, то не забудут моих страданий. Оба были мы людьми, полными сил, не щадили себя для трудящихся. По выходе из тюрьмы оба были больными, тюрьма и одиночное заключение сильно подорвало здоровье. Вышли, но куда было идти? Вот вопрос. На службу не принимали, т<а>к к<а>к политическая жандармерия неистовствовала, знакомые при встрече отвертывались, и мы пришли в дом отца моего мужа. Родители моего мужа также ненавидели меня, как политическую, но все же мы остались жить, так как, повторяю, больше деваться было некуда. Гр<аждаине> с<ела> Николаевки наделили нас земельной нормой, и с помощью моего брата мы занялись крестьянским хозяйством. Все бы ничего, но умер брат, муж сделал последний раз посев и ушел на службу, поступил фельдшером в Черкасскую больницу, заразился крупозным воспалением легких, в 29-м году 23-го июня умер. Меня же после его смерти через несколько дней ударил паралич на нервной почве. Пospела хлебозаготовка, больная кое-как убрала хлеб и вывезла Государству, оставила себе только что на еду. Но председатель сельсовета, неграмотный, едва умел подписывать свою фамилию, имел против меня личные счета за покойного моего брата, т<а>к к<а>к был в ссоре с ним, и особоуполномоченный по хлебозаготовке Шварев, он же секретарь РИКа, личность достаточно была охарактеризована в Пензенской газете “Трудовая правда” за № 244 от 24-го октября 29 г., постоянно пьяный, приехали и отобрали у меня весь хлеб, на еду не оставили ни одного фунта. На вопрос, почему же не оставляете мне хлеба на еду и почему берете весь фунта, Шварев ответил: “Мы избрали тебя жертвой нашей хлебной выкачки”, и потом: “Тебе Соловки, Соловки”. Ото-

брали все имущество, корову и выгнали из дому. Все это происходило от 12-го октября 29-го года. 18-го окт<ября> выгнали из дома, 20-го окт<ября> судили меня за невыполнение хлебозаготовки. Суд был показательный, я не была лишенка, были у меня на руках документы, квитанция о вывозе Государству хлеба, но судья не стал смотреть никакие документы и только основывался на словах председателя, который лгал и лгал бессовестно, и на словах Шварева, который был обвинителем и пьяный. Присудили мне уплатить штраф 500 руб<лей> и 250 <рублей> судебных издержек. Я кассировала в окружной суд, представила документы, окружной суд под председательством Куль и членов Голубева и Карташева вынесли свое определение, признали меня середнячкой, не являющейся классовым врагом и добровольно вывезшей Государству хлеба и т<ак> д<але>. Назначили на новое рассмотрение в ином составе судей. Судьи сказали, что все должны вернуть мне. 29-го ноября 29-го года было новое распоряжение, нарсуд оправдал меня. Но Шварев и председатель все это время искали причины, как бы погубить меня, и все не могли найти, и прибегли к гнусному ложному доносу в Г.П.У. И вот только что прочитали мне на нарсуде оправдательный приговор, и только что я хотела поблагодарить суд, как подошел ко мне милиционер и арестовал меня. Это было картинно, только в кино. В О.Г.П.У. предъявили мне обвинение, как противокolleктивнице, и с тем я и пошла на ссылку. Больная, уставшая, как говорится, “душой и телом”, никаких ходатайств и заявлений не подавала, смирилась со своей судьбой. Пошла на ссылку. Трудно было мне переживать разные этапы, ведь пошла без всяких средств. Ни переводов, ни посылок не получала, не от кого было, так как нет никаких родных.

О существовании Вашей Великой организации помощи не знала совсем и вот уже узнала по дороге по возвращении из ссылки. Когда отбирали у меня имущество, кое-что оставили мне, и я перевезла на квартиру. По возвращении из ссылки хозяйка квартирная объявила мне, что председатель тогда же все взял себе, и тогда же меня лишили гражданских прав, мотивируя тем, что я являюсь женой сына землевладельца. Отец мужа имел участок в 55 десятин, но я с ним не жила, и он доходами со мной не делился и, если я пользовалась доходами только своего мужа, жалование которого не превышало 50 рублей в месяц. Муж был фельдшером, трудовик, и я человек труда из бедной семьи. Мать моя ходила на поденную,

стирала белье, получала не более 20 коп<еек> в день. Нас было четверо, и вот на эти средства воспитывала. По образованию я акушерка, всю жизнь оказывала помощь трудящимся. И вот теперь по возвращении из ссылки оказалась без приюта, без копейки денег, без куска хлеба. Ни обуви, ни даже не имею смены белья. Ходила побираться, но население наше переживает хлебный кризис, у самих нет, и кроме того иногда слышу упреки: “Вот тебе и свобода, Татьяна Яковлевна”.

Пишу тебе, милая М-м Пешкова истину, многого не описываю о всех ужасных переживаниях, чтобы не утомить Вас чтением. Документы остались в нарсуде, их оттуда не возвращали мне. Часть – в Нарсуде, часть – в Пензенском О.Г.П.У. часть – в Котласе в концлагерях. И мне невозможно все собрать, не только поехать, на марки не имею средств. С квартиры ссылают, так как нечем платить. В недалеком будущем ожидает меня холодная и голодная смерть. Медицинскую работу еще могла бы работать, но нет документов и притом еще лишенка.

Помогите мне, М-ме Пешкова! У Вас обширное знакомство, сделайте что-нибудь для меня, несчастной больной инвалидки. Отняли жилище, отняли все-все.

И за что же? Это будущие социалисты, так называемые, конечно, в силу глубокого невежества, совершили надо мной свое кошмарное дело, какое не снилось даже опричникам Малюты Скуратова.

Документов нет на руках, но люди еще живы, которые знают и подтвердят о моих перенесенных страданиях за благо трудящихся. А сама теперь нахожусь в таком положении, и никому нет дела до меня. Кто гнусно лжет, и кто клеветает, и кто совершает все возможные перегибы, к ним внимательны. 1933 г. Декабря 4-го дня.

Пережогина Т. Я.

Адрес: ст<анция> Башмаково, М<осковско>-К<азанской> ж<елезной> д<ороги>. С<ело> Николаевка Башмаковского района Т. Я. Пережогойной.

Вся надежда на Вас, великая женщина М-ме Пешкова!»²¹

«Т. Я. ПЕРЕЖОГИНОЙ. 13794. 4/II-34.

В ответ на В/обращение сообщаю, что из В/письма неясно, в чем заключается В/просьба. Напишите более коротко и понятно».²²

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л.Л. 182–184об. Автограф.

«Глубокоуважаемая М-ме Пешкова.

В предыдущем моем ходатайстве перед Вами я описывала свое положение, каковое осталось без изменения до сего времени. Я подавала ходатайство в Центр, откуда переслали в Башмаковский РИК, здесь оно застряло, до сего времени не получила ответа. Покорнейше прошу Вась окажите помощь в восстановлении гражданских правъ, т<ак> к<ак> лишенку никуда не принимают на работу. А также прошу Вась если возможно окажите материальную помощь. Положение крайне тяжелое разута, раздета и отъ систематического недоедания крайне обезсилена, полный упадокъ силъ, въ ссылке работала зав. Амбулаторией, оказывала помощь заключеннымъ и вольнонаемнымъ и я теперь бы могла работать медицинскую работу, но я лишенка. Повторяю свою просьбу помогите мне если возможно. Если бы я была преступница и то уже исправилась бы после перенесения столько страданий.

2/III 34 г. Т. Я. Пережогина.

Ст<анция> Башмаково МКЖД. С<ело> Николаевка.

Р. S. Не имею даже возможности приобрести кусок мыла. Пережогина».²³

Пометы: «13794. 11/III-34». «<Ходатайство> о мат<ериальной> пом<ощи> и о восст<ановлении> в изб<ирательных> правах. Конч<илась> ссылка». «Нет средств. <М. В.>».

* * *

4.8. Заявление в ОГПУ Н. Н. ЧКУАСЕЛИ с ходатайством о высланном муже. 6 декабря 1933²⁴, Тифлис.

«ОГПУ

От гр<аждан>ки Н. Н. Чкуасели,
врем<енно> прожив<ающей> в
г. Тифлисе по ул<ице> Камо № 84.

Заявление

Сим сообщаю, что согласно постановления Коллегии О.Г.П.У. третий срок полит<ической> ссылки моего мужа Ге-

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л. 185. Машинопись.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л. 187. Автограф. Карандаш.

²⁴ Дата проставлена по штемпелю на конверте.

оргия Михайловича Чкуасели²⁵, находящегося в данный момент в г. Актюбинске (Казахстан), кончается 10 декабря 1933 года.

Уже восемь лет с двумя детьми скитаюсь по дворам своих родственников и, утомленная от забот для прокормления детей в моих незавидных условиях, к тому же один из детей после ссылки отца заболел параличом и до сего времени болеет и стал инвалидом на неимением средств для его лечения. После перенесения неописуемых мук и страданий обращаюсь к Вам с великой просьбой обратить внимание на наше безвыходное положение и хотя бы теперь вернуть отца осиротевшим детям, которых в скором будущем ожидает жизнь под открытым небом на произвол судьбы. В крайнем случае, просим сообщить судьбу моего мужа.

Временный адрес, где проживаю с детьми в данный момент:

гор<од> Тифлис, ул<ица> Камо, № 84. Н. Н. Чкуасели.

Просительница (Н. Чкуасели)».²⁶

Помета: «11607. 13/XII-33 г.».

В крайнем случае просим сообщить судьбу моего мужа.

Временный адрес где проживаю с детьми в данный момент:

гор. Тифлис, ул. Камо № 84.

Н. Н. Чкуасели

Просительница: б. 13421

Н. Чкуасели

²⁵ Чкуасели Георгий Михайлович, род. в 1884, грузин; образование начальное. Чернорабочий. Ар. в г. Астрахани. Приг. 20 мая 1931 ОСО при Коллегии ОГПУ СССР по обвинению в принадлежности к к-р. организации. Приг. к 3 г. ссылки в Казахскую ССР. Реаб. в 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

²⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 867. Л.Л. 61. Автограф. Подпись на грузинском языке и расшифровка – на русском.

* * *

4.9. Заявление Г. И. МАКСИМОВА (крестьянин, выслан из Московской области в 1931) с ходатайством о возвращении к осиротевшим детям. 16 января 1934, Новосибирск, совхоз № 1 ПП ОГПУ.

Выписка из протокола общего собрания граждан села Старые горки с ходатайством о возвращении Г. И. МАКСИМОВА из ссылки. 12 июня 1932, Московская обл., Чернский р-н, Краснопольский сельсовет, село Старые горки.

«Зав<едующей> Красным Крестом г. Москвы и Моск<овской> области полит-заключенным помощи
От ад<министративно> с<сылного>
Максимова Григория Иванова, работающего при
совхозе № 1 ПП ОГПУ гор<ода> Новосибирска

Заявление.

Мною получено спешное письмо, писанное мне от 1-го июня 1932 года, в том, что жена моя Максимова Анна Яковлевна умерла, и остались дети мои в возрасте от одного года до 10 лет количеством 4-х и старушка мать 82 лет без призорными, на что есть справка, копия общест<венного> протокола. Состоя из крестьян села Старых горок Краснопольского с<ель>с<вета> Чернского рика Московской обл<асти>, занимаясь хлебопашеством, я не принадлежал к группе враждебно относящихся к советской власти и ни зная сам за что меня выслали в западную Сибирь сроком на три года по ст<атье> 58 пунк<т> 10, был забран ОГПУ гор<ода> Черни 19/VII 31 года и осужден был 20/VIII 31 года дело за № 41 не зная какой тройкой или Московской или Чернской, а посему сколько я не писал в своих заявлениях по дистанциям о своей отсутствии каких либо агитации с моей стороны, а также и социальной опасности, а также подтверждает копия общественного протокола, что с моей стороны того не было, но не на одно мое заявление ответа мне не последовало, а посему последним заявлением обращаюсь к вам зав<едующая> Красным Крестом оказать моим детям какую либо помощь, так как с них землю сняли в колхоз не принимают к труду они не способны питат<ь>ся им нечим. Прошу оказать им содействие и помощь взять их на казенный <счет> и воспитать их к социалистическому обществу или меня исходатайствовать пред вышестоящими органами сов<етской> власти отпустить к ним

досрочно. Окончание срока мне 19/VII 34 года пробывши в совхозе 2 года 3 мес<яца> безовсяких замечаний прошу не отказать моей просьбы и дать какую либо мне ответ к сему прилагаю копия обществ<енного> протокола и 40 к<опеечную> марку для ответа.

16/I 34. Г. Максимов». ²⁷

Помета: «13700. 8/II-34».

К заявлению была приложена копия выписки из протокола общего собрания граждан села Старые горки. Это собрание состоялось 12 июня 1932, через 12 дней после смерти жены Г. И. МАКСИМОВА. Его односельчане постановили ходатайствовать перед вышестоящими органами советской власти о возвращении Г. И. МАКСИМОВА к детям. Заверена выписка Новосибирской Государственной Нотариальной конторой 17 января 1934.

«Выписка

(Копия)

из протокола общего собрания граждан села Старые горки Краснопольского с<ель>сов<ета> Чернского Рика Московской области за № 17. Присутствовало мужчин 56 чел<овек>, женщин 8 чел<овек>. Собрание проводилось под председательством Долдонова Аф<анасия> Вл<адимировича>, Члена Хромова Ивана и секретаря Молчашкина Семена Иванова.

Разное.

В разном заслушав просьбу гр<аждани>на Феодора Иванова Максимова об обеспечении детей его брата Григория Иванова Максимова, находящегося в разделе, который в настоящее время отбывает административное наказание в Сибири, а дети его после смерти их матери, которая умерла 1-го июня 1932 года, остались совершенно беспризорными в числе 4 чел<овек> от 1-го года и до 10 лет и старушка мать 82 лет. Заслушав просьбу гр<аждани>на Ф. И. Максимова, общее Собрание граждан постановляет ходатайствовать перед вышестоящими органами Советской власти о возврате (помиловании) Григория Иванова Максимова к малолетним своим детям, и общество с своей стороны подтверждает, что Григорий Иванов Максимов был человек безвредный в обществе и никакой агитацией против советской власти никогда не вел, кре-

²⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л.Л. 2, 2об. Автограф.

стьянин, занимался с<ельским> х<озяйством>, 2 года был псаломщиком.

12/VI 32 г.

Председатель собрания

Долдонов

Член

И. Хромов

Секретарь

Молчашин.

С подлинным верно уполномоченный сел<a> Старые горки А. Васякин.

Подпись руки А. Васякина и действительность настоящей выписки из протокола № 17 общего собр<ания> гр<аждан> Старые горки Краснополяский с/с заверяет. Пред с/с Воронинов (подпись)

Секретарь В. Волков (подпись)». ²⁸

13 февраля 1934 ПОМПОЛИТ отправил
Г. И. МАКСИМОВУ сообщение с предложением написать заявление на имя ОГПУ.

* * *

4.10. Письмо К. СОКОЛОВОЙ (жена арестованного профессора и мать пятерых детей). 7 февраля 1934, Ленинград.

Письмо ее мужа профессора И. И. СОКОЛОВА. 7 октября 1936, Уфа.

«7/II-34. Ленинград.

Дорогая Екатерина Павловна!

Прошу Вашей помощи. В моей семье случилось большое горе! Арестован мой муж Иван Иванович Соколов, профессор Государственного Университета (читает греческий) с 22 декабря 1933 года, обвиняется по 58 статье, параграф 10 и 11. Я предпочла бы лучше смерть мужа, нежели такой позор, к<a>к для мужа, так и для всей семьи. Главное, осталось пять человек детей (меньшему 2 года), абсолютно без всякой материальной поддержки, т<a>к к<a>к муж был единственным работником семьи. На хлеб в этом месяце мне карточек не выдали, и дети остались без хлеба. Прошу, дорогая Екатерина Павловна, хоть крупицу Вашего

²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1163. Л.Л. 3, 3об. Автограф.

внимания уделить моему делу и помочь выйти из этого ужасного положения.

К. Соколова».²⁹

Помета: «13982. 20/II-34 г.»

«г. Уфа. 7/X 1936.

Дорогая Екатерина Павловна.

Прошу Вашей помощи и защиты.

3/X 1936 г. я послал т. Вышинскому ходатайство о пересмотре моего дела и досрочном освобождении. Дополнительный документ об инвалидности послан мною т. Вышинскому 5/X 1936.

4/X 1936 мои ходатайства об амнистии посланы тов. Сталину, Молотову, Ежову.

3/X 1936 ходатайства об амнистии посланы мною т. Калинину и в Комиссию по делам частной амнистии при ЦИК СССР. Основание для амнистии: возраст 66 л<em>, инвалидность третьей группы, бедственное положение пяти детей-октябрят и другие.

Прошу Вас, дорогая Екатерина Павловна, помогите мне освободиться из ссылки, в которой нахожусь почти три года, возвратите меня в Ленинград со всеми правами советского гражданина и ученого, спасите моих детей, бедствующих и голодающих, помогите, чем можете.

Прошу Вас, наведите, где возможно, справки по моим ходатайствам, научите, что делать, и сообщите мне радостную весть.

Мой новый адрес: г. Уфа, ул. Гоголя 63, кв. 8.

С глубочайшим уважением профессор Иван Иванович Соколов.

8/X 1936.

Г. Уфа, ул. Гоголя 63, кв. 8».³⁰

Пометы: «171. 17/X-36». «Уч». «Арх<ив>».

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1153. Л. 49. Автограф.

³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1526. Л. 77. Автограф

* * *

4.11. Письмо К. и А. (раскулачены и высланы из Смоленской обл.). 29 января 1934, Урал, ст. Тавда, Васькин бор.

Письмо брата К. с ходатайством о помощи поселку высланных. 19 февраля 1934, Москва.

«29 января <1934 года>

Дорогие наши родные Ниночка Шура и доченька. Вчера получили ваше письмо наши дорогие родные. Родная зачем ты пишешь что бы мы не обижались что на летнее время ничего не выслали. Родные мои нам и так слишком тяжело что на вашу долю выпала такая тяжесть и забота через нас. Ведь мы понимаем и сознаем сколько лишних трудов и забот чрез нас если бы не мы вам наши дорогие родные жилось бы в сто крат легче и неприходилось бы нести столько лишнего труда. Крепитесь. Храни вас Мать Божия и вознагради вас своею милостью ведь вы в полном смысле живете не для себя – себя совершенно забываете. Господи кончатся ли когда дни этой скорби и лишений. Родные мои хочу поделиться с вами скорбью только ради Бога не подумайте что я хочу этим еще большей просить помощи нет тысячу раз нет пишу истинно но хочу излить свою наболевшую скорбь думая как и в былое время когда поделишься поговоришь откровенно будто полегчает слишком уж тяжелые мысли лезут в голову. Насколько мы покойны за Ленушку и Колечку на столько скорбим и болеем через Марусю и Шуринку. Господи вот страдальцы то. Если бы мы не помогали им из присылаемых вами наши родные посылок они окончательно бы погибли. Господи зачем издевательство такое над молодыми силами Маруся например что бы ей выкупить несчастный суп а за него нужно заплатить 50 коп. в день продает пайку хлеба и тогда живет опять три дня ну пускай Маруся эта хотя теперь в тепле а Шура несчастный молодой человек вечно в лох<м>отях вечно грязный голодный а в довершение всего больной ведь это факт кашляет кровью я уже подробно рас<с>просил у его товарища по работе. Господи не ужели еще ждет нас жестокое испытание нет больше кажется силы не выдержат хотя человек совсем смиряется и теперь его перевели на лесовалку с погрузки сняли работает с темного до темного идти нужно с Тавды до лесу 5 километров и обратно работают с выработки нужно приготовить 14 кубометров на пару и тогда только мо-

гут получить по 750 грам<м> хлеба но они совершенно обезсилившие вырабатывают только 500 грам<м> и то не всегда а больше 400 гр. потому что совсем обезсилили только немного и поддерживаются посланным нами а сами мы вечно голодны про себя забываем. Господи душа раздрается ничево бы не хотелось как покушать досыта. Родная моя не подумай что этим я хочу выпросить еще больше помощи от вас нет мои родные пусть Господь будет свидетель. Поверьте сколько мы получаем от вас присылает Вася изредка получаем хоть маленькие посылочки и от Зиновьики но неразу даже на праздник невыбрались хотя по пресной лепешки но спечь с одной муки все с примесью сушонки а мука только для склейки только и было лакомства ваши сухарики фунта три было (все берег для себя что последнее время опять стал сильно страдать желудком) но 4 дня назад послал ребятам вместе с травничками пусть они хоть чуть поддержатся послал крупниц присланных Васей. Чтобы с нами было наши родные если бы не ваша помощь в прошлом году давали крупниц рыбки хоть изредка сахарцу а нонче кроме нещасного паечька хлеба ничево и в добавок в деревню не пускают хоть бы подушки снесли нет пропуска. Шуры 6 месяцев не дают денег да и не только Шуры а и некому продукт стали дешеветь хлеб стал уже 50 рублей но денег нет неугово дадут изредка 5 руб<лей> то по 10 руб<лей> только заплатить в столовую. Пишу слезы душат здерживаюсь нехочу марать письма кричал бы кричал зладею полжизни бы отдал хоть раз или два в неделю быть сытым Господи за что такое испытание. Люди мрут многие стали теньями но есть и сщастливчики которые и здесь сумели устроить свою жизнь. Многие наши смоленцы вымерли полными семьями многие удрали неизвестно куда так что у нас в колонии половина домов пустует даже больше чем половину. Будыкин уехал хотя тому и здесь жилось не худо сумел и здесь окопаться. Анисим Зуев зять тоже уехал и пишут уже письма из Шайтровщины обещают устроить их. Из Белаго ничего не получаем старики по слухам живут очень плохо дети все разъехались и совершенно забыли про их существование это нам передавала Бодрова Мария Ивановна ей пишут вернулся Иван Федорович Гончуков Ив<ан> Сер<геевич> Сухобоков восстановили в правах гражданства и работают в колхозе а так же вернулся и Шкутков тоже работает в Горловском колхозе будет ли конец когда нашим страданиям. Шура родной мой напиши как твои

дела скорль ты вздохнешь легко от всего пережитова и переживаемова.

Крепитесь наши дорогие родные.

Молимся за вас чтобы Господь помог хотя вам перенести все тяжести выпашие на вашу долю. Наши родные доченька пиши поцелуй крепенько своих крестных будь им Ангелом утешителем разсеивай их грусти своим детским лепетом не давай им волноваться и грустить.

Пишите мои родные в письмах одно утешение и отрада. Аня сидит рядом клеит лапики и ревет вовсе всю душу вытянула. Храни вас Матерь Божия наши дорогие родные крепитесь не падайте духом крепко крепко целуем.

Ваши К. и А».³¹

«Обращаюсь к Вам, Екатерина Павловна хотя надежды на то что попадет к Вам в руки письмо и что Вы его и прилагаемое прочтете очень мало.

В марте 1931 года брата моего раскулачили и его и всю его семью состоящую из него, жены, матери и пятерых детей отправили на Урал в Васькин бор как и многих других где он и сейчас находится. Что они там пережили и переживают сейчас о этом можно узнать только побыв там а моему описанию Вы можете не поверить. Из прилагаемого письма писанного им для сестры если Вы прочтете Вы немного узнаете о их ужасной жизни, а я от себя напишу что когда его взяли то и тогда он уже был признан комиссией нетрудоспособным а потом на месте тоже был признан полным инвалидом, жена тоже, мать, которую он уже схоронил там была старуха и дети были в возрасте старший 15 г. *рожд<ения>*, 17 г. *<рождения>*, 19 г. *<рождения>*, 22 г. *<рождения>* и 25 года *<рождения>*, из чего можно видеть что все они родились в дни революции кроме первого который в революцию был 1,5–2 л*<етним>* ребенком и всех их наказали и сослали в таких места где они погибают а одна уже умерла голодной смертью нынешнюю весну старший которого сразу же в то время 15 л*<етнего>* заставили работать на лесовыкатке получил чахотку и теперь кашляет кровью несколько раз на месте объявляли что нетрудоспособных отпускают он т. е. брат писал нам всем родным и мы собирали все деньги в одни руки и один из нас выезжал за ними как поручитель и только выехав второй

³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1096. Л.Л. 42–44. Автограф. Карандаш.

раз отпустили двоих младших детей которые в данное время находятся один в Москве у сестры другой у меня учатся и питаются с нами и избавлены от той тяжелой горькой участи которую терпят оставшиеся.

Три года есть хлеб с травой и листом сушеным и то не вдосталь. Животные во много раз лучше питаются.

А мальчику в 17–18 лет чтобы заработать паек в 750 гр<амм> будучи в чахотке кашляя кровью нужно из сил выбит<ь>ся а приготовить 14 куб<ов> на пару и так как он обессиленный работой и болезнью не в состоянии этого сделать то получает только 400 гр<амм>.

Пусть наказаны родители кулаки но дети. За что? Живы они все еще только потому что мы их родные отрываем у себя заработанный трудом кусок хлеба и посылаем им. Но велика ли наша помощь, и поэтому все травяные лепешки и лепешки. Чтобы все описать много нужно истратить бумаги.

Екатерина Павловна!

Помогите! Обратите внимание на поселок высланных я пишу про одного, а их там тысячи и я прошу не про одного своего брата, а прошу вообще обратить Ваше внимание на это забытое место. Ведь там было около 14 тысяч а как видно из письма половина избышек пустует так как масса вымерла целыми семьями ну а сильные бежали.

Это забытое место ст. Тавда, Уральской обл., Васькин бор. <19.02.34. МОСКВА>.³²

Пометь: «27/II-34». «Для ознакомления. 27/II». «Выписку в ГПУ. 5/III-34». «Передано. 16/IV-34».

Екатерина Павловна!
Помогите! Обратите
внимание на поселок
высланных я пишу про од-
ного, а их там тысячи

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1096. Л.Л. 42–44. Автограф. Письмо без подписи и без обратного адреса, дата и место отправки проставлены по штемпелю на конверте.

* * *

4.12. Заявление Н. Л. ЛАВРОВА с просьбой разыскать его 12-ти летнюю дочь (выслана из Волынского района Ц.Ч.О.). 23 февраля 1934, Темниковский ИТЛ, ст. Потьма Московско-Казанской ж.д.

Переписка и сообщение ПОМПОЛИТа. 17 марта – 25 апреля 1934.

«Председателю Всесоюзного Комитета
по оказанию помощи политзаключенным
Е. Н.³³ Пешковой
Закл<юченного> Темниковск<ого>
Исправительн<о> Трудов<ого> лагеря ОГПУ
Лаврова Николая Владимировича³⁴

Заявление.

Я осужден Тройкой О.Г.П.У. Ц.Ч.О. в г. Воронеже по ст. 58 п<ункт> 10 в лагеря ОГПУ сроком на 5 лет. Нахожусь в лагерях с 25-го января 1931 года. Моя семья, проживавшая в деревне Островки Ивановского сельсовета Волынского района Ц.Ч.О., была в административном порядке выслана 14 июня 1931 года в город Акмолинск, ст<анция> Осакаровка, участок № 5, 1-я улица, дом № 43, где находилась до 1932 года. В этом году от эпидемических заболеваний умерли отец 60 лет, мать 58 лет, моя жена Ефросинья 37 лет, дети Анастасия 9 лет, Дмитрий 5 лет, Василий 3-х лет, причем осталась в живых моя единственная дочь Любовь Николаевна Лаврова 12 лет, которая в настоящем находится неизвестно где, так как я от ея не имею никаких сведений с июля 1933 г. Не имея возможности определить ее нахождение сам лично, а также оказать какую-либо помощь, я решил просить Вас проявить чувства человеколюбия и сострадания ни в чем неповинному ребенку, обреченному на гибель, и оказать помощь в деле определения ея в какой-либо детдом или интернат города Москвы. Своей помощью в этом деле Вы не только спасете жизнь этого существа, но и облегчите страдания как отца за ея участь. О приня-

³³ Отчество Е. П. Пешковой указано неверно.

³⁴ Лавров Николай Владимирович, род. в 1893 в дер. Островки Волынского р-на, Центрально-Черноземной обл., единоличник. Проживал там же. Приг. к 5 г. лишения свободы по ст. 58-10, 11. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

тых Вами мерах по ее розыску, а также оказанию Вами ей помощи, прошу поставить меня в известность по нижеуказанному адресу. Заранее приношу Вам свою искреннюю благодарность, так как верю в Ваше участие.

Лавров Николай Владимирович.

Мой адрес: ст<анция> Потьма Московской Казанской ж<елезной>д<ороги>. Темлаг О.Г.П.У. 8-й лагпункт, 4-я рота Лаврову Николаю Владимирову

Февраля 23-го дня 1934 года».³⁵

Помета: «№ 14385. 15/III-34».

Ниже приводим переписку ПОМПОЛИТа, предпринятую им, чтобы разыскать девочку.

«Коменданту 5-го Спецпоселка ст. Осакаровка. 14385/17/III.

Просьба сообщить, где находится в настоящее время спецпереселенка Любовь Николаевна Лаврова 12 лет, оставшаяся в Вашем поселке после смерти матери Ефросиньи Лавровой.

Наш адрес: Москва, Кузнецкий Мост, 24, кв. 7.

Марки для ответа прилагаются».³⁶

«14385/ 13.04.34

На Ваше письмо от 17/III-34 № 14385 сообщаю, что спецпереселенка поселка Лаврова Любовь Николаевна 12 лет передана 13 августа 1933 г. в Спасскую детскую колонию г. Караганды.

Комендант

Делопроизводитель

Штамп: 27/III 1934.

Печать: «СССР. Комендант поселка № 5 Отделения по спецпереселенцам Северного Казахстана».³⁷

«Заведующему Спасской детской колонией г. Караганда.

14385 / 22/IV- 34

Просьба сообщить, находится ли в Вашей колонии Лаврова Любовь Николаевна 12-ти лет, переданная в Вашу колонию 13/VIII-33 г. комендантом спецпоселка № 5.

Марки для ответа прилагаются».³⁸

³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1108. Л.Л. 66–67об. Автограф.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1108. Л. 71. Машинопись.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1108. Л. 69. Автограф.

³⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1108. Л. 75. Машинопись.

«Н. В. Лаврову. 14385/ 25/IV-34

В ответ на Ваше обращение сообщая, что нами получено сообщение коменданта спецпоселка № 5, что Любовь Николаевна Лаврова, 12-ти лет, передана 13/VIII-33 г. в Спасскую детскую колонию г. Караганда.

Мы уже запросили зав. Спасской колонии о ее местонахождении. По получении ответа Вас уведомим».³⁹

С момента отправки Н. В. ЛАВРОВЫМ заявления в ПОМПОЛИТ и до получения на него ответа прошло около двух месяцев.

* * *

4.13. Письмо Нины ЦУБРИКОВОЙ (10 лет) отцу, находящемуся в заключении. <Январь> 1934, Добруж.

Письмо ее отца И. Е. ЦУБРИКОВА. 24 февраля 1934, Дмитлаг ОГПУ, ст. Оруднево Савеловской ж.д.

1113 36

5 февраля.

Здравствуй дорогой па-
па. Мы живы. Я хвораето и
не хожу в школу. Я с ма-
мкой ездила в Топель
и у нас аднак 11⁴⁰ кило
грамм хлеба, едим и Каля
и Нада в Топель. И в Ко-
м с мамкой аднак 8⁴¹
килограмм хлеба, а Нада
с мамкой как едим.
и совсем не привезли.

Нина.

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1108. Л. 76. Машинопись.

«5 февраля.

Здравствуй драгоценная мама. Мы живы. Я хвораю и не хожу в школу. Я с мамой ездила в Гомель и у нас адняли 11-дъ килограмм хлеба, ездил и Коля и Надя в Гомель. И в Коли с мамой адняли 8-м килограмм хлеба, а Надя с мамой как ездили и совсем не привезли.

Нина».⁴⁰

«Комитету помощи политзаключенным.

З/к 6 л/уч<астка> 13 отд<еления>

Дмитлага ОГПУ

Цубрикова Ивана Елисеева

Заявление.

Посылая Вам свой вторичный запрос о месте, куда направлены мои как заявление, так и письмо, какие я писал из Дмитлага в Ваш адрес, сообщаю, что до сих пор я не получил на них ответа ни от одного учреждения. Между тем, в Добруже моя семья остается без работы, средств существования, т<ак> к<ак> райсовет выдал справку получившей развод моей жене с характерной припиской, что “ея бывший муж арестован и выслан органами ОГПУ”, которая служит предупреждением и запрещением дать работу на Добрушской ф<абри>ке. Ея ряд поездок в Гомель за покупкой хлеба по коммерческим ценам не имел успеха, ибо милиция конфисковывала покупаемый хлеб каждый раз, и в результате таких поездок – болезнь моей дочери 10 лет с прекращением посещения школы, о чем свидетельствует ее письмо. В условиях лагеря такие сообщения в период переписки через Вас с просьбой оказать содействие в пересмотре дела заставляет полагать об отсутствии правосудия даже там, где есть Ваша помощь. Посылая Вам детское письмо, я прошу Вас об оказании возможной помощи моей семье и одновременно новых запросов о скорейшем рассмотрении дела по сути моего заявления. При этом сообщаю, что у Прокурора БССР переписка имеется с марта 1933 и, очевидно, ей не дано никакого движения.

Приложение: упомянутое письмо.

24/II-34 г. Проситель: Цубриков.

Адрес: ст. Оруднево Савеловской ж.д. Московской обл. ст. 6 л/уч<астка> 13 отд<еления> Дмитлага ОГПУ».⁴¹

Помета: «9912. 10/III-34».

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1113. Л. 36. Автограф.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1113. Л.Л. 113–113об. Автограф.

* * *

4.14. Письмо В. И. ГОЛУБЕВА (рабочий-маляр, отец четырех малолетних детей, выслан из Ленинграда). 4 марта 1934, Западная Сибирь, Томский окр., Бирилюсский р-н, дер. Арефьево.

Письмо его дочери С. ГОЛУБЕВОЙ (11 лет). <Февраль> 1934, ст. Поповка Октябрьской ж.д.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 15 июля 1934.

Письмо ее жены А. Е. ГОЛУБЕВОЙ. <Август> 1934, ст. Поповка Октябрьской ж.д.

«Глубокоуважаемая Елена⁴² Павловна!

Мною уже были написаны заявления на имя тов<арища> Калинина, Комиссии ВЦИКа, наркомпути тов<арища> Андреева, а также Ленинградскому Г.П.У. и прокурору. До сих пор ни откуда я не получил ответа. Обращаясь к Вам, я остаюсь в глубокой уверенности, что Вы не оставите меня без ответа, а так же не оставите без последствий мое заявление и мою просьбу. С 12 февраля уже второй год как я, после трех месяцев заключения нахожусь в далекой ссылке ЗапСибКрая. Семья моя, состоящая из жены и четверых детей в возрасте от 11 до 5 лет, оставлена буквально на произвол судьбы и находится в крайней нужде и бедности. Единственным источником существования семьи был мой заработок. В настоящее же время я с трудом добываю себе кусок хлеба, т<а>к к<а>к район, в котором я нахожусь, лишен всякой фабрично-зав<одской> промышленности. Таким образом, я не могу уже быть опорой и поддержкой для семьи. А между тем в моей помощи и поддержке вся семья крайне нуждается и дальнейшее пребывание семьи в таком положении грозит тяжелыми последствиями. Девочка 11 лет и два мальчика 10 и 8 л<ет> учатся в школе. Пишут мне письма и так мрачно рисуют свою жизнь, что им, в таком-то возрасте, не хочется жить на свете. В этом вы можете убедиться из прилагаемого письма дочери. Именем безвинно страдающих малюток я прошу Вашего авторитетного содействия к тому, чтобы мне снова вернуться к моей семье и своим честным трудом дать им возможность окрепнуть, учиться и в будущем быть полезными в деле построения Социализма. С такой просьбой обратиться к Вам,

⁴² Имя Е. П. Пешковой указано неправильно.

Елена Павловна, дали мне смелость и уверенность Ваша чуткость к страдающим и особенная любовь к детям, а также мое происхождение и тяготеющее надо мной преступление. Я родился в семье крестьянина-бедняка, ныне колхозника в Смоленской губ<ернии> в 1888 году. По окончании приходской школы я в 1902 году будучи 13 л<етним> мальчиком уехал в Питер и поступил в малярный цех на ныне Октябрьский Вагоноремонтный завод НКПС. Работал в заводе, учился в Воскресной школе за Невской заставой. Слушал лекции и уроки сестер Менжинских, П. Ф. Кудели и др<угих>. После революции 1905 года примкнул к революционному движению и был членом П.С.Р. В 1907 и 1914 году подвергался аресту и высылке на все время войны с лишением права жительства в 64 пунктах. Во время Февральской революции был в войске Петроградского гарнизона. С мая 1917 года демобилизован, и снова рабочий того же завода. Был представителем от рабочих в ЦИК быв<шей> Ник<олаевской> ж<елезной> д<ороги>. С П.С.Р. порвал после Октябрьского переворота. С 1918 г. по 1925 находился в провинции, где работал по найму в Совучреждениях. В 1925 году возвратился в Ленинград и поступил маляром на тот же завод. Арестован 12 февраля 1933 года. Обвинение предъявлено по ст<атье> 58 пункт<ы> 10, 11. Должен сказать, что ни о каких Эсеровских организациях я не знал и ни с кем ни какой связи не поддерживал. Вся моя вина перед Сов<етской> Властью состоит в том, что я действительно, в чем я и сознался на предварительном следствии, делился с некоторыми товарищами своими соображениями по тому или иному вопросу Советского строительства в смысле Бухаринского толкования, причем это было в порядке прочитанного газетного материала и отнюдь не носило характера агитации или пропаганды, о чем я в настоящий момент глубоко сожалею.

Адрес мой: Зап. Сиб. Край. Томский Округ, Бирилюсский район, дер<евня> Арефьево. Василию Ивановичу Голубеву.⁴³

4 марта 1934 года.

---

⁴³ Голубев Василий Иванович, род. в 1888 в дер. Заболотье Новодугинского р-на Смоленской обл. До ар. работал столяром в райпрокомбинате. Ар. 26 июня 1941 УНКВД Ленинградской обл. Обвинялся по ст. 58-10. Приг. 12 декабря 1941 судебной Коллегией. Челябинского облсуда к 10 г. ИТЛ. Реаб. 21 декабря 1992. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

Р. С. Жена до сих пор нигде не работает, живет случайным заработком от стирки белья, мытья полов и др<угих> домашних работ.

Ст<анция> Поповка Окт<ябрьской> ж<елезной> д<ороги> Погодинская ул<ица> д. № 5/6.⁴⁴

Пометы: «16783. 28/V-34». «От него заявл<ение>».

К письму отца приложено письмо его старшей одиннадцатилетней дочери.

«Здравствуй, мой дорогой папочка, шлю я тебе свой сердечный привет и желаю тебе быть здоровым. Папочка, мне по всем предметам “хорошо”, а по письму мне “отлично”. Папочка, <у> Жени по всем предметам “удовлетворительно”, а по письму “хорошо”, а Вови по письму “хорошо”, по математике и по чтению, а по остальным “удовлетворительно”. Папа, Витя умеет писать, читать, рисовать. Папа, у нас жильцы лучше Веры, а когда мама и тетя Маруся ее поругали, она тогда дала с первой полочки нам булку и конфет, а с другой полочки она дала булку, печений, мяса и картошки. Папа, к тети Марусе приехала ее мама и дочка. Маму зовут бабушка Акулина, а дочку Катя. Папа, они только приехали на три месяца, они уедут весной. Папа, нам тетя Маруся всего дает, что она получит в лавке, и дает нам. Один раз тетя Маруся не приехала, а мы сказали: “мама, мы будем чай пить”, а дядя Коля услышал, и дал нам конфет и кусок сахара. Мама не берет сахар, а он все-таки отдал, и мама взяла, и мы пили чай. Мама дала им половину литра молока. Папа, я тебе посылаю один рубль. Папа, когда мама читает твое письмо, то Женя плачет.

Папочка, семь месяцев, как Вера живет отдельно от нас, и только один раз она дала мне рубль, который я посылаю тебе, а ребятам еще не давала. Папа, в школе стали обеды хорошие – суп мясной, компот – 30 к<опеек>, но мы не обедаем: маме не с чего нам давать по 30 к<опеек>. Папочка, скоро ли ты приедешь домой? Мы очень скучаем по тебе и хотим посмотреть на тебя, а то без тебя скучно и не хочется даже жить на свете. Папа, жильцы на Веру рассердились. Один раз тетя Маруся сделала Вере замечание. Она один раз мыла посуду, а тетя Маруся стояла у плиты, и сказала ей, что посуда сейчас упадет, а Вера ей сказала, что не ваше дело, это может только сказать мать, но

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1144. Л.Л. 51–52об. Автограф.

не жильцы. Маме даже было неловко, что она поступила так с тетей Марусей. Вообще, жильцы хорошие, всегда ее называли “Верочка” и тетя Маруся и дядя Коля, а после этого, как она на нее так грубо сказала, она долго с ней не разговаривала. Это давно было дело, а теперь опять разговаривают.

Один раз наша мама, Вера, тетя Маруся и дядя Коля спилили ночью елку около Новиковых, елку толстую, половину ее распилили на завтра, а половина осталась до следующего выходного дня. Мама и все наши были свободные в один день. Наша тетя Даша теперь живет в Колпине, на кирпичном заводе работают дядя Вася и дядя Павел. Когда они уехали из Поповки, то мама месяца два их не видела. Тетя Даша по ней соскучилась и прислала Настю, чтобы мама приехала к ним. Настя у нас ночевала, а на завтра мама с Настей поехали, а тетю Марусю попросила за нами посмотреть, стопить плитку и накормить нас. А дядя Коля идет в сарай пилить елку и зовет Веру помочь, а она сказала “мне нужно платье чинить” и не пошла. Дядя Коля пошел один пилить, а мы с тетей Марусей пошли за молоком. Пришли с молоком, а дядя Коля один пилит. Потом пошел Женя с ним пилить, а тетя Маруся стала топить печку. Вера никогда накануне не берет хлеб, всегда старается ехать в выходной день, чтобы дома ничего не сделать. В этот день Вера поехала в 5 часов вечера, и сказала – там будет ночевать, а сама приехала домой в час ночи. Мама ее поругала и сказала ей “если будешь домой так поздно приезжать, то я тебе не буду открывать”. Мама приехала из Колпина, и тетя Маруся рассказала маме.

Ну, пока, до свидания, целую тебя крепко, крепко.

Буду ждать ответ». ⁴⁵

«ГОЛУБЕВУ Вас<илию> Ив<ановичу> 16783. 15/VII 34.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что для ходатайства о пересмотре Вашего дела тяжелые условия жизни Вас и Вашей семьи не могут являться достаточным основанием. Если у Вас нет других веских мотивов по существу дела, то Вам нужно обратиться непосредственно в ЦИК с просьбой о помиловании». ⁴⁶

В <августе> 1934 жена В. И. ГОЛУБЕВА подает заявление в ПОМПОЛИТ. Написано заявление рукой ее старшей дочери. Мать и остальные дети расписались.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1144. Л.Л. 53–54об. Автограф.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1144. Л.Л. 60. Машинопись.

«Председательнице Политического Красного Креста
тов. Пешковой.

Гражданки Голубевой А. Е.,
проживающей на станции Поповка,
Октябрьской жел<езной> дороги.
Погодинская ул<ица>, дом № 5/6.

Заявление.

В 1932 году с Пролетарского завода в гор<оде> Ленинграде был взят и выслан на вольное поселение в Зап<адную> Сибирь на 3 года мой муж – рабочий со стажем 30 лет Голубев Василий Иванович. Сам он из бедняцкой семьи б<ывшей> Смоленской губернии, родители – старики, сестры и братья его все в колхозе. Сама я сирота, из прислуг. Сейчас на моем иждивении осталось четверо малолетних детей. Старшему 12 лет, младшему 5 лет, на постоянную работу не могу устроиться, нельзя оставить детей. В настоящее время зарабатываю приходящей домработницей. Семья моя в тяжелом материальном состоянии, мы голодаем, за комнату платить нечем. Здоровье мое за эти годы сильно покачнулось. Помочь мне совсем некому, у меня родственников нет, а у мужа родители престарелые. Дети мои заявляют, что они без папы жить и учиться даже не хотят. За что выслали мужа, я точно объяснить не могу, но из 8 товарищей по этому делу – шесть уже вернулись. Все рабочие, знающие моего мужа на заводе, могут за него поручиться, как за вполне хорошего и честного человека. Кроме всего, в настоящее время мой муж хворает там малярией больше месяца и может совсем не вернуться, оставив горе мыкать меня с семьей на всю жизнь.

Поэтому убедительно прошу вас, тов<арищ> Пешкова, разобрать мое дело и просить о скорейшем возвращении моего мужа домой.

В крайнем случае, нельзя ли хотя бы сделать так, чтобы он помогал семье в будущем, дать ему там платную зарплату.

Мои силы кончаются, вся надежда на вас, тов<арищ> Пешкова.

Гр<аждан>ка жена А. Е. Голубева

Дети: Дочь С. В. Голубева

Сын Е. В. Голубев

Сын В. В. Голубев.

Сын В. В. Голубев». ⁴⁷

Помета: «16783. 7/IX 34».

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1144. Л.Л. 62–63. Автограф.

* * *

4.15. Письмо школьника Жени НЕСТЕРОВА с запросом о местонахождении его отца. 4 апреля 1934, Одесса.
Сообщение ПОМПОЛИТа. 5 июля 1934.

«Тетя Пешкова!

Очень прошу написать, где мой папа. Он работал в Трактороцентре и с 5/II 1933 года был арестован. Уже больше года я не знаю, где мой папа и что с ним. Я живу в Одессе – мой адрес: улица Леккерта, 5, кв. 4. Я живу с мамой, учусь. Папу моего зовут Николай Павлович Нестеров. Очень прошу, ответьте скорее.

Женя Нестеров». ⁴⁸

Помета: «8828. 9/IV 34 г.»

«Жене НЕСТЕРОВУ. 8828.5/VII-34

В ответ на В/ обращение сообщая, что, согласно полученной справке, В/отца, НЕСТЕРОВА Ник<олая> Павл<овича> нет в живых с августа 1933 г.». ⁴⁹

* * *

4.16. Просьба В. Г. ПАНАСЮК (дочь ссыльного священника, выслана из Украины вместе с семьей). 10 мая 1934, Западная Сибирь, ст. Тяжин Томской ж.д.

«т. Пешковой.

От Панасюк Веры Григорьевны.

Разрешите мне рассказать Вам сперва краткую автобиографию, а потом просьбу к Вам.

В 1930 году в Марте месяце арестовали моего отца и сослали куда-то в Архангельскую область, где и в настоящее время находится.

Его сослали за то, что он был попом, а раньше он был учителем, а в 1914 г., когда стала идти мобилизация на войну, он, чтобы не забрали на войну, поступил вольнослушателем в духовную семинарию и стал попом.

Чорт его какой-то понес в эти попы. А мы, т<о> е<сть> его дети, остались несчастными. Нас шесть человек, т<о>

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1150. Л. 51. Автограф.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1150. Л. 50. Машинопись.

е<сть> я, Панасюк Вера 18 лет, Марии 15 лет, Зое 13 лет, Лиде 11 л<ет>, Николаю 9 лет и Юрию 7 лет и мать седьмая 45 лет.

Уже три года, как нас сослали в Сибирь, где и сейчас находимся.

Я окончила семилетку в 14 лет, т<о> е<сть> в 1930 г. Я была первой ученицей по всем предметам, состояла в пионеротряде и во всех кружках, что можете запросить по адресу: УССР, п/о Полонное Бердичевского округа, Украинская 7-летняя трудшкола.

Теперь у меня стаж работы 3 года. Я начала работать с 15 лет, года полтора была чернорабочей, а теперь работаю счетоводом в центральной конторе совхоза.

Меня почему-то считают врагом, сторонятся и обижают меня. Мне очень обидно, я никогда не имела и не имею враждебных мыслей к Советской стране, я хочу быть близким приятелем ее, хочу принести пользу ей, я отдаю всю свою жизнь для развития страны и родины пролетариата и выполнения задач вождей т.т. Ленина и Сталина.

Я прошу восстановить меня в правах гражданства и разрешить мне учиться и даю честное слово, что с меня что-нибудь будет, у меня способности есть, в 7-летке я была первой ученицей по всем предметам, хотя я немного теперь призабыла кое-что, но в кратчайший срок могу восстановить все. Не подумайте, что хваюсь, нет, я говорю чисто откровенно.

Разрешите мне хотя бы заочно учиться, я постараюсь усвоить все, не отрываясь от производства.

Прошу рассмотреть мою просьбу, а я даю честное слово оправдать себя перед Советской страной.

10/V-34 г. В. Панасюк.

Мой адрес: Запсибкрай, ст<анция> Тяжин Томской ж<елезной> д<ороги> Тяжинский Маслосовхоз № 204. Панасюк В. Г.». ⁵⁰

Помета: «16777. 28/V-34».

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1144. Л.Л. 239, 239об. Автограф.

* * *

4.17. Письмо детей **СЫНКОВЫХ** (четверо от 5-ти до 16 лет). Заявление их отца **И. А. СЫНКОВА** (крестьянин, выслан из дер. Лая Приморского р-на Архангельска). 26 июня 1934, Северный край, Архангельск, Холмогорский р-н, Бобровская запань треста Северолес.

«Дорогой Е. П. Пешковой.
От детей Ивана Алекс<еевича>.

Присылая при сем биографию жизни и заявление нашего отца, мы, все его несчастные дети, покорно, не находя слов к прошению, просим вас, т. Е. П. Пешкова, оказать нам наибольшее содействие и подвиг в прошении.

Я, его старшая дочь, мне сейчас 16 лет, мельком услышала про вас и ваши содействия в освобождении народа по существующим законам, может быть, и не по правильному назначению я решила написать вам это. Если я написала не правильно, то очень вас прошу исправить мою ошибку и направить заявление по назначению.

Дорогая тов. Е. П. Пешкова, очень просим вас освободить нашего отца, а вместе с ним и нас, его бедных детей.

Наш отец – неграмотный и пропадает ни за что и губит нас. Он только знает, – работает всю свою жизнь, не покладая рук и не зная праздников и выходных дней. Сначала он был ударником, но теперь по его соцположению из ударников выключили и, несмотря на то, что он на одном месте работает 4-й год, не числится кадровым рабочим.

Вот что делает неграмотность. Товарищ Е. П. Пешкова, ведь такими же, как наш отец, останемся и мы все. Нам нет никакой возможности учиться, во-первых, наш с<ельский>/совет не дает нам ни одной соответствующей справки, во-вторых, без этих справок никуда не поступить учиться, в-третьих, у нас нет средств на учение, между тем, как мы все способные учиться. На нас не дают хлеба по гос<ударственной> цене, так что мы 3-е работаем, но ведь мы все еще нетрудоспособные, и на заработанные гроши отцом мы покупаем себе хлеб по полтора рубля кило для существования. Мне, старшей дочери, как я уже сказала, 16 лет, я работаю себе непосильную работу по случаю своей неграмотности, получаю заработанные гроши, на которые не хватает прожить одной, если покупать по ком<мерческой> цене хлеб.

Но выручите же нас из этой беды, т. Е. П. Пешкова, и ведь, как сказано, учиться никогда не поздно, и мы бы стали учиться, если бы вы нам дали дорогу, путь к учению. Вы, наверное, знаете, как трудно в нынешнее время без образования.

Мы все уже социалистические дети, родились мы при советской власти, росли в годы революции, в голодные годы 1921 г., и растем при бурном строительстве социализма, как в первую пятилетку, так и во вторую. И вот по участи наших родителей мы остаемся необразованными.

Т. Пешкова, с надеждой собравшись вокруг стола в чужой комнате, мы пишем вам и думаем, что вы ответите на наш зов.

Письма у нас еще много, но мы не находим слов вам в убеждении.

Мы думаем, что вы не откажете и ответите нам на это письмо.

Писать больше нечего, пока досвиданья.

Надеемся. Дети Сынковы.

26/VI-34».⁵¹

В заявлении, написанном от лица И. А. Сынова, пространно излагается его биография. Мы приводим вторую половину письма, где рассказывается о мытарствах его семьи, начиная с 1928 г.

«<...> Я всю жизнь жил очень аккуратно, берег каждую копейку, табуку, и того не курил. В настоящее время мне 53 года, а жене 48 лет. Здоровье у обоих потерянное, и <имею> 4 детей от 5-ти лет и до 16 лет, но, как раньше, так и сейчас приходится работать, не покладая рук, не смотря, что трудоспособности нет.

В конце 1928 года я был лишен избирательных прав. Лишен за то, что, работая <в> 1927-28 году на лесозаготовках крестьянского леса, по случаю дальней вывозки бревен из леса на катище мне пришлось взять временно чужую лошадь и возчика <чтобы вывезти> уже мною срубленный лес.

При раскулачивании в 1929–30 гг. у меня была произведена опись всего имущества, но раскулачен я не был, т<ак> к<ак> в с<ель>/совет пришло постановление о приостановле-

---

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1166. Л.Л. 95–96об. Автограф. Знаки препинания расставлены нами.

нии такого, 8/V-30 г. Архангельский Окружной Исполнительный Комитет восстановил меня в избирательных правах и по соц<иальному> положению зачислил меня середняком. Но, не смотря на это постановление, Лайский с<ель>/совет обложил меня в индивидуальном порядке, мой доход был исчислен неправильно. <...> Обложен первый раз индивидуально я был в сумме 428 р<ублей> и страховых 31-57. Итого 459-57. Уплатить этой суммы я, конечно, не мог, и с<ель>/советом была произведена опись моего скота, для покрытия с<ель>/хозналога взяли у меня жеребенка и 2-х молодых перволотков да соломорезку. Вскоре <после> этого с меня требовали и самообложение. Самообложен я был 100 % с<ель>/хозналога. Следовательно, с меня причитывалось получить еще 428 р<ублей>, и для покрытия самообложения у меня произвели вторичную опись имущества и <описали> последнюю лошадь. Опись сразу же привели в исполнение. Взяли у меня последнюю лошадь и известную часть имущества для покрытия самообложения.

Потом через год, т<о> е<сть> <в> 1930-31 гг. на меня опять был наложен сельхозналог и самообложение. В этот раз, как и всегда, у меня не было денег для покрытия последнего, и у меня, как говорится, из дому замели все под метелку, продавали даже платки, фартуки, платья мое жены, даже то, которое завела она себе девушкой. И за все это мою жену и детей выгнали из своего дома или, вернее сказать, из своей комнаты, так как тогда у нас уже помещалась школа. А меня сельсовет послал на лесозаготовки по твердому заданию. Нормы для выработки были даны большие как никому из работавших, которые, не смотря на мои старания, я выполнять не мог. Мне за это был суд, который приговорил 1 год Принуд<ительных> работ. Принуд<ительные> работы я отбыл уже 2-й год с марта месяца 1934 г.

В настоящее время я работаю на Бобровской запани Севкрая, Холмогорского района. И не знаю, на каких, на чьих правах я живу, не имея никаких документов к оправданию. В Приморском рике моей жене сказали, что я считаюсь высланным, а на сколько времени, не знают. Мне очень бы хотелось узнать, кто меня выслал? Судом я не высылался. ОГПУ тоже не высылало, а сказали в РИКе, что высылал сельсовет, от которого я тоже ничего не имею. Спросили в с<ель>/совет, и тот не знает. Кроме того, в РИКе сказали, что после восстановления Окрисполкома, был вновь лишен таковым по ходатайству РИКа 31/XII-30 года.

Сейчас я живу и работаю на положении мне совсем не известном. Куда идти хлопотать, чего куда писать, как и куда, по своей неграмотности, я не знаю.

А поэтому моя покорнейшая просьба к вам, единая просьба, рассмотреть, расшифровать, разобрать мое заявление, может быть, оно и написано не совсем целесообразно. А о результате сообщить в соответствующие органы или мне с направлением о дальнейшем ходатайстве в получении документов по адресу, где я нахожусь в настоящее время: Северный край, г. Архангельск. Холмогорский район, Бобровское п/отд<еление> Бобровская запань треста Северолес, Сынкову Ивану Алексеевичу.

К сему подписуюсь: Сынков.

26/VI-34». ⁵²

Помета: «Оказ<ать> сод<ействие> не можем. По В/делу В/нужно обрат<иться> непосред<ственно> в Прок<уратуру> по месту В/прежн<его> жительства. <М. В.>».

* * *

4.18. Заявление пионера Васи (Вили) КЛЕЙНА ⁵³ **с ходатайством об освобождении высланной матери.** 31 августа 1934, Днепропетровская обл., Покровский р-н, колония Терсанка.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 20 сентября 1934.

«31/VIII-34.

Масква председательница помощи политзаключоним

Е. П. Пешковой

От пионера Клейн Вася.

Днепропетровск<ая> обл<асть>, Заборо. окр<уг>,

Покровский район, Канкринов. силсь<овет>,

колония Терсанка.

Заявление.

В 1932 году XI-го месеца моя мать Клейн Эмилия Густавна арестована и осуждена на 3 года вольной высылкой в север-

⁵² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1166. Л.Л. 90–92об. Автограф. Знаки препинания расставлены нами. Письмо написано тем же почерком, что и предыдущее, вероятно, старшей дочерью И. А. Сынкова.

⁵³ К письму приложено свидетельство об успеваемости Вили Клейна, ученика 7 группы Терсанской немецкой средней школы, за 1933/34 (переведено с немецкого на русский) с оценками «уд» и «хор» и записью: «Нужно ему больше налегать на учение».

край и находится в П/о Харовская. Товариш Пешкова я подал заяву к Вам VII месеца но досих пор ответу нету не знаю по каким либо прычином. Я вторично прошу не оставить меня в таком положение. Я не родной син сем<ь>и Клейн. В 1921 году мои родители бедняки умерли и оставили большую семейство. Я был принят 2-х летним мальчиком в бездетной семейство Клейн и воспитан як родной син. Я узнал тепер что я не родной син и завсе что за мена переносело моя мать, воспитувала меня полезным человеком я вторично прошу не оставить меня безрезультатно и освободить мою мать. Я в мои молодыя года вложился все в целом к общественных работи учин. Я с 1931 году пионер. С 1932 году пионер вожатый состою членом учкома. Завтра 1-го начинается занята и я не могу все в целом вдаваться в школьную работу через домашния работ. Отец мой занят по садоустройсвом огородничество а я работаю в колхозним питомнике и во времня перерыва выращивал телко, свинку, 95 курей и 20 голубей и некому прыручить. Почому как раз я такой несчастний остался втарично в молодых лет сиратой и почему какраз моя мать осуждена кактотая переносила так много. Т. Пешкова я узнал об Вашом внимание к подрастающему молодому поколение и прошу вторично мне возвратит до срочно мою мать.

Проситель Пионер Клейн Вася». ⁵⁴

Помета: «17403. 9/IX-34 г.».

«Васе КЛЕЙН. 17403. 20/IX-34 г.

В ответ на В/обращение сообщаю, что для ходатайства о пересмотре дела В/матери, КЛЕЙН Эм<или> Гус<тавовне>, она должна прислать нам личное заявление на имя НКВД, о чем мы ее известили непосредственно.

Вы же, кроме того, можете обратиться непосредственно в ЦИК с просьбой о помиловании матери». ⁵⁵

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1186. Л.Л. 12, 12об. Автограф.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1186. Л. 11. Машинопись.

* * *

4.19. Заявление М. МУРАДЯН (жена высланного из Армении бывшего члена партии «Дашнакцутюн» и мать двоих детей). 1 ноября 1934, Самарканд.

«Помощь Полит. заключенных.

Екат^{<ерине>} П. Пешковой.

От гр-ки Мурадяна Марусье

жив^{<ущей>} в гор^{<оде>} Самарканде

на ул^{<ице>} Воровского, дом 6

1934 года, 1 ноября

Заявление.

С 1927 год 4-го августа мой муж Мурадян Гарегин Аристархович арестован был со стороны Армянским ОГПУ и по постановлению Особого Совещания О.О.Г.П.У. Москвы сослан на три года сроком по принадлежности партии «Дашнакцутюн». Отбывал этот срок, почему-то снова прибавили три года высылки. Отбывал и этот срок наказания в 1933 году. 13 марта снова был арестован со стороны Узбекской О.О.Г.П.У. и по постановлению П.П.О.Г.П.У. Средн^{<ей>} Азии от 23/V-33 г. дали три года концлагер^{<ей>} (Труд^{<овые>} лагеря) в Среднюю Азию. В настоящее время отбывает эту меру социальной защиты, наказание.

Мурадян Гарегин есть кормилец пяти душ семьи: жена, двое детей от 3-х до 5 летн^{<его>} возраста, мать 65 летняя, отец 70 лет. Все неграмотные и нетрудоспособные. Наша надежда – он, и все время с 1927 г. по 1934 г. в ссылках. Мы не имеем собственного уголка и наши взоры обращены на него. Находимся в бродячей жизни и в данное время мы на грани гибели: порванные, голодные и не имеем помощь ^{<ни>} от куда.

Имея ввиду наше стратегическое семейное положение, смертельное положение, обращаемся к Вам с просьбой – оказать содействие – помощь семье политзаключенного – деньгами, одеждой или продуктами для обеспечения нашей жизни.

Голодающая семья Мурадяна – /Марусия/.⁵⁶

Помета: «8217. 13/XI-34». «2р^{<убля>} Торгсин».

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1140. Л. 83. Автограф. Подпись на армянском языке.

* * *

4.20. Заявление Л. А. ДОНИ (раскулачена и выслана с двух малолетними детьми, муж умер в ссылке). 16 ноября 1934, Свердловская обл., Кизеловский р-н, ст. Верхняя Губаха.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 7 февраля 1935.

«Комиссариату Внутренних дел.

Подача подлежит через Комитет Красного креста.

От Дони Люси Адольфовны.

Адрес: ст. В-губаха Свердловской области

Кизеловского района. Барак № 7

бывш<ий> 16 кв. 17.

Нижняя площадка.

Заявление.

Настоящим заявлением прошу Международный комитет красного креста о ходатайстве через Н.К.В.Д. по освобождению меня с места выселения, где я нахожусь с 1931 года. В этом году мы были высланы в Луневку на лесные работы, где помер мой муж. Там мы находились в течение одного года, после чего нас перебросили на ст. В-губаху, где мы и находимся по настоящее время.

После смерти мужа у меня осталось двое детей: мальчик 6 лет и девочка 7 лет. Дети в настоящее время находятся со мной. Я лично имею порок сердца, а поэтому ни к какому труду не способна и живу исключительно на те средства посылки, которые идут через Ваш адрес.

Выселение наше было за кулачество на основе правительственного постановления “Ликвидация кулачества как класса”, срок нам не известен в силу того, что народным судом нас не судили. В убедительной форме прошу делегацию комитета красного креста о ходатайстве пред полит<ическими> органами на право моего выезда из вышеуказанного адреса в Одессу или же в Херсон.

Принимая во внимание вышеизложенное в настоящем заявлении, в просьбе моей прошу не отказать.

26/XI-34 г. Подпись: Дони Люси (ур<ожденная> Тэвна)». ⁵⁷

Помета: «794. 31/I-35 г.».

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л.Л. 325–326. Автограф.

«В НКВД за № 794.

Помощь политическим заключенным

Е. П. Пешковой

От переселенки Дони Люси Адольфовны

Заявление.

Прошу освободить меня и моих детей с ссылки Урала, так как здоровье детей и мое очень пошатнулось. Семейное положение кошмарное, доносились все рваное и не имею чем купить даже себе хлеба. Сама я инвалид III группы. К физическому труду не способна а иной работы до сих пор нет, только лишь одне обещаньи. Состав семьи из 3-х человек включая себя. 1) Дочери моей Генриетты 10 л<ет>, 2) Сыну Павелу 9 л<ет> и мне 44 года. К этому письму прикладываю копию о смерти мужа и копию медицинской справки о моем состоянии. Место жительство, желательное было бы в г. Одессу или же в г. Херсон, если допустимо так; как там есть некоторые родственники, хотя не родные; но все же для первого случая. Должна сказать Вам, что мы были с мужем и детьми выселены с Каховского рай<она> Бришанск с/с<вета>. Также было получено поручительство с Мал<ого> Каховского с/с<вета> от имени А. С. Д. нашего р<айона>. Но ответа не было. Если понадобятся еще какие-нибудь сведения, прошу обратиться в международный комитет Красного Креста. Там Вы узнаете все подробно. Надеюсь, Вы ускорите дело и не дадите умереть.

В чем подписываюсь. Дони⁵⁸ Люси, урожд<енная> Тэвна. 28/І 1935 г.

Верхняя Губаха Свердловской области, Нижняя площадка, стандартный пос., барак 7-й б<ывший> 16, кв. 17а».⁵⁹

Помета: «794. 7/ІІ 35 г.»

«Л. А. ДОНИ. 794. 7/ІІ-35.

Присланное Вами заявление возвращаем, т<ак> к<ак> в нем Вы указываете на переписку с «Помощью Полит<иче-

⁵⁸ Предположительно, муж Л. А. Дони был по происхождению французом, и поэтому она обращалась за помощью в Международный Красный Крест. В Книге Памяти Пермской обл. упоминается С. К. Дони, по национальности француз, род. в 1904 в с. Шибо Аккерманского уезда (Румыния). Он был ар. в 1938 в том же пос. Губаха Кизеловского р-на Пермской обл., где отбывала высылку Л. А. Дони. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л.Л. 328, 328об. Автограф.

ским> Закл<юченным>» и Международным Красным Крестом. Пришлите новое заявление с указанием, что Вы высланы по делу мужа, кот<орый> уже умер.

Присланные справки возвращаем, приложите их к новому заявлению».⁶⁰

* * *

4.21. Заявление Тамары КОПТЕНКО (ученица IV класса) с запросом адреса высланной матери. Декабрь 1934, Крым, Карсубазарский р-н, Калтильский с/совет, дер. Бачала, колхоз им. Сталина № 4.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 19 января, 14 апреля 1935.

«ХП-34 г.

Заявление

школьницы из Крыма дер<евни> Бачала. Мне сказали, что можно у вас, Екатерина Павловна, получить справку о ссыльных. Мою мать отца <читай: отсюда> сослали на Урал, когда мне было 7 лет, а брату моему было 13 лет. Нас выслали вместе, но меня и брата вернули. Я все время живу у сестры колхозницы. Брат мой 5 лет работает в колхозе, его премируют как хорошего работника. Я учусь в IV классе. Сестра моя заболела в колхозе на работе чахоткой и с дня на день умреть, и я останусь одна. Ждем, что она умрет. От моей матери я ничего уже год не получаю. Я хотела бы знать, где она находится. У Вас есть сведения о всех ссыльных, и я прошу Вас, не откажите мне, сообщите, жива ли моя мать и где она.

Адрес, по которому я писала ей, такой: Уральская область, завод Уралски<й>, г. Надеждински<й>, Сашская ж<елезная> д<орога>, 19-й километр, село Еловка, Ольге Степановне Коптенко.

Прошу, если возможно, удовлетворить мою просьбу. Мой адрес:

Крым, Карасубазарский район, Калтилски<й> с/совет, дер<евня> Бачала, колхоз им. Сталина № 4.

Тамара Коптенко Андреевны».⁶¹

Помета: «19619. 31/ХП-34 г.».

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л. 327. Машинопись.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л.Л. 339, 339об. Автограф. Многочисленные грамматические ошибки исправлены, знаки препинания расставлены. Письмо, вероятно, написано девочкой под диктовку.

1969/339
2^й 3^й

121-й год Забытые.

школьницы из Крайней д.р. Бахана. Мне
сказали, что можно у вас, Екатерина
Павловна, получить справку о семье. мою
мать отъезжа сослали на урал, Кагуа мне
было 7 лет, и брату моему было 13 лет. Мне
вспомни вместе, но меня и брата вернули
я все время живу у сестры Калкознецки. Брат
мой был работает в Калкозе, его
прещеруют как хорошего работника. Я учусь в
V-классе. Сестра моя заболела в Калкозе
на работе икоткой и с дня на день
умрет и я останусь одна. Жду, что она
умрет, от моей матери я ничего уже
год не получаю. Я хотела бы знать где она
находится. у вас есть сведения о семье
сыновьях и я прошу. вас не откажите
мне сообщите. Жива ли моя мать
и где она.

Однее по каторажу Я писала ей такой:
ураженца область завод уральский
г. Надеждинский Самарский м.г. 19-й километр
село иловка. Ольга Степановна. Поттенко.

«Тамаре КОПТЕНКО. 797. 19/I-35.

В ответ на В/обращение сообщаю что, согласно полученной справке, обещано запросить Упр<авление> НКВД Свердловской области о местонахождении В/матери, Ол<ьги> Степ<ановны> Коптенко. По получении ответа, который можно ожидать мес<яца> через два, о результате Вас уведомим». ⁶²

«Тамаре КОПТЕНКО. 797. 14/IV-35.

В ответ на В/обращение сообщаю что, согласно полученной справке, В/мать, Коптенко Ольга Степ<ановна>, находится в трудпоселке Еловка Свердл<овской> обл<асти> как раскулаченная». ⁶³

---

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л. 338. Машинопись.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л. 337. Машинопись

Раздел 5

ПИСЬМА 1935–1936

В 1935 была отменена карточная система: с 1 января отменены карточки на хлеб и муку (при этом цена на них существенно поднялась), с 1 октября – на мясо, жиры, рыбу, сахар, картофель (при этом розничные цены на них повысились и приблизились к рыночным). В сентябре 1935 в городах была упразднена потребительская кооперация и оставлены только государственные магазины. Жизненный уровень населения возрастал, но возрастала и зависимость от государства.

Осенью 1935 в стране началось стахановское движение.¹ В ноябре 1935 состоялось 1-ое Всесоюзное совещание стахановцев, на котором Сталин выступил с речью, в которой сказал: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Эта фраза, подхваченная советской пропагандой, стала крылатой на все довоенные годы.

На фоне растущей экономики и успехов в промышленном строительстве была разработана и принята новая Конституция.² В ней больше не содержалось ограничений избирательного права, гарантировалась свобода личности, подтверждались руководящая роль партии, плановый характер экономики и коллективизация сельского хозяйства. Широкая пропагандистская кампания прославляла Конституцию – «самую демократичную в мире» (по словам Сталина). При этом сталинский режим все прочнее утверждался за счет систематического террора.

С начала 1935 началась новая волна арестов и высылки. Из Ленинграда и области выселялись последние «буржуазные элементы», представители дворянства и духовенства.

23 марта 1935 по договору с Японией СССР продал Китайско-Восточную ж.д. (КВЖД). Многие из десятков тысяч сотрудников КВЖД и членов их семей, вернувшиеся в СССР, вскоре были репрессированы по ст. 58 как японские шпионы.

---

¹ В ночь с 30 на 31 августа 1935 А. Стаханов, шахтер донецкой шахты Ирмино, добыл 102 т угля (в 14 раз превысив норму). Это достижение означало начало стахановского движения, позволившего вводить более высокие нормы выработки.

² Составлена она была под руководством Н. И. Бухарина, называлась «сталинской», принята была 5 декабря 1936 на 8-м Чрезвычайном съезде Советов.

Происходило уничтожение всех, включая потенциальных, противников сталинского режима. В мае 1935 было распущено Общество старых большевиков, в июле 1935 – Общество бывших политссыльных и каторжан, большое число членов этих организаций было арестовано. В январе 1936 началась очередная партийная чистка. Чистки свирепствовали на всех уровнях, атмосфера всеобщего страха, инстинкт самосохранения обостряли в людях подозрительность, корыстную расчетливость или заставляли слепо верить в мудрость вождя и партии. Пропаганда во всех неудачах винила крестьян – «кулаков», специалистов – «саботажников» и различных «предателей». Каждый мог быть арестован и осужден практически без суда на высылку, концлагерь или смерть.

6 января 1937 была проведена перепись населения, результаты которой не были опубликованы (чтобы масштабы демографических потерь не стали известны).

ИЗ ХРОНИКИ РЕПРЕССИЙ.

15-16 января 1935 состоялся закрытый процесс над т. н. «Московским центром», обвиняемом в соучастии в убийстве Кирова (Зиновьев был приговорен к 10 г. тюрьмы, Каменев – к 5 г.).

27 февраля 1935 УНКВД по Ленинграду и области издало циркуляр «О выселении контрреволюционных элемента из Ленинграда и пригородных районов».

20 апреля 1935 Прокуратурой СССР и Верховным судом был издан циркуляр о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним (по которому могли быть расстреляны дети старше 12 лет).

19-24 августа 1936 состоялся первый открытый процесс, т. н. «процесс 16-ти» (в их числе Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев). Обвиненные в создании «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Все подсудимые признались в том, что поддерживали связь с Троцким, были соучастниками убийства Кирова, готовили заговор против Сталина и др. руководителей партии и государства. Они дали показания против Н. Бухарина, А. Рыкова и М. Томского. Все были приговорены к смертной казни и расстреляны 25 августа 1936.

25 сентября 1936 в телеграмме, отправленной из Сочи, Сталин и Жданов приказывают заменить главу НКВД Ягоду на Ежова, по фамилии которого двухлетний период террора будет назван «ежовщиной».

* * *

5.1. Письма М. ЛОСЕВОЙ (жена священника, он – в заключении, она с детьми – в ссылке). 9 января, 16 июня 1935, ст. Емца Северной ж.д., Архангельский окр., пос. Река Тегра.

Письмо ее дочери Шуры ЛОСЕВОЙ (из детдома). Март <до 13> 1935.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна! Еще раз осмеливаюсь побеспокоить Вас и весь Комитет призывом о помощи. Вы моя спасительница и детей моих не дали мне погибнуть весной, возвратили меня к жизни и дали возможность летом работать и тем себя кормить. По силе своей работала до наступления холодов и не имела ни одного прогульного дня, думала на зиму обеспечить себя продуктами, но вышло другое. Благодаря быстро наступившим холодам артельные продукты померзли и испортились; и вот, получив на трудодни таковые продукты (картофель, капусту), беречь не пришлось, и таким образом в настоящее время не имею уже никаких запасов: доела и очистки и листву и обречена на голодную смерть: зимою я не работница, делаюсь совершенно больная: от рук и ног не нахожу места. И сейчас разута буквально, не имею за душой гроша денег, не могу купить и грамма хлеба. Старшая дочь 15<-*ти*> лет работает на ст. Емца, себя не может прокормить, пока была возможность, я с ней делилась всем тем, что у меня было, теперь я ей помочь не могу ничем и с замиранием сердца гляжу на нее, как она начала хиреть и молить на себя смерти.

Екатерина Павловна! Вы мать сирот, не дайте и на сей раз мне погибнуть, поддержите, со слезами Вас молю, не оставьте моей просьбы без внимания, за что я и дети по гроб Вам благодарны.

Добрейшая Екатерина Павловна!

Еще у меня к Вам просьба. Нельзя ли через Ваше посредство узнать о судьбе моего мужа – Николая Петровича Лосева³, где он? И что с ним? Более года о нем ничего не знаю. По-

---

³ Лосев Николай Петрович, род. в 1886 в Орловской обл., Свердловский р-н, с. Плоское. Проживал там же. Священник. Ар. в 1930. Приг. на 10 лет к/л. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

следнее его местопребывание: г. Дмитров Моск<овской> о<бла>сти, Дмитлаг ОГПУ, контора прорабов.

Работал в конторе бухгалтером. После смерти сына с ним что-то случилось, о чем я ничего не знаю. Поэтому я и дети просим Вас, найдите нам, если возможно, мужа и отца, так как мы совершенно погибли. Я уже близка к помешательству, никакого выхода для себя найти не могу.

Еще раз со слезами молю Вас, Екатерина Павловна, не откажите мне, несчастной, в моих просьбах, за что век Вам благодарна.

Уважающая Вас М<аргарита Михайловна> Лосева.

1935 года, 9 января.

Ст<анция> Емца Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги> Арх<ангельского> о<кру>га поселок “река Тегра”.

Р. С. Местный комендант обещал по первому Вашему требованию подтвердить это письмо своею справкою. Умоляю, помогите. Я уже гляжу в глаза смерти: кроме воды и соли питаться нечем».⁴

Пометы: «783. 19/I-35 г.». «В<ера> Гр<игорьевна>. Пошлите посылку из денег для духов<енства> на 3 р<убля>. Ек. П. 20/I-35». «Исполн<ено>». «Исп<олнено> 13/IV-35».

«Здравствуйте тетя Пешкова и жилаю вам здаровье. Миленькая тетя не откажите пожалуста. Мама сейчас одна и работ<у> не может работат<ь> и больная. Я младшая сестра Шура в детдоме, а старшую сестру Тамару отправил комендант в Архангельск. Тетя еще прошу помоч мами чем небудь пожалуста. Тетя снами папи нет. Его и<з> Москвы преслили в город Кемий на берег Белого море и там он сума сошел и уже 1 год писем не получаем. Тетя мами пойка не дают. Теперь заденьги 1 килограм стоит 1 р 20 к крупа 2 р 70 коп. а умами денег нет. Летом засушили грибов и тровы. Мама съела имне помочь нечем. Миленькая тетя пожалуста помогите. Сейчас досведание целую крепко при крепко.

Лосева Ш.»⁵

Помета: «783. 13/III 35 г.».

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л.Л. 271, 271об. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л.Л. 268, 268об. Автограф.

Здравствуйте тебе Петька
 ва и желаю вам здоровья
 маленькая тетя
 откровенно по-прежнему
 та. Елизавета
 дня и работ не можешь
 достать и большая
 и младшая сестра
 ушла в дом, а
 старшая сестра
 Пелагея отправилась
 соискатель в Архангелск.
 Петька пошел
 ему куда посылает
 сестры Петька
 ко и Москвы перебрался

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Приношу Вам и всему Комитету великую благодарность за оказанную мне помощь. Посылка мною получена. Осмеливаюсь еще раз Вас побеспокоить – напомнить Вам о Вашем обещании сообщить мне о судьбе моего мужа Николая Лосева, о котором до сего времени не имею никаких сведений. Если возможно, то не оставьте без внимания моей просьбы.

1935 года, июня 16 дня.

К сему вечно благодарная. М. Лосева».⁶

Помета: «783. 27/VI-35 г.».

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л. 269. Автограф.

* * *

5.2. Заявления А. Н. ВОЛОДКОВИЧА. 18 января, 25 июня, 26 октября 1935, Дмитровский ИТЛ, ст. Икша Савеловской ж. д.

Письмо его дочери Тамары ВОЛОДКОВИЧ (14 лет). Август 1935, Слуцк Красно-Слободского р-на БССР.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 11 февраля, 11 июля, 13 декабря 1935.

«Высокочитимая Екатерина Павловна.
з/к Володковича Александра Николаевича
из кр<естя>н д<еревни> Чаплич
Красно-Слободского района Б.С.С.Р.,
отбывающего наказание при Дмитровском
испр<авительно> трудов<ом> лагере,
база общего снабжения при ст<анции> Икша.

Заявление.

Прилагая заявление на имя Прокурора Республики Б.С.С.Р. покорно прошу Вас направить его для пересмотра моего дела во избежание от гибели четверых малолетних детей и большой жены, находящихся без крова, голых и голодных, совершенно ни в чем неповинных. Вины, которая мне приписана секретным агентом Жуковским из-за личных счетов, я не признавал и не признаю, т<ак> к<ак> таковой я не совершал и никогда не был против партии и Сов<етской> власти. Одно признаю себя виновным, что пустил на свет 6 детей, из коих двое сволоклись, а четверо малых без притулку, голые и голодные, лучше было бы их уничтожить, чем так невинно им страдать, да и чего им ждать, вот уже третий год я в заключении, безвинно совершенно. Был в колхозе с 1929 г. по день ареста 10/І 33 г., а для того, чтоб меня взять, агитацию скорее всего приписать.

Еще раз со слезами умоляю Вас пособить, не дать погибнуть детям, и мне сообщить. Проситель А. Володкович. 18/І 935 г. ст. Икша.

За всю свою 50 летнюю жизнь не видел такой нищеты, какая постигла мое семейство»⁷.

Помета: «1171. 28/І».

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 116. Автограф.

«А. Н. ВОЛОДКОВИЧ. 1171. 11/II-35.

В ответ на В<аше> обращение сообщая, что Ваше заявление Прокурору мы переслали. О результате запросите непосредственно, т<а>к к<а>к мы там справок не получаем».⁸

«Пешковой Екатерине Павловне!

Помощь политзаключенным. Кузнецкий мост 24.

Володковича Александра Николаевича из кр<есть>н

с<ела> Чаплич Красно-Слободского района Б.С.С.Р.,

Отбывающего срок наказания в Дмитровском

испр<авительно> тр<удовом> лагере,

ст<анция> Икша Савел<овской> ж/д при продбазе Икша

Заявление.

В Правде за 1-е июня № 149 на стр<анице> 1 напечатано “так заботится о детях только советская власть”.

В 1933 г. я арестован и по 72 и 69 ст<атьям> УК Б.С.С.Р. дали 5 лет и нахожусь год в Дмитровских лагерях. Дома осталась больная жена и 6 детей, из коих 5 нетрудоспособных. Когда не стало, чего есть, двое старших стянулись с дому, а четверо малых и жена живут в с<еле> Чапличе Слободского района, голые, голодные, без крова и существуют на подонках. Дети неделями не видят хлеба, не говоря о молоке, которое им необходимо. Получая от них письма, я прихожу в ужас и как еще не сошел с ума: дети голодные, без крова, до того обносились, что жена не имеет на теле рубашки, не то, чтоб перемениться, спрашивается, кто эти дети, из кого они происходят, за что они гибнут голодом и холодом, и кто виноват в этом, конечно, не я и не Вы, а те люди, которые ложно показали на меня, посадив в лагерь. Описать все эти страдания и ужасы, уже перенесенные ими за это время, и что их ожидает, приходится покончить с собой, что б не слышать больше их страданий и мучений.

Прошу Вас, дорогая защитница Е. П., защити моих детей от гибели. Сделай распоряжение о принятии моих детей в приют г. Слуцка до моего освобождения, если не подохну. Пошли им хоть по одной паре белья. Дети: Тамара 13 л<ет>, Женя 9 л<ет>, Ира 6 л<ет> и Лев 4,5 лет и жена Елена 50 лет.

О том, что Вами будет сделано, прошу мне сообщить.

25 июня 1935 г.

Ст<анция> Икша. Просит з/к Володкович».⁹

Пометы: «1171. 1/VII-35 г.» «50 р<ублей>. 3/VII-35. М. В.». «Посл<ано> 50 р<ублей>. 7/VII».

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 113. Машинопись.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 112. Автограф.

«Ал-дру Ник. ВОЛОДКОВИЧ. 1171. 11/VII-35.

В ответ на В<аше> обращение сообщая, что оказать содействие в помещении В/детей в приют не можем, т<а>к к<а>к это не входит в н/компетенцию. Одновременно высылаем В<ашей> семье 50 руб<лей>».¹⁰

«Здравствуйте Екатерина Павловна – председательница помощи политзаключенным. Я Вам спешу написать свое маленькое письмо. До этого времени я о Вас очень мало знала, но с этого времени буду знать, кто Вы такая и кем являетесь в нынешнее время. Это письмо я пишу Вам по поводу получения от Вас 50 р<ублей> денег. Эти деньги мы получили 20 июля 1935 года. На первых порах мы не знали, от кого эти деньги. 30 июля мы получили письмо от папаша, который нам сообщил, от кого эти деньги. За эти деньги мы смогли себе купить пуд жита и картошки, а это нам много значит. Узнав от кого эти деньги, мы – просто не знаем, чем вам за это отблагодарить. Большое спасибо Вам, Екатерина Павловна, от всей нашей семьи и особенно большую благодарность от меня. Теперь я хочу коротенько описать Вам жизнь нашей семьи и в том числе меня.

Наша семья складается с 5 следующих душ: Мамаша, Я, мои младшие сестры Женя и Ира и маленький братик Лев. Живем мы очень плохо. В нашей семье почти никого нет трудоспособного, а есть хочет каждый.

Мамаша очень слабого здоровья, имеет порок сердца и при плохом нашем питании часто слабеет.

Так жить мы начали з 24 марта 1933 года. Сейчас у нас нет ничего своего. Живем мы у чужой хате. Хозяйка этой хаты очень злая, и жить с ней в хате нам очень плохо.

Питаемся мы, чем приходится, вообще питания у нас нет. Это лето у нас очень холодное, идут часто дожди. Приходится ходить обутым и одетым, но у нас обуви и теплой одежды нет, и мы просиживаем целыми днями у хате бес свежего воздуха. Уже близко зима. Нам втроем придется ходить у класс голым, босым и голодным, потому что купить кое-что из обуви и одежды не за что. Мое имя и отчество – Тамара Александровна. Я родилась 8 января 1921 года. Я сейчас перешла в седьмой класс, несмотря на малое количество лет. Я учусь хорошо. Усе годы я была ударницей, один год была премирована, а остальныые получала “картку гонора ударника”. Этот год у меня не было ни одного предмета удовлетворительно. Пять предме-

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 114. Машинопись.

тов было очень хорошо, а остальные хорошо. На этом я кончаю описание нашей жизни. Находясь в таком тяжелом положении, я прошу Вас, Екатерина Павловна, чем-нибудь нам помогать, чтобы мне как-нибудь окончить седьмой класс и поступить дальше. Я думаю, Вы пожалеете нас и исполните мою просьбу. Я очень буду рада, если получу от Вас ответ и буду у дальнейшем вести с Вами переписку. На этом я кончаю свое письмо. Шлю Вам свой горячий пионерский привет.

Мой адрес. БССР, г. Слуцк Красно-Слободского района п/о Танежицы, д<еревня> Чаплицы Чаплицкого с<ель> с<вета>. Елене Семеновне Володкович». ¹¹

Пометы: «1171. 11/VIII. 35 г.». «Арх<ив>».

Наша семья состоит из 5 человек: мамаша, я, мои младшие сестры Женя и Ира и маленький братик Лев. Живем мы очень плохо. В нашей семье почти никого нет трудоспособного, а есть лишь каждый. Мамаша очень слабого здоровья, имеет порок сердца и при писании нашими питанием часто слабнет. Так жить мы начали с 24 марта 1933 года. Сейчас у нас нет никого своего. Живем мы у чуждой матери. Хозяйка этой хаты очень злая и жить в ней хате нам очень плохо. Питанием мы там приходимся, вообще, питания у нас нет. Это тоже у нас очень холодно, идура часто дождя. Приходится ходить обутыми и одетыми но у нас обуви и теплой одежды нет и мы проживаем целый день у матери без своего воздуха.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л.Л. 109-110об. Автограф.

«Высокочитимая Екатерина Павловна.
 Политзаключенного в Дмитровском
 испр<авительно> трудовом лагере,
 6 стр<оительный> участок Икшинского района
 ст<аниця> Икша Савел<овской> ж/д
 Фоминское болото
 Володковича Александра Николаевича

Просьба.

На мою к Вам просьбу о помощи моему обездоленному семейству, состоящему из больной жены и малолетних детей от 5 до 14 л<ет>, проживающих в с<еле> Чаплиц Красно-Слободского района Б.С.С.Р. почта Танежицы, Вы, дорогая и незабвенная Екатерина Павловна, оказали им денежную помощь 50 руб<лей>, за что дети через меня шлют Вам и не могут выразить той великой детской октябрятно-пионерской благодарности, желая Вам здоровья и долгой жизни.

Дорогая Е. П.! Дочь моя Тамара 14 лет в настоящее время учится в 7 группе ШКМ в с<еле> Чаплиц и настолько имеет способности к науке, что наставники удивляются, называя “Министерской головой”, имеет чудный голос дискант, но беда в том, что это дитя, будучи в таком хуже быть не может состоянии, лишено возможности продолжать свою науку, не говоря о том, что они обносились, по неделям не видят хлеба, про другие продукты и спрашивать не приходится, живут в чужой лачужке. Не буду описывать их положение, но скажу, что своему врагу не желаю их переживаний.

Моя к Вам просьба не отказать им в помощи, быть матерью и защитницей моих детей, особенно Тамары, чтобы она могла продолжать учение. Запросить о ея способностях Зав<едующего> ШКМ с<ела> Чаплиц Кр<асно->Слободского р<айо>на БССР, дать ей дорогу к науке, чтобы она была полезным человеком пролетарской родины и до гроба была бы благодарна Вам, давшей ей дорогу и помощь к науке.

За все оказанное приношу Вам свою благодарность и с нетерпением жду ответа. Проситель з/к Володкович.

26/X 1935 г.

6 стр<оительный> участок, Фоминское болото.¹²

Пометы: «1171. 13/XI 35 г.» «О мат<ериальной> пом<ощи> семье». «Нет средств. <М. В.>».

¹² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 118. Автограф.

«Ал-дру Ник. ВОЛОДКОВИЧ. 1171. 13/XII-35.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что оказать материальную помощь В<ашей> семье ввиду отсутствия средств не имеем возможности».¹³

* * *

5.3. Заявление детей Зины, Виктора, Нины, Жени БАХВАЛОВЫХ (от 4-х до 15 лет) и их неграмотной бабушки. 10 февраля 1935, Московская обл., Удомельский р-н, дер. Липячи.

«Город Москва. Кузнецкий Мост 24. К. П. Пешковой.

Пом. Полит. Заключенных.

От гр-н Удомильского Района Сельце-Карельского
с/совета деревни Липячи Московской области

Бахваловых Зины Вити Нины Жени

Заявление.

Мы дети малолетние, от 4-х до 15 лет старшей, находимся без матери и без отца. Мать наша умерша, 7 лет живем у престарелой бабушки 69 лет. Отец наш, Бахвалов Александр Григорьевич, в 1932 году 10-го марта был арестован по 58-й статье и выслан в Казакстан на Аральское море, где по сие время отбывает срок наказания, и осталось ему отбывать 1,5 года. Помощи от него никакой нет, и бабушка воспитывать и учить нас не может, и мы должны прекратить свое учение. Учиться нам бросить жаль, а помощи нет ни от кого. Отказали, говоря, что у нас не богадельня, и мы просили бы, чтобы выдавали нам один хлеб для поддержки, а потому обращаемся к вам с просьбой взойти в наше положение, что нас 4 человека и учиться желаем продолжать дальше, а посему и обращаемся к вам, чтобы досрочно освободили нашего отца или выдавали бы какой либо паек хлеба. В просьбе просим не отказать. Дети Адм. ссыльного Бахвалова Ал-дра Григорьевича.

Бахвалова Зина кончаю 7-ми летку.

Бахвалов Виктор кончаю 6-ти летку.

Бахвалова Нина кончаю 3-х летку.

Бахвалов Женя кончаю 1 Класс.

10/II-35 года.

И неграмотная наша бабушка 69 лет».¹⁴

¹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1344. Л. 118. Машинопись.

[illegible]

Пометы: «787. 17/П 32 г.» «... что с просьб<ой> о помил<овании> В/отца ввиду тяжел<ого> семейн<ого> полож<ения> Вам нужно непосред<ственно> обрат<иться> в Комис<сию> част<ных> амнист<ий> детям при ЦИКе. <М. В.>».

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1372. Л. 293. Автограф. Письмо написано взрослым человеком без знаков препинания, они расставлены нами для удобства чтения. Подписались дети (каждый ребенок).

* * *

5.4. Письмо Д. Н. КАУФМАНА (житель республики Немцев Поволжья и отец 6-х малолетних детей). 29 мая 1935, ИТУ (Балашов, этап в Свободный Дальневосточного края).

Письмо его жены П. М. КАУФМАН. 28 июня 1936, Караганда, дер. Май-Кудук.

«В Комитет Помощи Политзаключенным. Москва.

Е. П. Пешковой.

От политзаключенного ст. 58-10

Кауфман Давида Николаевича.

20 ноября 1934 г. Камышинский НКВД меня арестовал и посадил в И.Т.У. В обвинительном акте было сказано, что я материально обеспеченный, при Советском Правительстве не служивший, получал помощь от фашистских организаций из-за границы.

20 апреля 1935 г. мне был зачитан приговор, согласно которому я осужден 7 апреля с. г. Особым Совещанием в Москве на 5 лет концлагеря, которые я должен отбывать в г. Свободном ДВК.

Обвинение не соответствует действительности, и поэтому прошу Вашего содействия и совета, что мне делать, принимая во внимание нижеследующее:

Я родился в 1897 г. в крестьянской семье в области Немцев Поволжья, где я крестьянином работал до 1921 года. Когда же при нашествии белых банд в 1919 г. хозяйство отца разорилось, я стал с 1921 голодного года заниматься по зимам еще валянием валенок. Когда же я в 1925 году отделился от отца, то у меня имущества не было никакого, ни двора, ни дома, кроме одной коровы. В 1929 и 30 году я работал два года служителем культа, и в конце 1929 г. во время переселения немцев-колонистов я собрался ехать к шурину в Америку. Разрешения на выезд я не получил, а получил три года концлагеря в Свирских лагерях.

Из лагеря я вернулся в 1933 г. в декабре измученный и больной и к тяжелому труду не способный, но с твердым решением показать себя полезным работником в Сов<етском> Союзе. Но это мне за 11 месяцев пребывания на свободе не удалось. Как лишенца меня на советскую службу не приняли, и я стал у граждан пилить и колоть дрова, возить

опилки, заливать калоши и т<акое> п<рочее>. Но семья у меня большая. Имею 6 детей, и старшему из них 14 лет. Жена же больная. При первом отбывании срока семья жила в крайней нужде. Питались травами, ели суслики, и дети ходили по домам собирать милостыни. Все эти переживания и лишения совсем согнули жену, и она стала к труду не способной.

Положение мое было весьма тяжелое. Была зима, запасов не было, заработок только на десятую часть покрывал ежедневные нужды.

В это время немцы Поволжья стали получать из-за границы денежные переводы. В Торгсине были и до сего времени есть рекламы и объявления, согласно которым каждый вправе получать Торгсинск<ие> товары и продукты, если он напишет своим родственникам и знакомым за границей. Доверяя этим рекламам и объявлениям, я написал в Швейцарию в Лигу Христианства с просьбой поддержать меня немного как человека больного и с большим семейством. Это с моей стороны, правда, было немного наивно, и, как теперь выяснилось, довольно опасно. Но когда человек материально обеспечен и сыт, когда ему везде покровительствуют, его ласкают, тогда будто не так трудно держать фасон. Но когда человек считает себя униженным и оскорбленным, когда он голоден как зверь и рад бы был показать себя с хорошей стороны, да никому он не нужен, везде он окажется лишним, тогда уж много труднее будет соблюдать правила хорошего тона.

Я всего три раза получал денежные переводы из Швейцарии, причем третий раз вся сумма на 3 руб<ля> 16 коп<еек> золотом была отнята у меня Камышинским НКВД при аресте. Но в чью пользу они пошили, это мне осталось секретом.

Если я за свой поступок действительно заслужил 5 лет наказания перед Сов<етским> Союзом, то я убедительно прошу Вашего содействия, чтобы мне концлагерь заменили таким образом, чтобы я мог взять на свое попечение больную жену и бедных, так много уже перестрадавших детей.

Временно нахожусь в И.Т.У. гор<ода> Балашова, куда я прибыл этапом 18 мая из гор<ода> Камышина. Следую в г. Свободный Дально-Восточного края.

29 мая 1935 г. К сему Кауфман Д. Н.

Адрес жены: г. Камышин Сталингр<адского> Кр<ая>. Спартаковская ул<ица> 34, кв. Геффеле. Кауфман П. М.»¹⁵

Пометы: «4922. 10/VI-35». «Жене 30 р<ублей> в счет духовенства. М. В.»

Осенью 1935 его семья, оставшаяся без кормильца, переехала на жительство в немецкую колонию, находившуюся в Карагандинской области. В январе-августе 1936 его жена Паулина Мартыновна и дочь Виктория писали в ПОМПОЛИТ ходатайства о соединении семьи с отцом. Писали они на немецком языке, но одно заявление (в Особое совещание НКВД) написано от лица Паулины Мартыновны на русском, и только приписка – на немецком.

«Москва. Особому совещанию Н.К.В.Д.
от Кауфман Паулины Мартыновны
жены з/к по ст. 58-10 Кауфман Давида Николаевича
заявление.

Настоящим хочу поставить Н.К.В.Д. в известность о том тяжелом положении, в каком я нахожусь в результате постановления Н.К.В.Д. от 7 апреля 1935 г. по делу моего мужа. И хочу попросить Н.К.В.Д. о пересмотре его дела с целью изменения его приговора в той плоскости, чтобы я могла понести наказание совместно с мужем. Ибо имею на своем иждивении 5 детей, из которых старшему 15 лет, и я более не в силах видеть, как мои дети постепенно и определенно идут навстречу голодной смерти. Я убеждена, что Советские законы настолько гуманны, что они никогда не могут допустить, чтобы в результате наказания отца было бы уничтожено целое семейство из больной матери с 6-ю детьми. И я убеждена, что Н.К.В.Д., если это требует момент, всегда сумеет связать наказание с целесообразным и полезным.

Мой муж имеет по постановлению НКВД от 7-го апреля 1935 г. 5 лет концлагерей, которые он отбывает в Дальлаге НКВД, Уссурийская ж<елезная> д<орога>, ст<анция> Розенгартовка. И я прошу либо отправить меня с детьми для колонизации на Дальний восток к мужу, хотя бы на рыбные промыслы, либо перевести его в спецколонии г. Караганда. Я нахожусь с октября месяца 1935 г. в 5 км от Караганды, д<еревня> Май-Кудук № 16.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1333. Л.Л. 29–30. Автограф.

Необходимо еще заметить, что <к> я тяжелому труду не способна, так как имела уже не менее 9 родов, притом один раз родила близнецов. Хочу только вкратце остановиться на биографии моего мужа. Наша родина – А.С.С.Р. Немцев Поволжья, где проживали до ареста моего мужа. Мой муж, Кауфман Давид Николаевич, происходит из крестьянской семьи, имевшей до 1918 г. 2–3 пары лошади, 2–3 пары быков и столько же коров. Имея среднее образование, мой муж был в первые годы революции школьным учителем, а наше главное занятие было сельское хозяйство. В 1925 году мы были отделены от отца, причем не получили ни дома, ни рабочего скота, и все наше богатство состояло в одной корове. Из-за своих религиозных убеждений мой муж ради совести не стал более преподавать в школе. И в 1929 году стал обслуживать общество верующих. В январе 1931 г. он был арестован и осужден на 3 г. лагерей за наше намерение еще в 1929 г. ехать в Америку. Единственное наше богатство, корова, была уведена, и какие лишения я переносила за период с 1931 по 1933 г. трудно поддается описанию. Лишь в 1933 г. я обратилась в высший церковный совет в Москве за помощью, и в декабре 1933 г. как раз к возвращению мужа из лагерей мне было прислано в Торгсин г. Камышина 8 Германских марок из Швейцарии. Мы вначале не могли подозревать, насколько губительно это было для нас, тем более, что марки были присланы официально и в Торгсин. И мой муж сообщил отправителю денег о получении их и отблагодарил. После этого еще несколько переводов прибыли из Швейцарии по 8 марок. Муж мой вернулся из лагеря больной. У него в весьма сильной форме порок сердца, и, кроме того, он был с поврежденной ногою, поэтому до лета 1934 г. работать не мог, и мы очень были рады хоть на время быть избавленными от этого страшного голода, который так долго преследовал нас. Так как муж был работником лишь на 50% и определенной работы найти не мог, он стал наниматься распиловщиком дров у частных граждан и по временам грузил вагоны на лесопильном заводе. В ноябре 1934 г. он опять был арестован Камышинским Н.К.В.Д. как не имевший определенного занятия и обвинен в получении помощи от фашистских организаций из Швейцарии и будто бы он дал адрес какому-то гражданину для письма в Швейцарию за помощью, что, однако, не соответствует действительности. После отправки мужа я продала последние манатки, покинула родной край и кое-как добралась до Караганды, где поселилась в колонии спецпереселенцев (Май Кудук, № 16). Но я не учи-

тивала, что для прокормления 6 детей в такой пустыне, как Карагандинская Область, нужны совсем другие силы, а не силы больной женщины. И проедав последние остатки, мы начали голодать. И, несмотря на все старания работать и прокормиться, наш младший ребенок уже погиб. Теперь очередь за остальными. И если Н.К.В.Д. не окажет нам помощь, то через короткий срок мы все верно и определенно должны погибнуть. Трое старших детей учились зимою в Совшколе в Май-Кудуке и показывали познания на хорошо и отлично. Неужели мы не можем дать никакой пользы Советскому Союзу и должны погибнуть из-за того, что не родились в бедняцкой семье и из-за нашего недопонимания всей важности пролетарской политики. Мы не требуем для себя особых привилегий, а лишь просим снисхождения, просим дать нам возможность показать совместно с мужем, что это снисхождение не истратилось на недостойных.

Итак, прошу, умоляю не отказать!

Караганда. 28/VI-1936.

Кауфман П.

г. Караганда д<еревня> Май-Кудук № 16

Кауфман Паулина Мартыновна.

Liebe Frau Peshkowa seien Sie bitte so freundlich und tuen Sie diese Sache befördern und Wissen lassen was wir werner hin zutun haben.

Mit vorausdankbarem Grup.

Pauline Kaufmann». ¹⁶

Пометы: «4922. 29/VII-36 г.». «Об<ратиться> через адм<инистрацию> лаг<еря>».

* * *

5.5. Письма Е. ФРОЛОВОЙ (выслана с семьей из Ленинграда). 11 июня, 28 августа 1935, Атбасар.

«Слыша много о Вашей отзывчивости, я решилась, наконец, побеспокоить Вас, обратясь к Вам с просьбой походатайствовать за нас о том, чтобы с нас было снято административно высланных. Обращаюсь к Вам как мать, которая видит, как тяжело переносят ее дети, что они, как дети административно высланного, не могут активно принимать участия

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л.Л. 352–354. Автограф.

в пионерорганизациях. Старшему моему сыну 14 л^{<ет>}, а младшему 11 лет. Оба они пионеры, ударники учебы, причем старший за активную работу в пионерорганизации и ударную учебу был передан в Комсомол, и только наш отъезд помешал ему вступить в Комсомол. Прочтя копию заявления моего мужа, вы увидите, что вся наша семья работала и принимала участие в социалистическом строительстве.

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Я надеюсь, что Вы найдете возможность ходатайствовать за нас о возвращении из высылки.

При этом сообщаю, что аналогичное заявление и копия трудового списка посланы моим мужем 9/VI зам. прокурора Союза ССР – т^{<оваришу>} Леплевскому в гор^{<од>} Москву, Б^{<ольшая>} Дмитровка, 15. При этом прилагаю открытку с моим адресом для ответа. Уважающая Вас Е. Фролова.

Атбасар. 11/VI-35г.». ¹⁷

Помета: «6121. 22/VI-35 г.».

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Простите, что я вторично Вас беспокою. 9-го июня я послала Вам письмо с просьбой походайствовать за меня и мою семью о возвращении нас из высылки. При этом я приложила копию заявления моего мужа на имя Зам. Прокурора Союза ССР т. Леплевского и копию трудового списка. Не получая ответа более 3-х месяцев и слыша, что Вы ни одного письма не оставляете без ответа, я беспокоюсь о том, что письмо не дошло по назначению, и поэтому решила вторично обратиться к Вам с просьбой.

Находясь в Атбасаре более 5 месяцев, я до сих пор безработная, муж же после 3-х месячного пребывания безработным, хотя и получил службу, но не по специальности и с таким окладом, на который мы не в состоянии прожить, имея еще на руках двух детей 14 и 11 лет.

Кроме тяжелого материального положения, мое моральное состояние очень угнетенное, видя, что дети, будучи ударниками учебы и активными работниками в пионерорганизации в Ленинграде, здесь же, как дети ссыльного, лишены возможности принимать участие в Общественной работе и пионерорганизации. В особенности тяжело старшему сыну, ученику 7-го класса, т^{<а>}к к^{<а>}к здесь имеется лишь не-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1354. Л.Л. 46, 46об. Автограф.

полная средняя школа, и дальнейшая учеба для него здесь невозможна.

Поэтому я и прошу Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, не откажите в моей просьбе походатайствовать за меня и мою семью при пересмотре нашего дела. Если же мое первое письмо Вы не получили, то не откажите сообщить, какие документы необходимо прислать к Вам.

Остаюсь с глубоким к Вам уважением Е. Фролова.

г. Атбасар. 28/VIII-35 г.

Р. С. При письме прилагаю открытку с моим адресом».¹⁸

Пометь: «6121. 7/IX-35 г.». «Есть откр<ытка>».

* * *

5.6. Мольба Салаты ДАНИЕЛЬЯН (жена высланного крестьянина и мать малолетних детей). 13 июня 1935, селение Казанфар Апаранского р-на ССР Армении.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 23 июня 1935.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЕ КОМИССИИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ПОЛИТ-ЗАКЛЮЧЕННЫМ ПЕШКОВОЙ Е. П. Жительницы селения Казанфар Апаранского района С.С.Р. Армении Салаты Даниелян.

МОЛЬБА.

Я падаю ниц перед Вами, своими слезами я обливаю ноги Ваши с мольбой обратить милостивейшее внимание на меня, на обездоленную, погибающую женщину и мать малолетних детей:

В 1930 году моего мужа, крестьянина-середняка Геворка Даниеляна по постановлению ГПУ Армении выслали из Армении в гор<од> НОВЫЙ ЧАРЖУЙ на три года. С того времени я принуждена была взять на себя заботу о сохранении нашего маленького хозяйства и питания наших детей.

Я, женщина слабого организма, три года самолично вела непосильную работу по хозяйству и довела себя до полного истощения, с надеждой, что скоро муж вернется. Однако мужа моего не возвратили в назначенный трехлетний срок. Шестой год уже приходит к концу и безвременно постаревший, потерявший свое здоровье, муж мой продолжает влачить свою несчастную жизнь

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1354. Л.Л. 55–56. Автограф.

на чужбине, а тут уничтожается наше хозяйство, и судьба ведет моих злосчастных, безвинных детей к нищете и гибели.

Приблизительно 5 мая я обратилась к ВЫСОКОЧТИМОМУ ГЛАВЕ С.С.С.Р. ТОВ. КАЛИНИНУ, умоляя возвращение мужа, но до сих пор сведения не имею. Недавно я узнала, Правительством ВАМ поручено оказать помощь Полит-Заключенным и потому сим обращаюсь к ВАМ и коленопреклонно умоляю ВАС ускорить возвращение моего мужа – Геворка Даниельяна, проживающего в гор<ode> НОВЫЙ ЧАРЖУЙ по улице Приезжая в доме № 38.

Вы женщина, Вы мать, и я лелею в себе согревающую меня надежду, что Вы лучше поймете мое плачевное положение и исполните мою мольбу, чем наполните сердца моих беспомощных детей чувством глубокой признательности к Вам.

/Салата Данельян/

13 июня 1935.

Казанфар».¹⁹

Помета: «4216. 19/VI-35 г.».

«Салате ДАНИЕЛЬЯН. 4216. 23/VI-35.

В ответ на В<аше> обращение сообщая, что нами в мае с. г. было получено заявление от В<ашего> мужа Даниельяна Геворка, которое нами было переслано в комиссию по делам частных Амнистий при ВЦИКе.

Ответ запросите непосредственно, т<а>к к<а>к мы там справок не наводим».²⁰

* * *

5.7. Письмо С. П. ТЕППЕР (выслана из Ленинграда).

16 июня 1935, Оренбург.²¹

Сообщение ПОМПОЛИТа. 10 июля 1935.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна. Слыша со всех сторон о Вас, как о человеке достойном глубокого уважения, решила обратиться к Вам с просьбой. Дело в следующем: 22/III 35 г. меня выслали из г. Ленинграда в г. Оренбург на 3 года.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1335. Л. 76. Машинопись. Подпись: автограф на армянском языке.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1335. Л. 73. Машинопись.

²¹ Дата и место отправки письма проставлены по штемпелю на конверте.

Сейчас мне 28 лет, родилась в деревне Псковской губ<ернии> в семье середняка, мать потеряла, когда мне было 6 лет, отец женился вторично, от мачехи, кроме побоев, брани и попреков ничего не видела. Работала в деревне до 22 лет, а потом не получив никакого образования или ремесла решила уехать в г. Ленинград. Приехав туда, поступила в дом работницы, где проработала 1 год, а потом поступила на ф<абри>ку “Пятилетка” в качестве сушильщицы шелка, проработала там 1,5 года. Познакомившись с инженером-технологом из той же ф<абри>ки, вышла замуж и работу оставила. Но муж мой Теппер Ф. А. 4/III 35 арестован и 20/III 35 г. выслан в концлагерь в г. Чибью на Печору. Выслан за то, что до революции служил в царской армии офицером, и что двоюродный брат его в годы революции перешел границу и был расстрелян, и якобы мой муж был священником, но последнее обвинение не справедливо, потому что в священниках он никогда не служил. Я видела светлые дни только тогда, когда жила с мужем, а теперь опять наступили дни тяжелой борьбы за кусок хлеба, ибо я, как без образования и какой-либо специальности, никуда не могу поступить на работу. У меня никого нет, кто бы мог за меня хлопотать и облегчить мою жизнь. Я обращаюсь к Вам, как к единственному человеку, который, быть может, протянет мне руку помощи и поможет уехать обратно в Ленинград, где я могу скорее найти себе работу, или к мужу на место его высылки. Еще раз, многоуважаемая Екатерина Павловна, прошу и умоляю, будьте снисходительны ко мне, ведь я ни в чем не виновата перед Сов<етской> властью и могу на равных правах со всеми гражданами жить и работать. Я не знаю, что делать. Деньги подходят к концу и у меня ни чего нет и мысль о самоубийстве все чаще и чаще преследует меня в моем угнетенном состоянии. Еще и еще бесконечно умоляю Вас, спасите меня, спасите, <...>».²²

Помета: «5992. 25/VI-35».

«Гр-ке ТЕППЕР С. П. 5992. 10/VII.

В ответ на В/запрос сообщаем, что в лагере жить не разрешается.

Если хотите, можете прислать заявление о пересмотре дела на имя НКВД в двух экземплярах».²³

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1355. Л.Л. 181–182об. Автограф. Окончание письма отсутствует. Знаки препинания частично расставлены нами.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1355. Л. 180. Машинопись.

* * *

5.8. Письмо В. АРГАМАКОВОЙ с ходатайством за дочь, осужденную за недоносительство на бывшего мужа.
18 июня 1935, Ленинград.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 8 сентября 1935.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Несчастливая мать умоляет Вас ходатайствовать за ее дочь, Майер Екатерину, присужденную по ст. 58 раздел 12 к 5-ти годам тюремного заключения. Ведь вся ее вина была в том, что она, любя своего мужа (который ее бросил для другой женщины еще в конце лета прошлого года), не доносила на него. Ходатайствуйте, умоляю Вас, чтобы, засчитав ей в наказание за ее такую маленькую вину полугодичное заключение в Д.П.З. и тюрьме, ее бы простили и дали бы ей возможность заниматься своим трудом (она – медсестра), таким полезным для родины, которая всегда нуждается в порядочных людях, и посвятить себя воспитанию 12-летнего сына, который в этом опасном возрасте особенно нуждается как в материнской любви и попечении, так и в надлежащем надзоре и твердом руководстве. Меня он плохо слушается, и я имею основания опасаться дурного на него влияния.

Кроме своего сына, дочь моя своим заработком поддерживает меня, 64 летнюю старуху, инвалида, потерявшую правую руку и мою 11-летнюю внучку, сиротку, взятую нами на воспитание после смерти моей второй дочери и исчезновения ее отца.

И вот, теперь я осталась одна с двумя детьми на руках и должна с ними жить на небольшую пенсию. Поэтому решаюсь беспокоить Вас, прибегнув к Вашему милосердию и заступничеству, в надежде, что Вы осчастливите меня.

С глубоким к Вам уважением В. Аргамакова
18/VI-35 г.»²⁴

Помета: «6129. 23/VI-35 г.».

«В. АРГАМАКОВОЙ. 6129. 8/IX-35.

В ответ на В/обращение сообщаю, что возбуждать ходатайство о пересмотре дела В/дочери Ек<атерины> МАЙЕР в настоящее время нецелесообразно, т<ак> к<ак> шансов на успех ходатайства почти нет.

Попробуйте обратиться непосредственно к Прокурору СССР».²⁵

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1354. Л.Л. 73, 73об. Автограф.

* * *

5.9. Заявления А. Н. АНДРОСОВОЙ (выслана с детьми из Ленинграда). 4 августа 1935, Казакстан, Актюбинская обл., Мендычаринский р-н, село Боровское.

Заявление ее детей Георгия, Константина и Екатерины АНДРОСОВЫХ и их товарищей. 5 февраля 1936, Казакстан, Актюбинская обл., Мендычаринский р-н, село Боровское.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 1 сентября 1936.

«Помощь политзаключенным
тов. Пешковой
гр<аждан>ки
Андросовой Анны Никол<аевны>

Заявление.

Глубокоуважаемая товарищ Пешкова, прилагая при сем копию посылаемого мною заявления в особую инспекцию НКВД, очень прошу Вас не отказать проследить за движением моего заявления и о результатах сообщить мне по адресу: Каз<акская> АССР, п/о Боровское, Мендычаринского р<айо>на, Актюбинской области. До востребования Анне Николаевне Андросовой.

Я думаю, что Вы, как женщина и мать, поймете мое тяжелое положение и облегчите участь мою и детей. Оставшись 2 года тому назад вдовой с 3-мя недоученными детьми, я билась, не щадя своего слабого здоровья. Просиживала напролет ночи над сверхурочными работами, чтобы как-нибудь помочь детям закончить учебу. В данный же момент я лишена и этой возможности, т<а>к к<а>к иметь какую-либо работу в этом маленьком селе крайне трудно. (Я сейчас работаю с окладом 75 р<ублей> в м<еся>ц), а дети не имеют работы совсем.

Очень прошу Вас, не откажите мне помочь.

Копию заявления в особую комиссию НКВД прилагаю на обороте.

Уважающая Вас А. Андросова». ²⁶

Помета: «6995. 4/VIII-35 г.».

²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1354. Л. 71. Машинопись.

²⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1318. Л. 85. Автограф.

«Копия.

В особую инспекцию НКВД

гр<аждан>ки

Андросовой Анны Николаевны

Заявление.

14-го марта 1935 г. я и трое моих детей: Георгий, родившийся в 1915 году, Константин – в 1916 г. и Екатерина – в 1917 г., были выселены из Ленинграда в Тургай. В пути место назначения было переименовано на село Боровское.

Не имея за собой и детьми никакой вины, для более полного освещения обстоятельств моей жизни, сообщаю следующее:

Лично я родилась в семье военного. Последний чин моего отца был генерал-майор, причем с 1907 или 1908 г. он был в отставке. Умер в 1920 году от тифа.

Родилась я в 1895 году. Когда мне было 10 лет (в 1905 г.), моя мать разошлась с отцом и увезла меня и 3-х младших детей с собой в Ленинград. Не имея средств содержать нас всех, оставшись без мужа, она отдала меня осенью 1906 г. учиться в Смольный институт, где я пробыла до 8-го мая 1914 года. Находясь в тяжелых семейных условиях, я 15-го мая 1914 г. выехала в Курскую губ<ернию> на место учительницы-гувернантки, где проработала до января 1915 года, когда вышла замуж. Таким образом, никакой связи с отцом я не имела с 10-летнего возраста и даже не была на его иждивении (сейчас мне 40 лет). Со всеми остальными членами своей семьи я рассталась в 1915 году, с момента замужества.

Вместе с мужем и детьми прожила 12 лет в деревне и 7 лет в маленьком провинциальном городке и только после смерти мужа, когда уже все мои дети учились в Ленинграде, вернулась туда.

В Ленинграде я работала и считалась хорошей работницей. Предполагаю, что выслана я за то, что у меня имеются родственники за границей, но подтверждаю, что никакой связи с ними не имела и не имею с 1915 года. Никакой переписки никогда не вела и даже не интересовалась их адресами.

Нахожу поэтому, что и это не может быть мне поставлено в вину.

В своем происхождении я невиновна, а находясь на работе, я всегда честно служила Советской власти.

За весь мой рабочий стаж, с 1926 года, за мной никогда не числилось даже ни одного опоздания, а не только прогула.

Вот все, что я могу сообщить о себе.

Теперь о муже:

Он был врач; по происхождению – сын мелкого жел<езно>дор<ожного> служащего. Имя моего мужа: Антоний Георгиевич Андросов.

Окончив Харьковский университет в 1911 году, желая служить народу, он отказался от предлагавшегося ему выгодного места в Харьковской клинике и отправился работать земским врачом в деревню.

Проработав в деревне до 1927 года, он для дальнейшего обучения детей перебрался в г. Белгород, где и умер осенью 1933 г., заразившись при исполнении служебных обязанностей брюшным тифом.

В течение всей своей врачебной работы (22 года), мой муж пользовался глубоким уважением, как народа, так и общественных организаций.

Сам вел большую общественную работу, никогда ни от чего не отказываясь: бесплатно читал лекции на курсах медсестер, состоял членом правления Союза МСТ и одно время был председат<елем> Союза МСТ. Занимал должность Председателя Научной Ассоциации врачей гор<ода> Белгорода.

На основании вышеизложенного нахожу, что дети мои по ошибке были отправлены из Ленинграда и лишены возможности закончить образование.

Убедительно прошу Вас рассмотреть мое дело и разрешить нам вернуться, чтобы дети довели до конца учебу.

Имея такого отца, каким был мой покойный муж, они хотят, так же, как и он, честно и беззаветно трудиться, принимая активное участие в строительстве социализма, и бороться за мощь и рост Советской власти, которая их воспитала, и помимо которой они никогда никакой не знали и не хотят знать.

Необходимые документы о работе моего мужа будут приложены его братом и вписаны его рукой, так как выезжая срочно, я не успела их захватить с собой. Свои же прилагаю.

А. Андросова.

Данные о прохождении службы (Из копии трудсписка. <...>).²⁷

Помета: «6995. 4/VIII-35 г.».

²⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1318. Л.Л. 85об–86об.

«В Комитет
 помощи полит<ическим> заключенным
 Тов. Пешковой Е. П.
 Москва, Кузнецкий мост, дом № 24
 От Пясецкой Ирины Николаевны,
 Андросова Георгия Антониевича,
 Андросова Константина Антониевича,
 Андросовой Екатерины Антониевны,
 Гессе Веры Леонгардовны,
 Гинденбург Рахиль Наумовны,
 Кутузовой Галины Александровны,
 проживающие в селе Боровском
 Актюбинской обл<асти>
 Мендычаринского района

Заявление.

Прилагая при сем копию наших 3-х отдельных заявлений с одинаковым содержанием, направленные 23/I сего года заказным:

Одно – председателю Совнаркома т. Молотову, второе – Генер<альному> Комиссару по безопасности тов. Ягоде и третье – Комиссару просвещения т. Бубнову.

Обращаемся к Вам, дорогая Екатерина Петровна, с просьбой помочь нам, пострадавшим при высылке наших родителей, как адм<инистративно> ссыльных в марте месяце 1935 года из Ленинграда в Казакстан, вернуться в Ленинград в оставленные нами учебные заведения, на основании слов Великого вождя – нашего любимого И. В. Сталина на съезде комбайнеров, что “Сын за отца не отвечает”, также постановления ЦИКа и СНК от 30/XII 35 г. о приеме в ВУЗы и техникумы, каковое отражено еще в докладе тов. И. А. Акулова на 2-ой сессии ЦИКа об утверждении постановлений, принятых между сессиями, где указывает, что, вынося это решение, исходили из того, что дети не могут отвечать за действия родителей.

Мы выросли в Советское время и лишились возможности плодотворно работать бок о бок со всей счастливой, родной и близкой нам советской молодежью.

Не зная, что еще предпринять, мы умоляем Вас, зная Ваше чуткое отношение к молодежи, хлопотать за нас, где следует, и сообщить нам результат по адресу одного из пострадавших: с<ело> Боровское Актюб<инской> обл<асти> Менды-

чар<инского> р<айо>на, улица К-Маркса 47, Андросову Георгию Антониевичу.

5/II 1936 г.

/Подписи:/ Г. А. Андросов. Р. Н. Гинденбург, И. Н. Пясецкая, Е. А. Андросова, К. А. Андросов, В. Л. Гессе, Кутузова». ²⁸

Помета: «6995. 7/II-36 г.» «М. Л.»

«АНДРОСОВОЙ Екат<ерине> Ант<ониевне> 12195 1/IX-36.

В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, постановлением о/с от 27/III-36 г. прежнее постановление в отношении Вас оставлено в силе.

Присланные Вами копии справок при сем возвращаем. Винавер». ²⁹

* * *

5.10. Обращение В. Н. МУРАВЬЕВОЙ (выслана из Ленинграда). 24 августа 1935, Саратов.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 25 декабря 1935.

«Тов<арищ> Пешкова!

13/V-1935 г. мною было послано заявление с просьбой о разрешении вернуться в Ленинград тов<арищу> Калинин по адресу: Моховая д. № 4/7. 18/V-1935 г. мною было послано заявление с 4-мя документами в подлинниках Верховному прокурору Союза по адресу: Б. Дмитровка д. № 15^а. Числа 20–21 или 22/VI-35 г. мною было передано заявление Вам.

Уезжая из Ленинграда, была студенткой последнего курса Техникума. Так как мне не выдают мои документы по той причине, что требуют с меня все те средства, которые были затрачены на мое обучение, а именно – стипендия и пр<очее>, то я не могу при всех своих хлопотах поступить на какую-либо работу, без которой я существовать не могу. Вследствие этого, нахожусь в безвыходном материальном положении, так

²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1519. ЛЛ. 175, 175об. Автограф.

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1509. Л. 171. Машинопись.

как все мои попытки поступить на какую-либо работу при отсутствии документов безрезультатны.

Так как я не получила до сих пор ответа на все мои заявления, то обращаюсь к Вам с убедительной просьбой ускорить рассмотрение моего дела и оказать содействие в разрешении мне вернуться в Ленинград.

Мою мать по ложным слухам, распространенным в жакте, обвинили в том, что отец был расстрелянный генерал, когда на самом деле он и военным то никогда не был и, вообще, никакой административной должности не занимал, что могут подтвердить свидетели, знающие моего отца. Он был композитором. Я совершенно не помню своего отца. Мне было 4 года, когда он умер. Я получила советское воспитание, будучи 8 лет в Детском доме в Ленинграде.

Убедительно прошу Вас оказать мне содействие в разрешении вернуться в Ленинград и написать мне, в каком положении обстоит мое дело, т<а>к к<а>к я не могу больше существовать, не имея работы.

/См<отри> дело матери моей Прасковьи Александровны Муравьевой/.

Мой адрес: г. Саратов, II-ая дачная остановка, Плановый квартал № 580 д. № 27 Вере Николаевне Муравьевой.

24/VIII-35 г. Вера Николаевна Муравьева». ³⁰

Пометы: «5930. 2/IX-35». «М. Л. и отв<етить>». «Запр<осить>».

«МУРАВЬЕВОЙ Вере Никол<аевне> 5930. 25/XII-35.

В ответ на В/обращение сообщая, что отказ в выдаче Вам документов явно неправилен, т<ак> к<ак> Вы не по своей воле прекратили занятия. Жалуйтесь Прокурору г. Ленинграда.

С ходатайством по В/делу (о снятии высылки) мы обратились, ответа пока не имеем, по получении Вас уведомим». ³¹

³⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1355. Л.Л. 64–64об. Автограф.

³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1355. Л. 63. Машинопись.

* * *

5.11. Обращение Александра ВАСИЛЬЕВА (14 лет, выслан с семьей из Ленинграда). 26 сентября 1935, Казакстан, Актюбинская обл., Хобдинский р-н, п/о Ново-Алексеевское.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 2 ноября, 27 декабря 1935.

Я Екатерина Павловна, мать
 [Я Александр Васильев, сын высланный
 с мамой отцом, бывший подполковник
 в город Тургай на 5 лет; из города
 Ленинграда. Мне 14 лет, ученик
 шестого класса и учусь хорошо.
 Мой отец, В. А. Васильев, высланный
 из Ленинграда в Тургай, попал в
 Ново-Алексеевску, Актюбинской области,
 по распоряжению Н. К. В. Д. города
 Актюбинска. 1-го сентября 92, мой отец
 умер и я осталась один с матерью,
 почти слепой, старой и неспособной,
 кроме того у меня опухоль, широко
 распространенная в этой местности
 и склероз сердца, что подтвердит и
 здравый врач. Что же получилось?
 денег у нас нет. Работать не кому, си-
 лить негде. Я прошу, очень прошу
 вас если возможно, что бы рассмотрели
 наше положение, и же отцу и не полковник,
 почему же его не могут отпустить?
 А мать, я боюсь за ее жизнь, что

«Екатерина Павловна!

Я, Александр Васильев, был выслан с моим отцом, бывшим подполковником, в город Тургай на 5 лет из города Ленинграда. Мне 14 лет, я ученик шестого класса и учусь неплохо. Мой отец, В. А. Васильев, высланный из Ленинграда в Тургой, попал в Ново-Алексеевку, Актюбинской области, по распоряжению Н.К.В.Д. города Актюбинска. 1 сентября с. г. мой отец умер, и я остался один с матерью почти слепой, старой и неработоспособной, кроме того, у меня малярия, широко распространенная в этой местности, и склероз сердца, что подтвердит и здешний врач. Что же получилось? Денег у нас нет. Работать некому, а жить надо. Я прошу, очень прошу вас, если возможно, чтобы рассмотрели наше положение. Я не отец и не полковник, почему же я должен страдать? А мать, я боюсь за ее жизнь, что буду делать совсем один?

Если бы мы вернулись в Ленинград, то нас первое время могли бы поддержать родные, пока я не встану на ноги.

И вот я очень прошу и надеюсь на вас, что вы войдете в мое положение. В другой город, кроме Ленинграда, ехать нет смысла, так как это только ухудшит мое и без того ужасное положение. До свидания.

Мой адрес: Казакстан, Актюбинская область, Хобдинский район, почтовое отделение Ново-Алексеевское.

Александр Владимирович Васильев».³²

Пометь: «8210. 4/X-35». «Сделать выписку и дать М. Л. для хлопот». «Пусть прийдет заявление М. В.».

«ВАСИЛЬЕВУ Ал-дру Влад. 8210. 2/XI-35.

В ответ на В/ обращение сообщаю, что согласно полученной справке, В/заявление об отмене высылки Вам и В/матери переслано в Упр<авление> НКВД Ленингр<адской> обл<ас-ти> на заключение. По получении ответа, кот<орый> можно ожидать мес<яца> через два-три, о результате Вас уведомим».³³

«Ал-дру Влад. ВАСИЛЬЕВУ. 8210. 27/XII-35.

Вследствие В/обращения сообщаю, что согласно полученной справке, в пересмотре В/дела отказано».³⁴

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1339. Л.Л. 22, 22об. Автограф.

³³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1339. Л. 31. Машинопись.

³⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1339. Л. 24. Машинопись.

* * *

5.12. Письмо Л. А. ЗАДВИРНЯК (жена осужденного, мать пятерых детей). 21 декабря 1935, 22 февраля 1936, Винницкая обл., Городокский р-н, Фельштин, село Мочулинцы.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 17 февраля, 10 декабря 1936.

«Дорогая сестра!

Называю Вас так, ибо все говорят, что Вы друг обездоленных, угнетенных. Я сейчас так нуждаюсь в помощи, поддержке, не материальной, нет, а моральной. Я так несчастна! Кто же поможет мне? Хватаюсь за Вас, как утопающий за соломинку.

Простите! Слишком тяжело, а поддержки нет.

Расскажу Вам свою беду. Будьте терпеливы, прочтите до конца письмо, которое кроплю слезами.

Думаю еще, может быть, Вы не пожалеете меня, *п<отому>* что муж мой – епископ Укр<аинской> Церкви <(очевидно, обновленческий епископ)>? Я привыкла, что на нас смотрят, как на врагов, хоть муж сам из крестьян и насколько ненавидел прежде царскую власть, угнетающую крестьян, настолько сочувствует друзьям народа – советской.

Уже 7 месяцев, как мужа взяли, еще на пасхальные праздники. Держали 3 месяца, потом судила спецколлегия Вин<ницкого> облсуда по статье 54-10 – дали ему 5 лет далеких таборов. Найвысший суд, куда подал муж кассацию, утвердил решение облсуда – и мужа выслали... Взяли его из Винницкого Допра 12.10. В тот день огромный этап пошел на север, сказали мне, а куда – неизвестно. С тех пор уже 7 недель я не имею никаких известий о муже, не знаю даже, жив ли он. Когда мужа взяли, я осталась с четырьмя детьми, пятый родился через месяц, положение мое очень тяжелое. Я совсем без средств, ни дома, ни усадьбы не имею, устроиться на работе нигде не могу, как лишенка – иждивенка служ<ителя> релькульта. Все это еще увеличивает мое горе.

Но главное – муж, о котором я плачу беспрестанно. Где он, что с ним? Он такого слабого здоровья, в тюрьме перенес дизентерию. Как выдержит он тяжелую дорогу, северный климат, физическую работу? А главное, где он. Я верю и надеюсь, что если он потерялся для меня, как иголка в сене, то Вы сумеете его найти. Больше – я верю, что Вы поможете мне и в другом. Если Вы заинтересуетесь его делом и прочтете его,

Вы увидите, что он совсем невиновен. Это не то, что мнение жены, а мнение всякого беспристрастного человека.

Зная его невиновность, я не могу успокоиться. Неужели нельзя добиться правды? Я не имею средств, чтобы ездить и хлопотать, а верю, что это помогло бы, ибо правда есть, только найти ее трудно.

Мужа обвиняют, что он будто бы сорвал коллективизацию в селе еще в 1929 году, 6 лет назад, за это его теперь засудили. Хотя на суде и защитником (казенным) и свидетелями и самим мужем доказана полная его невиновность – его осудили. Неужели только за то, что он священник?

Вы, как и другие, вероятно, скажете – сам виноват, почему не отрекся. Но скажите, вы уважаете чужие убеждения? Ни он, ни я после отречения жить не могли бы – как и чем жить, осквернивши идею, свет и цель жизни?

Простите еще раз за излишнюю откровенность, и, войдя в мое положение, сделайте, что возможно, чтобы разыскать мужа. Вы счастливая – муж, друг Ваш, на воле, а я? Мне остались лишь слезы и горе. Плачу за ним, и за маленьким умершим без меня, когда я ездила в допр к мужу и за двумя старшими детьми, каких отдала родным – есть нечего.

Что Вы мне конкретно посоветуете? Если найдете время написать мне – буду счастлива. Муж мой – Максим Евменевич Задвирняк 40 лет, епископ УПЦ, осужденный спецколлегией Винницкого облсуда 7-го августа, спецколлегией Найвысшего суда в Киеве 29 сентября. Муж – академик, я – епархиалка.

Адрес мой: м<есто> Фельштин, село Мочулинцы, Городокского района Винницкой области, Людмиле Арсениевне Задвирняк».³⁵

Помета: «8340. 29/I-36».

Ответ ПОМПОЛИТа на это горькое письмо не был обнадёживающим.

«Л. А. ЗАДВИРНЯК. 8340. 17/II-36.

В ответ на В/обращение сообщаю, что оказать материальную помощь за отсутствием средств не имеем возможности.

С запросом о местонахождении В/мужа обратитесь в Прокуратуру и в Облсуд».³⁶

³⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1496. Л.Л. 47об.–48об. Автограф.

Неизвестно, успела ли получить это сообщение Л. А. Задвирняк, но и в следующем письме, написанном ею не позже 22 февраля (штемпель на конверте), она все надежды на освобождение мужа по-прежнему связывает с ПОМПО-ЛИТОМ. Приводим это письмо.

«Высокоуважаемая, дорогая Екатерина Павловна!

На днях получила извещение из Комитета Красного Креста, что заявление мое попало к Вам в Политический отдел.

Я писала, что муж мой, епископ УПЦ, осужденный спецколлекцией Винницкого облсуда на 5 лет (по ст. 54-10), потом спецк<оллекцией> Киевского Верх<овного> суда, выслан из Винницы 12/Х, и следы его пропали.

Однако, через 3 месяца, 13-го января, он отозвался. В этот знаменательный день я получила первое письмо от него, писанное 13-го декабря. Пишет он, что после двухмесячного этапа очутился за двенадцать тысяч километров на дальнем Востоке, севернее Хабаровска. Работает он на постройке новой железнодорожной линии от Хабаровска до Комсомольска, станция Малмыш на Амуре, 7-ое отделение Дальлага НКВД, контора Снабчасти, вот его адрес. Как врачебная комиссия определила ему такой далекий этап, не понимаю.

Мой муж крайне слабого здоровья. Даже комиссия отнесла его к 3-й категории. Он болел четыре раза тифом (брюшным, сыпным, возвратным и “голодным”), два раза плевритом, у него гипертония сердца, мигрени, больные почки, катар горла, — словом, здорового места в организме нет, и вдруг — северная тайга с суровыми морозами. Я слышала, что туда даже не посылают тех, кто отнесен к 3-й категории.

Теперь я занята мыслью, как бы его оттуда перевести в более благоприятные климатические условия. Вы, друг и защитник угнетенных, можете мне в этом, верю. Одна надежда на Вас...

Пишу Вам это письмо, сидя на печи ветхой наемной избушки. Мне холодно, голодно, тоскливо донельзя.

Муж погибает в тайге, трое старших детей у родных, далеко, двое малышей — 10-ти и 9-ти лет ушли с утра в школу.

На дворе метель, мороз. Я плачу и за мужем и за отсутствующими детьми, плачу при мысли, что и этих малышей ведь мне не поднять самой — меня нигде не примут — я попадья...

Бедствовали мы с мужем в последнее время, но в кругу своей семьи мы находили отдых и отраду. Лишь бы все вместе, лишь бы здоровы были, перебежмся как-нибудь. Дети с

нами – милые, хорошие ребята. И вдруг все развеялось. Отца увезли, гнездо осиротело, пришлось и птенцов отдать.

Теперь все в разлуке, все плачем. Муж пишет, что стосковался до отчаяния, дети – тоже. А мне кажется, что у меня в груди не сердце, а рана, боль нестерпимая...

Я не плачу всегда, но когда слезы польются, как сейчас – они жгут щеки, как огонь.

Помогите мне, сестра, друг!

Если бы жизнь моя нужна была для этого, я отдала бы ее. Но ведь жить мне, как ни тяжело, нужно для детей.

Жить нужно, ибо я надеюсь на то, что будем еще все вместе, все соберемся в дружную радостную семью.

Как же это сделать? Мне кажется, что можно хлопотать, чтобы освободить мужа по болезни. Посоветуйте мне, напишите, сделайте сами, что можете, для детей, которые благословят Вас за это.

Адрес мужа я написала Вам, он же зовется Максим Евмениевич Задвирняк, 43 лет, епископ Украинской Православной церкви, образование получил в Киевской Духовной академии. Как попал под суд, да еще по политической статье – уму непостижимо, ибо вполне аполитичен.

Если нужны Вам добавочные сведения, запросите меня. С нетерпением жду ответа и помощи.

Людмила Задвирняк.

Р. С. Больше писем от мужа не имела вот уже месяц с лишним. Говорят, что в концлагеря письма доходят редко, отсюда – тоже. Сколько не пишу, – ответа нет, видно, письма не доходят».³⁷

Пометы: «10445. 3/III-36». «Суд посм<отреть>».

3 марта 1936 ПОМПОЛИТ сообщил Л. А. ЗАДВИРНЯК, что пробует возбудить ходатайство, «хотя надежды на его удовлетворение мало». В декабре 1936 хлопоты все еще продолжались.

«Л. ЗАДВИРНЯК. 10445. 10/XII-36.

*В ответ на В/обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, снова обещано выяснить возможность досрочного освобождения из лагеря В/мужа Макс<има> Евм<ениевича> ЗАДВИРНЯК, ввиду болезни».*³⁸

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1542. Л.Л. 76–77об. Автограф.

³⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1542. Л. 79. Машинопись.

* * *

5.13. Письма Т. ЦЕСНИК (жена высланного анархиста, мать двоих детей) с просьбой ходатайствовать о выдаче ей паспорта. 18 января, 13 февраля 1936, Харьков.

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Приношу Вам сердечную благодарность от мужа и себя за Вашу заботу. Высланная Вами посылка на имя Цесник Григория Ан<тоновича>³⁹ получена сполна.

Простите, но у меня к Вам большая просьба, вызванная крайней необходимостью и безвыходным положением. После высылки мужа я осталась с двумя девочками, работала. Теперь, при новой паспортизации, мне отказано в паспорте и предложено выехать за 50 км. Несмотря на то, что я прожила в Харькове 35 лет, сама работала, член союза, под судом <и> следствием никогда не была, дочь рабочего Юж<ной> Жел<езной> дороги, мать – пенсионерка, братья – рабочие, отказом в паспорте послужила высылка моего мужа, как анархиста. Выехать с детьми мне некуда, так как никого нет, да и не на что. Оставить старшую, студентку-отличницу – учиться в Харькове и в своей комнате, я не могу ни от кого <добиться>, может ли учиться и остаться. Сама я могу выехать с младшей учен<ицей> 5 класса только к мужу, т<ак> к<ак> другого выхода нет, но средств совершенно нет. Обращаюсь к Вам, Екатерина Павловна, с просьбой разъяснить мне и помочь чем-нибудь, чтобы я могла доехать в Казакстан, гор<од> Кустанай.

Буду Вам безгранично благодарна, т<ак> к<ак> мне уже истекает срок для выезда.

Т. Цесник. 18/I-36».⁴⁰

Помета: «4870. 25/I-36».

ПОМПОЛИТ сумел помочь Т. Цесник, ей был выдан Харьковский паспорт.

³⁹ Цесник Григорий Антонович, род. в 1890 в Орловской обл., с. Бежица. Образование начальное, электромонтер. Ар. 18 марта 1935 в с. Каргасок Томской обл. Приг. 25 июля 1935 по обвинению в участии в к-р террористической анархической организации к 3 г. ссылки. Реаб. в июле 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л.Л. 261, 261 об. Автограф.

«Харьков. 13/II-36 г.

Дорогая Екатерина Павловна!

Приношу Вам свою сердечную благодарность за то чуткое внимание, которое Вы оказали мне, не отказав моей просьбе в ходатайстве о выдаче мне паспорта. Я с детьми находилась в жутком положении, не имея средств, должна была остаться на улице, лишившись даже хлеба. Теперь вопрос разрешен, я получила паспорт, не знаю, как дальше, но думаю, что, если дали возможность мне с детьми жить, верю, что дадут возможность воспитать их, как борцов за Социалистическую великую нашу Родину, а мне служить и воспитывать наших пролетарских детей так, как ставит перед нами Партия и Правительство.

Дорогая Екатерина Павловна!

Из уважения к Вам в благодарность за Ваше чуткое отношение при первой возможности (т<а>к к<а>к нотариусу надо платить, сейчас не имею) я вышлю Вам копию своего послужного списка и своего соцпроисхождения, чтобы Вам было ясно, кто обращался к Вам с просьбой о помощи.

Еще раз приношу Вам свое сердечное спасибо.

Т. Цесник».⁴¹

Пометы: «4870. 17/II-36 г.». «Пасп<орт>».

* * *

5.14. Ходатайства М. И. ВОРОНКОВОЙ и ее детей Зины и Вали ВОРОНКОВЫХ (12 и 11 лет) о снятии с них высылки. 1 февраля, 25 июня 1936, Южный Казакстан, Турксиб, ст. Бурное.

«В Комитет помощи политзаключенным
гр<ажданке> Пешковой

Заявление.

Воронковой Марии Ивановны, проживающей в Южном Казакстане на ст<анице> Бурное.

В октябре 1935 г. я писала Вам о моем положении после смерти мужа, адм<инистративно> высланного сюда. Прошу Вас содействовать моему восстановлению, принимая во вни-

⁴¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л.Л. 260, 260об. Автограф.

мание мое тяжелое материальное положение с двумя детьми – 11 и 12 лет.

Я была выслана, как жена адмвысланного по ст. 58-10. Так как он умер, то нет причины задерживать меня здесь. Прошу Вас убедительно помочь мне в этом, так как здесь трудно заработать, я по специальности текстильщица.

Ответ прошу адресовать до востребования.

1/II-36 г.

Ст<анция> Бурное

Воронкова.⁴²

Пометы: «2237.11/II-36г.» «Запр<осить>письмо».

«Кого запр<осить> о рез<ультатах> заявл<ения> см<отри> по карт<отеке>».

«От ссыльных детей Воронковой Зины и Вали. Прошу вашего ходатайства снять с нас ссылку как мы несовершеннолетние и мать наша не виновна в етом. Мы получили ссылку из-за мужа и отца. Мы находимся без всяких средств, как мать не имеет здесь работ по своей специальности. После смерти отца мы никакого обеспечения не получаем. Так как он проработал на производстве 20 лет. Стаж союза с 17 года. Зина и Валя».⁴³

«В Комитет помощи политзаключенным

Е. П. Пешковой

Заявление.

От жены адмвысланного Воронковой Марии Ивановны.

5 февраля 1935 г. мой муж Воронков Иван Тимофеевич⁴⁴ был арестован в Москве. Ему была предъявлена ст. 58-10 и ссылка на три года в Казакстан. 24 сентября 1935 г. мой муж скончался. Когда его отправляли из Москвы, то и мне было предложено выехать вслед за ним вместе с детьми. Я текстильщица. Здесь трудно иметь всегда даже черную работу, и

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1543. Л. 124. Автограф.

⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1543. Л. 125. Автограф. Грамматические ошибки исправлены.

⁴⁴ Воронков Иван Тимофеевич, род. в 1892 в с. Остроухово Московской обл. Проживал в Москве, работал подмастером на 1-ой Ситцевой фабрике. Ар. в Москве (дело П-76988). (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

я с детьми живу в большой нужде. Я не была арестована, мне не предъявлено никакой статьи. Разве я считаюсь адмвысланной. Муж был застрахован в 1000 р<ублей> в пользу моих детей. Во время заключения он, конечно, не платил очередных страховых взносов, и на этом основании моим детям отказывают в выдаче страховой премии. Помогите мне выехать отсюда. Помогите мне в получении страховой премии.

Мой адрес: стан<ция> Бурное Джувалинского района, Южный Казакстан.

Добавлю еще, что муж мой работал текстильщиком на 1-ой Ситцево-Набивной фабрике 21 год, союзный стаж с 1917 г. Мне отказано в пенсии для моих детей 12 и 11 лет. Содействуйте, пожалуйста, мне и в этом.

Воронкова.

Мой адрес: ст<аниця> Бурное, Турксиб, до востребования».⁴⁵

Пометы: «2237. 25/VI-36 г.» «Заяв<ление>».

* * *

5.15. Письма М. А. КЛИНГЕ с заявлением в НКВД об освобождении из концлагеря ее сыновей (школьники, арестованные по «церковному» делу). 13 февраля, 15 марта 1936, Ленинград.

Ниже публикуемые письма М. А. Клинге – не первые ее обращения в ПОМПОЛИТ. В 1935 она обращалась с ходатайством о пересмотре дела своих сыновей и получила отказ. Теперь она обращается с ходатайством об их досрочном освобождении.

«Глубокоуважаемая Екатерина Петровна^{46!}

После разговоров с Влад<имиром> Паулиновичем Гартнером⁴⁷ – пересылаю Вам вновь переписанное заявление о своих сыновьях Клинге и со слезами умоляю походатайствовать о них. Благодарная М. Клинге.

г. Ленинград. 13/II-36».⁴⁸

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1543. Л.Л. 127, 127об. Автограф.

⁴⁶ Отчество указано неправильно.

⁴⁷ Фамилия указана неправильно, надо: Гартман.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. Л. 22. Машинопись. Подпись – автограф.

Пометы: «В/сыновья с зачетом раб<очих> дней должны быть освоб<ожжены,> поэт<ому> возб<уждать> ход<атайство> нецелесооб<разно.> Пусть они запр<осят,> когда они д<олжны> б<ыть> освоб<ожжены>». «Кому передать».

«Н.К.В.Д.

Гр<аждан>ки Клинге Марии Андреевны,

Прожив<ающей:> г. Ленинград, 50,

16 лин<ия>, д. № 33, кв. 2

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Вот уже прошло 2 года и 2 мес<яца> /с 23/ХІІ-33 г./ как мои сыновья КЛИНГЕ, Анатолий Александрович года рождения 1916-10/Х м<еся>ца и Виктор Александрович, рожд<ения> 1917 г. 6/ХІ м<еся>ца, были арестованы ОГПУ и высланы 23/ІІІ-1934 г. в лагерь о<стров> Соловки, 8-е отд<еление> ББК, где находятся и по настоящее время. В чем они обвиняются, мне совершенно непонятно, и известно, что подведены под ст. 58–10. Насколько мне известно, они ни в какой организации не состояли и религиозной пропагандой не занимались.

Единственно, что в 1929–30 гг. интересовались церковью и прислуживали там в алтаре. Я протестовала, но видела, что это временное, скоропроходящее увлечение, – беря во внимание их переходный возраст; кроме того, целый год я имела две службы и, следовательно, была занята с 8-ми час<ов> утра до 12-ти часов ночи.

Работала на заводе “МЕТПРИБОР” с 8-ми ч<асов> утра до 4-х, а затем с 6-ти в Вечернем Рабочм Политехникуме Транспорта при ЛИИПСе /Ин<ститу>т Путей Сообщения/. К глубокому сожалению, я тот год очень мало видела своих детей. Они $\frac{1}{2}$ дня заняты были в школе, а вечерами посещали художественную студию, таким образом, живя вместе, виделись урывками, редко.

Они оба ученика 17-й школы В<асиле>О<стровского> р<айо>на, 8-го класса. С 1-го класса все в одной школе, и никогда никаких замечаний мне не приходилось слышать, а, наоборот, слышала отзывы о их исполнительности и аккуратности, – уважаемые товарищами и педагогами. Точно такое же мнение и из худож<ественной> студии.

Очнувшись от своего увлечения церковью – они отдались только учебе, медицине, с большим азартом и интересом стали готовиться к Конкурсу Юных Дарований; получили в школе и

студии премии и, конечно, дошли бы и до городского конкурса, если бы не их арест. Оборвалось все разом...

Оба даровитые талантливые мальчики по искусству. У Виктора были свои музыкальные сочинения, есть сейчас /находясь в лагере/ несколько, например, написал музыку к оперетте – “Как ее зовут” и др.

Оба все время выступают в театре в первых ролях и концертах.

В виду всего вышеизложенного – прошу о досрочном освобождении моих сыновей и дать им возможность учиться дальше. Обе стороны разлуку переживаем болезненно...

Я их мать имею 26-ти летней стаж машинистки. В данное время работаю /третий год/ в Ленинградском Дворце Пионеров.

Из переписки с ними знаю об их ударничестве и весьма хорошей характеристике.

г. Ленинград.

13/II-36 г.⁴⁹

Через месяц, не получив ответа на предыдущее письмо с заявлением в НКВД, М. А. КЛИНГЕ вновь пишет в ПОМПОЛИТ.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что опять беспокою Вас. Но ввиду того, что не имею никакого извещения на мое вторично переписанное /после разговоров с В. П. Гатнер⁵⁰/ заявление и посланное Вам 13/II-36 с просьбой походатайствовать о моих сыновьях Клинге Анатолии и Викторе уже не о пересмотре дела /как Вы мне ответили отказом от 27/XII-35 г. № 3739/, а о досрочном освобождении, т<a>к к<a>к они весьма болезненно переживают разлуку со мной.

Поверьте, Екатерина Павловна, – от тоски, не видя их уже 2,5 года, я начинаю терять рассудок, а, между тем, должна собирать свои оставшиеся силы, так как работа – единственное средство для моего существования.

К великому сожалению, я не могу приехать и лично рассказать Вам о своей душевной боли.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. Л.Л. 24, 24об. Машинопись.

⁵⁰ Фамилия указана неправильно.

Скоро Ваш Комитет закрывается, – я в ужасе, что делать?
Где искать поддержки и утешения?

15 марта 36 г. М. Клинге». ⁵¹

Пометы: «3739. 25/Ш». «Запр<осить> Уч<етный отдел>
о пригов<оре>». «Приг<овор> тр<ойки> Л<енинградского>
В<оенного> О<круга>».

*Лишь спустя полгода 1 октября 1936 ПОМПОЛИТ от-
правляет М. А. КЛИНГЕ сообщение о том, что в пересмотре
дела ее сыновей отказано.*

* * *

5.16. Письмо Л. П. ЛИВЕН (выслана из Ленинграда).
17 февраля 1936, Астрахань.

**Письмо – донос на Л. П. ЛИВЕН комсомольца Ч. (фа-
милия неразборчива) и пионерки Петровой.** 12 мая 1936,
Астрахань.

«В отдел помощи полит. заключенным
Товарищу Е. Пешковой
От Ливеной Лидии Петровны.

Почти всю свою жизнь, со дня рождения, я провела в Ле-
нинграде, где и оставалась после революции, несмотря на то,
что меня усиленно уговаривали уехать из России. Но, не зная
за собой никакой неправды, я доверилась Советской Власти, и
до сих пор в этом не раскаивалась.

В начале марта 1935 г. я была вызвана в Главное Управле-
ние Государств<енной> Безопасности, где мне было предложе-
но выехать из Ленинграда на жительство в г. Астрахань. Не-
смотря на свой возраст (сейчас мне уже 74 года), я старалась все
время, по мере сил и возможностей, быть полезной, и работала
по уходу за дефективными детьми. Многие из тех, кто со мною
подверглись одновременно высылки, уже получили разрешение
вернуться, даже в прежнее место жительства – Ленинград.

До сих пор я не ходатайствовала об этом, но сейчас поло-
жение мое резко изменилось: мое здоровье совсем расстрои-
лось, силы мои с каждым днем все больше и больше падают,
сердечные припадки изнуряют меня, поэтому я серьезно тре-

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. Л. 19. Машинопись.

вожусь о том, что я смогу оказаться в таком положении, когда мне понадобится помощь и уход за мною. Близких у меня нет никого, кроме племянницы (дочери моего покойного брата) Евгении Николаевны Савари, проживающей в Москве. Вот это опасение оказаться совершенно беспомощной и без всякого присмотра, в самый тяжелый период моей жизни и побуждает меня, во внимание к моему преклонному <возрасту> и за отсутствием какой бы то ни было у меня вины перед Советской Властью или Советской Общественностью просить Вашего ходатайства о том, чтобы мне разрешили поселиться в Москве, где я могла бы в нужный момент получить необходимую мне поддержку со стороны близкого мне человека. После смерти мужа в 1914 г. я сейчас же вновь поступила м<ед>/с<етрой> и работала все время, участвуя в Германской и Гражданской войнах, а последние восемь лет – в первом Ленинградском Институте Глухонемых до марта мес<яца> 1935 г.

Л. Ливен

г. Астрахань ул<ица> Молодая Гвардия, д. № 11, кв. 2
17/II-36 г.». ⁵²

Пометы: «10222. 4/III-36».

«5/VI-36 г.

т. Пешкова!

На имя высланной из Ленинграда как политически неблагонадежной в связи с убийством т. Кирова Ливен Лидии Петровны, на поданное ею на Ваше имя ходатайство о возвращении ей гражданских прав и разрешении местожительства в Ленинграде, пришло от Вас письмо в Астрахань, где таковая проживает в настоящее время. О пересмотре ее дела могу сообщить следующее: что Ливена неисправимый тип по отношению нашего пролетарского строя, Ливена, несмотря на свои престарелые годы, ненавистно относится к Советской власти, ненавидит комсомол и пионеров, не скрываясь, говорит анекдоты и двусмыслицы о наших пролетарских вождях, что нас, детей Советской свободной страны, возмущает, и мы решили Вам сообщить об этом нашем враге.

2/V-36 г. Комсомолец: Ч. (фамилия неразборчива).

Пионерка: Петрова». ⁵³

⁵² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1539. Л.Л. 50, 50об. Автограф.

⁵³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1539. Л.Л. 53, 53об. Автограф.

* * *

5.17. Письмо Л. НИКИФОРОВОЙ с ходатайством за арестованную дочь (вернулись из Харбина после продажи КВЖД). 19 марта 1936⁵⁴, Ленинград.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна, получив из Москвы справку с Вашим адресом⁵⁵, я не уверена, та ли Вы “Екатерина Павловна Пешкова”, о которой я справлялась. Я разыскивала вдову А. М. Горького, и если Вы именно та Екатерина Павловна, то цель моя достигнута. К Вам обращаюсь я со своим горем.

Полтора года тому назад мы с дочерью приехали из Харбина с эвакуацией сов<етских> граждан, после продажи К.В.Ж.Д. Мы давно мечтали попасть на родину, но раньше, из-за отсутствия средств, не могли осуществить своего желания. Но здесь нас преследовали неудачи за неудачей. Долго не могли найти работу, продали все, что имели. Жили без жилплощади и полтора года “толкались” в сырой и холодной кухне. Спали там же, в углу на ящике. Из-за какого-то недоверия к нам должны были отказаться от любимой профессии (литература). Словом, условия жизни были очень тяжелые, и дочь моя измученная, нервно-больная, переносила их менее терпеливо, чем я.

В одну из очень тяжелых минут она написала отцу в Харбин какое-то стихотворение, где из средних букв получалась фраза: “Жить невыносимо. Хочу бежать. Помоги”. Чем ей мог помочь отец оттуда, за 10 т<ысяч> километров, она и сама не знала. Так, нахлынул аффект, и отдалась ему, не думая о последствиях своей выходки. А последствия были очень тяжелые.

Письмо перехватили, вскрыли, расшифровали, и 19 декабря моя дочь – Ольга Николаевна Никифорова⁵⁶ была арестована и с того дня содержится в одиночке дома предварительного заключения.

⁵⁴ Дата проставлена по штемпелю (московскому) на конверте.

⁵⁵ Письмо отправлено на домашний адрес Е. П.: Машков пер., д. 1/3, кв. 16.

⁵⁶ Есть сведения о ее предыдущем аресте: Никифорова Ольга Николаевна, род. в 1909 г. р. в Санкт-Петербурге, журналист, работала в газетах «Новости Востока» и журнале «Рубеж», место проживания: г. Харбин. Ар. 7 октября 1935 на ст. Казань, обвинялась по ст. 58-10. («а/с агитация среди пассажиров, провоз через границу к-р литературы»). 11 октября 1935 дело прекращено за недостаточностью улик. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

Что с ней намерены делать, долго ли ее будут держать – не знаю! С своей стороны я могу только бросаться к тому, к другому с отчаянными письмами. А больше ничего не могу. И будущее наполняет меня ужасом. Я уже немолода, у меня давнишняя болезнь сердца и от пережитого сердечные припадки делаются все чаще. Что, если я не дождусь ее освобождения? Выйдет она в пустоту. У нас нет никого на свете, отец ее давно бросил нас и живет с другой женщиной. Мы с ней глубоко любим друг друга, и одна была у нас радость – быть вместе.

Ну, за что нас так мучают? Написать дурацкое стихотворение, – разве это такая тяжкая вина? В сущности, дочь мою нужно было не водворять в тюрьму, а лечить. Это человек с глубоко потрясенной нервной системой и зачастую – не могущий отвечать за свои поступки.

Если Вы та Екатерина Павловна, то Вы имеете доступ к людям власти и силы, огражденным “средостением”. Расскажите им о нашем деле, просите за нее, хотя бы из милости и сострадания ко мне, к моему возрасту и болезни. Уверена, что в данном случае не было никакого преступного умысла, никакой конспирации. Была только неосторожная выходка, за которую дочь моя уже наказана трехмесячным сидением в тюрьме.

Помогите, Екатерина Павловна! Поймите бесконечное горе матери, у которой отняли самое дорогое!

Напишите (если Вы “та”) можете ли Вы что-нибудь сделать, или это безнадежно.

Душой и мыслями Ваша Людмила Никифорова.

Ленинград. Фонтанка, 183, кв. 10».⁵⁷

Пометы: «1481, 1/IV-36». «К Вам лично. М. В.».

* * *

5.18. Письма А. И. ЕГОРОВОЙ (муж в заключении, четверо детей) с просьбой о материальной помощи.
2 апреля, 25 мая 1936, Иваново.

«2/IV-36 г. Муж мой начальник строительных работ Облдортранса Михаил Григорьевич Егоров был арестован 23-го октября 1933 года Ивановским ОГПУ и осужден “тройкой” на три года тюремного заключения по ст<атье> 58 п<унктам>

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1481. Л.Л. 139–140. Автограф.

10 и 11 <к> направлению в Изолятор гор<ода> Челябинска, где и находится до настоящего времени. В течение 2-х лет я проживала с детьми то, что было нажито мужем, т<ак> к<ак> он зарабатывал хорошо не только по месту службы, но еще получал “гонорары” за литературные труды в Рабкрае и “Наши достижения”. У меня очень большая семья, кроме меня, четверо детей, из которых старшему 16½ лет, а младшему 6½ лет, 2-е детей учатся в образцовой школе имени Бубнова, один в Музыкальном техникуме, а меньшей посещает детский садик. Я работаю руководом бытового кружка при Сосневской фабрике с окладом 150 рублей. На очень скромный стол семьи хватает моего заработка, но не только одеть ребят прилично, как требует школа, но обеспечить каждого парой обуви я не в состоянии. Желая им дать во что бы то ни стало образование, которое так не достает мне, я их учу в разных сменах, т. к. на двоих имею только одну пару обуви. Мужу осталось отбывать еще 8 месяцев, срок большой, если учесть то, что <ни>кто из семьи не имел возможности из-за дальности расстояния и дороговизны билета его повидать и ему помогать хотя бы посылками.

Вот я и прошу Вас, т<ак> к<ак> слышала, как много Вы помогаете всем, поспособствовать мне в освобождении мужа, где следует, т<ак> к<ак> я малограмотна и не знаю, куда обратиться за помощью, и помочь моим ребятам хотя бы обувью и одеждой к празднику 1-го мая.

Хочу добавить, что муж мой по происхождению сын рабоче-го. Его отец до сих пор, несмотря на очень преклонный возраст, работает токарем в Омском Железно-Дорожном Техническом Училище и имеет звание “Героя труда”.

Адрес мой: Иваново-Областной, Театральная ул., д. №, кв. № 1. Егоровой А. И.»⁵⁸

Помета: «11010. 19/IV-36 г.»

«В Красный Крест

Е. П. Пешковой.

На полученный от Вас ответ от 20/IV с. г. за № 11010 сообщаю, что просьба моя заключалась, главным образом, об оказании материальной помощи моим детям, т<а>к к<а>к я одна, служа руководом бытового кружка при Сосневской фаб-

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1468. Л.Л. 24–25об. Автограф. Письмо написано (или переписано), по-видимому, девочкой-школьницей.

рике не в состоянии прокормить и одеть 4-х имеющихся у меня детей. Мой скромный заработок еле-еле хватает на пропитание моей семьи, что же касается одежды, то и говорить об этом не приходится. Ребята ходят оборванные и нагие. Поэтому еще раз обращаюсь к Вам с просьбой не отказать в помощи моим ребятам, хотя бы в одежде и обуви, т<а>к к<а>к они у меня школьного возраста и посещать школу им почти не в чем, т<а>к к<а>к на двоих одна старая пара обуви, а младший семилетний находится днем в детском садике.

Что же касается освобождения моего мужа, то очень Вам благодарна за присланный Вами адрес и сейчас же начну сама об этом хлопотать.

Остаюсь Уважающая Вас А. И. Егорова.

Р. С. Остаюсь Посылаю для ответа конверт с маркой».⁵⁹

Пометы: «11010. 25/V-36». «Есть конверт».

«О мат<ериальной> пом<ощи> детям». «Нет средств».

* * *

5.19. Заявления и письма М. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ (муж расстрелян, она исключена из рядов ВКП(б) и выслана из Ленинграда за «притупление революционной бдительности»). 19 апреля, 26 июня, 7 сентября 1936, Актюбинская обл., Семиозерский р-н, пос. Семиозерное. 10 декабря 1936, Акмолинск.

«Полит<ический> красный крест. Пешковой.

От М. В. Александровой

Прожив<ающей>: Актюб<инская> Область,

Семиозерск<ий> Район, Поселок

Семиозерное, до востребования

Заявление.

Убедительно прошу разобрать мое заявление и помочь мне вырваться к трудовой жизни. Происхожу я из крестьян Костромской губ<ернии>. Отец мой – кузнец, работал в гор<оде> Ленинграде. Мать – той же губ<ернии>. Я родилась в Ленинграде в 1906 году. Образование имею – низшее политебразов<ание>: совпартшкола второй ступени. Окон-

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1468. Л.Л. 26–26об. Автограф. Письмо написано тем же аккуратным почерком школьницы, что и предыдущее.

чила профсоюзные обл<астные> курсы. С 1918 по 1920 г. жила в деревне в няньках. С 1920 по 1935 г. работала в правлении бумажной промышленности 15 лет. Начала работать с уборщицы, но в порядке продвижения работала конторщицей, делопроизвод<ителем>, зав<едующей> канцелярией и зав<едующей> секретным отделом. А после окончания курсов работала последние 5 лет на профработе освобожденным секретарем месткома и казначеем. И все эти пять лет была на выборной работе.

С 1925 года – член ВЛКСМ, и все время будучи в комсомоле, была на активной и руководящей работе: секретарем кол<лекти>ва, была членом райкома Смольнинского района, информатором в райкоме, и в то же время работала в Райсовете Смольнинского района в культпросвет секции. В комсомоле работала с 1925 года по 1931 год. С 1931 г. – кандидат ВКП(б). За свой 15-тилетний трудовой непрерывный стаж я не имела ни одного выговора и прогула, считалась хорошей работницей и несколько раз премирована. А также по линии комсомола, а так же и парт<ийной> линии никаким взысканиям не подвергалась.

28/ХІІ-34 г. я была исключена из рядов партии за притупление революционной бдительности.

В 1932 г. я вышла замуж за Транковского Сергея, родивш<егося> в 1904 г., сына дворянина, кандидата партии (свое происхож<дение> он не скрывал), работающ<его> на заводе К. Маркса слесарем, а после тяжелой операции его передали в ин<ститу>т на учебу. По отзывам завода и института он считался хорошим производ<ственным>, ударником и активистом. Мы жили в одной квартире с его братом, беспартийным, к которому в 1934 г. приехал товарищ в отпуск, который был 1 ноября 1934 г. арестован, а 20/ХІ-34 г. был арестован брат моего мужа. А 22/ХІ-34 г. был вызван на допрос по делу брата мой муж, и который тоже не вернулся. А 6 декабря 34 г. я из газет узнала, что они расстреляны 5 декабря 34 г. за принадлежность к белогвардейской группе. Для меня это было большой неожиданностью, т<а>к к<а>к я никогда ничего не замечала подозрит<ельного> за своим мужем. Он целый день занимался в институте, да общ<ественная> работа. Я тоже с 10 часов утра была на работе до 6 ч<асов>, а после – ком<мунистический> вуз или собрания, ведь я была на проф<союзной> работе, да ежедневно приходила часов в 11 вечера. Муж всегда был дома. Меня по линии НКВД нику-

да не вызывали ни, когда муж сидел, ни, когда его расстреляли. По распоряжению НКВД жилплощадь была переведена на мое имя. К перевыборам в Ленсовет я была допущена. И вот спустя 3 месяца, когда стали выселять из Ленинграда дворян, в том числе и я была выселена в Казакстан. Правда, я даже обрадовалась этому, что я поеду, буду работать, уйду опять вся в общественную работу, докажу всю верность и непричаст<ность> к делу Транковских. А <на> деле вышло наоборот. Приехав сюда, работы нет никакой. Вот уже 13 марта 1936 г. исполнился год, как я в ссылке. Первое время, когда здесь были высланные дворяне с деньгой, я кое-как жила: где постираю, где помою, осенью картошку копала, месяц жила в домработницах. Теперь большинство уехало, и я осталась без средств.

Живя в Ленинграде в 9-метр<овой> комнате, обстановки у нас не было, кроме стола, кровати, трех стульев и мелочи. Муж учился, получал 95 <рублей> стипендии, работала я и помогала своей матери, так что еле-еле сводили концы с концами. Так что в ссылку я поехала, только с трудом набрала на дорогу. Да, товарищи, я душою осталась партийной. Скажу честно, я прожила с Транковским Сергеем 2,5 года вместе, я его любила и очень ему доверяла, и никогда я ничего за ним не замечала преступного, и так это все для меня осталась тайна, в газетах тоже ничего подробно не было сказано. Вот пошел второй год, как нет его, и я часто роюсь в памяти, что я заметила. Только одно могу сказать, что клянусь я: перед партией, перед советской властью я чиста. Я не хотела никуда писать, думала, найду работу, буду работать, уйду вся в общественную работу, и только тогда, когда покажу себя и снова заслужу доверие, буду просить принять меня в свою среду.

Год я боролась, но больше нет сил. За этот год выстрадала и материально. С 12 лет я сама себе зарабатывала хлеба. Детства не видела, отец – пьяница, ...? тоже была комсомолка. Я вся отдавала себя обществен<ной> работе, учиться не могла. После вышла замуж, думала, если мне не удалось учиться, пусть хоть муж учится. Я себе во всем отказывала, а результат – политическая ссылка, социально-опасная. У меня в Ленинграде мать 73 года, больна воспалением легких, и сестра одна, нет никого, она тоже лежит <с> гриппом. Ухаживать за ними некому, а я не могу к ним поехать, я – врач. Я не смею теперь ехать в Ленинград, дорога закрыта. Я только могу сидеть в казахском поселке вдалеке от железной дороги. Но по-

чему меня не расстреляли, это же лучше, чем так жестоко бросили на произвол судьбы. Преступников, предателей отправляли в концлагеря, давали возможность им исправиться. Мне больше жить нечем, я все продала, себя совсем раздела, помочь мне некому. Кончить собою я не хочу, пока не сниму <с> себя позорного пятна, пока не докажу преданность нашей партии. Я умру, т<о> е<сть> хочу умереть тогда, когда я буду опять в рядах партии. Обращаюсь к вам за помощью, помогите мне вырваться к трудовой жизни, направьте меня куда-нибудь на стройку или <в> концлагерь, только работать. Одного прошу, разберите мое дело и дайте работы, чтобы выйти из болота. Я <с> малых лет работала, приносила пользу, а теперь целый год сижу паразитом. Передайте мое заявление или прошу сообщить, куда обратиться за помощью. Я послала заявление предс<едателю> партийного контроля. Специальности у меня нет. Я умею <делать> всю конторскую работу и профсоюзную, но, увы, как ссыльная и б/п <беспартийная> заниматься ей не могу. Но я могу на физической. Правда, сейчас немного ослабла за это время.

Еще раз убедительно прошу помощи. Я молода, я еще сумею доказать и снова заслужить доверие, и доказать непричастность к делу Транковских.

Александрова. 19/IV-36.

Р. С. У меня есть трудовой список, где указ<ан> 15 лет<ний> стаж, комсомольские характеристики, удостоверение Райкома, удостоверения Райсовета. Но снять копии очень дорого, а денег нет. Можете запросить Ленинград, Пр<оспект> Огородникова, д. 3. Гипробум. Партком. Александрова».⁶⁰

Пометы: «11421. 10/V-36». «Заявл<ение> о замене – реж<има>. <М. В.>».

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Меня очень тронуло ваше человеческое отношение ко мне и ваш совет написать новое, мотивированное заявление. Благодаря вам я снова почувствовала себя человеком, а не отщепенцем, выброшенным за борт жизни. Прилагаю при сем заявление, буду надеяться, что вы не оставите меня своим участием и помощью, чтобы снова работать и снова уйти в общественную работу, без которой я не могу жить, а после

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. Л.Л. 64–67об. Автограф.

снова вернуться в ряды нашей партии, быть в организации, участвовать <в> строительстве социализма, вот моя мечта.

Глубокоуважающ<ая> вас Александрова». ⁶¹

Помета: «11421. 26/VI- 36».

«т. Пешкова

Мною получено было от вас извещение о том, что я могу рассчитывать на получение какого-либо города, но до сих пор никакого подтверждения от НКВД я не получила. Я бы не позволила себе беспокоить вас, если бы не неожиданное осложнение. Дело в том, что меня, в числе других высланных, переводят на жительство в поселок Викторовка в 160 км от Семизерного поселка, в котором я живу, ввиду разделения района. Материальное положение мое настолько безнадежно, что всякие лишние путевые излишки для меня катастрофичны. В НКВД мне дана 2-х недельная отсрочка, и если за это время я не получу подтверждения о праве выезда отсюда, придется ехать в Викторовку, а в силу это<го> мне придется продать носильные вещи, а в силу материального положения выезд отсюда мне будет закрыт, следовательно, придется там зимовать, но все теплые вещи, а в том числе пальто, у меня давно проданы. Найти работу в поселке не представляется возможным, а зимовать без теплых вещей и без работы при здешних зимах невыносимо. Положение получается безвыходное, и только поэтому я, помня вашу внимательность и отзывчивость, обращаюсь с просьбой о помощи в скорейшей присылке официального отношения о разрешении выезда отсюда на работу.

Р. С. Заявление вторично прилагаю.

7/IX-36 г. Александрова». ⁶²

Пометы: «11421. 26/IX-36 г.». «Срочно. М. Л.».

«Тов. Пешковой Е. П.

адм<инистративно> ссыльной

Александровой Марии Васильевны

г. Акмолинск, почта, до востребования.

Заявление.

Помня ваше человеческое отношение, я обращаюсь к вам еще раз, т<а>к к<а>к из тех тяжелых условий, в которых я была, я попала в совершенно безвыходные и безнадежные.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. Л.Л. 58, 58об. Автограф

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. Л.Л. 62, 62об. Автограф

Вы сообщили мне открыткой, что мне будет предоставлена возможность работать в одном из городов Казахстана. В скором времени через Р.О. НКВД в Семизерске мне сообщили, что решением Особ<ого> Совещ<ания> Москoвск<ого> НКВД мне разрешено переехать в г. Караганду. Обрадованная возможностью вырваться из п<оселка> Семизерного, в надежде, что наконец-то я снова смогу работать, я, почти без денег, все-таки приехала в Караганду 2 декабря 1936 г. Но Карагандинское НКВД отказалось меня принять и в грубой и резкой форме предложило немедленно покинуть Караганду и направиться в Акмолинск, а оттуда в район за 185 верст. Я приехала в Акмолинск, и 7 декабря НКВД мне разрешило остаться там жить.

Положение мое отчаянное – я совершенно одна, без теплых вещей, без работы, без помещения и без денег и не могу даже выкупить багаж, чтобы продать оставшиеся вещи. Я прошу Вас – помогите мне в срочном порядке получить разрешение от НКВД переехать в Кустанай, где у меня родные и знакомые, которые обещают меня приютить на первое время, найти работу и дать денег на переезд. В противном случае я не знаю, что делать.

М. Александрова. 10/XII-36 г.». ⁶³

Пометы: «11421. 20/XII-36».

* * *

5.20. Прошение Эдгара и Рудольфа ГОТМАН (ученики IV и V класса школы) о перемене участи их отца, заключенного в ИТЛ. 25 апреля 1936, Архангельск.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 26 апреля 1936.

«Прошение.

В ВЦИК тов. Пешковой

от учеников IV-го и V-го класса Эдгара

и Рудольфа Готман.

30-го Декабря 1934 г. наш любимый папа был забран упомоченным⁶⁴ Н.К.В.Д. города Архангельска, где после семи месяцев Московским судом он был приговорен к 5 (пяти) го-

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. Л.Л. 59, 59об. Автограф

⁶⁴ Так в тексте.

дам в “исправтрудлагерь” в город Чибыю, где он и сейчас находится. Его полный адрес:

Коми-область. Гор<од> Чибыю. Нефтеперегонный завод № 1. Готман Готлиб Фридрихович⁶⁵. Он там работает бухгалтером этого завода. Здесь он был каждый год премирован, и так же он там в Чибыю вступил в ряды стахановцев, и мы, старшие сыновья, вступили в ряды отличников. Мы стараемся и учимся с большой охотой на хорошо и отлично. Но этому препятствует наша беднота, так как наша мама, ввиду слабого здоровья, мало зарабатывает.

А сейчас она и совсем заболела, поэтому мы и обращаемся к Вам с большой просьбой, похлобавать нашего дорогого папу, или же дать ему вагонную высылку, что-бы мы имели возможность соединиться с ним. К нашей просьбе присоединяются наша дорогая мама, младшая сестра и младшие два брата. Надеюсь, что не откажетесь от нашей большой просьбы, а мы школьники обещаем еще лучше учиться, чтобы в будущем стать достойными гражданами нашей Великой страны. Ждем с нетерпением ответа. Что-бы Вы знали, какие у нас хорошие отношения с нашим дорогим папой, мы вложим его письма. Подобно этим мы часто пишем. Прощайте:
ученик IV^{го} класса, А. Эдгар Готман.
ученик V^{го} класса, Б. Рудольф Готман

⁶⁵ Готман Готлиб Фридрихович, род. в 1893 в Крыму. Проживал в Крымской обл., Джанкойском р-н, дер. Ада. В 1930 выслан из Крыма в Архангельскую обл. на основании пост. СНК и ЦИК от 1 февраля 1930 как член семьи кулака. Работал главным бухгалтером лесобазы № 10 Архангельска. Приг. 28 июня 1935 ОСО НКВД СССР по обвинению в к.-р. деятельности к 5 г. Реаб. 4 декабря 1957. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004). Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

А сейчас она и совсем заболела, поэтому мы и обращаемся к Вам с большой просьбой, помиловать нашего дорогого папу или же дать ему вольную высылку, чтобы мы имели возможность соединиться с ним. К нашей просьбе присоединяются наша дорогая мама, младшая сестра и младшие два брата. Надеемся, что не откажетесь от нашей большой просьбы, а мы, школьники, обещаем еще лучше учиться, чтобы в будущем стать достойными гражданами нашей Великой страны.

Ждем с нетерпением ответа. Чтобы Вы знали, какие у нас хорошие отношения с нашим дорогим папой, мы вложим его письма. Подобно этим мы часто получаем. Просители:

ученик IV-го класса “А” Эдгар Готман, ученик V-го класса “В” Рудольф Готман.

Наш адрес: г. Архангельск, деревня Кегостров, улица Набережная, д. № 20. Готману Рудольфу Г.».⁶⁶

Помета: «11129. 25/IV-36 г.».

«Р. Г. ГОТМАН. 11129. 26/IV-36.

В ответ на В/обращение сообщаю, что с ходатайством о пересмотре дела В/отца Г. Ф. ГОТМАН Вы можете обратиться непосредственно к Прокурору СССР по адресу: Москва, Б. Дмитровка 15.

Присланные письма В/отца при сем возвращаются».⁶⁷

* * *

5.21. Письмо и заявление Гиси ГРИБОВОЙ (жена сторожа синагоги заключенного в концлагерь и мачеха 4-х детей). 17 апреля 1936, БССР, г. Жлобин.

«17/4

Екатерина Павловна окажите вашу помощь я безграмотная женщина из сиротами и не знаю что делать и как куда обращаться этим делом муж мой больной лежит в слабо сильной колонии не может ходить не может есть проходил 7 комиссии и говорят что он больной я два месяца тому назад подала к вам заявление и результат не получила и приходится вас опять беспокоить чтоб помыловали на бедного безграмотного стари-

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1482. Л.Л. 43–44. Автограф.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1482. Л. 41. Машинопись.

ка чтоб он там не умер и детям несчастных голодных придется утонуть в воду.

Т<оварищ> Прокурор Катаянин⁶⁸ говорил мне если он даст расписку от Врача его отпустят как же он может хлопотать когда он же не свободен и на руки не дают а от Прокурору Вышинскому было мне ответ чтоб я обращалась в г. Новосибирск мое заявление отправлено туда, а ответа не имею ни откуда пока туда и сюда мой бедный больной старичек чтоб не пропал прошу извинение за беспокойство и окажите мне помощи как я безсредственная темная женщина. Он находится в слабо сильной колонии.

Зап<адно> Сибирский край Горношарский район Тимертау 9 отд<еление> Сиб<ирский> лаг<ерь> НКВД Ш. Грибов и вы можете скорее узнать про его здоровье правильно ли нет прошу дать мне ответ мой адрес Жлобин БССР Советская 93 Гиси Грибову.⁶⁹

Помета: «10408. 27/IV-36 г.».

«Помощи полит<ическим> заключенным

Заявление

от жены проживающей

в г. Жлобин Б.С.С.Р.

Г<иси> Грибовой

Прошу разобрать мое заявление в том что Шолим Юда Лейзеров Грибов Осужден на 5 лет 4/II месяца 35 года по 72-й статьи находится в Слабо сильной колонии Зап<адно> Сибирский край Горношарский район Тимиртау 9 отд<еление> Сиб<ирского> Лаг<еря> НКВД 17 колонии Ш. Грибов. Проходил 7 комиссии. Арестован был в Жлобин сидел в тюрьме 9 недель в Минске потому что просил помощи своих родственников заграницей. до того времени как он просил помощи он служил сторожем в Общине (Синагоге) и получал 100 р<ублей> в месяц. спустя некоторое времени Община разрушилась и он семьей 4-х человек остался без всяких существований. в виду больного состоянии здоровья: порок сердце

⁶⁸ Имеется в виду прокурор Катаян.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1542. Л.Л. 4, 4об. Автограф. Письмо и приложенное к нему заявление написано детским почерком (по-видимому, писала школьница под диктовку). Грамматика и орфография подлинника сохранены.

опухши ноги катар желудка и так как семья дети несовершенно летние он вынужден был просить помощь у своих родных находящее в заграничей также просил помощи на визе на выезд в палестине и как он не знал что эту открытку принято в Минске и через месяц писал еще одну открытку. также от Кузын из Ньюорка получил 10 долларов и кузын хлопотал перед Ньюорской общины и выслали ему из Комитета 8 долларов. но он не просил в Комитет помощи. Сам неграмотный его поведение можно узнать где он проживал в г. Вытебск Бешенковичи на ево. даже дети учатся без денег. Но теперь он понимает как житель СССР нечего было просить помощи чтоб они просили в Комитет. Но я думаю если Москва знала бы его они бы не считали что здесь что нибудь есть. Кроме того старык 50 лет больной порок сердце опухши ноги катар желудка не может ходить не может есть 4 сирот Голодны Босы Голы и нет никакой поддержки это смерть 5 человек это для его смертный приговор. поэтому прошу не задерживать мое заявление чтоб не случился с ним смертельный случай и досрочно освободить его чтоб дети не остались одни без матери и без отца ибо я являюсь вторая жена. прошу Учесть его неграмотность и не сознательность. Никому не нужна его смерть. про его здоровье можно спросить в г. Минск Мориинск в слабо сильном колонии и расписуюсь жена Гися Грибова»⁷⁰.

* * *

5.22. Письмо И. АРТЕМЬЕВА. 26 июня 1936, Ленинград.

Письмо его жены Т. П. АРТЕМЬЕВОЙ (мать 6-х детей, выслана на Урал). 19 июля 1936, Свердловская обл., пос. Старица.

«Дорогая Екатерина Павловна!

Прошло уже пять с половиной м<еся>цев после того Вашего письма на мое имя от 13/ХІІ-35 г., где вы любезно известили меня о том, что на “В<ашей> последующие запросы о пересмотре дела и освобождении В<ашей> жены Артемьевой Тат<ьяны> Павл<овны> ответим лично по получении определенного ответа о результате ходатайства, кот<орое> можно ожидать не ранее, чем мес<яца> через два”, и ответа нет.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1542. Л.Л. 6, 6об. Автограф. Для удобства чтения некоторые грамматические ошибки исправлены.

В это время у меня опасно заболели дети гриппом с осложнениями: старший Александр 22 л^{<em>} – туберкулезом костей позвоночника и младший Павел 12 л^{<em>} – воспалением брюшины и кишок. Уже три месяца лежат в больнице и ждут, не дождутся мамы, чтобы она своим присутствием облегчила их страдания или закрыла им глаза навеки.

Дорогая Екатерина Павловна!

Внемлите воплю бедных, страдающих и умирающих детей и ускорьте освобождение бедной женщины и возвращение на родину Вашим ходатайством, которое Вы трижды оказали в этом деле по извещениям 3-м мне: 1-е от 5/XI-35 г. за № 8670, 2-е – ^{<om>} 14/XI-35 г. за № 105⁷¹, 3-е – ^{<om>} 13/XII за № 8670.

Ленинград, Советский 46, кв. 3. Ув^{<аждающий>} и Признательный Вам И. Артемьев.

26/VI-36». ⁷²

«Милостивая и дорогой товарищ Екатерина Павловна, извиняюсь за беспокойство. Хотя я Вас и не знаю, но по совету родственников, которые, наверно, слышали о Вашей милости, писали мне и велели написать Вам и просить Вашей милости и содействия в моем освобождении, где мучаемся, голодуем и скучаем по родным и родине, и вины за собой не находим. И сам комендант велит хлопотать, да мы не умеем, к этому времени по заявлениям много семей освободили и отправили на родину, и мне родная сестра послала в письме заявление и через коменданта велела передать в Свердловск, и он не отказался. А она берет меня на свое полное содержание и хлопочет, сельсовет соглашается прописать нас, а дома все разорено и в колхозе, а я здесь второй год мучаюсь на дальнем Урале, город Свердловск, посел^{<ок>} Старица. Выселена с тремя малолетними детьми, мальчик 15 лет, окончивший семилетку, которому надо пробивать дорогу для дальнейшего образования, а не пропадать в здешней лесовалке, девочка 9-ти лет и девочка 4-х лет, больная рахитом, который получила от недоедания пищи еще на родине, когда была отобрана последняя коровушка, и сама 44 лет нетрудоспособна и очень опасно в жизни болею эпилепсией, ни одного трудоспособного. И так мучаемся здесь, продуктов очень мало, и все дорого, а за работу платят мало и то все задерживают, живем здесь в дырявых хатах, кругом дует, а сверху дождь мочит. На-

⁷¹ Очевидно, номер указан неправильно.

⁷² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1475. Л.Л. 105, 105об. Автограф.

ходимся на полном отцовском содержании, который находится в Ленинграде и имеет при себе еще троих детей и пишет, что очень трудно содержать две семьи при небольшом окладе жалованья. И я сразу решила написать и попросить Вас, Екатерина Павловна, походатайствуйте нашему горю и освобождению, прошу Вас душевно, просто и неграмотно. Напишите в Свердловск, может, что и поможет нашему освобождению, будьте добры и не откажите нашей просьбе и скуки, иначе обратиться некуда. Будем надеяться и ждать конца. Извините, что не заверено, но все это сущая правда. Поселок Старица.

Татьяна Артемьева».⁷³

Пометы: «8670. 19/VII-36». «От нее заявл<ение>».

* * *

5.23. Заявление К. Ф. КУЛЬБАШОВОЙ (выслана с мужем и детьми из Херсона за переход границы в Румынию и обратно). 19 мая 1936, Красноярский край, Болохтинский р-н.

«Москва Помоч Политзаключоних

Е. П. Пешковой

Заявление 19/V-36 года

От сильной Ксении Федоровны Кульбашовой.

Я сильная Кульбашова сроком на 3 года в Красноярский край в Болохтинский район за переход границы в Румынию и обратно. Перейти границу нам с мужем и с семи летней дочкой заставело несчастье: проживая в гор<оде> Херсоне мы смужам задумали построи<т> себе не большой домик в четири сажиня дленой и шириной. Этот дом нам пришлос<т> строит<т> очен<т> тяжело с мужава жалован. Муж член союза из 1917 года все время работал на водном транспорте котельщиком. Мы начали строит<т> дом в 1927 году и кончили в 31 году. За это время похоронили двух детей наголодались голия босия находились. В 31 году муж работавши на водном транспорте получил бесплатно произной билет для меня в Москву получил полочки и я поехала посмотрет<т> Москву и кой чего купит<т> с одежи видутого что мы за эти годы обновились. После приезда моего из Москвы через две недели

⁷³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1475. Л.Л. 103, 103об. Автограф. Грамматические ошибки исправлены, знаки препинания расставлены нами.

пришел финодел к нам домой нашли в нас в доме шест<ь> метров материи. И забрали эту материю и то что у нас было даже старое и оставили нас голих и босих. Да еще прислали нам две тысячи налога. все время на эти две тысячи пиня росла. финодел все время продовали наш дом и нас беспокоили. В 1932 году в нашем Херсонском округе был голод. Мы очень голодали благодаря мужевой родни мы осталис<ь> живими. не смотря на то что муж все время работал на производстве в 1934 году опять в нашей области была сильная засуха наринке все подорожало. Муж работал и нам не хватало его заработка вещей у нас не было чтобы продать и добавит<ь> до питания. Мы вспоминая 32 год голод и предполагая что если такой голод повтарица и 1934 год то мы не избежим голодной смерти и вот мы 34 году 12 сентября наши соседи уезжали в румынию и взяли нас. Мы мален<ь>кой лодкой периехали черное море пожелли там 8 месяцев и сильно тасковали за роденой и решили обратно вернуца в С.С.С.Р. 12 апреля 35 года мы пришли обратно. 12 апреля нас с мужем посадили в оде<с>скую тюр<ь>му, а дочку забрали в детдом. Посидела я месяц в турме миня освободили по биреминости. Я приехала домой в херсон. Дом еще не был продон. Мне зав. финотделом предложил уплотит<ь> две тысячи рублей. а десят<ь> тысяч пини сбросят. но откуда у миня такая ден<ь>ги если у миня кроме детей нет нечего. 14 октября 35 года пришел приговор чтобы я с дет<ь>ми виехала в красноярский край и я уехала. а послы меня мой муж приехал через 3 месяца 14 января 36 года ко мне. Я уже с детьми и наголодаласи и переживали холод в таком холодном климати без теплых вещей и я с детьми все время болею в нас такое положение нет в чем одеца постелица и укрица дети малинкия одной 9 лет одной 10 мес<яцев> живя на силке в Болохтинском районе в глухом муж неможит даже заработать<ь> ничего. за это время что живем на силке получили из дому пис<ь>мо от соседей что наш дом финотдел продал за 1200 р<ублей> и мы остались тепер<ь> без всякой надежди что наши дети приедут в свой дом. Прошу вас со своими детками обратите нанас внимание или освободите миня с детьми а если нел<ь>зя то хотябы в теплое место куда небудь переведите прошу не откажите в нашей прозби.

Кульбашова. 19/V-36 года».⁷⁴

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1476. Л.Л. 82–83об. Автограф

Помета: «11823. 15/VI-36».

15 июня 1936 ПОМПОЛИТ сообщил К. С. КУЛЬБАШОВОЙ, что с ходатайством по ее делу она может обратиться непосредственно к Прокурору СССР по адресу: Москва, Б. Дмитровка, 15.

* * *

5.24. Заявление А. П. СУПРУНОВОЙ (выслана из Сталинградского края). 18 июня 1936, Казакстан, Турксибская ж.д., ст. Чу Чуйского р-на, село Ворошиловка.

«В Московский Красный Крест
помощи полит<ическим> заключенным
от Адм<инистративно> Высланной
Супруновой Агафии Пантелеевны.

Заявление.

В 1935 году 11-го Апреля я была арестована в местности села Городища Городищенского с<ельского> совета и Района Сталинградского края, и в 1935 году 16-го июня я была назначена в этап, в котором ехали до ст<анции> Чу Турксибской ж<елезной> д<ороги> Чуйского Района до 4/X 35 года, т<о> е<сть> находилась в этапе три месяца и 20 дней. В Казахстан я административно сослана <и> положительно не знаю сама своей причины и наказания, т<ак> к<ак>, когда меня арестовали, <то> меня допрашивали в НКВД по одному вопросу, где стоит часовня, где находятся у вас иконы, где лично, по моему мнению, меня обвиняли за религию, но никакого постановления мне не объявляли, и я не знаю, в чем же конкретно я виновна и за что получила 3 года административной высылки в Казахстан, а сделано было просто: перед самым этапом, т<о> е<сть> нашей отправки, меня вызвали и предложили расписаться, я, конечно, как темно-неграмотная женщина, взяла и расписалась, где не сообразила даже спросить или потребовать, чтоб зачитали мне, в чем я должна расписаться, а я просто-напросто, как м<ало>грамотная деревенская женщина, взяла и расписалась. Когда нас привезли на место высылки, прожив примерно четыре месяца, я решила все же узнать, за что же я сослана, то мне в Чуйском Р<айонном> О<тделе> Н.К.В.Д. прочитали ряд лиц совершенно мне неизвестных и спросили, вы их знаете, я ответила, что вовсе не

знаю, тогда и читать больше нечего. И 25/І 36 года писала заявление в Центральный Исполнительный Комитет в Комиссию по делам частных амнистий, в котором прилагала свои все документы, но в ответ на заявление получила открытку следующего содержания от 19/ІІ 1936 года. “На поданное вами заявление от 25/І 36 г. сообщается, что оно оставлено без последствий, т<ак> к<ак> нет еще оснований для его рассмотрения и применения частной амнистии, № 05-13154”, консультант неразборчиво. А потому обращаюсь к вам с настоящим заявлением и прошу разобрать и учесть, что я имею от роду 60 лет, м<ало> грамотная и совершенно безвинная, происхожу из крестьянской бедняцкой семьи, никогда не судилась и не лишалась, считаю, что данную адм<унистративную> высылку получила лично по кляузам дьякона, я в своем селе абсолютно ничем не занималась, за исключением своей крестьянской работы, на что имею справку от с<ель>совета, какую прилагаю вам к настоящему заявлению для подтверждения, а посему еще раз прошу вас разобрать мое заявление и учесть мои старческие годы, и меня от дальнейшего срока наказания адм<унистративной> высылки освободить и дать мне возможность вернуться обратно на родину к своим детям, кроме того прошу учесть, что я уже физически работать абсолютно не способна, и средств для существования у меня нет, а поэтому прошу все же меня освободить и дать возможность вернуться к детям, которые будут меня содержать. К сему прилагаю справку Городищенского с<ель>совета от 13/ХІІ 1935 г. О результате моего заявления прошу сообщить по адресу: Казахстан, Турсибская жел<езная> дор<ога>, ст<анция> “Чу” Чуйского Района село Ворошиловка Супруновой Агафии Пантилеевне.

В чем и расписуюсь. Супрунова.

18/VI 36 г.

Примечание: Номер моего дела сообщаю следующий: № 43 У.К. в чем и расписуюсь. Супрунова.⁷⁵

Помета: «12039. 1/VIІ-36».

10 июля 1936 ПОМПОЛИТ сообщил А. П. СУПРУНОВОЙ, что с ходатайством по своему делу она может обратиться непосредственно к Прокурору СССР по адресу: Москва, Б. Дмитровка, 15.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1467. Л.Л. 101–102об. Автограф.

* * *

5.25. Письмо МАКСИМЕЦ, девочки 12 лет, от имени неграмотной матери с просьбой помочь их многодетной крестьянской семье (отец заключен в тюрьму за неуплату налогов). 21 июня 1936, Казахстан, Карагандинская обл., Щучинский р-н, село Димитровка.

«Екатерина Павловна.

Прошу мне помоч. Я неграмотная имею 5 человек дитей. Мален<ь>кий грудной старшей дочири 12 лет. Муж в тюрьме в Кокчетави. Мне 47 лет но я кашляю силы нет хлеба нет огород недали. В 29 году мужа раскулачили. Отобрали дом скотину 200 пудов хлеба. Посадим на 3 года в тюр<ь>му и на 5 лет выслать. Муж просидел <и> его выпустили. Он косил по найму сено рубил дрова в лисничестве его хвалили. Сельсовет стал просить хлеб в налог опять мясо картошку оплатить нечем. Его посадили. Посли отпустили. Он опять пилил дрова работал хорошо хвалили за работу. С него опять просили 24 пуда зерна 18 пудов картошки 24 пуда мяса 250 руб<лей> денег а он только вышел из тюр<ь>мы. Лошади нет плуга нет зерен нет денег нет работал немного чтоб накормит<ь> 7 человек семьи. Его опять посадили на 3 в тюрьму. Мы собираем кусочки мать неработает уней грудной ребенок работы недают. Кому написать чтоб разобрали дело. Мы неграмотные живем в плохой старой бане одежи нет картошки нет хотим есть. Отец наш хочет чесно работать мы хотим жить. Как написать кому неумею помогите. Мы невраги мы хотим работать. Мы хотим учит<ь>ся. Отец сидит Максимец Прохор в Кокчетави в тюр<ь>ме 5 м<есяцев>. Помогите у нас помоч некому куда и кому писать чтобы разобрали дело и отпустили. Мама неграмотная. Екатерина Павловна помоги. Хотим чесно работать. Казахстан село Димитровка Щучинский район Карагандинская область Ленинская ул<ица> № 69 Максимец. Помогите».⁷⁶

Помета: «21/VI.36 г.».

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1465. Л. 229. Автограф.

* * *

5.26. Письмо школьницы Лиды ДУДНИЦИНОЙ ее высланному отцу. 4 июля 1936, Ленинградская обл., п/о Верещагино Октябрьской ж.д., село Коростынь.

Заявления ее отца М. Ф. ДУДНИЦИНА⁷⁷. 26 июля, 11 ноября 1936, Западно-Сибирский край, Бакчарский р-н, село Бакчар.

«4 июля.

Здравствуй папа!

Папа я пишу тебе свое горе которое случилось с мамой неожиданно: с ней был припадок. Долгое время лежала без чувства. Я потеряла полную надежду что жизнь вернется к ней. После припадка она не могла встать на ноги и потеряла зрение; она теперь сидит слепая. Я вожу теперь ее за руку. Фельдшер сказал, что это отразилось на нервной почве и от худого питания. Что же я теперь папа буду делать, я и сама еле на ногах хожу. Денег нет хлеба нет да и продать нечего да и что я знаю. Выдь и мама слепая кушать хочет. Папа ты совсем забыл нас тебе и не жалко. Я тоже еле хожу на ногах тоже могу свалит<ь>ся с ног. Пишу тебе и сама плачу от горя, за что же я такая несчастная что мне приходится так страдать, при мне осталась мать слепая и нет тебя. Что же мне папа делать? и как жить?

Если ты жалеешь и любишь меня то вышли скольконибудь денег на хлеб. Ты не должен так поступать чтобы я у тебя выпрашивала. Больше писать не могу, слезы душат сердце разрывается: жду денег на хлеб.

Досвиданья. Лида.

Юры нет он в лагерях приедет 8 июля. Что будем кушать сним не знаю не чего нет!»⁷⁸

---

⁷⁷ Дудницын Михаил Федорович, род. в 1880 в с. Коростень Старорусского р-на Ленингр. обл. Образование среднее, б/п. В 1937 проживал в с. Бакчар Томской обл. и работал счетоводом в Бакчарском сельпо. Ар. 20 октября 1937 по обвинению в участии в к-р кадетско-монархической и эсеровской организации. Приг. 1 декабря 1937 к ВМН. Расстрелян 9 декабря 1937. Реаб. в феврале 1958. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.)

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1487. Л.Л. 38, 38об. Автограф

Это письмо девочки было приложено к заявлению в ПОМПОЛИТ ее отца М. Ф. ДУДНИЦЫНА.

М. Ф. ДУДНИЦЫН состоял в партии РСДРП с 1902, в дальнейшем – член ВКП(б). В 1904 он был арестован за подпольную работу среди войск Новгородского гарнизона и заключен в тюрьму. В 1933 он был арестован Ленинградским УНКВД и приговорен к высылке в Нарымский край.

«Е. П. Пешковой.

Помощь Полит<ическим> Зак<люченным> г. Москва.

Дудницина Михаила Федоровича

Заявление.

Согласно Вашего сообщения от 25/XI-1935 г. за № 1107 до настоящего времени ответа о результатах пересмотра дела № 180–1933 г. Ленинградским Упр<авлением> Н.К.В.Д. не последовало.

Надо полагать, что фантазия следователя Шитова, подписанная мной под известным нажимом, останется в силе до конца срока. В моем распоряжении в данное время не имеется никаких средств, чтобы доказать свою невиновность, и дело могло быть исправлено только Судом, а это для меня является недоступным.

В дореволюционный период я никогда не обращался к царским жандармам о том, чтобы с меня сняли наказание, а наоборот, приходилось удваивать силы и продолжать борьбу с невыносимым гнетом и несправием. Обращаясь с коротким заявлением в Н.К.В.Д., я полагал, что своя Власть найдет возможным разрешить это дело в утвердительном смысле.

Прошу не отказать уделить несколько минут на прочтение прилагаемого письма, которое я получил от ребенка, находящегося в данное время в отчаянии только потому, что я не имел возможность своевременно спасти семью от голодной смерти. Из письма малолетней дочери ясно видно, что я потерял все и больше терять нечего. Семья моя проживает в Ленинградской обл<асти>, П<очтовое> о<тделение> Верещагино Октябрь<ьской> ж<елезной> дор<оги> с<ело> Коростынь. Из указанного селения я вывезен <в> Нарым<ский> край в 1933 г.

О последующем прошу не отказать меня уведомить по адресу: Зап. Сиб. Край. П/о Бакчар Бакчарского р<айо>на Галкинская Уч. Комендатура сх часть Дудницину М. Ф.

Приложение: Упомянутое.
26 июля 1936 г. М. Дудницин». ⁷⁹
Помета: «1107. 7/VIII-36 г.».

ПОМПОЛИТ пытался помочь М. Ф. Дудницину, но безуспешно.

«Екатерина Павловне Пешковой Комполит⁸⁰ – г. Москва
На № 1107 от 29/IX 1936 г.
Дудницына М. Ф.

Заявление.

Прилагая при сем заявление на имя Управления Н.К.В.Д., прошу не отказать вторично возбудить ходатайство о снятии с меня наказания.

Моя семья, состоящая из 2 детей школьного возраста и инвалида жены, в данное время переживает весьма тяжелое материальное положение, ввиду того, что я не имею возможности своевременно оказать им помощь, т<ак> к<ак> с июня месяца не получаю зарплаты за исключением мелких авансов на хлеб, а в данное время с 6/XI с. г. с работы снят в виду сокращения аппарата Уч. Комендатуры и передачи РИКу неуставных артелей. Наш край считается уже освоенным, и работать человеку, опороченному по суду, в данном месте трудно. О степени своей виновности я уже подробно писал Вам в предыдущих обращениях.

По состоянию здоровья я уже инвалид, а поэтому вопрос о скорейшем снятии с меня незаслуженного наказания является первоочередным. Мой трудовой стаж уже 35 лет, прошу не отказать сообщить, будет ли восстановлен мой профсоюзный стаж при наличии освобождения меня от наказания в 1937 г. и будут ли зачислены по трудовому списку годы ссылки, в которые я работал по специальности при Комендатуре О.Т.П. В этой части К<омендату>ра никаких справок не выдает.

11 ноября 1936 г. М. Дудницин.

П<очтовый> адрес: Зап<адно> Сиб<ирский> Кр<ай>
П<очтовое> о<тделение> Бакчар Бакчарского р<айона> на дом Маслова Е. Ф.

Дудницину Михаилу Федоровичу». ⁸¹
Помета: «23/XI- 36 г.».

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1487. Л. 37. Автограф.

⁸⁰ Комполит – так в тексте.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1487. Л.Л. 34, 36. Автограф.

* * *

5.27. Ходатайство А. К. БУНИНОЙ (мать семерых детей) за сына, находящегося в заключении в Дальлаге. 28 сентября 1936, Челябинская обл., Гледянский р-н, село Митино.

Сообщение ПОМПОЛИТа. 16 октября 1936.

«В Р<оссийский> К<расный> К<рест>.

Сестре Пешковой

от Гражданки Буниной Агафии Кузьмовны

проживающей Челябинская область

Гледянский р<айон>н Митинский с<ель> совет

то же село.

Ходатайство.

Сестра Пешкова, к вам обращаюсь с мольбой: помощи мне выручить сына, который отбывает наказание с 1933 года, и срок кончится в 1943 году. Погребена вся его молодость<ь> – 10 лет. Осужден за мировоззрение. Это несправедливо и жестоко. Я как мать ослепла от слез, плохо вижу. Выпала мне на долю участь такая: в молодости мой муж-революционер подвергался преследованию, пролила не мало слез и вырастила 7 человек детей, из них 5 сыновей воспитала. Старший – инженер, не знаю его адреса. 2-<й> Володя – самый лутший, гуманный, был на службе в Красной Армии и там написал что-то нехорошее, за что и осужден на 10 лет. Сын, на которого была надежда: под старость кормилец. 2-е еще не закончили учебу, один шофер – далеко в Н<ово>-Сибирске, он помогает учащимся моим 2 близнецам. До сего дня работаю, портняжу, но плохо вижу от слез. Муж мой служит счетоводом. Живем бедно. Моя просьба к вам: помощи, верни мне моего сына Володю. Дело его в Городе Хабаровске у прокурора. Мне 56 лет. Я – старуха, старше своих лет. С трепетом сердца жду вашей помощи.

Адрес места его отбывания: Г. Владивосток, Озерные ключи п/о Дальлага, 2-е отделение Н.К.В.Д.

28/IX 36 года.

К сему подписалась Бунина». ⁸²

Помета: «13042. 5/X 36».

⁸² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1470. Л.Л. 134, 134об. Автограф. Письмо написано практически без грамматических ошибок и без знаков препинания, которые расставлены нами.

«Гр. А. К. БУНИНОЙ. 13042. 16/X-36.

В ответ на В/обращение сообщаем, что Вам надо обратиться в Комиссию по Частным Амнистиям при ЦИКе СССР с просьбой о помиловании В/сына В. БУНИНА.

Надежды же на удовлетворения ходатайства о пересмотре дела очень мало».⁸³

* * *

5.28. Запрос Ляли КОНДРАТЬЕВОЙ (ученица 5-го класса) о местонахождении ее отца. 10 октября 1936, Ульяновск.

Сообщения ПОМПОЛИТа. 16 ноября 1936.

Уважаемая Екатерина Павловна, 1/534
19/11/36
Если Вам известно, где сейчас находится мой папа Михаил Павлович Кондратьев, то, пожалуйста, сообщите мне его адрес. Мне это очень нужно. Если Вы не знаете, то напишите, где я могу узнать.

Мой адрес: Кузнецкий край
г. Ульяновск. Ул. К. Дибкина ^{д. 52}

Елене Михайловне Кондратьевой.

Я учусь во 2-й советской средней школе имени Ленина в 5 классе «в».

Уважающая Вас

Ляля Кондратьева

Секретарь
В. В. Кондратьев

⁸³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1470. Л. 133. Машинопись.

«Уважаемая Екатерина Павловна,

Если Вам известно, где сейчас находится мой папа Михаил Павлович Кондратьев⁸⁴, то, пожалуйста, сообщите мне его адрес. Мне это очень нужно. А если Вы не знаете, то напишите, где я могу узнать.

Мой адрес: Куйбышевский край

г. Ульяновск. Ул<ица> К. Либкнехта, 52, кв<артира> 7.
Елене Михайловне Кондратьевой.

Я учусь во 2-й советской средней школе имени Ленина в 5 классе “в”.

Уважающая Вас Ляля Кондратьева».⁸⁵

Пометы: «4534. 10/X-36». «Запросить В. В. Кондратьеву».

29 октября ПОМПОЛИТ посылает запрос В. В. Кондратьевой – жене М. П. Кондратьева и 11 ноября получает ответ от него.

«Ув<ажаемые> тов<арищи>, прошу сообщить Ляле Кондратьевой мой адрес: Оренбург, Водяная, 26, Кондратьев М. П.

Не откажите сообщить адрес Ляли Кондратьевой, которую я потерял в связи с различными переездами».⁸⁶

Помета: «4534. 16/XI-36».

Получив ответ от отца, ПОМПОЛИТ в тот же день отвечает отцу и дочери.

«Елене Мих<айловне> КОНДРАТЬЕВОЙ. 4534. 16.11.36.

Нами получено письмо от Вашего отца Мих<аила> Павл<овича> КОНДРАТЬЕВА, кот<орый> просит сообщить Вам его адрес: г. Оренбург, Водяная, 26».⁸⁷

⁸⁴ Михаил Павлович Кондратьев – поэт и переводчик, бывший член ПСР. С 1922 подвергался репрессиям (тюрьмы, к/л, ссылки). В архиве ПОМПОЛИТа сохранилось его письмо (датированное осенью 1935) с просьбой добиться возврата его стихов и переводов, конфискованных Оренбургским НКВД, в числе перечисленных им переводов: 35 сонетов Гейне, стихотворения французских и немецких авторов и др.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л. 20. Автограф.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л. 20. Автограф.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л. 18. Машинопись.

«КОНДРАТЬЕВУ Мих<аилу> Павл<овичу>. 4534. 16.11.36.

В ответ на Ваше обращение сообщаю адрес Вашей дочери Ляли КОНДРАТЬЕВОЙ: г. Ульяновск, пр. К. Либкнехта, 57, кв. 7. Ваш адрес мы ей сообщили».⁸⁸

* * *

5.29. Заявление А. Ф. ПАНЧЕНКО с просьбой установить место нахождения арестованного сына (15 лет, ученик 6-го класса). 25 октября 1936, Краснодар.

«Политический Красный Крест, (помощь заключенным)
Е. П. Пешковой,
гражданки Анны Федоровны Панченко,
проживающей в г. Краснодаре
по Кузнечной ул. д. № 209,

Заявление.

До своего переезда в Краснодар я проживала со своим 15 <летним> сыном Николаем, учеником 6 класса Армавирской школы среднего типа; муж мой погиб (Ивченко) в заключении, а в этом году в сентябре в Армавире арестовывает НКВД моего мальчишку сына Николая Николаева Ивченко 15 лет, с предъявлением ему обвинения по 58 ст. УК п. 10-11. Сколько раз приходилось ходить в Армавирское НКВД за справками о моем сыне, никаких результатов. Мальчик совершенно гол, послать передачу – одежды, денег, провизии – не принимают и не дают никакой официальной справки – где же находится з/к Ивченко Николай Николаев<ич> 15 лет? Обращаясь в Красный Крест, умоляю помочь мне в розыске моего сына – имею сведения, что дело з/к Ивченко Н. Н., 15 <лет>, обвиняемого по 58 ст. УК п. 10, 11, числится в Краснодарской Спецколлегии, и разъяснить мне, может ли мальчик быть судим за ребячью болтовню, квалифицированную 58 ст. УК п. 10 и 11, тем более, что на моего сына в Армавире, как и на меня (в прошлом я жена офицера) был донос в НКВД.

25/X-36 г.

Краснодар, Кузнечная ул. № 209. А. Ф. Панченко».⁸⁹

Помета: «13201. 9/XI-36».

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. Л. 19. Машинопись.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1477. Л.Л. 14–15. Автограф

* * *

5.30. Заявление Насти КУСКОВОЙ (13 лет, старшая из трех детей-сирот: мать умерла, отец – в заключении). 4 ноября 1936, Куйбышевская обл., ст. Зубчаниновка.

Справка, выданная сельсоветом. 4 ноября 1936, Куйбышевская обл., ст. Зубчаниновка.

«Москва, Красный Крест
От Кусковой Анастасии Ивановны,
Прожив<ающей> в Куйбышевском крае
Ст<анция> Зубчаниновка,
ул<ица> Войкова, 56.
Ноября 1936 г.

“Заявление”.

Настоящим сообщая наш отец Кусков Иван Дмитриевич осужден особым совещанием гор<ода> Москва по ст. 58-10 в 1935 г. в мае м<еся>це которому даден срок заключения 3 года которые он отбывает в Карагинских лагерях еще до его ареста мама наша Кускова А. А. была сердечно больна в период отсутствия нашего отца она окончательно сделалась больной. Которая скончалась 15 августа 1936 года. Нас осталось трое круглых сирот мне Анастасии Ивановни 13 лет, сестре Марии 9 лет брату Алексею 7 лет, а поэтому просим от вас социальной помощи для пропитания. Так как наша мама все время была больна служить немогла ничего нам после смерти для существования не осталось. В настоящий момент мы все разуты и полуголодные не далеко <е> будущем наступит зима я и сестра Мария ходим в школу в силу чего невольно придется бросать учение, а поэтому просим вас убедительно в прозбе нам, как круглые сироты не отказать. Кускова Анастасия Ивановна».⁹⁰

Помета: «13241. 13/XI-36 г.» «Пошлите из старых вещей. Справку возвр<атить>. <М. В.>». «Посл<ана> пос<ылка>. 25/XI».

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1477. Л. 42. Автограф.

на "Красный" прест. 42 13241
 13/8.36
 От Куковой Анастасии Ивановны
 прожив. в Кузбасском крае
 ст. Зубаниновка р.д. Войкова 56.
 Ноябрь 1935 г.

"Заявление"

Настоящим сообщая маме отец Куков Иван Иванович
 решил оспорить особая совещания гор. Колеба подотб,
 в 1935 году в мае отце которому даден срок
 дающий 3 года которые он отбывает в Караган
 динские лагерях еще до его ареста мама наша
 Кукова св. св. была серьезно больна в период отсу
 ствия нашего отца она окончательно сделалась
 больной. которая окончилась 15 августа 1935 года
 нас осталось троих Куков сын мне Анастасии
 Ивановны 13 лет, сестре Марии 9 лет брату
 Валентину 7 лет, а поэтому просим от вас социал
 ной помощи для пропитания. Так как наша
 мама всё время была больна иудить ничего
 нам после смерти для существования не
 осталось. В настоящий момент мы все разлуч
 и погрозные не далеко будущим наступит зима
 а и сестра Мария ходит в школу в силу чего невоз
 но продолжать бросать учение, а поэтому просим
 вас убедительно в прозбе нам как Куков сын
 не отказать.

Кукова Анастасия Ивановна.

Вместе с заявлением Настя Кускова прислала справку, выданную ей сельсоветом.

«Р.С.Ф.С.Р.

пролетарии всех стран соединяйтесь

Зубчаниновский

Сельский совет

Рабочих, крестьянских и

Красноармейских депутатов.

Куйбышевский пригород р-на Куйб. края.

4/XI 1936.

№ 18.

СПРАВКА.

Дана настоящая Зубчаниновским с/советом Куйбышевской пригородной зоны Куйбышевского края. гр. Кускова А. А. умерла 15 августа 1936 г. и после нее остались дети Кусковы Анастасия 1923 г. рожд<дения>, Кускова Маня 1927 г. рожд<дения>, Кусков Алексей 1929 года рожд<дения>.

Председатель: /подпись/ Артишев.

Секретарь: /подпись/ Нетальцев». ⁹¹

 ЗУБЧАНИНОВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ 1936 г.		СПРАВКА		45
		Дана настоящая Зубчаниновским с/советом, Куйбышевской пригородной зоны, Куйбышевского края гр. Кускова А. А. умерла 15 августа 1936 г. и после нее остались дети Кусковы Анастасия 1923 г. рожд<дения>, Кускова Маня 1927 г. рожд<дения>, Кусков Алексей 1929 года рожд<дения>.		
№ 18		Председатель: <i>[подпись]</i> Секретарь: <i>[подпись]</i>		Артишев Нетальцев
Зубчаниновский, ул. А. Ткаченко, 57		1936		

⁹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1477. Л. 45. Машинопись, автограф.

Приложение 1

Записка Е. П. ПЕШКОВОЙ о детях Гергарте и Гансе-Вернере БАРУХ, оставленных их матерью в подъезде дома, где помещалась приемная ПОМПОЛИТА (Кузнецкий Мост, дом 24). 29 апреля 1938, Москва.¹

Кримины займались организацией
массовых детей на улицах и в школах
Государства Баруха Завура "Герои"
28 июня 1935, в сар. "Кадровых" Восточных
Дане-Бернер Барух, зов. "Лену"
1 августа 1935 в сар. "Блаженности" Вост. Край
Я возмущена своим делом настолько
ослабела. Никогда не могла добиться, чтобы
они запомнили. Я нахожусь здесь с детьми
на улице. Никому у меня здесь нет прав.
Мне арестован 8 февр. 1937 г. НКВД.
Не думаю, что я не хочу своих детей
воспитывать, потому что они мне
мешают. Они у меня выросли по всем
правилам, и я их берегу, как самую дорогую
Сейчас они все еще страдают и я не
могу это переживать. Я прошу их мне
не давать на восстановление. Я свою жизнь
устраиваю и возмущаюсь их страданиями. Я
знаю, что у вас им тоже не будет.
В последние времена они все еще
погибают. 29/11/382

Дети 29/IV - 38г. Менингитперен и
открыт, черепной, р. кат. Мух. отведен в
отдел. Мени. ИТО, града, последствие от

¹ Записка обнаружена и предоставлена нам сотрудницей Соловецкого музея. А. А. Сошиной.

29 апреля 1938 в подъезде дома, в котором находилась приемная ПОМПОЛИТа (Кузнецкий Мост, д. 24², кв. 7), были обнаружены двое детей, оставленных матерью. Мать оставила и записку. Дети вместе с запиской были отправлены в милицию. Ниже приводится запись, сделанная в связи с этим Екатериной Павловной и затем отпечатанная машинисткой ПОМПОЛИТа.

«Копия записки, оставленной матерью на руках у мальчика (подлин<ник> сдан в милицию).

Гергарт БАРУХ зовут “Герди”, род<илась> 28 июня 1935 г. в г. Хабаровске, Дальне Вост<очный> Край.

Ганс-Вернер БАРУХ, зовут “Генц”, род<ился> 1 августа 1933 г. в г. Благовещенске, Дальне Вост<очный> Край.

Я вынуждена своих детей насильно оставить. Нигде я не могла добиться, чтобы мне помогли. Я нахожусь здесь с детьми на улице. Никого у меня здесь нет родного.

Муж арестован 8/II-1937 г. НКВД.³

Не думайте, что я не хочу своих детей воспитывать, потому лишь, что они мне мешают. Они у меня выросли на искусст<венном> питании, и я их берегла, как самое дорогое. Сейчас они возле меня страдают, и я не могу это переживать. Я прошу их никому не давать на усыновление. Я свою жизнь устрою и возьму их обратно. Я знаю, что у вас им плохо не будет. В настоящее время они возле меня погибнут. 29/IV-38 г.

Дети 29/IV-38 г. милиционером и общественницей, гр<аждан>кой Мар<ией> Мих<айловной> Цыбени⁴ отведены в Отд<еление> Милиции № 50, откуда, по сведениям от общественницы, отправлены в Дет<ские> приемники: млад-

² Нумерация домов по Кузнецкому Мосту в связи с новым строительством менялась и дом № 16 – первоначальный адрес дома, в котором находилась приемная ПОМПОЛИТа, был изменен на № 24.

³ БАРУХ Генц Яковлевиче, род. в 1905 в г. Гарц (Германия), немец. В 1937 проживал в с. Бичевая ДВК, работал ветврачом в Хорском ЛПХ. Ар. 8 февраля 1937 УГБ НКВД по ДВК; приг. тройкой при УНКВД по ДВК 15 октября 1937 по ст. 58-6,7,10,11 УК РСФСР к ВМН; расстрелян 21 октября 1937 в г. Хабаровске. Реаб. 11 августа 1989. (Источник: «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004).

⁴ М. М. Цыбени проживала в д. 24 по Кузнецкому Мосту.

шая девочка в Божениновский Детск<ий> Карантин, а мальчик – в Даниловский приемник НКВД».⁵

29 апреля 1938 – день, когда были обнаружены и отправлены в детские приемники оставленные матерью дети, относится к времени «большого террора». Со дня закрытия Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста прошел год, около года прошло со дня ареста М. Л. ВИНАВЕРА, до официального закрытия ПОМПОЛИТа оставалось два с половиной месяца, до начала Великой Отечественной войны – три года.

Судьба оставленных детей и их матери (немцев по национальности) нам неизвестны.

В заключение мы хотим добавить, что в середине двадцатых годов в этом же подъезде также был оставлен ребенок, и при нем была записка. Ребенка звали Шура Вознесенский, оставил его отец, бывший белый офицер. Екатерина Павловна приняла мальчика в свою семью и воспитала. Александр Вознесенский погиб во время Великой Отечественной войны.

---

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1644. Л.Л. 136. Автограф.

Приложение 2
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА ПЕШКОВА
(1876–1965)

Екатерина Павловна Пешкова (урожденная Волжина) родилась 26 июля 1876 г. в г. Сумы Харьковской губернии.

Ее отец, Павел Николаевич Волжин, мелкопоместный дворянин, занимался разведением сахарной свеклы. Когда он разорился, и семья переехала в Самару, Екатерина Павловна была еще ребенком. Она поступила в Самарскую гимназию, но семья бедствовала, не было средств оплачивать учебу, так что девочка в течение двух лет не имела возможности посещать занятия. Уже с 4-го класса гимназии ей пришлось самостоятельно зарабатывать деньги, давая уроки математики.

В 1895 г. Екатерина Павловна окончила гимназию и начала работать корректором в редакции «Самарской газеты». Там она познакомилась с Алексеем Максимовичем Пешковым — писателем М. Горьким, начинавшим приобретать мировую известность. В августе 1896 г. она вышла за него замуж. Вскоре супруги переехали в Нижний Новгород, где Екатерина Павловна оказалась в гуще жизни передовой российской интеллигенции. В доме Пешковых собирались яркие талантливые люди, которых заботили судьбы России, ее народа и общечеловеческие ценности. Такое представление о характере и масштабе жизни у Екатерины Павловны осталось навсегда.

Ее семейная жизнь не сложилась счастливо: в 1904 г. ее оставил муж, а в 1906 г. умерла их дочь. Екатерина Павловна очень тяжело переживала уход мужа и смерть дочери, но, что касается первого, она сумела стать выше своих обид. В дальнейшем ее отношения с Горьким, с которым у них был общий сын, а позже и внуки, сложились так: у каждого из них был свой дом, своя личная жизнь, при этом они оставались друзьями и близкими людьми.

Начиная с 1899 г., Екатерина Павловна занималась общественной работой. До 1904 г. — в Нижнем Новгороде: «Народный дом», Красный Крест, в 1904–1905 — в Крыму: помощь революционным матросам.

В 1907 г. она вместе с сыном покинула Россию. К этому времени она стала членом партии эсеров и участницей революционного движения, после разгрома последнего ей было небезопасно оставаться в стране. Кроме того, М. Горький, который поселился в Италии, настойчиво приглашал ее приехать.

Годы эмиграции Екатерина Павловна провела в Париже и в Италии, главным образом, в Париже, где продолжала политическую и общественную деятельность. В конце 1908 г.

после разоблачения Азефа она была выбрана во «Временную делегацию» партии эсеров, заменявшую собой Центральный Комитет до выборов нового ЦК; в 1908–1912 гг. работала в Парижской эмигрантской кассе по организации материальной помощи русским политэмигрантам, вместе с другими членами кассы сумела организовать в Париже детскую библиотеку.

Она участвовала в попытках создать за границей Музей истории борьбы за политическое освобождение России (1910–1913), работала в организованном В. Н. Фигнер кружке помощи каторге и ссылке («Парижский кружок»). Кроме общественной работы, она посещала в Сорбонне курсы французского языка для русских и лекции по социальным наукам.

В 1914 г. после начала 1-ой Мировой войны Екатерина Павловна вернулась в Россию. С осени 1914 г. по 1918 г. она работала в обществе «Помощи жертвам войны», где заведовала Комиссией помощи детям. В 1915 г. вместе с адвокатом И. Н. Сахаровым на средства Земского и Городского Союзов организовала отряд, занимавшийся сбором и вывозом детей, оставшихся за линией фронта. В годы войны работала также в нелегальном кружке «Красный Крест», собирала для Горького материалы о жизни евреев в России и ответы на вопросы анкеты «Дети и война».

После Февральской революции начала работать в Московском бюро «Общества помощи освобожденным политическим» и была выбрана его председателем. В том же 1917 г. была выбрана членом ЦК партии эсеров и гласной Московской городской думы. После октября 1917 г. работала в обществе «Культура и свобода» и в Художественно-просветительском союзе рабочих организаций.

В январе 1918 г. в Москве был организован Политический Красный Крест, и Екатерина Павловна стала одним из его учредителей. В 1918–1922 гг. она – заместитель председателя, а в 1922 – и председатель МПКК, с осени 1920 г. до 1937 г. – Уполномоченный Бюро Польского Красного Креста в СССР, в 1922–1938 гг. возглавляла организацию «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ).

Будучи Уполномоченным «Польского Красного Креста», занималась опекой лиц польской национальности в Советской России.

С 1936 г. участвовала в организации Архива и Музея М. Горького в Москве и помогала в устройстве экспозиций

музеев М. Горького в Горьком, Казани, Куйбышеве и в селе Мануйловке Полтавской губернии.

Во время Великой Отечественной войны работала в организациях, помогавших эвакуированным и пострадавшим от войны детям (начала эту работу в конце 1941 г. в Ташкенте). В последние годы жизни являлась консультантом Архива Горького при Институте Мировой Литературы имени Горького (ИМЛИ). Среди подготовленного ею к печати – два тома писем М. Горького к ней.

За свою работу по репатриации польских граждан Е. П. Пешкова была награждена почетным знаком Польского Красного Креста (в 1925 г.), за работу по помощи эвакуированным и пострадавшим от войны детям – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Кроме того, она была награждена правительством СССР орденами Знак Почета 1-й степени (в 1957 г.) и Трудового Красного Знамени (в 1958 г.) за активную общественную деятельность.

Екатерина Павловна Пешкова умерла 26 марта 1965 г. Она прожила долгую жизнь, на ее долю выпало немало горя, но до конца своей жизни она сохранила удивительную отзывчивость к людским бедам, стремление прийти на помощь.

МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ВИНАВЕР
(1880–1942)

Михаил Львович Винавер родился в марте 1880 г. в Варшаве в еврейской семье.

Его отец Лев Герцевич Винавер¹, врач по образованию, с 1883 г. жил во Франции. Его дядя – один из основателей кадетской партии М. М. Винавер.²

М.Л. Винавер окончил Варшавскую гимназию с золотой медалью. Высшее образование получил в Бельгии. По образованию инженер-технолог.

В 1898 г. вступил в БУНД, состоял его членом, фактически, до 1900 г., формально вышел из его рядов в 1918 г.

В 1911 г. переехал из Варшавы в Москву, до 1918 г. служил инженером в «Агент. комисс. конт.».

М. Л. Винавер является одним из учредителей Московского Политического Красного Креста. В январе 1918 г. от его лица было направлено письмо к советскому правительству (наркому юстиции И. З. Штейнбергу) с ходатайством о присвоении МПКК легального статуса.

Все годы существования МПКК (1918–1922) М. Л. Винавер был заместителем его председателя (вначале Н. К. Муравьева, затем – Е. П. Пешковой) и был бессменным заместителем Е. П. Пешковой по работе в ПОМПОЛИТе (1922–1938) и в Бюро Польского Красного Креста (1920–1937).

---

¹ Лев Герцевич Винавер (1861–1927) родился в Варшаве, закончил 1-ю Варшавскую гимназию, учился на медицинском факультете Варшавского университета; был близок к народолюбцам, в 1883, преследуемый на родине по политическим мотивам, навсегда переселился во Францию, завершив медицинское образование в Сорбонне. В течение 38 лет работал врачом во французском городе Лиме. После его смерти благодарные сограждане присвоили одной из улиц его имя. (Источник: К. Видре. Воспоминания).

² Максим Моисеевич Винавер (1862–1926) окончил Варшавский университет, юрист-государствовед, один из основателей кадетской партии, ее теоретик и постоянный член ЦК, ближайший соратник П. Н. Милюкова, депутат 1-й Государственной Думы. Подписал Выборгское воззвание – протест против роспуска Думы и призыв к гражданскому неповиновению, за что отбывал в 1908 3-х месячное заключение в тюрьме. Играл ведущую роль в «Союзе для достижения равноправия евреев» и в «Обществе для распространения и просвещения среди евреев». После Февральской революции 1917 Временным правительством назначен сенатором. После Октябрьской Революции 14 ноября выбран в Учредительное Собрание. Весной 1919 вошел в «Краевое правительство» в Крыму как министр внешних сношений. Бежал вместе с союзниками. В 1919 возглавил в Париже Комитет кадетов. Участвовал в издании журнала «Европейская Трибуна» и газеты «Последние Новости».

М. Л. Винавер арестовывался несколько раз после 1917 г. (вскоре после ареста освобождался). В 1919 г. был арестован на квартире меньшевика Ю. О. Мартова (Цедербаума). После ареста был отправлен в Бутырскую тюрьму и через 2–3 недели освобожден. В 1922 г. вновь был арестован, арест также был кратковременным.

В 1926 г. (после смерти Дзержинского) принял польское гражданство.

Был женат³, детей не имел.

Последний раз он был арестован 3 августа 1937 г. в деревне Козы Судакского района Крымской АССР, где отдыхал вместе с женой. Обвинялся в шпионаже в пользу Польши. Виновым себя не признал. Решением Военного Трибунала Московского Военного Округа от 29 июня 1939 по ст.58-6 был приговорен к 10 годам ИТЛ.

По сведениям Главного информационного центра Министерства Внутренних дел Российской Федерации, в начале 1942 г. он был освобожден из лагеря по амнистии как польский подданный, 29 сентября 1942 скончался. (По другим сведениям: в 1943 г. был направлен по его просьбе в армию В. Андерса, формировавшуюся на территории СССР для борьбы с вермахтом, и, заболев, умер в дороге).

Реабилитирован 18 октября 1991 г. решением Главной военной прокуратуры. (По другим сведениям – 7 февраля 1992 г.)

---

³ Жена, Елена Герасимовна Винавер, переводчик с русского на польский, с 1917 постоянно проживала в Варшаве. М. Л. Винавер жил в Москве, в Варшаве бывал по делам Польского Красного Креста обычно два раза в году.

Именной указатель¹

Аболина А. Н.	6, 93	Барух Ганс-Вернер	425
Азеф Е. Ф.	22	Барух Гергарт	19, 424–426
Акулов И. А.	378	Барух Г. Я.	19, 424–426
Александрова М. В.	18, 398–403	Бах А. Н.	25
Александрова М. Д.	6, 90–92	Бахвалов А. Г.	363–364
Алферьев М. Н.	189–191	Бахвалов Виктор	16, 363–364
Алферьева Зоя	10, 189–191	Бахвалова Женя	16, 363–364
Амброзевич Л. Ю.	71	Бахвалова Зина	16, 363–364
Амфитеатров А. В.	30	Бахвалова Нина	16, 363–364
Андерс В.	433	Бейтнер Г. Г.	6, 95–98
Андросов А. Г.	377	Бейтнер Н. Л.	6, 95–96
Андросов Георгий	375, 378–379	Беликов Д. (архиепископ)	127
Андросов Константин	375, 378–379	Белинкевич М.	221
Андросова А. Н.	17, 357–377	Богданович Ю. Н.	23
Андросова Екатерина	375, 378–379	Бокий Г. М.	54
Аракелян А. П.	8, 147–148	Бондаренко А. И.	11, 219–221
Аракелян Е. Д.	148	Бондаренко А. Л.	219–221
Аракелян Л. М.	8, 147–149	Бондаренко Б. А.	219–221
Аракелян (Аракелянц) В. А.	8, 147, 149	Бондаренко В. А.	219–220
Аргамакова В.	17, 374	Бондаренко П. А.	219–221
Артемков М. Л.	9, 168–170	Бонч-Бруевич В. Д.	43
Артемков Сергей	168–170	Бразовская С. Г.	11, 222
Артемкова Ираида	168–170	Бразовский И. С.	222
Артемкова Капитолина	168–170	Бубнов А. С.	378
Артемкова Олимпиада	168–170	Булат-Булахович С. Н.	124
Артемкова Софья	168–170	Бунин В.	417–418
Артемьев А.	408	Бунин Ю. А.	25
Артемьев И.	18, 407–409	Бунина А. К.	19, 417–418
Артемьев Павел	408	Бутенко Е. И.	186
Артемьева Т. П.	18, 407–409	Бутенко И. Г.	10, 184–187
Артоблевская В.	10, 192–193	Бутенко К. И.	10, 184–187
Артоблевский А. И.	192–193	Бутенко Н. И.	186
Астров Н. И.	25	Бухарин Н. И.	104, 353, 354
Ауссем-Даев В. Х.	93	Былино В. В.	280–281
Ауссем-Даева А. И.	6, 93–94	Былино С. Н.	13, 280–281
Бартенева М.	9, 171–172	Ванслов В. В.	69
		Васильев Александр ...	17, 381–382
		Васильев В. А.	381–382
		Васильев П. Д.	146

¹ Имена Е. П. Пешковой, М. Л. Винавера и авторов опубликованных источников, на которые даются ссылки, в настоящий указатель не включены.

- Васильева А. Д. 146–147
Васильева А. Ф. 8, 146–147
Васякин А. 325
Вахрушина М. М. 9, 174–175
Веденяпин М. А. 31
Вересаев В. В. 25
Видре К. И. 432
Винавер Е. Г. 37, 39
Винавер Л. Г. 432
Винавер М. М. 432
Виноградский Н. Н. 29
Винокуров А. И. 134
Витте С. Ю. 29
Власова Е. И. 5, 65–66
Воейкова О. Е. 5, 67
Вознесенский Александр 426
Волжин П. Н. 428
Володкович А. Н. 16, 358–360,
362–363
Володкович Женя 359–361
Володкович Е. С. 359–361
Володкович Ира 359–361
Володкович Лев 359–361
Володкович Тамара 16, 358–362
Волченкова А. С. 73–74
Воронец Н. П. 7, 118–120
Воронина П. А. 42, 251, 254
Воронков И. Т. 389
Воронкова Валя 18, 388–389
Воронкова Зина 18, 388–389
Воронкова М. И. 18, 388–389
Вороницин И. П. 94
Воштинин Вова 12, 262–263
Воштинин Д. К. 262–263
Воштинина Катя 12, 262–263
Врангель П. Н. 124
Высоцкая С. Д. 6, 90–92
Высоцкий Н. В. 6, 90–92
Высоцкий П. В. 162
Вышинский А. Я. 326
Гартман В. П. 9, 176–177,
229, 390, 392
Генералов Д. Я. 14, 303–305
Генералова М. Д. 14, 303–305
Герасимов М. Д. 6, 88–90
Герасимова В. Е. 89–90
Гессе Вера 378–379
Гильдебрант Лидия 7, 116–117
Гильдебрант Л. К. 116–117
Гинденбург Рахиль 378–379
Головчук Иван 8, 155–156
Голубев Витя 337, 339
Голубев Вова 337, 339
Голубев В. И. 15, 335–338
Голубев Женя 337, 339
Голубева А. Е. 15, 335, 339
Голубева С. 15, 335, 337–339
Гончаров-Градский В. Ф. 109
Гончарова Е. С. 6, 108–109
Гончарова Ия 108–109
Горбунова Е. И. 47
Горман С. Б. 47
Горький А. М. 14, 22, 33,
36, 39, 44, 298, 299, 395
Готман Г. Ф. 404–405
Готман Рудольф 18, 403–405
Готман Эдгар 18, 403–405
Грибов Ш. Ю. 406–407
Грибова Г. 18, 405–407
Гриневич В. П. 101
Громов М. М. 301
Губонина-Леонович Т. В. 8,
156–158
Губонин-Леонович П. А. 8,
156–158
Гувер Г. 52, 67
Гумилев Н. С. 30
Гумилевский А. В. 71
Гурская О. С. 47
Гутковская П. В. 11, 229–231
Гутковский Ф. З. 230
Дальгейм Д. П. 236
Дальгейм М. Д. 12, 236–237
Дан Л. О. 36, 39
Даниельян Г. 371–372
Даниельян С. 17, 371–372
Данилова М. М. 73
Деникин А. И. 124
Дзержинский Ф. Э. 5, 31, 33,
39, 43, 63–64, 77, 433

- Динесман В. Л. 47
 Динесман И. Ю. 168
 Добровольская А. И. 279
 Добровольская Галя ... 13, 278–279
 Добровольская Ляля ... 13, 278–279
 Добровольский В. И. 279
 Добросовестная О. В. 47
 Доброхотова П. Ф. 6, 97–98
 Добрякова А. А. 69
 Домонтович Катя 10, 201–202
 Домонтович Мура 10, 201
 Домонтович С. Д. 202
 Дони Генриетта 349
 Дони Л. А. 16, 348–350
 Дони Павел 349
 Дони С. К. 349
 Дорофеева Н. Н. 12, 254–261
 Достоевский Ф. М. 139, 140
 Дудницын М. Ф. 19, 414–416
 Дудницын Юра 414
 Дудницына Лида 19, 414
 Дуплинская Я. Н. 214–216
 Дюнан А. 21, 32
 Евстратова А. Ф. 47
 Егоров М. Г. 396–397
 Егорова А. И. 18, 396–398
 Ежов Н. И. 326, 354
 Ежова-Цедербаум К. И. 69
 Ефремова Тася 11, 208–213
 Ефремов Ф. Д. 11, 208–213
 Жданов А. А. 302, 354
 Жуковская В. С. 13, 294–296
 Жуковский К. В. 294–295
 Задвирняк Л. А. 17, 383–386
 Задвирняк М. Е. 384–386
 Засулич В. И. 23
 Замятнин Л. 127–130
 Замятнина Елена 7, 127–130
 Замятнина Ирина 7, 127–130
 Замятнина Мария 7, 127–130
 Зиновьев Г. Е. 31, 103,
     302, 354
 Зорев В. И. 65
 Зубелевич Ю. М. 6, 77–83
 Ибрагимов Ш. 65–66
 Иванов Г. В. 30
 Иванников М. С. 287
 Ивановская П. С. 40
 Ивченко Николай 420
 Иллюминарская Тося 13,
     265–273
 Иллюминарский В. В. 266,
     269–273
 Ионов В. М. 162
 Ионова Л. В. 9, 160–162
 Ионова М. Н. 162
 Истомин Л. В. 130–132
 Истомина Варвара 7, 130–132
 Истомина В. А. 7, 130–132
 Истомина Ирина 7, 130–132
 Казакевич А. 215
 Казакевич Витольд 214–217
 Казакевич Лёня 214–217
 Казакевич М. И. 11, 213–217
 Казакевич Станислав 214–217
 Казакевич О. А. 11, 213–217
 Казакевич Эдвард 214–217
 Калинин М. И. 43, 45, 53,
     75, 123, 143–145, 152, 282,
     326, 335, 372, 379
 Кальмеер И. С. 25, 43, 58
 Калюжный И. В. 23
 Каменев Л. Б. 30, 103, 302, 354
 Канегиссер Л. И. 29
 Каплан Ф. Х. 29
 Карамышева Е. А. 14, 296–298
 Карбанович С. А. 11, 202–204
 Карбанович Ф. В. 203–204
 Карпекин А. А. 56
 Карпухин М. А. 14, 309–311
 Карпухин Николай 309
 Карпухина Анна 309
 Карпухина Вера 309–310
 Карпухина Софья 309
 Карцивадзе-Сабашвили П. 43
 Катенков В. З. 12, 244–250
 Катенкова А. И. 245
 Кауфман Д. Н. 17, 365–368
 Кауфман П. М. 17, 365–369
 Керножицкий П. 42

- Кириллов А. М. 312
 Кириллова Н. А. 14, 311–312
 Киров С. М. 302, 394
 Кишкин Н. М. 30
 Клейн Вилли (Вася) ... 16, 345–346
 Клейн Э. Г. 345–346
 Клеменова Лена 8, 133–134
 Клеменова М. И. 8, 133–135
 Клеменова Таня 134
 Клинге А. А. 391–393
 Клинге В. А. 391–393
 Клинге М. А. 18, 390–393
 Клочков П. А. 274
 Клочков Юрий 13, 273–274
 Книпер-Тимирева А. В. 46
 Козловский В. М. 30
 Кокина А. Ф. 72–73
 Колчак А. В. 46, 124
 Кольцов Н. К. 29
 Кондратьев М. П. 418–420
 Кондратьев Н. Д. 180
 Кондратьева Ляля 19, 418–420
 Константинович Л. Л. 123–125
 Коптенко О. С. 350–352
 Коптенко Тамара 16, 350–352
 Корецкая А. 172
 Короленко В. Г. 40, 161
 Котляревский С. А. 29
 Котович А. С. 199–200
 Котович В. 10, 197–200
 Котович Котя 10, 197–198
 Кох М. А. 136–139
 Кохно В. Е. 9, 173–174
 Кохно Д. М. 173–174
 Кржижановский Г. М. 103
 Кропоткин П. А. 25
 Крот 78–82
 Крупская Н. К. 43, 264
 Крыленко Н. В. 29, 43
 Кудели П. Ф. 336
 Кудицевич А. 228
 Кудряшов Н. М. 262
 Кудряшова Е. А. 12, 261–262
 Кузнецов А. Я. 12, 244–250
 Кузнецов В. 245, 247
 Куйбышев В. В. 103
 Кульбашова К. Ф. 18, 409–411
 Кульпин В. 233
 Куприянова Л. П. 47
 Курский Д. И. 43
 Курц Ольга 8, 150–151
 Курц-Кречетов О. Г. 150–151
 Кусков Алексей 421–423
 Кусков И. Д. 421–422
 Кускова А. А. 421–423
 Кускова Е. Д. 25, 30, 36, 37, 39
 Кускова Маня 421–423
 Кускова Настя 19, 421–423
 Кутузова Галина 378–379
 Лаврентьев Н. Д. 14, 303–305
 Лаврентьев С. 303
 Лавров Василий 331
 Лавров Дмитрий 331
 Лавров Н. Л. 15, 331–333
 Лавров П. Л. 23
 Лаврова Анастасия 331
 Лаврова Е. 331
 Лаврова Любовь 331–333
 Лазаревский Н. И. 30
 Ленин В. И. 29, 30, 33,
     43, 51, 53, 341
 Леонтьев В. П. 65
 Леонтьев С. М. 29
 Либсон Я. Н. 43, 68
 Ливен Л. П. 18, 393–394
 Линдельфельд Е. В. 47
 Липа 5, 55–57
 Литвинов Алексей 143
 Лосев Н. П. 355–357
 Лосева М. М. 16, 355–357
 Лосева Тамара 356–357
 Лосева Шура 16, 355–357
 Лоскутов Н. Н. 66
 Лошаков Н. Ф. 86
 Лузин В. В. 5, 43, 75–77
 Лузина А. В. 5, 75–76
 Луначарский А. В. 43, 82
 Лутовинов А. Н. 166
 Лутовинова В. П. 167
 Лутовинова М. А. 9, 166–168

- Майер Е. 374
 Максимец П. 19, 413
 Максимов Г. И. 15, 323–325
 Максимов Ф. И. 324
 Максимова А. Я. 323
 Макушкина Валентина 9,
 162–164
 Макушкин С. П. 162–164
 Мальчевская Женья 4, 13,
 275–277
 Мальчевский В. В. 13, 275–278
 Малянтович В. Н. 25
 Ман В. Г. 47, 203, 221, 279
 Маркарян С. К. 9, 158–159
 Маркарян Х. Г. 158–159
 Мартов Ю. О. 433
 Марцинкевич В. А. 7, 110–111
 Марцинкевич Клавдия . 7, 110–113
 Мдивани Г. С. 196–197
 Мдивани М. 10, 195–197
 Мдивани С. М. 195–197
 Мдивани Ц. С. 196–197
 Медведков П. И. 11, 223–226
 Медведкова Е. С. 223–224
 Мельгунов С. П. 25, 29
 Менжинские 336
 Менжинский В. Р. 54
 Меринг Б. Б. 36, 43
 Милованов Н. А. 204–208
 Милованова М. И. 11, 204–208
 Минор О. С. 25
 Молдавская С. Э. 151–152
 Молдавский П. М. 8, 151–152
 Молотов В. М. 179, 326, 378
 Мороз С. А. 214–217
 Мур А. Г. 107
 Мур Вера 107
 Мур Леонид 107
 Мур Ц. Л. 6, 107–108
 Муравьев Н. К. 25, 30, 43
 Муравьева В. Н. 17, 379–380
 Мурадхян О. Г. 10, 187–189
 Мурадян Г. А. 347
 Мурадян М. 16, 347
 Мухин Лев 160–161
 Мухин Н. Л. 160–161
 Мухин Сергей 160–161
 Мухина М. М. 9, 160–161
 Навроцкая Н. И. 12, 231–233
 Навроцкий Ф. К. 232
 Назаров В. Н. 164–165
 Назаров Т. Е. 217–218
 Назарова А. В. 9, 164–165
 Назарова Е. В. 11, 217–218
 Нансен Ф. 30, 52
 Нестеров Женья 15, 340
 Нестеров Н. П. 340
 Никифорова Л. 18, 395–396
 Никифорова О. Н. 395
 Носенко М. 153–154
 Носенко Н. М. 8, 152–154
 Окулов А. 7, 109
 Оношко А. 237–238
 Оношко И. П. 12, 237–240
 Оношко Лена 237–239
 Оношко Михаил 12, 237–240
 Орлов А. С. 66
 Палладин В. В. 292–293
 Палладин Руслан 13, 292–293
 Палладина Людмила .. 13, 292–293
 Палладина Н. Г. 13, 292–293
 Панасюк В. Г. 15, 340
 Панасюк Зоя 341
 Панасюк Лида 341
 Панасюк Мария 341
 Панасюк Николай 341
 Панасюк Юрий 341
 Панина С. В. 25
 Пантелеева Е. М. 7, 125–126
 Панченко А. Ф. 19, 420
 Пережогина Т. Я. 14, 317–321
 Перемыкин 124
 Перес А. И. 25
 Перес В. А. 47, 161
 Перес Н. А. 11, 47, 202
 Петерс Я. Х. 43
 Песоцкий И. 65
 Петлюра С. В. 124
 Петриченко С. М. 30
 Печорин Г. Ф. 193

- Печорина Нонна 10, 193
 Пий XI 52
 Пиотровская Е. 46
 Пясецкая Ирина 378–379
 Погожева Е. И. 9, 171–172
 Покровская М. С. 5, 57–58
 Покровский А. А. 57
 Поликарпов А. И. 122
 Поликарпов Николай 7, 122–123
 Поликарпова Александра 7,
 122–123
 Поликарпова А. С. 122
 Поликарпова Вера 7, 122–123
 Потемкин М. Н. 59–62
 Потемкина А. А. 5, 59–62
 Прево А. 98–101
 Прокопович С. П. 30
 Пясецкая Ирина 378–379
 Пятаков Ю. Л. 31
 Рабинович Амос 9, 176–177
 Рабинович Л. С. 9, 176–177
 Рагозин С. Н. 288–290
 Рагозина М. М. 13, 288–291
 Радциг В. Ф. 68
 Радциг Любовь 68
 Радциг Ю. А. 5, 68
 Ратнер 43
 Ратнер Е. М. 5, 63–64
 Ратнер Шура 63–64
 Ратынская М. В. 5, 67
 Ремешевский 69
 Римская-Корсакова 86
 Родионова Е. 310
 Рождественский В. А. 30
 Романова В. Ф. 8, 135–142
 Ротштейн О. В. 259–260
 Рощина-Алферьева К. П. 10,
 189–191
 Рудь-Руднев Виктор ... 10, 182–184
 Рудь-Руднева (Руднева) М. 10,
 182–184
 Рыков А. И. 43, 354
 Савенко М. 47
 Савина Н. А. 99
 Савинков Б. В. 123–124
 Сахаров И. Н. 429
 Сергей (митрополит) 104
 Синцова Е. В. 13, 282–285
 Сипатов Володя 248
 Сипатов Коля 248
 Сипатов Миша 248
 Сипатов П. Г. 12, 244–250
 Сипатова М. П. 248
 Сипатова Елена 12, 244
 Сипатова Рая 248
 Соколов И. И. 15, 325–326
 Соколова К. 15, 325–326
 Сошина А. А. 424
 Спан А. Н. 65
 Спановская Алла 7, 109–110
 Спановский Алексей ... 7, 109–110
 Спановский Аркадий ... 7, 109–110
 Спановский А. Я. 7, 109–110
 Спирин Аким 299
 Спирин А. П. 14, 298–300
 Спирин Ваня 299
 Спирин Вася 299
 Спирин Петя 299
 Спирин Сережа 299
 Спирина Елена 299
 Спирина Лиза 299
 Спирина Нина 299
 Спирина Серафима 299
 Сталин И. В. 43, 47,
 103–105, 178, 180, 290,
 326, 341, 353, 354, 378
 Станкевич О. И. 12, 240–243
 Стаханов А. 353
 Стогова Т. Н. 6, 83–84
 Студенецкий С. А. 5, 68–71
 Супрунова А. П. 18, 411–412
 Сусленникова А. В. 14,
 305–309
 Сынков И. А. 16, 342–345
 Таганцев В. Н. 30
 Тагер А. С. 30, 43
 Такоров Э. А. 14, 313–314
 Теплер С. П. 17, 372–373
 Теплер Ф. А. 373
 Тибо М. Ф. 73

- Тихвинский М. М. 30
Тихон (патриарх) 53, 104
Толстая А. Л. 29
Томский М. П. 43, 354
Транковский С. 399–400
Трахтенберг Б. С. 160
Троцкий Л. Д. 103
Трубецкой С. Е. 29
Тугова А. И. 7, 120–122
Тумаларян М. Н. 264
Тумаларян С. Х. 12, 263–265
Тургенев И. С. 9, 166, 168
Уншлихт И. С. 34
Урицкий М. С. 29, 51
Урусов С. Д. 29
Усейн-Аджи-Энна
    Гульсуль 313–314
Усейн-Аджи-Энна Фикрие .....
    313–314
Ухтомский С. А. 30
Ушакова О. В. 13, 285–288
Федоров Л. И. (экзарх) 254–255
Феокистов В. Н. 65
Фесечко М. Л. 69–70
Фигнер В. Н. 22–23
Флуг В. В. 315–317
Флуг К. В. 315–317
Флуг Н. Н. 14, 314–317
Фрейберг Л. Я. 71
Фролова Е. 17, 369–371
Фукс В. А. 6, 85–87
Хорошко М. И. 43
Цейтлин Г. С. 70
Цесник Г. А. 387
Цесник Т. 17, 387–388
Цеткин К. 264
Цехонович М. А. 276
Цубриков И. Е. 15, 333–334
Цубрикова Нина 15, 333–334
Чаянов А. В. 180
Чекмасова Е. М. 7, 110–113
Челищева-Константинович О. В. ...
    7, 123–125
Чечкина Е. В. 12, 233–235
Чкуасели Г. М. 321–322
Чкуасели Н. Н. 14, 321–322
Цедербаум (Мартов Ю. О.) 433
Шаховская-Пантелеева Н. Д. ....
    125–127
Швецов С. П. 91, 115, 160, 176
Шевцова А. А. 12, 251–254
Шехтман Валентин 114–115
Шехтман Владимир 114–115
Шехтман Михаил 114–115
Шехтман М. Н. 114–115
Шехтман Н. В. 7, 113–116
Шеян Василий 143
Шмидт П. П. 94
Штейнберг И. З. 26–27
Шувалов В. 226–229
Шувалова Н. Н. 11, 226–229
Щепкин А. М. 29
Эренфельд А. А. 99
Эренфельд Л. 98–99
Эренфельд-Прево П. Л. 6, 98–102
Эренфельд-Прево Ирен 98–99
Эренфельд-Прево Клер 98–99
Эренфельд-Прево Нелли 98–99
Юденич Н. Н. 124
Юнгерова А. 5, 74–75
Юрченко З. А. 8, 45, 142–146
Юрченко Игорь 142–146
Ягода Г. Г. 54, 180, 317,
    354, 378

Географический указатель (Адреса авторов писем)¹.

Актюбинск, г. (Казакская АССР)	1.12
Алма-Ата, г. (Казакская АССР) ²	2.25
Алупка, г. (Крым)	2.28
Амолинск, г. (Казакская АССР)	5.19
Арефьево, дер. (Бирилюсский р-н, Томский окр., Зап.-Сиб. край)	4.14
Архангельск, г.	3.12, 5.20
Астрахань, г.	5.16
Атбасар, г. (Акмолинский окр., Казакская АССР)	5.5
Бакчар, село (Бакчарский р-н, Зап.-Сиб. край)	5-26
Балашов, г. (Ниже-Волжский край)	5.4
Баталпашинск, г. (Армавирский окр., Сев-Кавказский край)	2.16
Бачала, дер. (Калтильский с/совет, Карсубазарский р-н, Крым)	4.21
Белгород, г. (ЦЧО)	3.38
Бергуль, село (Каинский р-н, Барабинский окр Зап.-Сиб. край)	3.10
Бобровская запань треста Северолес (Холмогорский р-н, Архангельский окр.)	4.17
Болохтинский р-н (Красноярский окр., Сибкрай)	5.23
Боровское, село (Мендыгаринский р-н, Актюбинская обл., Казакская АССР)	5.9
Бурное, ст. Туркестано-Сибирской ж.д. (Казакская АССР)	5.14
Васкин бор, пос. (ст. Тавда, Уральская обл.)	4.11
Великий Устюг, г.	2.7
Верхняя Губаха, ст. (Кизеловский р-н, Свердловская обл.)	4.20
Винница, г. (УССР)	3.8
Вологда, г.	2.11, 3.27
Ворошиловка, село (ст. Чу Туркестано- Сибирской ж.д., Чуйский р-н, Казакская АССР)	5.24
Вялково, дер. (Чумаковский р-н, Барабинский окр., Зап.-Сиб. край)	3.19, 3.20
Вятка, г.	1.8
Димитровка, село (Щучинский р-н, Карагандинская обл., Казакская АССР)	5.25

¹ В скобках дается расположение населенного пункта, административное деление указано на время, к которому относится письмо.

² С 1929 столица Казакской АССР.

Добруж, г. (УССР)	4.13
Жлобин, г. (Бобруйский окр., БССР)	5.21
Зубчаниновка, ст. (Куйбышевская обл.)	5.30
Иваново-Вознесенск, г.	3.32, 5.18
Икша, ст. Савеловской ж.д.	5.2
Йошкар-Ола (Краснококшайск), г. (Марийская А.О.)	1.15, 2.18
Иргиз, г. (Актюбинской обл., Казакская АССР)	4.2
Казанфар, селение (Апаранский р-н, Армянская ССР)	5.6
Казань, г. (главный город Казанской АССР)	1.11, 4.5
Каинск, г. (Барабинский округ, Зап.-Сиб. край)	3.37
Каипа, село (Ключевский р-н, Славгородский окр., Зап.-Сиб. край)	2.27
Кантемировка (ЦЧО)	3.26
Каргополь, г. (Сев. край)	3.2
Каширские хутора, село (п/о Спасское, Самарский окр., Средне-Волжская обл.)	3.6
Киев, г. (окружной центр УССР)	2.19, 3.34
Киржач, г. (Александровский уезд, Владимирская губ.)	3.11
Колпашево, село (Томский окр., Нарыымский край)	2.22
Коростынь, село (п/о Верещагино Октябрьской ж.д., Ленинградская обл.)	5.26
Котлас, г. (Сев.-Двинский окр.)	3.27
Краснодар, г. (Сев.-Кавказский край)	2.14, 2.21, 5.29
Краснококшайск, г. (он же Йошкар-Ола, Марийская А.О.)	1.15, 2.18
Кричев, местечко (Могилевский окр., БССР)	3.13
Кругликово, разъезд (Обдорская ветка Уссурийской ж.д., ДВК)	3.26
Ленинград (Петроград), г.	1.3, 1.16, 2.6, 2.18, 2.33, 3.1, 3.41, 4.10, 5.8, 5.15, 5.17, 5.22
Лесовые-Сорочинцы, село (Мало-Девицкий р-н, Лубенский окр., УССР)	3.9
Липячи, дер. (Удомильский р-н, Московская обл.)	5.3
Лая, дер. (Архангельский окр.)	3.25
Май-Кудук, дер. (Карагандинская обл., Казакская АССР)	5.4
Макарово (Киренский окр., Иркутская обл., Вост.-Сиб. край)	2.20
Малев, селение (Мегринский уезд, Армения)	2.18
Малоречье, дер. (село Табары, Табаринский р-н, Ирбитский окр., Уральская обл.)	2.23
Мариинск, г. (Томский окр., Сибирский край)	4.6
Минск, г. (столица БССР)	3.29
Митино, село (Гледянский р-н, Челябинская обл.)	5.27

Михайловка, слобода (Сталинградская губ.)	2.4
Москва, г.	1.2, 1.4-1.7, 1.9, 1-17, 1.20, 2.3, 2.13, 3.12, 4.11
Мочулинцы, село (Городокский р-н, Винницкая обл., УССР)	5.12
Мценск, г. (Орловский окр.)	3.4
Нижний-Новгород, г.	2.32, 3.28
Ново-Алексеевское, п/о (Хобдинский р-н, Актюбинская обл., Казакская АССР)	5.11
Николаевка, село (Башмаковский р-н, Пензенский окр.)	4.7
Новгород, г. (Ленинградская обл.)	1.19, 2.1
Новозыбков, г. (Клинцовский окр., Западная обл.)	1.1
Ново-Покровское, село (Бийско-Истокский р-н, Бийский окр., Зап.-Сиб. край)	2.29
Няндомы, ст. (Сев. край)	3.23
Одесса, г. (УССР)	3.33, 4.15
Оренбург, г.	1.18, 2.9, 5.7
Оруднево, ст. Савеловской ж.д.	4.13
Пермь, г. (Уральская обл.)	2.5
Перовск, г. (Казакская АССР) ³	2.8
Петропавловск, г. (Казакская АССР)	4.4
Пинега, пос. (Архангельский окр.)	3.17
Плесецкая, ст. Северной ж.д.	3.25, 3.42
Полотняный завод, п/о (Калужская губ. и уезд)	2.24
Поповка, ст. Октябрьской ж.д.	4.14
Потьма, ст. Московско-Казанской ж.д.	4.12
Прилуки, г. (УССР)	3.9
Псков, г. (Ленинградская обл.)	2.10
Река Тегра, пос. (ст. Емца Северной ж.д., Архангельский окр.)	5.1
Рованичи (Червенский р-н, Минский окр., БССР)	3.16
Ромны, г. (УССР)	3.2
Ростов-на-Дону, г. (Сев.-Кавказский край)	2.26
Самара, г. (Средне-Волжский край)	3.39
Самарканд, г. (до 1930 – главный город Узбекской ССР)	4.19
Саратов, г. (Нижне-Волжский край)	5.10
Свердловск, г. (Уральская обл.)	2.13
Семиозерное, пос. (Семиозерный р-н, Актюбинская обл., Казакская АССР)	5.19
Середина Буда, село (Глуховский окр., УССР)	3.22
Слуцк, г. (Красно-Слободский р-н, БССР)	5.2
Смела, село (Черкасский окр., УССР)	3.15
Совхоз № 1 ПП ОГПУ (г. Новосибирск)	4.9
Соловецкий концлагерь	1.14

³ Позже – г. Кызыл-Орда. В 1924–1928 – центр Казакской АССР.

Сотниково, село (Нижне-Илимский р-н, Тулуновский окр., Зап.-Сиб. край)	3.18
Сперановка, дер. (Больше-Никольский с/совет, Больше-Реченский р-н, Зап.-Сиб. край)	3.35
Старица, пос. (Свердловская обл.)	5.22
Старые горки, село (Краснопольский с/совет, Чернский р-н, Московская обл.)	4.9
Сторожевск, г. (Коми А.О.)	3.36
Сураж, г. (Витебский окр., БССР)	3.24
Тамбов, г. (ЦЧО)	1.19
Тасеево, село (Канский окр., Вост.-Сиб. край)	1.20
Ташкент, г. (с 1930 – столица Узбекской ССР)	3.3, 3.40
Тверь (Калинин), г. (Московская обл.)	2.5, 2.15, 3.31, 4.1
Терсанка, колония (Покровский р-н, Днепропетровская обл., УССР)	4.18
Тифлис, г. (адм. центр Грузинской ССР и ЗСФСР)	3.30, 4.8
Тобольск, г. (Уральская обл.)	2.14
Томск, г. (Зап.-Сиб. край)	2.12
Тула, г. (Московская обл.)	1.13, 2.30, 3.33
Турткуль, г. (Кара-Калпакская А.О.)	1.10
Тяжин, ст. Томской ж.д. (Зап.-Сиб. край)	4.16
Ульяновск, г. (Средне-Волжский край)	5.28
Уральск, г. (Казакская АССР)	2.8
Урени, село (Шарьинский окр., Нижегородская губ.)	3.14
Усть-Цильма, село (Коми А.О.)	3.21
Уфа, г. (адм. центр Башкирской АССР)	4.10
Ущерба, село (Томский р-н и окр., Сиб. край)	3.5
Харьков, г. (республиканский центр УССР)	5.13
Челкар, г. (Актюбинская обл., Казакская АССР)	4.2
Челябинск, г.	2.2
Черни, пос. (Тульский окр.)	3.4
Чимкент, г. (Казакская АССР)	2.31
Чохатауры, село (Озургетский уезд, Кутаисская губ., Грузинская ССР)	3.7
Широкий, пос. (ст. Ксеновская Сибирской ж.д., Вост.-Сиб. край)	3.25
Шукши, пос. (Карпогорский р-н, Сев. край)	4.3

Принятые сокращения

адм.	административный
ар.	арест, арестован (а)
А.О.	Автономная область
АРА	American Relief Administration – Американская администрация помощи
а/с	антисоветский
АСА	антисоветская агитация
б/п	беспартийный
БССР	Белорусская ССР
БУНД	Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
ВКП(б)	Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)
Вост.-Сиб.	Восточно-Сибирский
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
ГАРФ	Государственный Архив Российской Федерации
г.	год, город
ГПУ	Главное политическое управление
губ.	губерния
д.	дом
ДВК.	Дальне-Восточный Край
дер.	деревня
ДПЗ	Дом предварительного заключения
др.	другой, другая, другие
ж.д.	железная дорога
Зап.-Сиб.	Западно-Сибирский
з/к	заключенный
ЗСФСР	Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ИМЛИ	Институт Мировой литературы им. Горького
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь
ИТУ	Исправительно-трудовое учреждение
кв.	квартира
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
к/л	концлагерь
КР	контрреволюционер
к-р	контрреволюционный
КРД	контрреволюционная деятельность
КРО	контро-разведывательный отдел
мес.	месяц
МТС	машинно-тракторная станция

НКВД	Народный Комиссариат Внутренних Дел
обл.	область
ОГПУ	Объединенное Главное Политическое Управление
окр.	округ
ОСО	Особое Совещание
п/из	политизолятор
ПЛСР	Партия левых социалистов-революционеров
п/о	почтовое отделение
пос.	поселок
пост.	постановление
приг.	приговор, приговорен (а)
проф.	профессор
ПСР	Партия социалистов-революционеров
реаб.	реабилитирован (а)
рев.	революция, революционный
РКП	Российская Коммунистическая Партия
р-н	район
род.	родился (родилась)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с.	село
с. г.	сего года
СЛОН	Соловецкий лагерь особого назначения
СНК	Совет Народных Комиссаров
СО	секретный отдел
с.р., с.-р.	социалист- революционер
с/совет	сельский совет
ст.	станция, статья
т. н.	так называемый
тыс.	тысяча
УК, Уг.К.	Уголовный Кодекс
ул.	улица
УПК	Уголовно-Процессуальный Кодекс
УССР	Украинская ССР
Уч.	Учетный отдел
ФЗС	Фабрично-заводская семилетка
ЦК	Центральный Комитет
ЦИК	Центральный Исполнительный Комитет
ЦСП	сионистско-социалистическая партия
ЦЧО	Центрально-Черноземная область
чел.	человек

«Дорогая Екатерина Павловна...»

**ПИСЬМА ЖЕНЩИН и ДЕТЕЙ.
ПИСЬМА В ИХ ЗАЩИТУ.
1920–1936**

**По документам фондов:
«Московский Политический Красный Крест»,
«Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»**

Составители *Л. А. Должанская,
И. И. Осипова*

Редактор *А. Ю. Арьев*

Научный редактор *Я. В. Леонтьев*

Верстка и оформление *О. В. Кондрашова*

Журнал «ЗВЕЗДА»

Тел. (812) 272-89-48
Для корреспонденции: 191028, Санкт-Петербург
ул. Моховая, 20
E-mail: mzvezda@rol.ru

Подписано в печать 11.11.2005.
Формат 60×88 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 500 экз.
Заказ №